

Пролетарии всех стран, соединитесь!

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

**ФИЛОСОФСКИЙ И
ОБЩЕСТВЕННО - ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

1 - 2

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Валериан Владимирович Куйбышев	3
Новая эпоха в развитии советской демократии	9
П. Олешинский — Диктатура пролетариата меняет лицо рабочего класса	20
М. Каммари — О роли личности в истории	31
М. Митин — «История философии» Гегеля	51
А. Максимов — «Философия природы» Гегеля	72
М. Омеляновский — О докторской диссертации Маркса	109
Акад. С. Вавилов — Физика	124
Некролог — Памяти проф. А. Г. Пресса	137
А. Тимирязев — Физик-материалист	139
Список трудов А. Пресса	143
От редакции	145
Л. Люстерник и Б. Сегал — Итоги II всесоюзного математического съезда	149
О Парижской «Académie matérialiste»	158

К Р И Т И К А И Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я

З. Атлас — Теория и практика финансового капитала США	164
Ф. Константинов и П. Юдин — О массовой книге по философии марксизма	176
А. Максимов — О книге Выгодского «Галилей и инквизиция»	189
Н. Серебровский — Полшага вперед и топтанье на месте	196
С. Балезин — О книге Павлова «Учебник органической химии»	202

С О О Б Щ Е Н И Я И З А М Е Т К И

От Института красной профессуры философии	206
От Центрального архива Красной армии	207
Письмо в редакцию	208

Уполномоч. Главлита № В—17509. Сдано в набор 26/II-34 г. Подп. к печ. 29/III-35
12/1960 зн. в 1 бум. листе. Издат. № 361. Заказ № 197. Тираж 35800.

Типография газеты „Правда“ им. Сталина, Москва, ул. „Правды“, 8.

Валериан Владимирович Куйбышев

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ФИЛОСОФСКИЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

1935 г.

ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ

№ 1

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Валериан Владимирович Куйбышев (3). Передовая — Новая эпоха в развитии советской демократии (9). П. Олешинский — Диктатура пролетариата меняет лицо рабочего класса (20). М. Каммари — О роли личности в истории (31). М. Митин — «История философии» — Гегеля (51). А. Максимов — «Философия природы» — Гегеля (72). М. Омеляновский — О докторской диссертации Маркса (109). Акад. С. Вавилов — Физика (124). Некролог — Памяти проф. А. Г. Пресса (137). А. Тимирязев. — Физик-материалист (139). Список трудов А. Пресса (143). От редакции (145). Л. Люстерник и В. Сегал — Итоги II всесоюзного математического съезда (149). О Парижской «Académie matérialiste» (158). КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ. З. Атлас — Теория и практика финансового капитала США (164). Ф. Константинов и П. Юдин — О массовой книге по философии марксизма (176). А. Максимов — О книге Выгодского «Галилей и инквизиция» (189). Н. Серебровский — Полшага вперед и топтанье на месте (196). С. Валезин — О книге Павлова «Учебник органической химии» (202). СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ. От Института красной профессуры философии (206). От Центрального Архива Красной Армии (207). Письмо в редакцию (208).

ВАЛЕРИАН ВЛАДИМИРОВИЧ КУЙБЫШЕВ

1888 — 1935 гг.

Умер один из лучших учеников великого Ленина, соратник мудрого Сталина, Валериан Владимирович Куйбышев. Его путь — 30 лет беззаветной революционной деятельности, исключительной преданности ленинизму, делу мировой пролетарской революции.

Он был в первых рядах ленинско-сталинской когорты в борьбе против царизма, против буржуазии. Он находился на решающих участках и в борьбе за Октябрь, и в гражданской войне, и в борьбе за построение социализма в нашей стране. Организатор подпольных ячеек, военный комиссар на многочисленных фронтах, один из руководителей государства после победы диктатуры пролетариата на фронтах гражданской войны — всюду и всегда он был в первых рядах.

Тов. Куйбышев принадлежал к тому типу ленинских большевиков, которые во всей своей деятельности дают яркое доказательство единства теории и практики, умения ухватиться за решающее звено на каждом историческом этапе, на каждом участке своей работы в пролетарской революции, чтобы поднимать ее на все большую и большую высоту.

Только ленинская партия выковывает подлинно пролетарских вождей, которым глубоко чужды интеллигентская размагниченность, разлад между словом и делом, буржуазное делячество с его крайне узким горизонтом и истерические порывы взбесившегося мелкого буржуа.

Пролетарский руководитель — это образец цельного, последовательно революционера, сочетающего трезвое научное понимание объективного хода развития классовых сил с длительным, упорным героизмом будничной работы, неиссякаемую веру в творческие силы рабочего класса и трудящихся масс с умением вовлечь их в революционную работу для полного торжества коммунизма.

Вот почему смерть таких руководителей рабочего класса вызывает глубокую скорбь в сердцах всего пролетариата и всех трудящихся масс нашей страны и всего мира.

В. В. Куйбышев был членом Политбюро Центрального комитета нашей партии, того Центрального комитета, во главе которого стоит великий вождь Сталин, под руководством которого построен фундамент социалистической экономики, а сейчас успешно воздвигается все здание социализма, под водительством которого разгромлены все и всякие контрреволюционные антипартийные группы, пытавшиеся повернуть социалистическое строительство назад, к капитализму.

Тов. Куйбышев был одним из активных деятелей этого Центрального комитета, одной из наиболее ярких фигур этого штаба пролетарской революции.

В годы гражданской войны тов. Куйбышев — один из руководителей важнейшего боевого фронта, Туркестанского. Сначала против Колчака, Дутова, позже против объединенных военных сил английского империализма и эмирского феодализма красные войска под руководством тт. Фрунзе и Куйбышева в братском союзе с народами бывших царских колоний защищают Октябрьскую революцию. Опрокинуты и разгромлены русские генералы, эмирские и английские войска, но не сломлено басмаческое движение, возглавляемое байско-кулацкими элементами.

Известно, какое огромное значение придавал Ленин Востоку, его пробуждению, его борьбе против империализма. Наш Туркестан уже с первых дней пролетарской революции являлся передовым отрядом, форпостом Октябрьской революции, поэтому вовлечение самых отсталых, забытых масс в социалистическое строительство, в борьбу против кулацкого засилья имело первостепенное значение.

Тов. Куйбышев в 1920 г. является членом туркестанского бюро ЦК партии, которому было поручено создать образцовую национальную Советскую республику, по которой могли бы равняться все страны Востока.

Тов. Куйбышев был одним из неутомимых деятелей этого бюро. Он ведет энергичную борьбу против великодержавного шовинизма и местного национализма, вовлекая в нее сравнительно слабые тогда кадры местных организаций, выращая из них подлинных большевистских организаторов трудящихся масс. С очищением Туркестана от интервентов и царских генералов прочно устанавливается такая власть, которая впервые в истории

сделала своим принципом, своим знаменем освобождение трудящихся и всех ранее угнетенных народов от ига империализма и феодализма. И одним из блестящих проводников ленинско-сталинско-национальной политики был Валериан Владимирович.

Владимир Ильич Ленин незадолго до своей смерти разработал план создания единого партийно-советского органа — ЦКК РКИ. Реорганизованная ЦКК РКИ должна была помочь Центральному комитету крепить железную дисциплину партийных рядов, крепить союз рабочего класса и крестьянства под руководством пролетариата, сплотить их вокруг героической коммунистической партии, этого решающего условия победы коммунизма в нашей стране и во всем мире.

Тов. Куйбышев становится во главе ЦКК РКИ. Нужна была глубокая вера в правильность ленинско-сталинского пути построения социализма в одной стране, нужен был огромнейший государственно-революционный размах в повседневной работе, чтобы не только решительно бороться против контрреволюционных троцкистов и их охвостья — зиновьевцев, но и участвовать в повседневном строительстве социализма. И тов. Куйбышев полностью оправдал надежды всей партии.

Не даром троцкистско-зиновьевская оппозиция все пускала в ход, чтобы очернить, развенчать ленинскую ЦКК РКИ, чтобы доказать «пристрастность» тов. Куйбышева, его «необъективность» и т. д. Да, тов. Куйбышев был пристрастен, когда дело касалось его партии, когда дело касалось железной дисциплины, когда речь шла о построении социализма в нашей стране. Еще на XIV съезде партии тов. Куйбышев в ответ на гнусные нападки зиновьевцев на руководство нашей партии, которые уже тогда начали создавать почву для будущих Николаевых, заявил:

«Существующее руководство партии является одним из лучших в истории нашей партии. С полной ответственностью должен сказать, что именно теперешнее руководство партией, теперешнее основное ядро Центрального комитета, теперешнее Политбюро является наибольшей гарантией осуществления коллективного руководства партией».

После смерти тов. Дзержинского, в 1926 г., тов. Куйбышев становится во главе Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ), на котором лежала боевая задача по индустриализации нашей страны. Тов. Куйбышев во всей своей работе исходил из того, что социалистическая индустриализация глубоко отлична от буржуазной индустриализации, он понимал, что для построения социализма в нашей стране требуется не вообще рост производительных сил, а такой рост их, который обеспечивает ведущую роль за тяжелой индустрией, за ее сердцевиной — машиностроением, за этим основным рычагом реконструкции всего народного хозяйства. В. В. Куйбышев возглавляет Высший совет народного хозяйства в тот период, когда социалистическая страна вступила на путь индустриализации, а затем на путь реконструкции всего народного хозяйства.

Под руководством тов. Куйбышева составляется первый пятилетний план, который конкретно воплощает идею Ленина—Сталина о социалистической индустриализации страны и перевода мелкотоварного крестьянского

хозяйства на путь социализма. Под руководством тов. Куйбышева началось строительство гигантов социалистической стройки: Магнитогорска и Кузнецка, Уральского завода тяжелого машиностроения; развернуто было строительство Днепростроя и ряда других крупнейших электростанций.

В то время как правые оппортунисты во главе с Бухариным, основываясь на буржуазной теории равновесия, на деле отказывались от построения социализма в нашей стране, тов. Куйбышев как и другие соратники великого Сталина повседневной практикой ломал старые соотношения между различными сторонами народного хозяйства, пропорции, унаследованные от царско-помещичье-капиталистического строя, подготавливая безраздельное торжество социалистического уклада во всем народном хозяйстве.

Работая под руководством товарища Сталина, тов. Куйбышев прекрасно понимал роль и значение техники в период реконструкции, а с ней и значение технической интеллигенции из рабочего класса и колхозного крестьянства, так как только она совместно со старой честной интеллигенцией способна удовлетворить растущие потребности социалистического строительства и сделаться настоящим руководителем наших фабрик, заводов, электростанций, шахт и т. п.

По его инициативе ставится вопрос о передаче втузов промышленности. Свободная от рутины, присущей тогдашнему Наркомпросу в деле подготовки технических кадров, сама промышленность была в состоянии подготовить людей науки и практики из рабочих и колхозников, столь необходимых для народного хозяйства.

Тов. Куйбышеву был присущ ленинско-сталинский стиль работы. Каждое дело, за которое брался, он доводил до конца. Период реконструкции во всю ширь ставит вопрос о развертывании массового социалистического соревнования и ударничества. Инициативу развертывания этих подлинных коммунистических методов работы берет на себя ленинский комсомол. Вместе с комсомолом тов. Куйбышев развернул огромнейшую работу по развертыванию и проведению в жизнь лозунга Ленина—Сталина о социалистическом соревновании и ударничестве, борьбу за новые формы труда, преодолевая в то же время правооппортунистическую недооценку этого важнейшего движения со стороны тогдашнего руководства профсоюзов во главе с Томским.

Тов. Куйбышев прекрасно понимал, что только эти новые формы и методы работы способны привести к окончательному выкорчевыванию всех и всяких остатков капитализма как в экономике, так и в сознании людей, т. е. к созданию крупного, социалистического производства как в городе, так и в деревне.

Он прекрасно усвоил слова Ленина, что «в последнем счете самым глубоким источником силы для побед над буржуазией и единственным залогом прочности и неотъемлемости этих побед может быть только новый, более высокий способ общественного производства, замена капиталистического и мелкобуржуазного производства крупным, социалистическим производством».

Не менее плодотворна была работа тов. Куйбышева в Госплане.

Он переходит на работу в Госплан в тот момент, когда контрреволюционная буржуазная интеллигенция в качестве агентуры международного империализма особенно широко развернула вредительскую работу в ответ на наступление социализма по всему фронту. Вредительская работа должна была сомкнуться с империалистической интервенцией. Вредители прекрасно понимали, какой удельный вес занимает Госплан в социалистическом строительстве. В Госплане они свивают свои контрреволюционные гнезда. Тов. Куйбышев знает диалектику развития классовой борьбы в эпоху диктатуры пролетариата. Железной рукой он очищает Госплан от вредителей и пособников — оппортунистов, в то же время всячески привлекая преданных социализму ученых, инженеров, практиков. Тов. Куйбышев является одним из наиболее неутомимых деятелей в деле создания прочного союза социализма с людьми науки, техники.

Тов. Куйбышев вместе с крупнейшими учеными и практиками неустанно работает над изучением природных богатств нашей необъятной страны, выискивая те богатства, которые нужны для завершения строительства социализма, для обороны нашей страны. Он вдохновляет седых ученых, он сплачивает молодежь, заражает всех их любовью к социалистической родине. Под его руководством происходит конкретная разработка плана второй пятилетки, пятилетки завершения реконструкции всего народного хозяйства и ликвидации классов. Эта огромнейшая научная работа проводится под руководством большевика, который дает самые конкретные и детальные указания по всем вопросам, связанным с развитием производительных сил: по дальнейшему исследованию природных богатств, размещению производительных сил, подготовке кадров, повышению благосостояния трудящихся масс, их культурному росту и т. д.

И, наконец, после XVII съезда партии тов. Куйбышев — во главе Комиссии советского контроля, той Комиссии, которая призвана помочь партии устранять причины, тормозящие продвижение вперед социализма.

«Нужно понять, — говорил товарищ Сталин на XVII съезде партии, — что сила и авторитет наших партийно-советских, хозяйственных и всяких иных организаций и их руководителей выросли до небывалой степени. И именно потому, что их сила и авторитет выросли до небывалой степени, — от их работы зависит теперь все или почти все. Ссылка на так называемые объективные условия не имеет оправдания. После того, как правильность политической линии партии подтверждена опытом ряда лет, а готовность рабочих и крестьян поддержать эту линию не вызывает больше сомнений, — роль так называемых объективных условий свелась к минимуму, тогда как роль наших организаций и их руководителей стала решающей, исключительной. А что это значит? Это значит, что ответственность за наши прорывы и недостатки в работе ложится отныне на девять десятых не на «объективные» условия, а на нас самих, и только на нас».

Претворить в жизнь эти указания товарища Сталина и партии были призваны две Комиссии контроля: партийная и советская. Во главе второй стоял до последней минуты своей жизни тов. Куйбышев, являясь одновременно первым заместителем председателя СНК СССР.

Такова жизнь, такова многогранная деятельность этого пролетарского революционера, которые так рано и так неожиданно оборвались.

Безграничная преданность партии, рабочему классу, воинствующая партийность, безграничная ненависть к классовым врагам и их агентуре, неутомимая деятельность, широкий размах и революционный энтузиазм в сочетании с умением вникать во все мелочи и детали, даже самые незначительные, требовательность к себе, к своим помощникам и вместе с тем изумительная мягкость, скромность, душевная простота — таков облик этого пролетарского вождя.

Партия, рабочий класс, наша великая социалистическая родина понесли тяжелую потерю. Склоняя свои знамена над прахом В. В. Куйбышева, мы будем еще больше, еще упорнее бороться под водительством нашего кормчего товарища Сталина за те идеалы, за которые отдал всю свою жизнь Валериан Владимирович: за пролетарскую революцию во всем мире, за коммунизм.

Новая эпоха в развитии советской демократии

Решения февральского пленума Центрального комитета нашей партии и VII всесоюзного съезда советов о «дальнейшей демократизации избирательной системы в смысле замены не вполне равных выборов равными, многостепенных — прямыми, открытых — закрытыми», а также пункт о необходимости «уточнения социально-экономических основ Конституции в смысле приведения Конституции в соответствие с нынешним соотношением классовых сил в СССР (создание новой, социалистической индустрии, разгром кулачества, победа колхозного строя, утверждение социалистической собственности как основы советского общества и т. п.)» имеют всемирно-историческое значение.

Эти решения подводят итог большой полосе нашего развития. Они представляют собой отражение огромных классовых сдвигов, происшедших в стране и в корне ее преобразивших. Эти решения находятся в тесной связи с выводами из анализа соотношения классовых сил в нашей стране и успехов социализма, которые сделал в своем докладе тов. М о л о т о в, а именно, что «Россия нэповская уже стала Россией социалистической».

Изменения советской Конституции в смысле дальнейшей демократизации нашей избирательной системы мы вносим потому, что на основе Конституции, написанной рукой Владимира Ильича Ленина, мы одержали крупнейшие успехи, что все пункты и положения Конституции 1918 г. получили свое оправдание, а важнейшие пункты ее уже проведены в жизнь. Именно поэтому мы делаем дальнейшие шаги вперед по пути построения бесклассового общества и выполнения до конца ленинских заветов.

Конституция для нас не является просто бумажной декларацией, а представляет собой важнейший исторический документ, долженствующий служить основой движения вперед и дальнейшей мобилизации трудящихся нашего Союза для полного уничтожения классов, всяких классовых пережитков и полного построения социализма.

Первая советская Конституция, как говорил Ленин, «не писалась по какому-нибудь «плану», не составлялась в кабинетах, не навязывалась трудящимся юристами из буржуазии... эта конституция выросла из хода развития классовой борьбы, по мере созревания классовых

противоречий»¹⁾). Конституция, принятая в 1918 г. V всероссийским съездом советов, закрепляла победоносные результаты Октябрьской революции, основы советской власти и намечала общие задачи и перспективы развития Советского государства.

В этой Конституции были поставлены следующие основные задачи перед Советским государством: уничтожение классов и всякой эксплуатации человека человеком, задача подавления эксплуататоров и создания бесклассового общества.

Эти основы советской Конституции 1918 г. были положены в качестве важнейшего пункта во всей деятельности нашей партии и всех органов советской власти.

И именно потому, что в этом отношении мы имеем к настоящему времени исключительные, всемирноисторического значения успехи, именно поэтому мы подошли вплотную к тем решениям, которые принял VII всесоюзный съезд советов.

О Советской республике Ленин в свое время писал, что в политическом отношении она представляет собой самое передовое государство, но экономически она остается мелкокрестьянской страной, в которой преобладает мелкое товарное хозяйство, и в этом отношении перед нами стоят огромные задачи по построению социализма.

В 1918 г., а затем в 1921 г. Ленин, характеризуя соотношение классовых сил в нашей стране и экономическое состояние страны, говорил о пяти укладах, а именно: 1) о патриархальном укладе (натуральном крестьянском хозяйстве), 2) о мелкотоварном хозяйстве, 3) о частнохозяйственном капитализме, 4) о государственном капитализме и 5) о социалистическом укладе. Тогда же Владимир Ильич указывал, что в нашей мелкокрестьянской стране не может не преобладать второй уклад, т. е. уклад мелкого товарного хозяйства, что социалистический уклад представляет пока только командную высоту, руководящее передовое начало, что он может и должен стать основой переделки всего народного хозяйства страны.

В результате развернутого наступления социализма по всему фронту, успешных итогов первой пятилетки, наших успехов в повороте миллионных масс крестьянства на социалистический путь развития, успешного проведения ликвидации последнего капиталистического класса в нашей стране — кулачества — товарищ Сталин смог на XVII съезде нашей партии заявить, что первый, третий и четвертый уклады уже не существуют; что второй уклад оттеснен на второстепенные позиции и что пятый общественно-экономический уклад, т. е. социалистический, является «безраздельно господствующей и единственно командующей силой во всем народном хозяйстве».

Со времени XVII партийного съезда мы имеем дальнейшие успехи в этом отношении. На VII съезде советов в своем докладе тов. Молотов привел исключительные по своему значению материалы, характеризующие картину соотношения основных производственных фон-

¹⁾ Ленин. Т. XXIII, стр. 391.

дов Советского союза по социальным секторам (в неизменных ценах 1933 г.):

	1925 г.		1934 г.	
	В млн. руб.	в % к итогу	В млн. руб.	в % к итогу
Социалистическое хозяйство	22 678	48,8	90 344	95,81
Капиталистический сектор	3 037	6,5	83	0,09
Мелкое частное хозяйство	20 790	44,7	3 867	4,10
Итого	46 505	100,0	94,294	100,0

За этой сухой таблицей скрываются совершенно исключительные сдвиги, происшедшие в стране. За этими колонками цифр скрываются огромные движения классов и масс, которые мы имели за годы пролетарской диктатуры. Из этой таблицы мы видим, что общественная собственность на производственные фонды в нашей стране занимает абсолютно преобладающее место. Ведь для того чтобы придти к этому результату, потребовалось, чтобы десятки миллионов людей изменили обычный уклад своей жизни, перешли на новый способ производства. Для того чтобы общественная собственность на орудия и средства производства стала абсолютно преобладающей основой нашего строя, потребовалась прямо-таки исполинская работа по восстановлению и развитию тяжелой промышленности, по организации многомиллионных масс крестьянства на базе колхозного строя. Эта таблица свидетельствует об исключительных по масштабу изменениях, которые происходят в быту, в культуре не сотен и тысяч, а десятков миллионов людей.

Приведенные тов. Молотовым материалы говорят о том, что не только в политическом, но и в технико-экономическом отношении существует коренная, принципиальная разница между строем пролетарской диктатуры и строем капиталистических стран.

Это коренное отличие состоит в том, что общественная собственность на орудия производства является основой нашего строя, в то время как основой капиталистического строя является частная собственность.

Идеологи и певцы капитализма, его ученые и лакеи немало написали книг и трудов, посвященных воспеванию частной собственности. Так например один из величайших умов буржуазного класса, его идеолог, — Гегель — писал о частной собственности, что она представляет собой единственную основу и единственную возможность для развития личности. Лишь в собственности и именно в частной собственности, указывал Гегель в своей «Философии права», снимается, как он выражался, «голая субъективность личности». Лишь благодаря частной собственности, говорил Гегель, «лицо есть разум». Он указывал, что личность становится личностью только благодаря частной собственности, что только благодаря ей она получает свое наилучшее выражение.

Можно было бы привести еще много примеров подобного воспевания и восхваления частной собственности и ее освящения идеологами капиталистического строя. В действительности же, как это было показано гениальными творцами научного коммунизма — Марксом и Энгельсом, — а затем продолжено и развито Лениным и Сталиным, частная собственность на орудия и средства производства приводит в классовом обществе к величайшему одичанию личности. Все пороки и язвы капиталистического общества находятся именно в связи с частной собственностью. Нет таких преступлений, на которые не шли бы люди в капиталистическом обществе благодаря частной собственности и ее идиотизму.

Только при социализме, только при том общественном строе, где господствует коллективная общественная собственность на орудия и средства производства, человек действительно становится полноценной личностью. Перефразируя слова Гегеля, о которых мы говорили выше, мы можем сказать, что именно при строе общественной собственности личность становится разумной личностью, только социализм, как это показали Ленин и Сталин, несет с собой подлинный расцвет личности, неограниченную возможность развития производительных сил общества и производительности труда.

Победа коллективизации в сельском хозяйстве имеет совершенно исключительное значение в смысле роста колхозных людей, расцвета способностей, развития народных талантов и организаторских сил.

Всесоюзный съезд ударников-колхозников дает в этом отношении совершенно исключительный материал, характеризующий огромные изменения не только в экономике, но и в сознании людей, которые произошли у нас за годы пролетарской диктатуры. Целый ряд выступлений на Всесоюзном съезде колхозников — председателей колхозов, трактористов и доярок, руководителей животноводческих ферм и т. д. — представляет собой исключительные по своей яркости и выразительности документы и свидетельствует о тех замечательных сдвигах, которые произошли в коллективизированной, социалистической деревне.

Всем известно, какое значение имел в мелком товарном крестьянском хозяйстве клочок земли для крестьянина. Всем известны идиотизм деревенской жизни и привязанность крестьянина-собственника к своей мелкой собственности. Всем известна ограниченность крестьянского кругозора как мелкого частного собственника.

Победа коллективизации в сельском хозяйстве, путь к зажиточной жизни, путь к изобилию продуктов, на который стал Советский союз, создали в психике людей огромные изменения. Коллективный строй в деревне нашел в среде народных масс и вырастил выдающиеся организаторские силы и таланты, беспрекословно преданные ему, отказавшиеся от прежних взглядов на частную собственность и ставшие замечательными ударниками социалистического строя.

В «Комсомольской правде» опубликована заметка делегата съезда тов. Ф. Тыщука от колхоза «Червоный шлях», Винницкой области. Эта заметка представляет собой замечательный документ, характеризующий эти

изменения. Вот что пишет тов. Тыщук: «Я вырос на маленькой земле. Мое поле имело 100 шагов в длину и 100 в ширину. Больше я ничего не знал. Когда я своим плугом вспахивал камень, я выбрасывал камень за межу, на землю соседа... Всякий человек был моим врагом, человек чужой нации — врагом вдвойне...»

В этих словах тов. Тыщук очень хорошо характеризует тяжелую, беспросветную долю крестьянина-бедняка и его борьбу за существование.

Но совершенно другая картина теперь, при строе коллективной собственности на землю, в условиях диктатуры пролетариата. Тов. Тыщук дальше делится своими впечатлениями о с'езде и пишет следующее: «Сидя на с'езде, я задумал такое: не с разных земель стекались мы, а с одной большой земли, поэтому и заботы у нас большие и радость большая, счастье будет большое. И когда т. Солощенко на пограничном, Каменец-Подольском районе нашей области сказал, что в решительный момент мы создадим такую броню у наших границ, о которую разобьется любой наш враг, я первый захопал в ладоши. У меня так зашло сердце, будто этот момент уже наступил. Хотя я из другого района, я буду у пограничного столба рядом с т. Солощенко, потому что вижу свою большую землю от края до края, от границы до границы, а не от межи до межи».

В этих простых, безыскусственных словах тов. Тыщука выражена правда колхозной жизни, правда общественной собственности. В этих словах выражены огромные сдвиги, происшедшие не только в экономике, но и в сознании наших колхозников. Бывший мелкий собственник на землю, ничего не видевший, кроме своей межи, отделяющей его клочок земли от клочка земли его соседа, находившийся в вечной борьбе со своим соседом, постоянно эксплуатировавшийся помещиком, кулаком и капиталистом, этот крестьянин теперь поднялся до широких кругозоров. Он рассматривает теперь большую землю от границы до границы — от польской границы до берегов Тихого океана и от Архангельска до Памира — как свою родную, социалистическую землю, которую он будет всячески защищать в случае интервенции.

Основоположники и классики марксизма неоднократно указывали, что самое главное, характеризующее н о в ы й общественный строй по сравнению с предыдущим, — это более высокая производительность труда. В этом важнейшее отличие более прогрессивного общественного устройства. Только тот новый общественный строй, который несет более высокую производительность труда, является в историческом смысле слова прогрессивным, имеет великое будущее.

Если мы с этой точки зрения подойдем к тем изменениям, которые благодаря коллективизации произошли в нашем сельском хозяйстве, мы увидим, насколько прочен этот переворот, насколько коллективное хозяйство является в историческом смысле слова прогрессивным по сравнению не только с мелкокрестьянским хозяйством, но также по сравнению и с кулацким хозяйством.

Вот некоторые материалы, характеризующие в этом отношении всю силу и мощь коллективного строя. Как известно, урожай этого года не-

смотря на неблагоприятные климатические условия в целом ряде районов по сравнению с прошлым годом дал рост валовой продукции сельского хозяйства на 6% по отношению к 1933 г. Валовой сбор на душу населения в колхозных и крестьянских хозяйствах дает следующую интересную картину. Так, в 1929 г. на одну душу населения валовой сбор в бедняцко-средняцких хозяйствах выразился в 6,1 ц, а в кулацких хозяйствах 1929 г. он выразился в 9,2 ц. А вот колхозы 1933 г. дают валовой сбор на душу населения 10,2 ц. Таким образом по своей производительности труда колхозы далеко перекрыли не только производительность труда мелкого бедняцко-средняцкого хозяйства, но также и производительность труда кулацкого хозяйства, которое, как каждому известно, было достаточно вооружено инвентарем, тягловой силой и другими средствами и орудиями производства.

Эти материалы лучше всего свидетельствуют о силе, прочности колхозного строя, свидетельствуют о том, что социализм в нашей стране не только в городе, но и в деревне победил окончательно. Нами создана огромная материальная база для дальнейшего развития производительных сил, для расцвета личности, для мощного развития науки. Нами созданы новые кадры науки и техники. Рабочий класс нашей страны к настоящему времени не тот, каким он был при господстве капитализма. Он колоссально вырос в политическом и культурном отношении. Наше крестьянство тоже стало совершенно другим. Большинство населения нашей страны, примерно три четверти, живет и работает в условиях социалистического способа производства, являясь непосредственными строителями социализма, и если еще сравнительно большая часть населения принадлежит к индивидуальному крестьянскому хозяйству, то место этого сектора в общем балансе народного хозяйства нашей страны стало совершенно незначительным.

Эти гигантские сдвиги в соотношении классовых сил, все эти изменения, которые произошли в нашей стране, естественно, вплотную подвели нас к необходимости уточнить Конституцию и внести в нее целый ряд изменений. Решения Центрального комитета партии и VII съезда советов об изменениях в Конституции, представляющей собой начало новой эпохи в развитии советской демократии, вытекают из самой природы пролетарского государства и подготовлены всем ходом развития нашей страны в экономическом и политическом отношении, подготовлены всем ходом развития самого советского аппарата.

Советское государство по своей природе коренным образом отличается от всякого буржуазного государства. Установление пролетарской диктатуры в результате победы Октябрьской революции Ленин рассматривал как наступление новой эры в развитии мировой истории. Ленин говорил, что кончилась эпоха буржуазного парламентаризма и наступила новая эпоха, эпоха пролетарской диктатуры.

Основная задача буржуазного государства, являющегося органом насилия, машиной для подавления угнетенных, есть увековечение господства капиталистов и помещиков. Коренное отличие Советского пролетарского государства от буржуазного состоит в том, что оно ставит перед собой задачу ликвидации всякого гнета и уничтожения всякой эксплуатации. В то время

когда буржуазное государство является господством меньшинства над большинством, пролетарское государство является господством бывшего эксплуатируемого большинства над меньшинством.

Принципиальное, коренное отличие пролетарского государства от буржуазного выражается и в том, что существует принципиальное отличие советского государственного аппарата от всякого буржуазного государственного аппарата. В то время когда любой буржуазный государственный аппарат, даже в самой демократической республике, отделен непроходимым барьером от масс, в то время как он по своей природе, по своему характеру, по всему своему существу чужд широким народным массам, — советский государственный аппарат есть аппарат, не отделенный никаким барьером от широких масс народа. Советский аппарат не стоит над массами, а сливается с ними.

Товарищ Сталин указывал, что Советское государство — это советы плюс миллионные организации партийных и беспартийных объединений, сливающих государственный аппарат с широчайшими массами трудящихся и уничтожающих всякое подобие барьера между ними.

В своей замечательной брошюре «Удержат ли большевики государственную власть», написанной накануне Октябрьского переворота, Ленин еще до завоевания власти дал совершенно исключительную характеристику того, что собой представляют советы как новый государственный аппарат. Эти слова, написанные великим Лениным еще накануне Октября, звучат как слова, написанные сегодня.

«Советы суть новый государственный аппарат, дающий, во-первых, вооруженную силу рабочих и крестьян, причем эта сила не оторвана от народа, как сила старой постоянной армии, а теснейшим образом с ним связана; в военном отношении эта сила несравненно более могучая, чем прежние; в революционном отношении она незаменима ничем другим. Во-вторых, этот аппарат дает связь с массами, с большинством народа настолько тесную, неразрывную, легко проверяемую и возобновляемую, что ничего подобного в прежнем государственном аппарате нет и в помине. В-третьих, этот аппарат в силу выборности и сменяемости его состава по воле народа, без бюрократических формальностей, является гораздо более демократическим, чем прежние аппараты. В-четвертых, он дает крепкую связь с самыми различными профессиями, облегчая тем различнейшие реформы самого глубокого характера без бюрократии. В-пятых, он дает форму организации авангарда, т. е. самой сознательной, самой энергичной, передовой части угнетенных классов, рабочих и крестьян, являясь таким образом аппаратом, посредством которого авангард угнетенных классов может поднимать, воспитать, обучать и вести за собой всю гигантскую массу этих классов, до сих пор стоявшую совершенно вне политической жизни, вне истории. В-шестых, он дает возможность соединять выгоды парламентаризма с выгодами непосредственной и прямой демократии, т. е. соединять в лице выборных представителей народа и законодательную функцию и исполнение законов. По сравнению с буржуазным парламентариз-

мом это такой шаг вперед в развитии демократии, который имеет всемирно историческое значение»¹).

Мы знаем, что горы бумаги исписали социал-демократы, эти ученые лакеи буржуазии, всякие Каутские, Вандервельде, Куновы, Гильфердинги, Отто Бауэры и Адлеры по вопросу о якобы принципиальной противоположности, существующей между демократией вообще и диктатурой вообще. Мы знаем, что эти предатели и изменники марксизма и социализма исписали немало бумаги для защиты «чистой» демократии.

Вот как разоблачал Ленин эти теории «чистой» демократии, означавшие измену пролетарской классовой точке зрения и переход на позиции буржуазии. Ленин в своей работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский» писал следующее: «Если не издеваться над здравым смыслом и над историей, то ясно, что нельзя говорить о «чистой демократии», пока существуют различные классы, а можно говорить только о классовой демократии. (В скобках сказать, «чистая демократия» есть не только невежественная фраза, обнаруживающая непонимание как борьбы классов, так и сущности государства, но и трижды пустая фраза, ибо в коммунистическом обществе демократия будет, перерождаясь и превращаясь в привычку, отмирать, но никогда не будет «чистой» демократией). «Чистая демократия» есть лживая фраза либерала, одурачивающего рабочих. История знает буржуазную демократию, которая идет на смену феодализму, и пролетарскую демократию, которая идет на смену буржуазной»²).

Вместо либерального буржуазного подхода всякого рода каутскианцев к вопросу о «чистой демократии», означавшего увлечение формальной стороной дела и отвлечение от действительного содержания демократии, Ленин в своих гениальных работах, разоблачая этих предателей, вскрывает классовое нутро и классовое содержание буржуазной демократии и классовое содержание демократии пролетарской, демократии советской.

Вот какими словами характеризует Ленин отличие буржуазной демократии от демократии пролетарской: «Буржуазная демократия, — писал он, — ценность которой для воспитания пролетариата и обучения его к борьбе бесспорна, всегда узка, лицемерна, лжива, фальшива, всегда остается демократией для богатых, обманом для бедных. Пролетарская демократия подавляет эксплуататоров, буржуазию — и потому не лицемерит, не обещает им свободы и демократии — а трудящимся дает настоящую демократию. Только Советская Россия дала пролетариату, и всему гигантскому трудящемуся большинству России, невиданную, невозможную и немислимую ни в одной буржуазной демократической республике свободу и демократию, отняв, напр., дворцы и особняки у буржуазии (без этого свобода собраний — лицемерие), отняв типографии и бумагу у капиталистов (без этого свобода печати для трудящегося большинства нации есть ложь), заменив буржуазный парламентаризм демократической органи-

¹) Ленин. Т. XXI, стр. 258.

²) Ленин. Т. XXIII, стр. 345.

зацией советов, в тысячу раз более близких к «народу», более «демократичных», чем самый демократичный буржуазный парламент»¹⁾.

Ленин все время показывает, что буржуазная демократия, говорящая о свободе, равенстве и т. д., вынуждена лицемерить, называться общенародной властью, называться демократией вообще или же «чистой» демократией, ибо она вынуждена перед широкими народными массами скрывать свое подлинное классовое существо.

Ленин указывал, что буржуазии чрезвычайно выгодно называть свою демократию, т. е. буржуазную, «чистой» демократией и что Каутские и Вандервельде, выступая с защитой «чистой» демократии, прекрасно выполняют социальный заказ буржуазии для одурачивания трудящихся масс.

Знаменитая четыреххвостка буржуазии: всеобщее, равное, тайное и прямое избирательное право—представляет собой настоящую фальшь и лицемерие буржуазной демократии. Какое может быть всеобщее право выборов в условиях государства буржуазии, какое может быть равное, прямое и тайное голосование в условиях подавления и эксплуатации большинства народа?

Вот почему Ленин говорит, что только в условиях пролетарской диктатуры, только в условиях советской власти все это лицемерие и вся эта фальшь отпадают. Пролетарская диктатура представляет собой такое государственное устройство, которое не только не прикрывает и вуалирует свой классовый характер, а, наоборот, открыто, перед всем миром, говорит о своей классовой природе, ибо это есть такое государственное устройство, которое выражает интересы большинства населения.

Вот почему Ленин говорил, что «пролетарская демократия в миллион раз демократичнее всякой буржуазной демократии; советская власть в миллион раз демократичнее самой демократической буржуазной республики. Не заметить этого мог только либо сознательный прислужник буржуазии, либо человек совершенно политически мертвый, не видящий живой жизни из-за пыльных буржуазных книг, пропитанный насквозь буржуазно-демократическими предрассудками и этим превращающий себя объективно в лакея буржуазии».

Отсюда ясно, что именно из этой природы Советского государства в связи с огромными изменениями в соотношении классовых сил, которые произошли в нашей стране, вытекают те замечательные решения, которые принял VII съезд советов по вопросу об изменениях в Конституции. Эти изменения в Конституции представляют собой претворение в жизнь важнейших пунктов программы коммунистической партии.

В своем докладе на VII съезде советов тов. М о л о т о в привел интересные данные по вопросу о том, как обстоит у нас дело с ограничением и в нашей избирательной системе. Он показал, что, по существу, к настоящему времени мы имеем почти всеобщее избирательное право, ибо лишенных избирательного права во всем Советском союзе всего только

¹⁾ Ленин. Т. XXIII, стр. 220—221.

2,5%, или около 2 млн. чел., что является совершенно ничтожной цифрой по сравнению с 91 млн. избирателей.

Тов. Молотов указывал, что мы идем к использованию советской демократии до конца, что мы имеем уже к настоящему времени почти всеобщие выборы, что мы идем к настоящему, подлинному советскому парламентаризму.

В программе нашей коммунистической партии сказано: «Задача партии пролетариата состоит в том, чтобы, проводя неуклонно подавление сопротивления эксплуататоров и идейно борясь с глубоко вкоренившимися предрассудками насчет безусловного характера буржуазных прав и свобод, разъяснять вместе с тем, что лишение политических прав и какие бы то ни было ограничения свободы необходимы исключительно в качестве временных мер борьбы с попытками эксплуататоров отстоять или восстановить свои привилегии. По мере того как будет исчезать объективная возможность эксплуатации человека человеком, будет исчезать и необходимость в этих временных мерах, и партия будет стремиться к их сужению и к полной их отмене»¹).

Другим важнейшим пунктом в изменениях, вносимых сейчас в советскую Конституцию по вопросу об избирательном праве, является пункт о замене неравных выборов равными. Неравные выборы, имевшие место в советской системе, возникли не случайно, а выросли, как указывал Ленин, из классовой борьбы и обеспечили руководящее положение за рабочим классом в его союзе с крестьянством. Переход подавляющей массы крестьянства к социалистическому способу производства вносит в этом отношении огромные изменения.

Партия все время подчеркивала временный характер этих неравных выборов. Теперь, когда колхозный строй в нашей стране победил, когда колхозное крестьянство является также носителем социалистического способа производства, вполне естественны те изменения в Конституции, которые сейчас вносятся.

Было бы, однако, неправильно сделать отсюда вывод о том, что уже на данном этапе всякая разница между рабочим классом и колхозниками исчезает, что снимается задача руководства рабочего класса крестьянством. Нет, эта разница на данном этапе еще остается, и это есть разница, выражающая различие, существующее между последовательно социалистическим типом производства и социалистическим типом производства.

По вопросу о временном характере преимуществ рабочих по отношению к крестьянам в избирательной системе советов программа коммунистической партии говорит следующее: «ВКП, разъясняя временный характер этих преимуществ, исторически связанных с трудностями социалистической организации деревни, должна стремиться к неуклонному и систематическому использованию этого положения промышленного пролетариата для того, чтобы, в противовес узко-цеховым и узко-профессиональным интересам, которые выращивал капитализм среди рабочих, соединять теснее с передо-

¹) Программа и устав ВКП(б). Партиздат. 1935 г., стр. 15.

выми рабочими наиболее отсталые и распыленные массы деревенских пролетариев и полупролетариев, а также среднего крестьянства»¹⁾).

Изменение в переходе от многостепенных выборов к одностепенным и открытым — к закрытым означает дальнейший шаг в проведении и использовании советского демократизма до конца. Эти изменения означают усиление ответственности всех органов советской власти снизу доверху и усиление их связи с широчайшими массами трудящихся. Они требуют укрепления работы советов по всей линии. Они означают дальнейшее гигантское укрепление пролетарской диктатуры.

VII всесоюзный съезд советов войдет в историю пролетарской диктатуры как один из важнейших исторических этапов ее развития. Решения, принятые на VII съезде советов по вопросу о Конституции, отражают огромные завоевания социализма в нашей стране. Эти решения наносят совершенное исключительное удар фашизму и социал-демократии. Перед мировым пролетариатом воочию стоят два примера: германская социал-демократия — господа Каутские, Вандервельде, Гильфердинги и Отто Бауэры, которые на протяжении многих лет похвалялись «чистой» демократией, восхваляли всеобщее избирательное право в условиях буржуазного господства, кусочки «социализма» в виде муниципального строительства в Вене и т. д. И в результате на путях этой «чистой» демократии они проложили дорогу террористическому методу господства буржуазии — фашизму.

Пример Советского союза, вносящего сейчас такие изменения в советскую Конституцию, которые приводят к использованию демократизма до конца и к созданию настоящего, подлинного советского парламентаризма, показывает воочию перед рабочим классом всех стран, что единственный путь к подлинной демократии и к социализму есть путь диктатуры пролетариата, путь Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина.

Изменения в советскую Конституцию вносятся по инициативе товарища Сталина. Вождь и руководитель нашей коммунистической партии, воплощающий в себе волю и силу миллионов трудящихся масс нашей страны, воплощающий весь мировой опыт борьбы рабочего класса, уверенно ведет страну от одной победы к другой. Подлинно по-ленински он выдвигает каждый раз важнейшее звено, дающее возможность идти вперед. Давая на каждом этапе марксистский анализ обстановки и изменений, происшедших в ней, товарищ Сталин ставит перед рабочим классом и нашей партией все новые и новые величественные задачи. Под его руководством и под знаменем ленинизма мы придем к окончательной победе не только в нашей стране, но и во всем мире!

¹⁾ Программа и устав ВКП(б), стр. 18.

Диктатура пролетариата меняет лицо рабочего класса*)

П. Олешинский

По вопросу об уровне жизни рабочего класса СССР у нас создалась уже целая литература. В последние годы вышло даже несколько работ, посвященных специально вопросам методологии изучения этого вопроса. Но в этих специальных работах обращает на себя внимание следующая особенность. Эти исследования об уровне жизни рабочего класса Советского союза ограничиваются рассмотрением рабочего класса только как совокупности рядовых рабочих. Они ставят знак равенства между рабочим классом в СССР и тем, что называют «рабочим персоналом» предприятий. Это выражается и в характеристике рабочих бюджетов, и в определении доли рабочего класса в народном доходе, и в сопоставлении уровня жизни рабочих СССР с уровнем жизни рабочих капиталистических стран, и в способе, каким выводятся различные показатели «на душу рабочего населения», и, наконец, в самом сочетании факторов, которыми определяется положение рабочих Советского союза¹⁾.

Отмечаемая здесь «особенность» имеет значение совсем уж не такой маловажной частности, какой она может показаться на первый взгляд. И сама по себе и связанные с нею вопросы имеют, мы бы сказали, серьезное практическое и политическое значение. Они представляют поэтому и большой теоретический интерес.

Представления о рабочем классе, сложившиеся в условиях капитализма (соответственно характерным для последнего отношениям), механически применяются некоторыми нашими экономистами и статистиками (по сей время) в обстановке СССР.

*) Продолжение статьи г. Олешинского «Рост культурных сил рабочего класса», помещенной в № 6 «ПЗМ» за 1934 г.

¹⁾ См., например, такие работы, как:

Г. Поляк «К вопросу об уровне жизни рабочего класса СССР» (статья в «Плановом хозяйстве» № 5—6 за 1931 г.);

Хейнман «Учет и планирование труда. Планирование и учет уровня жизни пролетариата» (глава в учебнике «Экономика труда». Комакадемия. 1933);

И. Баевский «Фонды коллективного потребления. Об уровне жизни пролетариата СССР». Соцэкгиз. 1932;

И. Баевский «Жизненный уровень рабочих СССР растет». Профиздат. 1932;

ЦУНХУ СССР «Народное хозяйство СССР за 1932 г.». Статистический справочник;

ЦУНХУ СССР «Организационный план текущего годового бюджетного обследования фабрично-заводских рабочих (семейных и одиночек), служащих (семейных) и инженерно-технических работников (семейных) в 1934 г.»

В докладе VII съезду советов СССР товарищем Молотовым были опубликованы данные о тех преобразованиях, которые пролетарская революция произвела в социальной структуре нашей страны. Коренным образом изменились отношения между основными социальными группами населения, буржуазная часть страны ликвидирована и «буржуазные элементы остались у нас лишь вроде некоего напоминания»; вдвое по сравнению с 1913 годом увеличилось пролетарское население; крестьяне-колхозники составляли к началу 1935 года свыше половины населения, рабочие вместе с колхозниками составляют свыше трех четвертей всего населения СССР, — произошли существенные изменения и в самих классах.

Как нельзя более своевременными являются указания товарища Молотова по поводу того, что, во-первых, все данные об изменении отношений между социальными группами населения нашей страны «имеют принципиальное значение и заслуживают серьезного изучения»; во-вторых, что «нельзя забывать и о том, какие изменения происходят в самих классах, являющихся основными в Советском союзе».

Если говорить о буржуазном обществе, то там рабочий класс, действительно, находится в положении «рабочего персонала», либо безработных, в положении только «промышленных рабочих». Иным оно в условиях капитализма и быть не может. Это обусловлено всем ходом капиталистического развития.

Положение рабочих при капитализме как «работников» в противоположность «хозяевам», обособление физического труда от труда руководства — предопределено характерными для капитализма «непосредственным отношением собственников условий производства к непосредственным производителям». Оно проистекает, следовательно, из самой основы данного общественного строя.

В тех случаях, когда отдельные представители рабочего класса все же переходят с положения рядовых рабочих, работников физического труда на положение «руководителей», работников умственного труда, и пр., они в конечном счете, из рядов рабочего класса выбывают.

Что рабочий, сделавшийся «хозяином», капиталистом (если только действительно такой случай когда-либо и где-либо мог произойти), выбывает из рабочего класса и переходит в ряды эксплуататоров, — это само собой понятно. Но к выходу из рабочего класса ведут при капитализме также и случаи (кстати сказать, случаи редкие и с развитием капитализма затрудняющиеся) перехода «рядовых рабочих» в ряды руководителей или даже мелкой служащей интеллигенции. Общественные отношения при капитализме таковы, что рабочие (или их дети), ставши специалистами, меняют условия своего заработка, условия труда, условия своей жизни, меняют свое социальное положение. Все не случайный характер носят подкуп верхушки буржуазной интеллигенции высокими окладами и различного свойства заботы капиталистов о более привилегированном положении служащих по сравнению с рабочими физического труда.

Совсем иначе обстоит дело в Советском союзе. В Советском союзе исчерпать материальное и культурное положение рабочего класса материальным и культурным положением рабочих только физического труда будет совершенно неправильно.

Рабочий класс СССР пришел к власти таким, каким он вышел из недр буржуазного общества. Но в том-то и дело, что за годы пролетарской диктатуры совершены коренные изменения в социальном и материальном положении рабочего класса и всех трудящихся. В этой, как и в других областях мы можем теперь воочию видеть щедрые плоды диктатуры пролетариата. Мы можем теперь отмечать не только то, что делается для

выдвижения рабочих на работу управления, для подготовки новых специалистов из рабочих, но и то, что уже давно сделано. За 16 лет своего существования в СССР диктатура пролетариата достигла таких перемен, при которых к 1933 г. из рабочих и детей рабочих были поставлены на высокоответственную, руководящую работу в промышленности в качестве управляющих объединений и трестов, директоров промышленных предприятий, их заместителей и помощников около 10 тыс. чел.

Из рабочих и детей рабочих выращено специалистов с законченным высшим и средним образованием, а также специалистов-практиков, являющихся членами ИТС, 402 тыс. чел.¹⁾

Из рабочих и детей рабочих поставлены на руководящую работу в торговле в качестве директоров государственных торговых и руководящих выборных работников потребительской кооперации, организационно-инструкторских работников, заведующих магазинами (и их заместителей в городской торговой сети) более 95 тыс. чел.²⁾

Из рабочих поставлены на руководящую работу в ЦИК и СНК республик, в краевых и областных исполкомах и отделах наркоматов, в районных исполнительных комитетах 4780 чел.

Из рабочих поставлены на работу в качестве пролетарских судей, прокуроров и других руководящих судебных работников более 4500 чел.

Из рабочих и детей рабочих выращено учителей и политпросветработников (без научных работников) около 160 тыс. чел.³⁾

Из рабочих и детей рабочих выращено научных работников 6860 чел.

Из рабочих поставлены на руководящую профессиональную работу в ВЦСПС, в ЦК союзов, в совпрофах, в завкомах (освобожденных работников) около 35 тыс. чел.⁴⁾

В общем же только по перечисленным группам работников мы имеем более 700 тыс. рабочих и детей рабочих.

Сюда еще не входят врачи, относительно социального состава которых мы располагаем сведениями только за 1930 г. Не входят руководящие работники в партийных комитетах. Не входят целые группы работников сельского хозяйства. Не входят еще и рабочие, ставшие командирами РККА, морского и воздушного флота. Между тем, в социальном составе командирского корпуса наших вооруженных сил произошли крупнейшие перемены⁵⁾.

В приведенный выше перечень мы не включили также более 210 тыс. рабочих и детей рабочих, в настоящее время обучающихся в вузах и готовящихся в ближайшие месяцы и годы стать высококвалифицированными специалистами; не включили 275 тыс. рабочих и детей рабочих, обучающихся в техникумах; 236 тыс. рабочих, обучающихся на рабфаках; около 30 тыс. рабочих, обучающихся в академиях, в высших коммунистических сельскохозяйственных школах, в ИКП, на курсах марксизма. Мы не говорим еще и о

¹⁾ По данным бюро ИТС ВЦСПС.

²⁾ ЦУНХУ «Итоги переписи торговых кадров и розничной сети 1932 г.» Ч. I и II. 1933.

³⁾ По материалам переписи ЦК союза работпрос.

⁴⁾ По материалам ВЦСПС.

⁵⁾ Рабочая прослойка среди командного состава Красной армии составляла:

Годы	(в %)
1924	14,2
1926	28,3
1930	31,2
1933	42,3

(Бубнов «Военное строительство». 1925; Уншлихт «На основе ленинского единства укрепим боевую мощь Красной армии». 1929; Ворошилов. Речь на XVII съезде партии. 1934).

рабочих, социалистически совмещающих работу у станка с работой управления страной, и т. д.

По совокупности мы должны будем получить цифру, превышающую 1,5 млн. рабочих и детей рабочих, которых партия и советская власть выдвинули, подготовили и готовят для наиболее квалифицированной работы в области производства, культуры и управления государством.

Чтобы составить себе хотя приблизительное представление об удельном весе и о масштабе таких цифр, можно было бы вспомнить, что до Октябрьской революции, в 1913 г., общая численность рабочих крупной промышленности вместе с учениками составляла 2591,3 тыс. человек.

Можно ли теперь полагать (по примеру буржуазного общества), что рабочие, ставшие в Советском союзе директорами, инженерами, командирами Красной армии или председателями советов, «выбывают» из рядов своего класса?

Можно ли, затем, сравнивать жизненный уровень рабочего класса капиталистических стран и рабочего класса Советского союза таким способом, чтобы ограничивать рабочий класс СССР только рядовыми рабочими? Допустимо ли рассматривать уровень благосостояния рабочих только физического труда как уровень благосостояния всего рабочего класса СССР?

Не подлежит ни малейшему сомнению, что ответ на подобные вопросы может быть только отрицательный. Иной ответ на эти вопросы с неизбежностью становится в вопиющее противоречие с действительностью, с особым характером развития рабочего класса в двух различных системах. Между тем именно этот особый, иной по сравнению с капитализмом, характер развития рабочего класса Советского союза и предался забвению некоторыми нашими экономистами и статистиками в их работах по вопросам уровня жизни рабочих. Упускается из виду, что осуществление диктатуры пролетариата меняет положение рабочего класса коренным образом. Игнорируются важнейшие черты коренным образом изменившегося общественного положения рабочего класса.

То, что пролетариат становится классом господствующим и как господствующий класс завладевает средствами производства, делая их общественной собственностью, меняет самые основы социального строя. Но, насильственно уничтожая старые условия производства, пролетариат уничтожает вместе с ними и прежние условия своего существования, разбивает сложившуюся при капитализме систему отношений между наукой и трудом, между принадлежностью к определенному классу и ролью в общественном производстве, между выполнением функций руководства и выполнением функций исполнения. В рабочем классе олицетворяются теперь непосредственные производители и одновременно собственники условий производства, организованные в пролетарское государство, осуществляющее диктатуру пролетариата. Освобождается от буржуазных пут и наука. Роль рабочего класса в общественной организации труда изменяется решительно.

Из самого существа пролетарской революции и из коренных задач диктатуры пролетариата проистекает для рабочего класса необходимость овладеть материальной базой социализма, руководить социалистической перестройкой сельского хозяйства, необходимость двигаться во главе масс, организовывая и направляя их движение к социализму. Выполнение же такой руководящей роли, при проведении технической реконструкции особенно, требует руководящей деятельности по существу, требует знания дела, требует, следовательно, наличия в самом рабочем классе квалифицированных сил, которые под руководством партии могли бы такую работу выполнять. Это диктуется классовой борьбой, которую рабочий класс ведет и продолжает вести в переходный период и со вступлением в период социализма. Это вытекает из необходимости коренным образом перестроить все условия жизни.

Это необходимо еще и потому, что построение социализма требует создания массовых высококвалифицированных кадров специалистов, массового движения вперед к более высокой производительности социалистического труда, всестороннего развития способностей работников. Это следует, наконец, из пробудившегося в рабочем классе невиданного стремления к науке, к культуре, к преодолению отчуждения физического труда от труда умственного.

Линия развития такова, что представители рабочего класса должны составлять передовую, ведущую, основную часть среди советской интеллигенции вообще, среди технической интеллигенции в частности. Рабочий класс выражает здесь притязания и чаяния всех трудящихся, борющихся за построение социалистического общества: он представляет здесь, по выражению Маркса, «социальную голову и социальное сердце».

«Для того, чтобы направить новые силы общества, — говорил Маркс, — необходимо, чтобы им овладели новые люди, — и люди эти — рабочие»¹⁾.

Товарищ Сталин, выдвинувший в 1928 г. лозунг о создании новой технической интеллигенции из рядов рабочего класса, разъяснял значение создания пролетарского ядра советской интеллигенции неоднократно. Останавливаясь на существовании шахтинского дела, товарищ Сталин особенно подчеркивал вытекающие из него уроки.

«Существо и смысл шахтинского дела, — говорил он, — состоит в том, что мы оказались почти безоружными и совершенно отсталыми, до безобразия отсталыми в деле обеспечения нашей промышленности известным минимумом преданных делу рабочего класса специалистов. Урок, вытекающий из шахтинского дела, состоит в том, чтобы ускорить темп образования, создания новой технической интеллигенции из людей рабочего класса, преданных делу социализма и способных руководить технически нашей социалистической промышленностью»²⁾.

Широко открывая дорогу рабочим к организаторской и интеллектуальной деятельности и возводя выдвижение рабочих в неотъемлемый свой принцип, диктатура пролетариата создает и все необходимые условия, обеспечивающие реализацию этого принципа на деле. Первым таким условием является непрестанная, под руководством ленинской партии, забота о сохранении и укреплении самой пролетарской диктатуры, вне и помимо которой не мыслимы ни растущее выдвижение рабочих, ни рост благосостояния трудящихся, ни построение социализма. Только с существованием диктатуры пролетариата в СССР связано появление и развитие целого ряда важнейших условий, способствующих быстрому культурному росту рабочих и выдвижению их на руководящую работу.

К числу таких условий относятся, например, имеющаяся только в Советском союзе твердая уверенность рабочих в завтрашнем дне, в прочности своего положения, сознание открытых перед каждым рабочим и перед всей страной широких перспектив на социалистических путях развития.

К таким важнейшим благоприятным условиям относится затем систематический рост материального благосостояния рабочих и крестьян на основе хозяйственных успехов диктатуры пролетариата.

Исключительная роль принадлежит проведенному в СССР сокращению рабочего дня до 7 часов. Уменьшение размеров рабочего дня до таких пределов оставляет в распоряжении рабочего столько времени, что оно, как говорил Маркс, «не поглощается непосредственно производительным тру-

¹⁾ Маркс «Революция 1848 г. и пролетариат». Речь на юбилее. Соч. Т. XI, стр. 6.

²⁾ Сталин «Об итогах июльского пленума ЦК ВКП(б)». Доклад на собрании актива ленинградской организации ВКП(б) 13/VII 1928 г., раздел 2-й. Разрядка наша. — П. О.

дом, но (остается свободным) для удовольствия, для отдыха, так что оно дает простор свободной деятельности и развитию. Время есть пространство для развития способностей»¹⁾.

Огромное влияние оказывает непрестанная забота партии, правительства и профессиональных союзов о всестороннем улучшении культурно-бытовых условий существования рабочих: в виде строительства новых жилищ, приближения их к месту работы, улучшения внутригородского и пригородного транспорта, развития общественного питания, создания широкой сети учреждений, организующих отдых рабочих, широчайших мероприятий по линии социального страхования с бюджетом в несколько миллиардов рублей в год.

Но, кроме таких, наиболее важных общих условий, в Советском союзе осуществляется целая система специальных мероприятий (политических, экономических, организационных) пролетарского государства, имеющих целью облегчить передовым рабочим переход от работы у станка к работе по управлению, помочь им стать научными-подготовленными специалистами и всячески стимулировать повышение квалификации рабочих и рост участия их в управлении предприятием и государством.

На заботливом выращивании и квалифицировании людей, преданных делу рабочего класса, партия во все годы революции сосредоточивала внимание, как на важнейшей задаче. На этом она делает особый упор в данный период. Свое концентрированное выражение эта задача получила в выдвинутом товарищем Сталиным лозунге «Главное теперь — в людях, овладевших техникой». «Многие неправильно поняли, — указывал товарищ Сталин в своей беседе с металлургами, — лозунг партии: «Техника в период реконструкции решает все». Многие поняли этот лозунг механически, т. е. поняли в том смысле, что ежели нагромоздить побольше машин, то этим будто бы будет сделано все, что требуется этим лозунгом. Это неверно. Нельзя технику отрывать от людей, приводящих технику в движение. Техника без людей мертва. Лозунг «Техника в период реконструкции решает все» имеет в виду не голую технику, а технику во главе с людьми, овладевшими техникой. Только такое понимание этого лозунга является правильным. И поскольку мы уже научились ценить технику, пора заявить прямо, что главное теперь — в людях, овладевших техникой. Но из этого следует, что если раньше однобоко делали упор на технику, на машины, то теперь надо его делать на людей, овладевших техникой. Этого требует наш лозунг о технике. Надо беречь каждого способного и понимающего работника, беречь и выращивать его. Людей надо заботливо и внимательно выращивать, как садовник выращивает облюбванное плодовое дерево. Воспитывать, помогать расти, дать перспективу, вовремя выдвигать, вовремя переводить на другую работу, ежели человек не справляется со своим делом, не дожидаясь того, что он окончательно провалится. Заботливо выращивать и квалифицировать людей, правильно расставить и организовать их на производстве, организовать зарплату так, чтобы она укрепляла решающие звенья производства и двигала людей на высшую квалификацию, — вот что нам нужно для того, чтобы создать многочисленную армию производственно-технических кадров»²⁾.

При современном состоянии науки и техники овладение высокой квалификацией в какой бы то ни было отрасли труда требует (даже при наличии значительного практического опыта) большой и длительной теоретической выучки. Превосходной иллюстрацией к рассматриваемому кругу вопросов может служить поэтому система учебной подготовки квалифици-

¹⁾ Маркс «Теории прибавочной стоимости». Т. III, стр. 197.

²⁾ «Правда» от 29 декабря 1934 г.

рованных кадров, как она существует в капиталистических странах и в Советском союзе.

Давно уже хорошо известно, что «открытие школьных дверей для всех желающих», так называемая «общедоступность» образования и даже его «полная бесплатность», декларируемые буржуазным государством с великой помпой, оказываются на практике чистейшим обманом. Да иным при сохранении господства капитала оно и быть не может. Необходимо ведь иметь в виду, что действительная доступность широкого образования для рабочих и для всех трудящихся решается не формальным равенством в правах на образование. Она, эта доступность, вовсе не решается и одинаковой бесплатностью обучения для пролетария и для буржуа. Действительная доступность или недоступность широкого образования для трудящихся определяется условиями, лежащими в самом основании данного общественного строя. В обществе, основанном на эксплуатации наемного труда, уделом трудящихся может являться лишь низшее элементарное обучение (общее или профтехническое). Что же касается более высоких ступеней обучения, то при капитализме они сохраняются как прочная привилегия господствующего класса и его приближенных, ревностно эту привилегию оберегающих. Чтобы в течение многих лет и регулярно продолжать теоретическое обучение (будь даже оно бесплатным), прежде всего надо иметь возможность жить. Но в условиях капитализма рабочий не может жить, если он не продает свою рабочую силу. Когда же ему удастся сделать это и он идет на фабрику, он имеет там рабочий день такой продолжительности и такой утомительности, что у него не остается для сколько-нибудь серьезной учебы ни времени, ни сил. Обстановка складывается тем хуже, что с развитием капитализма растет относительное перенаселение, становится труднее найти работу, условия труда и жизни рабочего ухудшаются. Положение же, которое теперь переживают рабочие капиталистических стран и в первую очередь рабочие Германии, только полностью подтверждает еще ранее высказанное Лениным определение, что в период империализма «передовые страны превращаются в военно-каторжные тюрьмы для рабочих». Если говорить о детях рабочих, то они вынуждены искать заработок еще до того, как успеют подойти к ступеням среднего образования.

Капиталистический способ производства находится в непримиримом противоречии с действительной доступностью для рабочих широкого теоретического и соединенного с ним практического обучения. Основные черты этого противоречия были раскрыты Марксом уже в 1847 г. в его рукописи о заработной плате.

«Излюбленной буржуазной реформой, — писал тогда Маркс, — является образование, в особенности всестороннее промышленное воспитание. Мы не станем указывать на нелепое противоречие, заключающееся в том, что современная промышленность все более и более заменяет сложный труд более простым, для которого не нужно никакого образования, что она все более и более принуждает к машинному труду детей с семилетнего возраста и обращает их в источник дохода не только для буржуазного класса, но и для их собственных родителей, пролетариев. Фабричная система препятствовала проведению законов о школьном обучении, например в Пруссии. Мы не станем указывать на то, что умственное образование, если бы рабочий получал его, нисколько не влияло на его заработную плату, что образование вообще зависит от условий жизни, что буржуа понимает под нравственным воспитанием вдалбливание буржуазных принципов и что, наконец, у буржуазного класса нет средств дать народу настоящее образование, а если бы у него и имелись эти средства, то он не стал бы применять их»¹).

¹) Маркс «Рукопись о заработной плате». Соч. Т. V, стр. 546—547.

Возвращаясь к данному вопросу несколькими десятилетиями позднее в связи с характеристикой стихийно развиваемого капитализмом переворота в функциях рабочих и в общественном сочетании процессов труда, Маркс отмечал в «Капитале»: «Одним из моментов этого процесса переворота, стихийно развившимся на основе крупной промышленности, являются политехнические и сельскохозяйственные школы, другим — промышленные школы для продолжения образования, в которых дети рабочих получают некоторое знакомство с технологией и с практическим применением различных орудий производства. Если фабричное законодательство, как первая скудная уступка, вырванная у капитала, соединяет с фабричным трудом только элементарное обучение, то не подлежит никакому сомнению, что неизбежное завоевание политической власти рабочим классом завоюет надлежащее место в школах рабочих и технологическому обучению, как теоретическому, так и практическому. Но точно так же не подлежит никакому сомнению, что капиталистическая форма производства и соответствующие ей экономические отношения рабочих стоят в полном противоречии с такими ферментами переворота и с их целью, с уничтожением старого разделения труда»¹⁾.

Как гениально предсказывал Маркс, широкое теоретическое и практическое обучение рабочих получило при диктатуре пролетариата могучий размах.

Осуществляемая диктатурой пролетариата политика подготовки организаторов, руководителей и специалистов, не оставляет и камня на камне от создаваемых капитализмом отношений, при которых сыновья буржуазии, крупных чиновников и инженерства определялись в университеты и на командные должности, а сыновья и дочери рабочих «определялись» как и их родители — только «по слесарной части», по ткацкой или какой другой.

Опять-таки, мы ничего не поняли бы ни в существующей в СССР системе обучения, ни вообще в формировании новых руководящих сил из рабочего класса, если бы отвлеклись от условий труда на предприятиях Советского союза, от происходящей на них борьбы за новую дисциплину, если бы отвлеклись от развития социалистического соревнования и ударничества, в которых обнаруживаются, выдвигаются и проверяются лучшие производственники, способные изобретатели, передовые бойцы, талантливые организаторы. На каждом заводе, на стройке, в совхозе, в МТС выдвижение рядовых рабочих и колхозников на работу управления или на учебу с освобождением от производства стало в Советском союзе явлением повседневным. Оно носит тем более массовый характер, чем крупнее производство, чем более значителен на нем слой кадровых рабочих, чем успешнее предприятие выполняет свои задачи на путях реконструкции страны.

История любого завода, любого цеха и даже бригады может служить в Советском союзе примером массового культурного роста рабочих, массового выдвижения их на более квалифицированную работу. В связи, например, с пятилетием известного призыва завода «Красный выборжец» о социалистическом соревновании был проявлен особый интерес к участи бригады Путина (обрубщиков алюминия трубного цеха), положившей начало движению. Оказалось при этом, что за 5 лет, прошедших с 1929 г., положение каждого из 9 участников бригады обрубщиков изменилось следующим образом:

бригадир Путин к апрелю 1934 г. находился на руководящей профработе в ленинградском облпрофсовете;

¹⁾ Маркс «Капитал». Т. I. Гл. XIII, § 9, стр. 379. Подчеркнуто нами.—П. О.

рабочий Коробков окончил высшую школу профдвижения и также находился на руководящей профработе в ВЦСПС;

рабочий Одинок — на руководящей партийной работе, секретарем парткома завода «Центролит»;

рабочий Григорьев — также на партийной работе в области;

рабочий Иванов — директор совхоза «Красный выборжец»;

рабочий Оглобин окончил курсы красных директоров и управляет шахтой;

рабочий Круглов заканчивает втуз;

рабочий Горюгой учится во втузе;

рабочий Мохин продолжает работать на «Красном выборжеце» и учится на рабфаке, готовясь во втуз¹⁾.

Пример бригады Путина, конечно, не является единичным. Он типичен для отношений, складывающихся при диктатуре пролетариата.

* * *

Изложенное здесь далеко не исчерпывает всей совокупности условий, в которых происходит рост руководителей, квалифицированных специалистов и ученых из среды рабочего класса Советского союза. Но и того, что сказано, более чем достаточно, чтобы подтвердить принципиально иной характер воспроизводства рабочего класса при капитализме и при диктатуре пролетариата, совершенно иной характер «выходов» из рабочего класса в двух противоположных системах. Выдвижение рабочих на работу руководства и создание из рабочих многочисленного слоя высококвалифицированных специалистов, воспитанных в пролетарском духе, так же, как и привлечение самих широких масс рабочих к активному участию в руководстве всей государственной и хозяйственной жизни страны, является для диктатуры пролетариата неотъемлемым ее принципом. Организаторы и специалисты из рабочей среды выделяются на руководящие позиции самим рабочим классом в интересах рабочего класса и в условиях политического и экономического господства рабочего класса, построения социалистического общества.

Рабочие, ставшие при диктатуре пролетариата специалистами и управителями, являются в подавляющей массе как по социальному прошлому, так и по своему жизненному положению и общественному сознанию, по своим классовым интересам плотно от плоти и кровью от крови рабочего класса. Овладев высокой квалификацией или поставленные на командное положение в условиях политического и экономического господства пролетариата, они не противостоят ему, а остаются деятелями своего собственного класса, противостоят буржуазии и работая над переделкой мелкотоварного производства. Переходя при диктатуре пролетариата к труду руководства и овладевая высотами умственного труда, действительные представители рабочего класса несут с собой решительную переделку прежних условий жизни буржуазной интеллигенции, прежних условий умственного труда, прежних условий работы — главным образом в одиночку, преобразуя их по своему образу и подобию.

Кадры рабочей интеллигенции, организаторов из рабочих, руководителей из рабочих представляют таким образом неотъемлемую часть существования самого рабочего класса. Рост этих сил и повышение их уровня являются свидетельством колоссального подъема материального и морального уровня рабочего класса. Каждый шаг вперед на этих путях составляет предмет гордости пролетариата, свидетельство роста его сил, показатель таящихся в нем возможностей.

¹⁾ «За индустриализацию» № 101 от 29/IV 1934 г.

На этих путях мы уже теперь имеем успехи всемирно-исторического значения.

Предстоящие годы второй пятилетки должны принести с собой дальнейшие результаты. Выполнение задач завершения технической реконструкции страны и повышения культурно-бытового обслуживания трудящихся требует громадного кадра высокообразованных специалистов и грамотных практиков — организаторов и техников. Вместе с хозяйственными и культурными успехами растут и возможности эти потребности удовлетворить. Будет и дальше повышаться удельный вес рабочих и колхозников в наших высших и средних учебных заведениях. Еще в большей чем до сих пор мере обнаружатся результаты происшедших сдвигов в жизненном уровне рабочих, результаты возросших контингентов школьного и курсового обучения, как и результаты предшествовавших капитальных затрат. Растет удельный вес рабочего класса в составе населения страны. Поднимается материальный и культурный уровень трудящихся. Новые сотни тысяч и миллионы рабочих, овладевая техникой и высотами умственного труда, станут директорами, инженерами, врачами, агрономами, учителями, учеными. Вскоре появятся, как это и имеет место в политической жизни, не единицы, не десятки, а сотни и тысячи советских рабочих среди первоклассных мировых инженеров, художников и ученых.

* * *

Отождествление рабочего класса с рядовыми рабочими или с рабочими физического труда является уже само по себе в высшей степени ошибочным и проистекает, как показано выше, из отношений, складывающихся при капитализме. Коль скоро же оно применяется к характеристике жизненного уровня рабочих в условиях диктатуры пролетариата, оно произвольно отделяет от рабочего класса Советского союза всех его (рабочего класса) выдвиженцев, сбрасывает со счетов растущую и наиболее квалифицированную его часть, объективно преуменьшает успехи диктатуры пролетариата в подеме материального и культурного уровня рабочих и всех трудящихся, ступшевыивает коренные различия положения рабочего класса в двух противоположных системах.

Нечего и говорить, что сказанное нами об особенностях положения рабочего класса в СССР вовсе не является аргументом против того, чтобы и впредь исследовать и сравнивать жизненный уровень рабочих физического труда в СССР и в капиталистических странах. Всем известно, что преимущество социализма доказано уже и этим сравнением. При сопоставлении жизненного уровня рабочего класса двух противоположных систем чаша весов должна перевешиваться в пользу социализма тем резче, тем решительнее, что в характеристике положения рабочих в СССР мы должны учитывать (не принимавшееся до сих пор в расчет) продвижение по меньшей мере 11½ млн. рабочих и детей рабочих, о которых мы говорили выше.

В то же время значение успехов Советского союза в создании руководителей и организаторов из среды рабочих и крестьян выходит далеко за пределы вопросов характеристики одного только уровня жизни.

Значение успехов Советского союза на путях роста в рабочем классе прослойки рабочей интеллигенции, рабочих организаторов и руководителей состоит прежде всего в том, что выражает собой успешно развиваемое наступление пролетариата в его классовой борьбе за построение социалистического общества, выражает возвышение рабочего класса, отвоевание у буржуазии важнейших крепостей. Не даром на XVII съезде партии товарищ Сталин говорил, что «из всех достижений промышленности, завоеванных ею за отчетный период, самым важным достижением нужно считать тот факт, что она сумела за это время воспитать и выковать тысячи новых лю-

дей и новых руководителей промышленности, целые слои новых инженеров и техников, сотни тысяч молодых квалифицированных рабочих, освоивших новую технику и двинувших вперед нашу социалистическую промышленность»¹).

Рост отряда квалифицированных руководителей из рабочих представляет собой свидетельство могучего под'ема морального и интеллектуального уровня рабочего класса, сбросившего буржуазию. Он свидетельствует об освобождении рабочих от былой придавленности, которая веками внедрялась в них капитализмом, свидетельствует о гигантском увеличении сил рабочего класса и о росте непоколебимой его уверенности в них. А это фактор значения мирового, исторического. В знаменитой своей брошюре «Удержат ли большевики государственную власть?», написанной в сентябре 1917 г., Ленин писал: «Самое главное теперь распротиться с тем буржуазным интеллигентским предрассудком, будто управлять государством могут только особые чиновники, всецело зависимые от капитала по всему своему общественному положению... Самое главное внушить угнетенным и трудящимся доверие в свои силы»²).

В выступлениях в первые послеоктябрьские дни Ленину приходилось вновь и вновь подчеркивать, что «рабочие и крестьяне еще недостаточно верят в свои силы, они слишком привыкли, в силу вековой традиции, ждать указки сверху. Они еще не вполне освоились с тем, что пролетариат есть класс господствующий, и, что они выделили из своей среды элементы, которые были запуганы, придавлены, воображающие, что они должны пройти гнусную школу буржуазии. Этот гнуснейший из буржуазных предрассудков дольше всего держался, но он гибнет, и он погибнет до конца. И мы убеждены в том, что с каждым шагом Советской власти будет выделяться все большее и большее количество людей, освободившихся до конца от старого буржуазного предрассудка, будто не может управлять государством простой рабочий и крестьянин. Может и научится, если возьмется управлять!»³).

Значение успехов роста в рабочем классе высококвалифицированных организаторских, технических, научных сил состоит также в том, что они с беспощадностью подавляющих фактов опрокидывают и стирают впрах огюст-контровские «биологические» принципы «социальной иерархии» и им подобные теоретические построения буржуазной социологии.

Значение этих успехов состоит, наконец, в том, что они еще раз подтверждают неизбежность гибели капиталистической системы. Они подтверждают на практике, что рабочий класс Советского союза, следуя учению Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, идет верной дорогой по пути социалистического строительства.

¹) Сталин. Отчетный доклад XVII с'езду партии. «Вопросы ленинизма». Изд. 10-е, стр. 558.

²) Ленин «Удержат ли большевики государственную власть?» Соч. Т. XXI, стр. 267.

³) Ленин «Доклад о деятельности Совета народных комиссаров на III всероссийском с'езде советов» 24 января 1918 г. Т. XXII, стр. 216.

О роли личности в истории

М. Каммари

Одним из чрезвычайно актуальных вопросов теории исторического материализма всегда был вопрос о роли личности в истории. Практика социалистического строительства ставит этот вопрос со всей остротой и конкретностью. Социализм создает новое, нигде до сих пор не существовавшее отношение между коллективом (классом, обществом) и личностью. Социализм создает такую ассоциацию работников, в которой свободное развитие каждого будет условием свободного развития всех.

Обобщая богатейший исторический опыт нашей эпохи, опыт социалистической практики пролетариата в СССР, опыт международного коммунистического движения, развивая теорию исторического материализма в борьбе с современными буржуазными теориями, товарищ Сталин в ряде своих выступлений по-новому поставил вопрос о роли личности в истории. Собственно говоря, нет ни одного доклада товарища Сталина на съездах партии, пленумах ЦК, конференциях хозяйственников, колхозников и т. д., где бы он в различной связи и с различных сторон не ставил и не освещал этого вопроса, поднимая и организуя сознательное творчество и инициативу миллионных масс. Особенно остро ставит товарищ Сталин этот вопрос в известных всем речах «О задачах хозяйственников», «Новая обстановка — новые задачи хозяйственного строительства», «Итоги первой пятилетки», «Речь на Первом всесоюзном съезде колхозников-ударников», «Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б)», а также в «Беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом» и в «Беседе с английским писателем Г. Д. Уэллсом».

Эти работы товарища Сталина являются великими вехами развития марксистской теории, они вооружают теоретиков и практиков, историков¹⁾ и художников, этих «инженеров человеческих душ», могучим орудием революционной диалектики, пониманием диалектики исторических процессов. В работах буржуазных социологов и историков роль личности не могла и не может найти научного освещения. Марксисты заново должны пересмотреть, изучить и объяснить исторические факты и в том числе роль выдающихся личностей в истории. Только вульгаризаторы

¹⁾ Известно, какие коренные недостатки имелись и имеются в различных исторических работах и учебниках по истории, игнорирующих не только роль исторических деятелей, но и хронологию и даты; вместо исторических знаний эти работы и учебники занимаются абстрактным социологизированием, рассуждениями об исторических процессах вне времени и пространства, давая историю без дат, борьбу классов без лиц, возглавлявших борьбу.

марксизма, говорит товарищ Сталин, игнорируют роль личности в истории, изображают историю как «безликую» борьбу классов или как автоматическое развитие «производительных сил» подобно Каутским, Куновым и т. п. фальсификаторам марксизма. Марксисты должны дать научно обработанную историю науки, искусства, техники, выяснив в ней подлинную роль массы трудящихся, а также роль великих мыслителей, художников, изобретателей. Правдивое изображение в литературе и искусстве различных эпох и классов, великих народных движений, в особенности движения пролетариата, не мыслимо без овладения учением марксизма-ленинизма, без правильного марксистского понимания роли личности в истории.

Поэтому выяснение даже наиболее общих руководящих принципов и теоретических основ марксистско-ленинских взглядов на роль личности в истории крайне необходимо. Вопреки ясным положениям основоположников марксизма тупоголовые фальсификаторы и «критики» марксизма продолжают утверждать, что марксизм игнорирует роль личности, роль великих людей в истории. Что из того, что это противоречит всему духу марксизма. Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии» и «Святом семействе» подвергли уничтожающей критике не только субъективный идеализм левых гегельянцев, противопоставлявших «критическую критику» или самосознание «невежественной», тупой массе, неспособной, якобы, к историческому творчеству. Они характеризовали всю так называемую «объективную историографию», замазывавшую борьбу классов, гегелевскую философию истории и французские теории господства «разума» в истории именно как отрицание роли исторической деятельности и инициативы масс. Они постоянно подчеркивали, что история делается людьми, однако, не по произволу, а закономерно, при определенных, унаследованных ими от прежних поколений условиях, развиваемых каждым поколением дальше. Прежде чем начать изменять эти условия, каждое новое поколение оказывается уже сформированным этими унаследованными условиями и даже традициями всех уже умерших поколений.

Нетрудно понять, что человеческая история, по выражению Вико, тем отличается от естественной, что первая сделана нами, вторая же не сделана нами. Но вопреки Вико, историю человечества написать до Маркса было труднее, а не легче чем историю природы. Дело в том, что история человечества имеет одно существенное отличие от истории природы, которое запутывало историков и социологов. В природе (поскольку мы оставляем в стороне обратное влияние на нее человеческого общества) «действуют одна на другую лишь слепые, бессознательные силы, и общие законы проявляются лишь путем взаимодействия таких сил. Здесь нигде нет сознанный, желанной цели... Наоборот, в истории общества действуют люди, одаренные сознанием, движимые умом или страстью, ставящие себе определенные цели»¹⁾. Вся домарксовская историография и социология останавливались на этих целях людей и не шли дальше, не могли открыть закономерности истории. История в результате представлялась господством хаоса, произвола, случайности. «Но где на поверхности господствует случайность, там сама эта случайность всегда оказывается подчиненной внутренним, скрытым законам. Все дело в том, чтобы открыть эти законы»,—говорит Энгельс²⁾. Существенное различие между историей природы и общества и их законами, однако, «не изменяет того факта, что ход истории определяется внутренними общими законами»³⁾. Больше того, это существенное различие не устраняло того факта, что как раз до сих пор и в истории человечества над людьми господствовали

¹⁾ Энгельс «Л. Фейербах», гл. IV.

²⁾ Там же.

³⁾ Там же.

такие же слепые, стихийные, как и в природе, непонятные и враждебные людям общественные силы, продукты общественной деятельности самих людей. Действие этих сил было не менее, а часто гораздо более разрушительным чем действие непокоренных человеком сил природы. При капитализме действие этих сил достигает крайнего предела разрушительности. Но капитализм подготавливает вместе с тем материальные условия для устранения господства этих слепых сил, создает класс, способный овладеть ими, подчинить их своему контролю и начать новую эру в истории. Имея в виду «предысторию человечества», Энгельс говорил: «Каков бы ни был ход истории, люди делают ее так: каждый преследует свои собственные сознательно поставленные цели, а в результате этого множества действующих по различным направлениям стремлений и их разнообразных воздействий на внешний мир получается история... Но, с одной стороны... действующие в истории многие единичные стремления в большинстве случаев (как было до сих пор. — М. К.) ведут за собой совсем не те последствия, какие имелись в виду. Очень часто эти последствия прямо противоположны желаниям деятелей. И уже по одному этому побуждения, двигавшие деятелей, имеют, в последнем счете, лишь второстепенное значение»¹⁾. Ясно само собой, что иначе будет обстоять в социалистическом обществе, где люди действуют организованно, планомерно, как единое общество с единой волей, и где люди все больше будут приходить к желаемым результатам. Об этом свидетельствует практика пролетарской диктатуры в СССР. Цели планомерно организованного пролетарского государства имеют не второстепенное значение: они опираются на правильно понятую историческую необходимость, выражают коренные интересы пролетариата и трудящихся. И тут закономерен конечно вопрос о том, «каковы же те силы, которые дали воле людей то или иное направление, каковы те исторические причины, которые отразились в головах деятелей в виде данных побуждений»²⁾. Идеалисты не сумели даже поставить действительно научного вопроса: какие причины (общие, особые и единичные, как говорил Плеханов³⁾) побуждают людей действовать определенным образом, в определенной общественной формации и не отдельных только людей, не единицы, а большие массы, целые классы? Каковы движущие мотивы и причины исторических движений, чем обуславливаются и определяются цели как отдельных людей, так и классов, масс? Почему эти цели и стремления людей и при каких условиях идут вразрез с другими целями, при каких условиях цели человека не потонут в море целей и стремлений противоположных? А ведь это обычно происходит при капитализме и во всяком антагонистическом обществе. Как складываются в результате борьбы противоречивых стремлений классов, этих движущих сил истории? На все эти вопросы не дает научного ответа буржуазная социология. Научный ответ на эти вопросы дает только марксизм. Марксизм впервые дал действительно научное материали-

¹⁾ Энгельс «Л. Фейербах». Изд. ИМЭЛ. 1934. Гл. IV, стр. 44—45.

²⁾ Там же. Разрядка моя. — М. К.

³⁾ См. его «Роль личности в истории». На недостатках взглядов Плеханова мы здесь не останавливаемся особо, но отметим, что они требуют критики. В частности, Плеханов ставит часто вопрос абстрактно, не в органической связи с теорией классовой борьбы, оторванно от практики революционного рабочего движения. Он недооценивает, не понимает во всей широте и глубине роль партии и роль вождя в рабочем движении. Он сводит большей частью роль вождя к тому, чтобы быть «сознательным выразителем бессознательного хода истории». «Созерцательность», идеология стихийности, непонимание организаторской роли партии и вождя отразились на взглядах Плеханова, особенно в его статье «Рабочий класс и социал-демократическая интеллигенция». Собр. соч. Плеханова. Т. VIII.

стическое объяснение целей, преследуемых классами в истории, он дал гениальное научное обоснование великой исторической миссии и конечной цели пролетариата. Борьба без конечной цели и перспектив—это оппортунизм, говорили Ленин и Сталин тем, кто не понимает значения ясной цели в революционном движении. Марксизм не говорит миру подобно буржуазной социологии: «Перестань бороться, вся твоя борьба—пустяки», ибо все-де «в воле божией», в развитии «всемирного духа», орудием которого, якобы, являются народы. Именно буржуазная социология отрицает и не понимает роли, деятельности и инициативы масс в истории. Буржуазные «объективисты» учат, что существуют-де непреложные, непреодолимые законы истории, которые не являются как будто результатами и формами материального производства, а стоят над ними.

Социология О. Конта, например, учит, что вмешательство в историю «невежественных» масс, не знающих открытых им «законов», приводит к анархии и общественным бедствиям, именно поэтому он требует устранить «самодержавие народа». Прогресс общества—дело ученых, понявших и признавших его «социологию». Левые гегельянцы (Бр. Бауэр) и русские народники, также противопоставляя «героев» и «толпу»—«невежественную массу»—и «критически мыслящую личность», утверждали, что историю творит «критически мыслящая личность», а не бесправная и «невежественная» народная масса. Только марксизм показал никчемность этих теорий и решающую роль исторической деятельности масс, борьбы классов. Марксизм и только марксизм дает всем эксплуатируемым истинный лозунг борьбы и указывает путь к победе, истинную цель и средства ее осуществления.

Не в том была ошибка домарксовской социологии и историографии, что они указывали на цели и идеи исторических деятелей, великих людей, классов, сословий, а в том, что они останавливались на этих целях как последних причинах, и не шли глубже к выяснению материальных корней этих идей и целей, оставаясь на позиции идеализма. Марксизм отрицает идеалистические теории, в том числе и телеологическое понимание общественного развития (взгляды Платона, Аристотеля, Конта, Гегеля и др.). В основе телеологии лежит идеалистическая поповская теория «свободы воли», учение о независимости воли и целей человека от внешнего мира, его общественного бытия. На деле цели человека порождены объективным миром, объективными причинами и условиями, реальными возможностями, взяты из мира. Но цели человека не только отражают мир, но и осуществляются в нем. Осуществление целей есть практическое изменение мира человеком. Социализм из конечной цели стал действительностью, из идеального реальным. Сознательная цель как закон определяет способ и характер действий и волю человека в труде, говорит Маркс. Коммунизму—нашей конечной цели—как закону подчиняется революционное рабочее движение, ибо эта цель исторически обусловлена, определена общественным бытием пролетариата. «Дело не в том, в чем в данный момент видит свою цель отдельный пролетарий или даже весь пролетариат. Дело в том, что такое пролетариат и что онсообразно этому своему бытию исторически вынужден будет делать. Его цель и его историческое действие самым ясным и неоспоримым образом предрекаются его собственным жизненным положением, равно, как и всей организацией современного буржуазного общества»¹⁾.

Таким образом марксистский анализ целей людей и классов приводит к признанию исторической необходимости. Историческая необходимость выражает объективную логику общественного развития, логику развития материального производства, совершающегося всегда в определенной общественной форме. В процессе производства люди входят в определенные, от

¹⁾ Маркс. Собр. соч. Т. III, стр. 56. Разрядка моя.— М. К.

их сознания и воли не зависящие отношения, производственные отношения, соответствующие достигнутому уровню развития производительных сил. Совокупность этих отношений определяет сознание и волю людей, их содержание и направление. Но данные производственные отношения, будучи необходимыми (а не произвольно и случайно установленными), есть лишь продукт и формы материальной деятельности самих людей. Историческая необходимость не существует где-то вне деятельности людей, она есть закономерная связь самой этой деятельности, действует и осуществляется в совокупном общественном процессе, в борьбе классов и т. д. Поэтому нельзя рассуждать абстрактно о «непреодолимых тенденциях» исторического развития (наподобие Струве и других «объективистов»), не показывая того, какая общественно-экономическая формация определяет содержание и формы деятельности людей, какой класс закрепил господство в ней и «заведует» экономической необходимостью, какой класс «определяет» историческую необходимость, порождая и подавляя сопротивление других классов. Поэтому вздорным является народническое суб'ективистское противопоставление исторической необходимости и роли личности в истории как взаимоисключающих противоположностей. «Идея детерминизма, говорит Ленин, устанавливая необходимость человеческих поступков... ничуть не подрывает роли личности в истории: история вся слагается именно из действий личностей»¹⁾. Заслуга марксизма в том, что он обобщил действия этих личностей, свел их к закономерным действиям больших масс народа, к борьбе классов; задача в том, чтобы объяснить действия не только отдельных индивидов, а именно масс, классов, показать, «какой социальной обстановкой и как именно обусловливается их развитие».

Игнорирование и отрицание роли личности в истории связаны с буржуазно-фаталистическим, «объективистским» и меньшевистским непониманием роли «суб'ективного фактора» в истории.

Марксизм показывает, что объективные исторические возможности превращаются в действительность в силу слепой или познанной необходимости, сознательно или бессознательно, но не автоматически, а так называемым «суб'ективным фактором». Объективные материальные условия есть лишь база исторической деятельности людей, основа существования и борьбы классов, они не изменяются сами, автоматически. Условия изменяются людьми (суб'ективным фактором), борьбой классов и тем успешнее, чем глубже поняты (людьми, классами) историческая необходимость, законы развития материального производства, классовой борьбы.

Марксизм, вооружая массы знанием законов истории, законов революции, указывая истинный лозунг борьбы и путь к победе, открывает для миллионов масс возможности небывалого в истории широкого, свободного, сознательного творчества и инициативы, освобождает их от духовного рабства и от рабства перед слепой необходимостью. Пока мы не знаем законов развития природы и общества, они действуют помимо нашего сознания и воли, делают нас рабами слепой необходимости. Раз они познаны, и раз налицо соответствующие условия, от людей зависит подчинить действие этих законов контролю планомерно организованного общества, превратить слепую необходимость в свободу, перейти из царства слепой необходимости в царство свободы. Этот переход и совершается в эпоху диктатуры пролетариата. Идеалисты, сторонники поповской басни о свободе воли, особенно старались доказать, что отрицание «свободы воли» есть отрицание ро-

¹⁾ Ленин «Что такое «друзья народа». Т. I, стр. 77.

ли личности в истории. Уже Гегель разбил кантовский дуализм «свободы воли» и необходимости и показал, что свобода есть познание необходимости. Но Гегель изображал идеалистически переход необходимости в свободу. Только марксизм дает научное решение проблемы необходимости и свободы. Свобода есть не воображаемая независимость воли человека от законов природы и общества, не произвол и игнорирование этих законов, как выходит у идеалистов. Свобода и свободное историческое творчество основаны на познании исторической необходимости. Но мало одного познания людьми исторической необходимости для превращения ее в свободу. Для этого нужно практически перестроить общество, действительно превратить средства производства (имеющие общественный характер и вступающие при капитализме в непримиримое противоречие с частным характером присвоения) в общественные, заставить их действовать сообразно их характеру под контролем общества. Для этого необходимо совершить пролетарскую революцию, установить диктатуру пролетариата, экспроприировать экспроприаторов, действительно обобществить средства производства и труд, коллективизировать мелкое крестьянское хозяйство, уничтожить частную собственность, классы, эксплуатацию человека человеком. В социалистической практике диктатуры пролетариата выражается господство общества над законами своего общественного развития и над законами природы. Это господство есть результат верного отражения в голове людей законов природы и общества и сознательного планомерного применения ими на практике этих законов. Свобода есть познанная необходимость, для ее достижения необходимо соединение теории и практики, применение людьми в своей общественной практике знания законов общественного развития.

Действительная свобода и понятие свободы суть продукты исторического развития общества и познания людей. Рабство, выражаясь словами Гегеля, знало свободу только «для немногих», т. е. для рабовладельцев, но не для рабов. И Платон и Аристотель считали это естественным и вечным законом. Феодализм знал свободу и произвол крепостника-помещика и рабство крестьянина. Капитализм объявил «свободой» свободу частной собственности, торговли, эксплуатации «свободного» рабочего и «освобождение» крестьянина от земли и средств производства. Соответственно этому равнились и понятия, идеи «свободы». Таковы наиболее общие исходные пункты марксистского взгляда на вопрос о роли личности в истории. Диалектико-материалистическим учением о необходимости и свободе марксизм преодолел метафизическое противопоставление исторической необходимости и роли личности, сознательной деятельности масс. Теория классовой борьбы, говорит Ленин, установила точный научный прием сведения индивидуального к социальному, открыла законы деятельности больших масс людей, законы борьбы классов.

Ленинская теория и тактика революции и диктатуры пролетариата дают исчерпывающий точный научный ответ на вопрос о роли субъективного фактора — сознательности и организованности авангарда, решимости и воли масс в победе революции, дают основу и для понимания во всей глубине и конкретности роли личности в истории.

Необходима конкретная постановка вопроса о роли субъективного фактора и личности в истории. Одно дело — роль субъективного фактора и личности в условиях рабовладельческого феодального и капиталистического строя, где массы населения находятся в рабстве, где развитие происходит стихийно и где люди являются рабами слепой необходимости. При капитализме над людьми господствуют слепые силы общества (анархия производства, кризисы, войны), которые обрушиваются на них, как законы природы. Тут люди находятся под властью внешних, материальных условий, особенно трудящиеся массы. Другое дело в период диктатуры пролетариата, в период социа-

лизма, когда уничтожены стихийные закономерности развития общества, когда материальное производство развивается по плану пролетарского государства. Тут даны все объективные условия и возможности безграничного развития, и поэтому роль «субъективного фактора» становится решающей. Роль субъективного фактора и роль личности неодинаковы: на протяжении всех эпох истории они меняются, ибо изменяется субъективный фактор и его отношение к объективным условиям. Нельзя забывать, что до сих пор большие массы призывались к активному историческому выступлению и творчеству лишь в периоды восстаний, войн, революций. Но революции до Октября 1917 г. были лишь краткими днями торжества народов, после которых наступали «будни» рабства. До сих пор меньшинство общества (имущие классы, собственники) решало судьбы народов. Стихийные силы, слепая необходимость общественного развития порабощали человека. Материальные условия, «мертвый труд», частная собственность на средства производства, продукты самих людей господствовали и порабощали, как враждебные и непонятные людям силы, живой труд миллионов. Эти исторические условия ограничивали и подчиняли субъективный фактор и личность человека стихийным силам материального производства.

Поэтому вкорме иначе стоит вопрос о роли субъективного фактора в условиях диктатуры пролетариата, в условиях перехода всех трудящихся из царства тяжелой материальной нужды, рабства, эксплуатации, «горькой необходимости» — в царство свободы.

Теперь в СССР, когда построен фундамент социализма, уничтожены нищета, безработица, гнет и рабство, когда ликвидируются окончательно классы и эксплуатация человека человеком, субъективному фактору: сознательности, инициативе, способностям и талантам рабочих и колхозников, которых у нас неиссякаемый родник, — даны широчайшие возможности. У нас рабочий — хозяин над средствами производства; живой труд — субъективная производительная сила (рабочие) — господствует над «мертвым трудом», а не наоборот, как при капитализме. У нас объективные условия попали под планомерный контроль пролетарского государства и подчинены руководству «субъективного фактора». Вот почему у нас роль субъективного фактора стала решающей.

Когда построены гигантские заводы с новейшей техникой, то только от нас самих зависит ускорить темп развития, овладеть техникой и наукой производства. Когда все объективные условия выполнения программы производства налицо, только от нас самих зависит ее выполнение. Наша программа реальна, говорил тов. Сталин, «хотя бы потому, что у нас есть чалицо все необходимые условия для ее осуществления. Она реальна хотя бы потому, что ее выполнение зависит теперь и исключительно от нас самих, от нашего умения и нашего желания использовать имеющиеся у нас богатейшие возможности»¹⁾.

Все богатейшие возможности, все планы реализуются практикой миллионов. «На самом деле производственный план есть живая и практическая деятельность миллионов людей. Реальность нашего производственного плана — это миллионы трудящихся, творящие новую жизнь. Реальность нашей программы — это живые люди, это мы с вами, наша воля к труду, наша готовность работать по-новому, наша решимость выполнить план»²⁾.

В этих положениях тов. Сталина выражено все громадное значение и роль субъективного фактора в период социализма.

Трудности работы по строительству социализма после ликвидации ку-

¹⁾ Сталин «Новая обстановка, новые задачи». «Вопросы ленинизма», изд. X. 1934 г., стр. 465.

²⁾ Там же, стр. 466. Разрядка моя. — М. К.

качества как класса, объединения основной массы крестьян в колхозах, построения материальной базы социализма на $\frac{9}{10}$ уже не в объективных условиях, а в нас самих, в наших организациях.

«Эти трудности являются трудностями нашей организационной работы, трудностями нашего организационного руководства. Они гнездятся в нас самих, в наших руководящих работниках, в наших организациях, аппаратах наших партийных, советских, хозяйственных, профсоюзных, комсомольских и всяких иных организаций. Нужно понять, что сила и авторитет наших партийно-советских, хозяйственных и иных организаций и их руководителей выросли до небывалой степени. И именно потому, что их сила и авторитет выросли до небывалой степени, — от их работы зависит теперь все или почти все. Ссылка на так называемые объективные условия не имеет оправдания. После того как правильность политической линии партии подтверждена опытом ряда лет, а готовность рабочих и крестьян поддержать эту линию не вызывает больше сомнений, — роль так называемых объективных условий свелась к минимуму, тогда как роль наших организаций и их руководителей стала решающей, исключительной. А что это значит? Это значит, что ответственность за наши прорывы и недостатки в работе ложится отныне на девять десятых не на «объективные» условия, а на нас самих и только на нас»¹⁾.

Это глубокое понимание тов. Сталиным диалектики революционной практики, роли в ней субъективного фактора и роли личности обеспечивает успехи в гигантском социалистическом строительстве, оно непримиримо с идеологией и практикой стихийности, самотека, с теорией автоматического краха капитализма.

Победы и успехи в нашей практике были получены не в порядке самотека, а в порядке ожесточенной борьбы за проведение линии партии. «Победа никогда не приходит сама, — ее обычно притаскивают»²⁾.

Марксизм преодолел и устранил абстрактные рассуждения об обществе и личности «вообще». Возражая народникам и Струве, Ленин говорил, что нет раз навсегда данных, неизменных для всех эпох, отношений общества и личности. Античное рабовладельческое общество, феодализм и капитализм знают различное отношение «личности» и «общества». Да и «личности» занимают различное место в этих системах производства, имеют различное отношение к средствам производства (обычно закрепленное законами государства), различные и определенные источники и размеры доходов, различное положение и роль в обществе, различные и противоречивые классовые интересы, из-за которых ведут борьбу не в одиночку. Одни «личности» здесь имели возможность эксплуатировать и эксплуатировали, угнетали и подавляли других. Рабы, крепостные, пролетарии, подавляющая масса общества эксплуатировалась и была в рабстве у незначительного меньшинства эксплуататоров, конечно, не в силу «доброй и свободной воли».

Пока рассматривали историю как хаос, беспорядочно сталкивающихся людей и не видели в ней борьбы классов, не видели и никак о ней законности в самой деятельности людей.

Так обстоит вопрос с «ролью личности» в этих общественных формациях. Но об этом идеологи имущих классов «забывают», когда рассуждают о роли личности в истории. Лишь социализм действительно освобождает личность подавляющей массы общества от рабства, будит и развивает инициативу, способности, таланты, героизм у трудящихся. Лишь коммунизм означает полное «освобождение личности» от забот о куске хлеба, от подлаживания к «сильным мира»³⁾, как говорит тов. Сталин. Коммунизм

¹⁾ Сталин. Политотчет ЦК XVII съезду ВКП(б). «Вопросы ленинизма», изд. 1934 г., стр. 590.

²⁾ Там же, стр. 589.

³⁾ Сталин. Беседа с первой американской рабочей делегацией. «Вопросы ленинизма».

есть такая ассоциация трудящихся, в которой свободное развитие каждого будет условием свободного развития всех. Коммунизм означает полный расцвет личности и всех ее дарований. Изображая клеветнически коммунизм казармой, где личность подавлена, идеологи буржуазии вынуждены, однако, брать свои образы и аналогии из капиталистической действительности, ее фабрик и казарм, из тех же форм рабства, на которых основаны их «цивилизация», «культура» и «свобода».

Марксизм ставит вопрос всегда конкретно: о роли какой личности, какого класса, какой эпохи идет речь? Марксизм, сводя индивидуальное к социальному теорией классовой борьбы, исходит из конкретного единства общего, единичного и особенного в историческом движении. Он показывает, что общественное явление не существует вне индивидуального, что деятельность индивида всегда общественно обусловлена, имеет социальное, классовое содержание и значение, входит частью в общественный процесс. Индивид и обособляться может только в обществе себе подобных, говорит Маркс. Личность в обществе — не абстрактное изолированное существо, не Робинзон на необитаемом острове и не абстракция, как изображает его буржуазная социология.

«Сущность человека» определяется всей совокупностью общественных отношений, в которых он растет, воспитывается, живет и действует. Чтобы понять роль личности в истории, нельзя ни вырывать ее из исторической обстановки, ни превращать ее в ничто, растворять бесследно в «обществе». Согласно, например, социологии Конта, индивиды «исчезают» в мистическом «человечестве», превращаются в абстракцию. Индивиды «исчезают» и в «духовном организме» социологии Шпанна. А в социологии народников (Лаврова, Михайловского) и неокантианцев (Риккерта) личность оторвана от общественных условий, общество же выступает как механический агрегат индивидов. Таковы противоречия всей буржуазной социологии, пытающейся отстоять буржуазный индивидуализм, с одной стороны, и подчинение и угнетение масс — с другой¹⁾.

Вот почему буржуазная социология постоянно противопоставляет личность обществу, роль личности (и масс) в истории исторической необходимости: от фатализма она бросается к волюнтаризму.

Метафизический материализм изменял самому себе в области истории, объясняя идеалистически роль личности в истории. Метафизики-материалисты останавливались (как и идеалисты) на целях и идейных мотивах людей, не понимая материальных корней и причин этих мотивов и материальных условий их осуществления. Как и философы-идеалисты, они не видели в истории борьбу масс и классов, а видели лишь выдающихся или «великих людей». Гегель сделал шаг вперед, он пытался изобразить историю как борьбу «массы мелкого частного интереса», «малых сил», из которой вырастает нечто великое. Но все люди, включая и великих, оказывались у него орудиями всемирного духа.

Личность у Гегеля — лишь «слепое звено в цепи абсолютной необходимости» развития этого духа. Но личность является слепым звеном лишь при

¹⁾ Яркой иллюстрацией этого положения является та же социология одного из идеологов фашизма Шпанна. Он «яростно» сражается с индивидуализмом, атомизмом, механицизмом буржуазной социологии, приписывая ее, однако, марксизму. Он утверждает по-поповски, что «отдельные люди суть члены объективного духа», они целиком подчинены этому мистическому «над тобой» — богу и государству. А с другой стороны, он твердит, что все великие движения в истории суть творения «великих вождей», что буржуазная демократия не дает ходу «действительным гениям». Само собой разумеется, что если к демонам «крупного стиля» Шпанн относит всех великих мыслителей человечества, то к «гениям» он причисляет всех мракобесов, реакционеров, палачей революционного движения, каковыми являются и «вожди» фашизма». См. Шпанн «Философия общества», стр. 28, 58, 130, 162—163, 164.

стихийном общественном развитии, когда она не понимает хода истории. Гегель, правда, тоже говорит, что всякий человек может возвыситься до господства над значительным отрывком исторической цепи в том случае, если познает, куда стремится великая необходимость.

В действительности это лишь абстрактная возможность. Как идеалист, Гегель забывает, что для овладения исторической цепью мало одного «познания необходимости». Не всякий человек в классовом обществе может одинаково легко возвыситься до господства над исторической цепью. Ленин учит, что мало показывать необходимость процесса, надо показывать, какой класс определяет историческую необходимость, преодолевая сопротивление других классов, какой класс господствует и «заведует» экономической необходимостью.

Недостаточно лишь «познать необходимость», надо ею практически овладеть, а для этого нужны материальные средства, условия, организация действия масс, классов. Нужно умение найти главное и практически овладеть центральным очередным звеном цепи. Вся историческая действительность «вся политическая жизнь есть бесконечная цепь из бесконечного ряда звеньев. Все искусство политики в том и состоит, чтобы найти и крепко-крепко уцепиться за такое именно звеньшко, которое всего меньше может быть выбито из рук, которое всего важнее в данный момент, которое всего более гарантирует обладателю звеньшка обладание всей цепью»¹⁾. Такова конкретная марксистская постановка вопроса о возможностях и роли личности в истории.

«Марксизм вовсе не отрицает роли выдающихся личностей», — говорит тов. Сталин. — «Наоборот, роль эту он признает значительной». Люди делают свою историю, но всегда при определенных условиях. «И великие люди стоят чего-нибудь только постольку, поскольку они умеют правильно понять эти условия, понять, как их изменить. Если они этих условий не понимают и хотят эти условия изменить так, как им подсказывает их фантазия, то они, эти люди, попадают в положение Дон-Кихота. Таким образом, как раз по Марксу вовсе не следует противопоставлять людей условиям»²⁾.

Эти положения тов. Сталина быют как против фатализма, так и субъективного идеализма и волюнтаризма, попадают в больное место буржуазной социологии, противопоставляющей деятельность людей историческим условиям и исторической необходимости. Марксизм же учит, что «обстоятельства изменяются людьми... Совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности или самоизменения может быть достигнуто и рационально понято, только как революционная практика»³⁾.

В практике человек, исходя из наличных условий и обстоятельств, изменяет их, изменяет и самого себя. В практике всегда дано живое единство объективных условий и субъективной деятельности. Понятие объективных условий и субъективного фактора относительно, противоречиво, диалектично. Так например рабочий класс выступает как «субъективная производительная сила» по отношению к материальным общественным условиям производства, к средствам труда⁴⁾. Субъективный фактор истории — это массы, классы, их сознание, воля, организованность и т. д.

¹⁾ Ленин «Что делать». Т. IV, стр. 487.

²⁾ Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвиги. «Большевик» № 8. 1932 г., стр. 34.

³⁾ Маркс. III тезис о Фейербахе. Архив М. и Э., стр. 200.

⁴⁾ В связи с этим следует указать на блестящую диалектико-материалистическую постановку вопроса о роли техники и людей в период социалистической реконструкции, которую дает тов. Сталин в беседе с металлургами. «Правда» от 29 декабря 1934 г.

Суб'ективный фактор революции — это сознательность, организованность и решимость масс идти в бой, это сознательность, организованность и подготовленность авангарда к руководству массами. Троцкизм, люксембургизм, «левый радикализм», «отзовизм» и «ультиматизм», анархосиндикализм и т. д. идеалистически отрывали суб'ективный фактор от исторической обстановки, предлагая тактику логических «нематериальных» скачков через неизжитые этапы истории, тактику авантюр. Массам, классам, партиям, вождям предлагал троцкизм руководствоваться в борьбе своими суб'ективными настроениями, без учета реальных условий. Это ничего общего не имеет с марксизмом. «Марксизм, — говорит Ленин, — отличается от всех других социалистических теорий замечательным соединением полной научной трезвости в анализе об'ективного положения вещей и об'ективного хода эволюций с самым решительным признанием значения революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс, — а также, конечно, отдельных личностей, групп, организаций, партий, умеющих нащупать и реализовать связь с теми или иными классами»¹⁾. В противоположность фатализму и хвостизму меньшевизма ленинизм со всей силой подчеркнул роль суб'ективного фактора.

Когда об'ективные условия для решения исторической задачи налицо, тогда суб'ективный фактор, организованность, сознание, воля и решимость масс являются фактором решающим и побеждающим. Когда об'ективно-революционная ситуация налицо, тогда сознательность и организованность авангарда и решимость революционных масс, их готовность поддержать его являются фактором, решающим победу революции. Когда об'ективных условий нет, люди не могут бездействовать и ждать, когда условия сами собой появятся, ибо люди сами и создают и подготавливают и об'ективные условия для осуществления своих задач и целей, исходя из наличных условий, возможностей и сил, развивая и изменяя их. Исходя из об'ективных условий, изменяя их, люди в своей практике превращают реальные исторические возможности в действительность. При этом, говорит товарищ Сталин, не всегда классы, партии и их вожди замечают все возможности, не всегда умеют использовать все условия и превратить имеющиеся возможности в действительность. Еще чаще люди не могут предвидеть развития, появления новых возможностей и условий, не имея перспективы. В истории бывают ошибки исторических деятелей, партий и классов, в результате чего бывают и поражения. Правда, на ошибках разбитые армии учатся при условии, если ошибки вскрываются. Для фаталиста же говорить об ошибках исторических деятелей, партий, классов в истории — нелепость.

«Историческое явление не могло сложиться иначе, чем оно сложилось», — таков их довод. Но это пустая абстракция, тавтология. Конечно, и ошибки исторически бывают «обусловлены», но от этого они не перестают быть ошибками. Суб'ективист, напротив, всякое поражение объясняет ошибками, не понимая об'ективной логики событий. Историческое движение идет противоречиво, диалектично, его нельзя охватить мертвыми метафизическими схемами. Только теория марксизма в состоянии охватить диалектику истории, понять и оценить условия и значение революционной практики, дать руководство пролетариату для максимально успешного использования всех условий и возможностей, дать об'ективный научный критерий для оценки правильной тактики и вскрытия ошибок.

Роль личности в истории нельзя понять без уяснения роли сознательности в историческом развитии; эту сторону марксизма особо развивают Ленин и Сталин в борьбе с идеологией стихийности и самотека.

¹⁾ Ленин «Против бойкота». Собр. соч. Т. XII, стр. 32.

Великие люди велики постольку, поскольку они понимают задачи своей эпохи, своего класса и умеют использовать все условия, чтобы решить эти задачи. Но все великие люди прежних эпох не знали законов исторического развития, часто не понимали смысла, сущности и последствий возглавляемого ими движения. Они руководствовались знанием эмпирически воспринимаемых условий и задач¹⁾. Люди делали до сих пор свою историю не сознательно, не руководя ею единой волей по единому плану, не руководствовались научной общественной теорией.

Но кто не ведет судьбу, того судьба тащит,—можно сказать, перефразируя латинскую поговорку. Так обстояло дело с «судьбой» людей до сих пор, ибо стихийные законы общественного развития господствовали над людьми.

Только пролетариат и его вожди, вооруженные теорией марксизма, знают законы истории, законы революции и применяют их сознательно в революционной стратегии и тактике. Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин открыли эпоху сознательного исторического творчества, вооружая массы научной теорией, преодолевая идеологию и практику стихийности. Понятия буржуазной социологии, вся идеология стихийности есть слепок с форм стихийного общественного развития. Поэтому идеологи стихийности объявили абсурдным, утопичным требование планомерного руководства партии рабочим движением. Они объявили «тактику — план» противоречащим духу их «марксизма», т. е. духу оппортунистического приспособления к поворотам событий — тактике хвостизма.

«Да, это клевета на марксизм, превращение его в ту самую карикатуру, которую противопоставляли нам в войне с нами народники, — писал Ленин. — Это именно принижение инициативы и энергии сознательных деятелей, тогда как марксизм дает, напротив, гигантский толчок инициативе и энергии социал-демократа, открывая ему самые широкие перспективы, отдавая (если можно так выразиться) в его распоряжение могучие силы миллионов и миллионов «стихийно» поднимающегося на борьбу рабочего класса!»²⁾.

Вся история рабочего движения кишит планами, которые выдвигались политическими вождями, обнаруживая и подтверждая дальновидность одних и политическую близорукость, ошибки и оппортунизм других.

Ленин писал: «В том-то и состоит, между прочим, значение партийных организаций и партийных вождей, заслуживающих этого звания, чтобы длительной, упорной, разнообразной, всесторонней работой всех мыслящих представителей данного класса вырабатывать необходимые знания, необходимый опыт, необходимые — кроме знания и опыта — политическое чутье, для быстрого и правильного решения сложных политических вопросов»³⁾.

Обобщая опыт рабочего движения всех стран, развивая теорию Маркса, Ленин страстно бичевал принижение оппортунистами революционной инициативы вождей, партий, масс, их кустарничество, узколобый практицизм, отсутствие исторической перспективы, принижение политических и организационных задач и теоретическую беззаботность оппортунистов в рабочем движении. Вульгаризаторы марксизма, говорил Ленин, не понимают «какие чудеса способна совершить в революционном деле

¹⁾ Как говорит Гегель, они знают «дух времени» или задачи, присущие их времени, ибо они практические деятели, политики, черпают свои цели и задачи из источника, который еще скрыт от других. «Следовательно, как кажется, они черпают содержание из себя, и их деятельность создает состояние и отношение мира, которое кажется лишь их делом и их творением». Гегель. «Философия истории». Нем. изд. Глокнера. Т. XI, стр. 60.

²⁾ Ленин. Собр. соч. Т. IV, стр. 398. Разрядка моя. — М. К.

³⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXV, стр. 210, 3-е изд.

энергия не только кружка, но даже отдельной личности»¹). Если энергия одиночек, революционных интеллигентов Желябова и Халтурина могла делать чудеса, говорил Ленин, то русский революционер, опираясь на революционную теорию Маркса, на стихийно пробуждающийся истинно революционный класс, может «развернуть все свои богатейшие силы» и показать небывалые в истории чудеса. «Дайте нам организацию революционеров — и мы перевернем Россию!»²). В этих пророческих словах Ленина, сказанных более 30 лет назад, дано глубочайшее понимание роли партии и личности, роли субъективного фактора в истории.

Ленин и Сталин создали такую организацию революционеров, которая перевернет весь мир, ибо они усвоили дух марксизма, его диалектику, его революционную тактику и гениально развили марксизм применительно к задачам новой эпохи.

Эту мысль настойчиво подчеркивал и развивал тов. Киров, по-новому формулируя великую задачу, поставленную Архимедом в древности. «Оба земных подушария повернуть на путь коммунизма», — вот что было великой исторической задачей, целью неутомимой борьбы тов. Кирова, этого наиболее яркого выразителя великого героизма, творческой инициативы, неисчерпаемой энергии самого революционного в истории человечества класса.

Замедление или ускорение исторического движения в значительной степени зависит даже от таких случаев, «как характер людей, стоящих во главе движения», — учил Маркс.

Без хорошего руководителя движение не побеждает. И обычно мощное великое движение находит, воспитывает, создает и выдвигает соответствующих руководителей. Но для этого нужны время, условия, усилия участников самого движения. Если личность выдвинулась на историческую арену и стала во главе движения, то для этого должны были быть как объективные исторические условия, так и субъективные данные у этой личности. Личность может оказаться случайной в данном движении и исчезнуть, как исчезли Струве, Прокоповичи, Акимовы, Либеры и Даны, Троцкие и т. п. из рабочего движения, хотя все эти люди вообще, конечно, не есть чистая случайность, ибо это агентура буржуазии в рабочем движении. Стечение исторических условий ставит на момент даже во главе масс таких людей как Гапон, но лишь потому, что условия движения (влияние буржуазной политики и идеологии), недостатки, ошибки и неразвитость движения дают почву для таких случайностей. Весь опыт революционного движения показывает, что вождями рабочих масс обычно являются проверенные, испытанные в боях в течение десятилетий люди.

Случайно ли во главе пролетариата в России стали большевики, случайно ли они стали у власти? Случайно ли во главе профсоюзов, комсомола, советов и т. д. стоят коммунисты? Нет, не случайно, — говорил товарищ Сталин (Беседа с первой американской рабочей делегацией). Это результат большой исторической самоотверженной героической работы. Эти люди проверяются ежедневно массами на работе, они испытаны в боях, смелы, самоотвержены, видят глубже и дальше других. Они прочными нитями связаны с массой. Чем более ответственный пост, тем более испытанные и проверенные люди на него выдвигаются.

Социалистическая революция выдвигает массу талантов из низов народа; их выращивает, закаляет, воспитывает наша великая стройка. Здесь эти таланты и проверяются. Но весь этот процесс идет планомерно не только снизу, но и сверху, ибо у нас есть могучая, вездесущая, всезнающая и всевидящая организация — партия, есть гениальный штаб в лице ленинско-сталинского ЦК, который руководит этим делом, всем талантам находит

¹) Ленин «Что делать». Собр. соч. Т. IV, стр. 443. Разрядка моя. — М. К.

²) Там же, стр. 458.

свое место в великой армии революции, на лесах великой социалистической стройки. Большевизм всегда уделял огромное внимание проблеме кадров революции, ставя этот вопрос глубоко научно и практически во всей его широте. Это известно всем, так как нет ни одного политического и организационного отчета ЦК ВКП(б) съездам партии, где бы этот вопрос не стоял в центре внимания.

Не то в движении имущих классов... Здесь, во-первых, играют роль не только и не столько личные способности и качества, сколько имущественное положение, обеспечивающее выдвижение по общественной лестнице и т. п. Здесь больше моментов случайности в том, кто становится во главе движения, вследствие стихийного его характера в особенности. «Случайностью было то, что именно корсиканец Наполеон оказался тем военным диктатором, появление которого стало неизбежно в истощенной своими войнами французской республике. Но если бы не было Наполеона, то его место занял бы другой; это доказывается тем, что подходящий человек находился всякий раз, когда в нем была нужда: Цезарь, Август, Кромвель и т. д.»¹). Энгельс совсем не сводит здесь роль личности (Наполеона) к случайности в истории, как это выходит у вульгаризаторов марксизма, ибо Энгельс исходит из диалектики случайности и необходимости в истории.

Случайно, что диктатором Франции оказался именно этот корсиканец, но бонапартизм как историческое явление — не случайность, он порождается неизбежно определенным соотношением классовых сил, вырастая на почве контрреволюционности буржуазии, колебаний и бессилия мелкой буржуазии, ослабления сил революции. Подобное явление наблюдалось во многих революциях (1789—1794 г., 1848—1851 г., 1905—1907 г.). В столыпинщине, например, Ленин отмечал черты бонапартизма. В 1917 г. в корниловщине и керенщине Ленин так же отмечал тенденции бонапартизма. Корнилов и Керенский оказались неудавшимися «бонапартистами» в значительной мере благодаря бдительности пролетариата, героизму нашей партии, гениальной прозорливости Ленина и Сталина, организовавших разгром контрреволюции. Филистер в историческом событии видит лишь случайное, внешнее, индивидуальное, а не внутренне необходимое, массовое и общее. Поэтому и личности в этих событиях и их выдвижение кажутся случайным, исключительно индивидуальным явлением. Ленин же учит, что надо искать объективной исторической почвы, порождающей и выдвигающей личности, в них надо видеть представителей класса, а не только случайное, единичное явление. И Гапон Ленин не считал чистой случайностью, указывая почву гапоновщины. В 1917 г. он указывал, откуда неизбежно приходят Кавеньяки. «Кавеньяк не случайность», он представитель контрреволюционной буржуазии, его роль — проводить политику контрреволюционной буржуазии.

«Была бы шаткая, колеблющаяся, боящаяся развития революции мелкая буржуазия. — появление Кавеньяков обеспечено», — писал Ленин в 1917 г., предупреждая пролетариат о готовящейся контрреволюции.

От стойкости, бдительности, от силы революционных рабочих и руководства ими со стороны партии зависит, ждет ли Кавеньяков, неизбежно порождаемых контрреволюционностью буржуазии, поражение или победа.

Вот почему в корне ошибочно было бы вообще сведение роли личности к случайному моменту в истории. А чтобы этого не случилось, надо при рассмотрении роли личности изучать не только их деятельность и личные качества (это тоже необходимо), но и то, как эта деятельность связана с общими процессами, почему данные личные качества понадобились

¹) Маркс—Энгельс «Переписка». Энгельс—Штаркенбургу 25/1 1894 г. Под ред. Адоратского. Соцэгиз. 1931. 406 стр.

и какую роль сыграли в них, какой класс выдвинул людей, за что и как эти люди боролись. Абстрактная постановка вопроса о роли личности ведет к бессмысленным историческим параллелям. Сталин отвергал параллели между Лениным и Петром Великим, вождями большевиков и Болотниковым, Пугачевым, Ст. Разиным и другими вождями крестьянской революции, так как все они вожди различных классов. Идеалисты обычно считали вождей единственными творцами истории¹). Этому способствовало то, что вожди имущих классов стояли над массами, командовали ими, опираясь на верхушку общества, военный и государственный аппарат. Пролетарская революция уничтожает эти отношения. «Прошли те времена, когда вожди считались единственными творцами истории, а рабочие и крестьяне не принимались в расчет. Судьбы народов и государств решаются теперь не только вождями, но прежде всего и главным образом миллионными массами трудящихся. Рабочие и крестьяне, без шума и треска строящие заводы и фабрики, шахты и железные дороги, колхозы и совхозы, создающие все блага жизни, кормящие и одевающие весь мир,—вот кто настоящие герои и творцы новой жизни... Их «скромный» и «незаметный» труд является на самом деле трудом великим и творческим, решающим судьбы истории»²).

Эти положения товарища Сталина имеют громадное и теоретическое и практическое значение.

Буржуазная социология и современные идеологи фашизма создают культ «вождя», повелевающего «безмолвными», слепо повинующимися массами. Самые заурядные и темные личности возводятся в ранг «сверхчеловека», национального героя. Массы должны слепо повиноваться «вождю», учат фашисты. «Вождем» стоит над массой как «повелитель», а не как руководитель и организатор. А что сам их «вождь» выполняет волю финансового капитала (Круппа, Тиссена, Детердинга и т. д.) и играет роль палача по отношению к массам, об этом социология фашизма, конечно, умалчивает.

Троцкий тоже воображал, что политический вождь (подобный, конечно, ему!) — это сверхчеловек, который может по своему произволу творить историю, игнорируя волю масс, классов и законы самой истории. Когда же такой «вождь» попал в положение Дон-Кихота, то виноватыми оказались «несчастные обстоятельства», массы, история, но отнюдь не «вождь».

Идеалисты не понимают или сознательно маскируют источник социальной силы выдающихся людей в истории. Отрывая личность от исторических условий и не показывая тех общественных сил, которые за ним идут, его поддерживают, идеалисты фетишизируют обыкновенных и даже ничтожных людей. Марксизм-ленинизм точно, научно характеризует действительно великую роль великих людей в истории, ибо имеет объективный критерий для оценки. Масштаб для оценки дан глубиной и значением тех событий, которые вызваны великой личностью и с которыми связана его деятельность. Сталин поэтому говорил, что Ленин и Петр Великий — несоизмеримые величины и как вожди различных классов и по своим личным качествам. Во всемирной истории Петр Великий «был каплей в море, а Ленин — целый океан»³). Марксизм-ленинизм объясняет материалистически роль великой личности в истории, показывая те исторические условия, те общественные силы и те личные качества (гениальность, талантливость), благодаря которым люди выдвинулись и стали великими. Поэтому

¹) Наиболее ярко, последовательно эта точка зрения выражена Карлейлем. Карлейль всю историю сводит к биографии великих людей, героев (см. его «Герои и героическое в истории»).

²) Сталин. Речь на I всесоюзном съезде колхозников. «Вопросы ленинизма», изд. 1934 г., стр. 536—537.

³) Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом. «Большевик» № 8. 1932 г., стр. 33.

марксизм-ленинизм не отвергает авторитетов и не фетишизирует их. «Самые крупные авторитеты сходят у нас на нет, превращаются в ничто, как только им перестают доверять рабочие массы, как только они теряют контакт с рабочими массами. Плеханов пользовался совершенно исключительным авторитетом. И что же? Как только он стал политически хромать, рабочие его забыли, отошли от него и забыли его. Другой пример: Троцкий. Троцкий тоже пользовался большим авторитетом, конечно, далеко не таким, как Плеханов. И что же? Как только он отошел от рабочих, его забыли»¹⁾. А если и «вспоминают иногда,—со злобой»²⁾.

Таков марксистский подход к авторитетам выдающихся личностей в истории.

Плеханов, в отличие от Каутского, Кунова и т. п. вульгаризаторов и фальсификаторов марксизма, неоднократно ставил и рассматривал вопрос о роли личности в истории. Однако, как мы указывали выше, он рассуждает большей частью о роли «личности вообще», абстрактно, оторванно от классовой борьбы, роли партий, вождей и масс, их конкретно-исторических отношений. Страдая меньшевистским «объективизмом», не понимая во всей глубине роли партии, авангарда, роли «субъективного фактора» в истории, Плеханов и роль вождя понимает абстрактно, с точки зрения созерцательной философии, лишь так или иначе объясняющей мир. Плеханов сводит роль вождя вообще и в рабочем движении в частности к роли сознательного выразителя бессознательного стихийного хода развития. Но это и есть скат к идеологии стихийности, к хвостизму. Вождь пролетариата не только сознательно выражает исторические задачи человечества, класса в данную эпоху, он вместе с тем организует, направляет его борьбу, практически руководит движением своего класса. Организаторская роль есть главная роль партии и вождя пролетариата — учит ленинизм.

«У пролетариата нет иного оружия в борьбе за власть, кроме организации. Раз'единяемый господством анархической конкуренции в буржуазном мире, придавленный подневольной работой на капитал, отбрасываемый постоянно «на дно» полной нищеты, одичания и вырождения пролетариат может стать и неизбежно станет непобедимой силой лишь благодаря тому, что идейное объединение его принципами марксизма закрепляется материальным единством организации, сплачивающей миллионы трудящихся в армию рабочего класса», — писал Ленин³⁾. Эта мысль проходит красной нитью через все работы Ленина и Сталина.

Со всей конкретностью, глубиной и научной точностью роль вождя-организатора в условиях диктатуры пролетариата раскрыл товарищ Сталин, говоря о талантливейшем и крупнейшем организаторе и вожде большевиков — Я. М. Свердлове.

«Что значит быть вождем-организатором в наших условиях, когда у власти стоит пролетариат? Это не значит подбирать помощников, составить канцелярию и давать через нее распоряжения. Быть вождем-организатором в наших условиях, это значит, во-первых, знать работников, уметь схватывать их достоинства и недостатки, уметь подойти к работникам, во-вторых, уметь расставить работников так: 1) чтобы каждый работник чувствовал себя на месте; 2) чтобы каждый работник мог дать революции максимум того, что вообще способен он дать по своим личным качествам; 3) чтобы такого рода расстановка работников дала в своем результате не перебои, а согласованность, единство, общий под'ем работы в целом; 4) чтобы общее направление организованной таким образом работы служило выражением

¹⁾ Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилом Людвигом. «Большевик» № 8. 1932 г., стр. 36. Разр. моя. — М. К.

²⁾ Там же.

³⁾ Ленин. Собр. соч. Т. VI, стр. 328, 3-е изд.

и осуществлением той политической идеи, во имя которой производится расстановка работников по постам»¹⁾.

Эту роль большевики осуществляли на деле. Оппортунисты, идеологи стихийности и самотека, и теоретически и практически вели противоположную линию — линию дезорганизации, раскола рабочего движения, подчинения его буржуазии. И в работах Плеханова не нашел отражения опыт революционного рабочего движения, по-новому ставящий вопрос о роли личности в истории. Большевизм на всем протяжении своей богатой, подлинно героической славной истории уделял огромное внимание роли кадров, их воспитанию, подбору и т. д. Разъясняя суть лозунга «Техника в период реконструкции решает все», тов. Сталин в беседе с металлургами говорил: «Нельзя технику отрывать от людей, приводящих технику в движение. Техника без людей мертва. Лозунг «Техника в период реконструкции решает все» имеет в виду не голую технику, а технику во главе с людьми, овладевшими техникой... И поскольку мы уже научились ценить технику, пора заявить прямо, что главное теперь — в людях». А отсюда вывод: «Надо беречь каждого способного и понимающего работника и беречь и вырастить его. Людей надо заботливо и внимательно выращивать, как садовник выращивает облюбванное плодовое дерево. Воспитывать, помогать расти, дать перспективу, во-время выдвигать, во-время переводить на другую работу, ежели человек не справляется со своим делом, не дожидаясь того, когда он окончательно провалится»²⁾.

Эти положения тов. Сталина дают обобщенный опыт большевизма, они — руководство для действия, директива для каждой организации и каждого коммуниста. Только благодаря этой заботе о кадрах большевизм выдвинул массу талантливых организаторов, агитаторов, политиков и хозяйственников, ученых и полководцев. От каждого своего члена партия требует умения руководить массами, вести их за собой своим личным примером, организаторскими способностями, самоотверженностью и преданностью делу коммунизма, делу пролетарской революции, своей заботой о материальных и духовных интересах трудящихся масс, своей героической борьбой. И при этом на каждом этапе революции требуются особые качества, навыки, умения, знания, особые таланты, особый героизм. И большевизм показал образцы героизма подпольной работы, работы в тюрьме и ссылке, на баррикадах, в партизанских отрядах и в черносотенной думе, и в период четырехлетней гражданской войны с белогвардейцами и армиями интервентов. А затем наступили героизм и пафос грандиозного социалистического строительства, соревнования, ударничества, овладения наукой и техникой, Арктикой и стратосферой. Только великие идеи и дела коммунизма, только гениальное ленинское и сталинское руководство могли вызвать, разбудить и развернуть этот героизм, без которого немислимы достигнутые великие победы коммунизма в СССР и во всем мире. Героизм масс, помноженный на гениальное руководство ленинского и сталинского ЦК ВКП(б) — вот где тайна большевистских побед.

Опыт революций учит, что величайший героизм масс без умелого руководства разбивается, тушится и подавляется врагами, предателями, агентами буржуазии в революционном рабочем движении. Вот почему буржуазия стремится прежде всего обезглавить революцию. Выстрел в Ленина, убийство Володарского, Урицкого, Воровского, Карла Либкнехта и Розы Люксембург и, наконец, подлое убийство С. М. Кирова, лучшего вождя масс, верного и лучшего соратника великого Сталина — все эти акты подлых агентов буржуазии имеют одну цель — спасти загнивающий капитализм.

¹⁾ Сталин «О Я. М. Свердлове». «Пролетарская революция» № 11, ноябрь 1924 г.

²⁾ Сталин. Беседа с металлургами. «Правда» от 29 декабря 1934 г.

Все буржуазные идеалистические теории не в состоянии или даже не пытаются объяснить, каким образом возвышаются и выдвигаются на историческую арену такие ничтожества, как «разорившийся авантюрист» Луи Бонапарт, как многие современные политики буржуазии, не блещущие, по выражению товарища Сталина, ни умом, ни талантами, как идеологи и «водители» фашизма. Маркс в «Восемнадцатом Брюмера» дал блестящий памфлет на таких «героев», памфлет, обладающий всеми достоинствами гениально художественного произведения и образца подлинно научной историографии.

Виктор Гюго в «Маленьком Наполеоне» ограничивается едкими и остроумными личными нападками на ответственного издателя государственного переворота — Луи Бонапарта, рисуя этот переворот как «гром из ясного неба» или «насилие со стороны одного индивидуума».

«Он не замечает, — говорит Маркс, — что не умаляет, а возвеличивает этого индивидуума, приписывая ему беспримерную во всемирной истории мощь личной инициативы»¹). И у Прудона в его «*Сoup d'État*», говорит Маркс, получается также апология Л. Бонапарта, несмотря на то, что Прудон пытается изобразить «переворот» его как результат предшествующего развития. Прудон «впадает, таким образом, в ошибку наших так называемых объективных историков. Я же показываю, как классова борьба создала во Франции обстоятельства и отношения, давшие возможность посредственному, смешному персонажу сыграть роль героя»²). Маркс здесь показал коренное различие между героями эпохи буржуазных революций и «героями» буржуазии, утвердившейся у власти. Еще большая разница будет между героями буржуазной революции и «героями» загнивающей буржуазии. Маркс блестяще, глубоко, с художественной образностью вскрыл «трезвый практицизм», господство «голового расчета» и «чистогана», черствость и связанные с ним отсутствие героизма, враждебность некоторым формам искусства и поэзии как характерные черты буржуазного общества и буржуазии.

«Однако, как ни мало героично буржуазное общество, для его появления на свет понадобились героизм, самопожертвование, террор, гражданская война и битвы народов»³). Эпоха Великой французской революции выдвинула своих героев из восходящего класса. Но эти герои часто искали в традициях римской республики те «идеалы и художественные формы, иллюзии, необходимые им для того, чтобы скрыть от самих себя буржуазно-ограниченное содержание своей борьбы, чтобы удержать свое воодушевление на высоте великой исторической трагедии»⁴). «Они боязливо вызывают себе на помощь духов прошлого», так же, как и Лютер, маскирующийся «апостолом Павлом». «Так, одним столетием раньше, на другой ступени развития, Кромвель и английский народ воспользовались для своей буржуазной революции языком, страстями и иллюзиями, заимствованными из Ветхого завета»⁵). Они черпают вдохновение и поэзию из прошлого, но решают задачи своего времени, а не пародируют старую борьбу, как «герои» революции 1848 г.

«Камилл Демулен, Дантон, Робеспьер, Сен-Жюст, Наполеон, — как герои, так и партии и народные массы старой французской революции, осуществляли в римском костюме и с римскими фразами дело своего времени — освобождение от оков и установление современного буржуазного общества. Одни вдребезги разбили основы феодализма и скосили выросшие на этой почве феодальные головы; последний создал внутри Франции условия,

¹) Маркс. «Восемнадцатое Брюмера». Предисловие. Изд. 1934 г., стр. 3—4.

²) Там же, стр. 4.

³) Маркс «Восемнадцатое Брюмера», Изд. 1934 г., стр. 9.

⁴) Маркс. Там же, стр. 9.

⁵) Маркс. Там же, стр. 10.

при которых стало возможным развитие свободной конкуренции, эксплуатации парцеллированной поземельной собственности, применение освобожденных от оков промышленных производительных сил нации, а за пределами Франции он всюду разрушал феодальные формы, поскольку буржуазное общество Франции нуждалось в создании собственной, отвечающей потребностям времени обстановки на европейском континенте»¹⁾. Таковы герои буржуазной революции XVIII в.

Но как только была создана капиталистическая формация, «исчезли допотопные гиганты и с ними вся воскресшая из мертвых римская старина, — все эти Бруты, Гракхи, Публиколы, трибуны, сенаторы и сам Цезарь. Трезво-практическое буржуазное общество нашло себе истинных истолкователей и представителей в Сэях, Кузенах, Ройэ-Колларах, Бенжамен Констанах и Гизо; его настоящие полководцы заседали в коммерческих конторах, его политическим главой был жирноголовый Людовик XVIII. Всецело поглощенное накоплением богатств и мирной борьбой конкуренции, оно забыло, что его колыбель охраняли древне-римские призраки»²⁾.

Но настала новая эпоха, эпоха кровавых империалистических войн, всеобщий кризис капитализма, загнивание буржуазного мира, эпоха катастроф для буржуазии. Ей потребовались новые люди. И вот явились «гладиаторы» умирающего и отравляющего своим гниением капитализма. Появились Ницше, Чемберлен, Клемансо, Ллойд-Джордж и Пуанкаре, Фоши и Гинденбург и, наконец, Муссолини и Хорти, Пилсудские и Маннергеймы, Гитлеры, Розенберги, Геринги, Араки и т. п. Они также взывают к духам прошлого, но уже для того, чтобы прикрыть и отстоять террористическую диктатуру финансового капитала, повернуть назад колесо истории, заставить массы проявлять «героизм», самопожертвование во имя новой империалистической войны. Вот в чем классовое содержание всех фашистских «мифов XX века», расовых теорий, культа «сверхчеловека» Ницше или «вождя» Гитлера, культа «крестовых походов» и тевтонских рыцарей, болтовни и демагогии о «героизации людей» и т. п.

Конечно, не благодаря «гениальности», «творческому уму» выдвигаются политики и идеологи загнивающей буржуазии. Тут прежде всего играет роль зоологическая ненависть к коммунизму, пролетарской революции, способность быть палачом трудящихся масс, способность разжигать самые зверские шовинистические инстинкты, готовить империалистическую войну. Значит ли это, что у буржуазии нет вовсе талантливых людей, полководцев и т. д.? Отнюдь нет! Но они все больше выходят из «моды» у буржуазии, а кроме того, и они не могут спасти буржуазный строй от гибели.

Ленин и Сталин утверждают, что у буржуазии нет недостатка в ученых, инженерах, опытных организаторах и «прожженных» политиках. Ленин неоднократно подчеркивал ум, хитрость, коварство таких классовых врагов, как Ллойд-Джордж, Милоков, Клемансо, Пуанкаре и др. по сравнению с мелкобуржуазными «нарциссами», болтунами и филистерами типа Луи Блана, Чхеидзе, Церетелли, Керенского и т. п. Товарищ Сталин также указывал и на XVI съезде ВКП(б) и в «Беседе с Уэллсом», что у буржуазии нет недостатка в ученых, инженерах, политиках, организаторах, что марксистам вовсе не пристало умалять, например, «выдающиеся личные качества Рузвельта—его инициативу, мужество, решительность. Несомненно, из всех капитанов современного капиталистического мира Рузвельт самая сильная фигура»³⁾. И вместе с тем товарищ Сталин показывает беспомощность их перед кризисом капитализма. Причины кризисов не «в личных качествах руководителей капиталистических стран». Все партии капита-

¹⁾ Маркс «Восемнадцатое Брюмера». Изд. 1934 г., стр. 9.

²⁾ Там же, стр. 9.

³⁾ Сталин. Беседа с Уэллсом. «Большевик». № 17 за 1934 г.

лизма, все сколько-нибудь видные деятели, от самых «гениальных» до самых посредственных пробовали «свои силы на предмет «предупреждения» или «уничтожения» кризисов. Но все они терпели поражение... Нет, дело тут не в руководителях или в партиях капитализма, хотя и руководители и партии капитализма имеют здесь немалое значение»¹).

Партии и руководители капитализма не могут «предупредить» или «уничтожить» кризисов, но они могут пока взваливать тяжести кризиса на пролетариат и трудящихся, искать выхода из кризиса для буржуазии в войне.

Вот почему несмотря на урок первой империалистической войны и первого тура революции буржуазные политики снова хватаются за войну и интервенцию против СССР. Но это показывает, что эти политики «окончательно запутались, попали втупик и готовы лететь стремглав в пропасть»²).

Ленин и Сталин не раз подчеркивают, что мы победили врагов, которые были во много раз сильнее нас в экономическом, военном и культурном отношениях; мы победили потому, что вели правильную линию и сохраняли железное единство своих рядов, а лагерь врагов наших раздирался борьбой; они запутывались в неразрешимых противоречиях, не могли правильно учесть ход истории. «И не потому, что у них нет людей, которые умеют правильно рассчитывать — наоборот, у них их больше, чем у нас, а потому, что нельзя рассчитывать правильно, когда стоишь на пути к гибели»³).

В связи с этим Ленин сравнивал ошибки, которые делают коммунисты, с ошибками буржуазии. Ошибки политиков буржуазии — это ошибки, в которых запутывается идущая к гибели буржуазия. Если коммунисты ошибаются, то у них выходит $2 \times 2 = 5$. Ошибка чисто количественная, не принципиальная, исправимая, ибо основное направление истории нами учтено правильно. Ошибки и просчеты — лишь в сроках, темпах развития. А если капиталисты и их «герои» делают глупости, то у них выходит: «Дважды два — стеариновая свечка»⁴), — говорит Ленин. Буржуазия, идущая к гибели, мечтает, естественно, о невозможном — задержать и повернуть назад колесо истории. Желаемое, но неосуществимое она хочет сделать действительным. Поэтому она неизбежно будет делать «глупости», «ошибаться» в главном и основном направлении развития, она будет осуществлять кровавый террор и пускаться на военные авантюры. Эти положения Ленина товарищ Сталин развивал и на XVII съезде ВКП(б) и в «Беседе с Уэллсом». Сталин с неопровержимой логикой доказывает, что буржуазию нельзя «научно» убедить, что ее роль кончена и что она должна сойти с исторической арены. Буржуазия в этом «убеждается» позже всех, она борется до последних сил, идет на авантюры, кровавый террор, гнусные убийства из-за угла, как бы безнадежно ни было ее дело. Таков опыт всех революций, опыт современной классовой борьбы, зовущий пролетариат к величайшей бдительности. Пролетариат победит, ибо он воплощает в себе будущее человечества, весь его величайший героизм. Он победит, ибо во главе его стоит героическая партия, вооруженная могучим учением Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, партия, которая показала небывалый в мире героизм, которая непобедима, ибо «знает, куда вести дело и не боится трудностей». Пролетариат побеждает и победит во всем мире, потому что во главе его гениальный стратег пролетарской революции товарищ Сталин.

¹) Сталин «Вопросы ленинизма». 10-е изд., стр. 396—397.

²) Сталин. Отчетный доклад XVII съезду партии. «Вопросы ленинизма». 10-е изд., стр. 545.

³) Ленин. Т. XXVII, стр. 122.

⁴) Там же, стр. 353.

„История философии“ Гегеля *)

М. Митин

(К выходу в свет III тома «Истории философии»)

I

Выход в свет III тома «Лекций по истории философии» Гегеля завершает, наконец, издание на русском языке полностью всей гегелевской «Истории философии». Эта книга должна способствовать как глубокому изучению истории философии, так и самой гегелевской системы в целом.

Среди многочисленных трудов по истории философии, написанных буржуазными учеными, нельзя указать ни на одно из произведений, которое могло бы быть поставлено рядом с «Историей философии» Гегеля как по глубине содержания, так и по методу своего исследования. Гений Гегеля, его историческое чутье, глубокое конкретное знание всей истории философии, а также идеалистическо-диалектический метод сказались в этом произведении в полной мере. Нет ни одной проблемы во всей истории философии, начиная с античной и кончая новой, нет ни одного мыслителя, крупного или мелкого во всей истории философии, которого Гегель не рассматривал бы с точки зрения своего метода и не поставил бы в связь со всей своей концепцией. Все, что мы имеем в области буржуазной историографии по философии после Гегеля, представляет собой огромный шаг назад от идей этого великого мыслителя и обнаруживает глубокий кризис, в котором пребывает буржуазная историография философии. И Целлер, несмотря на то что Гегель оказал на него весьма значительное влияние со своим анализом «Das Geschehen», и Дильтей со своей «критикой исторического разума», и Куно Фишер, написавший немало по истории философии, и Риккерт — Виндельбанд, противопоставляющие с точки зрения кантовских позиций естественные и исторические науки, — все они настоящие пигмеи при трактовке историко-философских проблем по сравнению с Гегелем. Только пролетариат и его идеологи смогли критически преодолеть и впитать все ценное и рациональное, что есть у Гегеля во всей его системе и в том числе в его «Истории философии».

Наш интерес к «Лекциям по истории философии» Гегеля связан с тем, что «историческое чутье», проявленное им, замечательный анализ конкретного исторического материала по истории философии, произведенный им хотя и с ложных, идеалистических позиций, дают огромный материал для

*) Данная работа представляет собой вступительную статью к выходящему в издании Соцэкгиза XI тому собраний сочинений Гегеля, подготовленному Институтом философии Комкадемии.

«материалистического чтения» его, для построения систематической истории философии с точки зрения материалистического понимания истории.

Гегелевские «Лекции по истории философии» представляют собой первое историческое произведение, посвященное истории философии. Этот гегелевский трехтомник составил настоящую эпоху в развитии истории философии. Именно поэтому классики марксизма давали такую высокую оценку этому произведению. Маркс еще в своей самой ранней работе, в докторской диссертации «Различие между натурфилософией Демокрита и Эпикура», писал о гегелевской «Истории философии» следующее:

«Хотя Гегель в основном правильно определил общие черты названных систем (речь идет о системах Эпикура и Демокрита. — М.), но при изумительно грандиозном и смелом плане его истории философии, с которой вообще только и начинается история философии, он не мог вдаваться в детали. С другой стороны, этому колоссальному мыслителю мешал признать за этими системами высокое значение их для истории греческой философии и для греческого ума вообще его взгляд на то, что он называл спекулятивным *par excellence*»¹).

Маркс, как известно, в этом произведении стоял еще, по выражению Ленина, на вполне гегельянско-идеалистической точке зрения. Однако его оценка гегелевской «Истории философии» сохраняет, несомненно, свое значение по настоящее время. Правда, тут же мы должны отметить, что молодой Маркс высказывает некоторые критические замечания по адресу Гегеля, причем, несмотря на то что он стоял на идеалистических позициях, он своим ясным умом и гениальной мыслью нащупал основную ограниченность гегелевской философии вообще и в частности его «Истории философии». Эту ограниченность Маркс видит в том, что действительно является величайшей ограниченностью «Истории философии» Гегеля как и всей его системы в целом, а именно его (Гегеля) взгляд на то, что он называл спекулятивным. Дальше мы подробно остановимся на этом вопросе, и нам станет ясно, насколько глубоко был прав Маркс в этом своем замечании.

Целый ряд замечаний, посвященных «Истории философии», мы имеем в дальнейших произведениях Маркса и Энгельса, в частности в «Святом семействе». Так например Маркс и Энгельс противопоставляют гегелевскую «Историю философии» вообще и в особенности его трактовку французского материализма той трактовке его, которую дают младеггелянцы, братья Бауэр. В связи с этим они пишут:

«История философии Гегеля изображает французский материализм как реализацию субстанции Спинозы, что, во всяком случае, несравненно вразумительнее, чем «французская школа Спинозы»²).

Мы имеем в «Переписке Маркса и Энгельса» ряд оценок и характеристик гегелевской «Истории философии». Приведем здесь некоторые из этих характеристик. Так, Энгельс пишет Марксу 22 февраля 1852 г.:

«Этот последний (т. е. Гегель. — М.) первый понял всю историю философии, и от него нельзя требовать, чтобы он не делал ошибок в подробностях».

Мы видим, таким образом, что Энгельс в 1852 г. в оценке гегелевской «Истории философии» стоит на той же точке зрения, которую выразил Маркс в своем раннем философском произведении. В своем письме от 1 января 1891 г. Энгельс пишет Конраду Шмидту:

¹) Маркс и Энгельс. Т. I, стр. 25.

²) Маркс и Энгельс. Т. III. «Святое семейство», стр. 161.

«Книга Барта меня очень разочаровала. Я ожидал найти в ней гораздо меньше ошибок и поспешных выводов. Человек, который судит о каждом философе не по тому ценному, прогрессивному, что было в его деятельности, но по тому, что было необходимо преходящим, реакционным, судит по системе, — такой человек лучше бы молчал».

По мнению Барта «вся история философии — это просто куча развалин (Trümmerhaufen) разрушенных систем». И в связи с этим Энгельс восклицает: «Как высоко стоит Гегель над этим мнимым своим критиком!» Мы здесь имеем у Энгельса не только высокую оценку гегелевской «Истории философии», но и ряд исключительных по своему содержанию замечаний по вопросу о том, как нам нужно судить в истории философии о различных философских системах. Энгельс указывает, что о каждом философе нужно судить по тому ценному и прогрессивному, что было в его деятельности, отбрасывая преходящее и реакционное.

В этих гениальных мыслях Энгельса мы имеем материалистическое истолкование и дальнейшее углубление ряда соображений по вопросам методологии истории, которые уже высказал Гегель. Отсюда понятна та высокая оценка, которую дает Энгельс в своем письме по поводу книги Барта, гегелевской «Истории философии». В письме к тому же Конраду Шмидту от 1 ноября 1891 г. Энгельс, касаясь специально вопроса о том, как надо изучать Гегеля, и давая в этом отношении советы Шмидту, пишет:

«Но вы не должны читать Гегеля так, как читал его П. Барт, именно для того, чтобы открывать в нем паралогизмы и передержки, которые ему служили рычагами для построений. Это — работа школьника. Гораздо важнее отыскать под неправильной формой и в искусственной связи справедливое и гениальное...». «Так как каждая категория у Гегеля представляет собой ступень в истории философии (как он по большей части ее приводит), то вы сделаете хорошо, если просмотрите лекции по истории философии, (одно из гениальнейших произведений)».

Мы видим, что каждый раз, когда Марксу или Энгельсу приходится касаться «Истории философии», они не перестают оценивать это произведение Гегеля как гениальное произведение.

Приведем еще одну характеристику Энгельса гегелевской системы и в частности его «Истории философии», ибо каждая из этих характеристик не является просто повторением предшествующих, а выявляет, подчеркивает еще некоторые новые стороны этих произведений. Так, Энгельс в «Людвиге Фейербахе» указывает, что Гегель написал много произведений о целом ряде областей, и в том числе по истории философии. И вот, пишет дальше Энгельс, «в каждой из этих различных исторических областей Гегель старается найти и указать проходящую через нее нить развития. А так как он обладал не только творческим гением, но и всесторонней ученостью, то его появление везде составило эпоху»¹⁾.

Эта характеристика Энгельса относится и к «Истории философии» Гегеля. Мы видим, что здесь Энгельс подчеркивает еще один момент в характеристике этого произведения, а именно, что Гегель старается найти и провести во всех своих исследованиях и во всех областях «проходящую нить развития», т. е. что Гегель исторически рассматривает каждую область вопросов, которой он занимается. Именно в этом одна из важнейших черт гегелевской «Истории философии», и именно поэтому «Лекции по истории философии Гегеля» составили эпоху в истории философии.

Таковы некоторые оценки и характеристики данного произведения, которые мы имеем у Маркса и Энгельса.

¹⁾ Маркс и Энгельс. Т. XIV, стр. 639.

Ленин, гениальный продолжатель марксизма в новую историческую эпоху, в эпоху империализма и пролетарских революций, поднявший марксизм во всех его составных частях на новую ступень, написал, как известно, ряд специально философских произведений. Ленин с глубочайшей тщательностью, с присущей ему научной добросовестностью и величайшим знанием дела изучал целый ряд гегелевских произведений, в том числе и такие произведения Гегеля, как «Наука логики» и «История философии». В знаменитых «Философских тетрадах» Ленина мы имеем конспекты всех трех томов гегелевской «Истории философии». Эти конспекты Ленина настолько богаты по своему содержанию, настолько глубоко трактуют конкретные вопросы всей истории философии, а также и вопросы метода построения истории философии, что они в буквальном смысле представляют собой настоящий компендиум для работы над систематическим изложением марксистской истории философии.

В нашу задачу в данной статье не входит оценка всего огромного содержания, которое дает Ленин в своем конспекте «Истории философии» Гегеля (да это и невозможно сделать в пределах одной статьи). Мы здесь остановимся только на некоторых, наиболее важных вопросах при рассмотрении нашей темы, и в первую очередь обратимся к тем характеристикам гегелевского метода по истории философии в целом, которые мы имеем в гениальных «Философских тетрадах» Ленина.

Прежде всего Ленин отмечает строгую историчность Гегеля в «Истории философии». Он пишет следующее:

«Превосходно за строгую историчность в истории философии, чтобы не приписывать древним такого «развития» их идей, которое нам понятно, но на деле отсутствовало еще у древних»¹).

И действительно, как мы уже отмечали выше, исторический подход ко всей истории философии в целом и к каждому отдельному мыслителю является важнейшей чертой данного гегелевского произведения. Может быть, это и звучит парадоксально, но это, безусловно, является фактом: Гегель велик тем, что он впервые в «Истории философии» поставил вопрос о необходимости подхода к истории философии исторически. Гегель велик тем, что вопреки целому ряду предшествовавших ему философов, писавших огромные и многотомные труды по истории философии, впервые поставил перед собой задачу — рассмотреть историю философии как некую единую цепь развития. Уже самая постановка такой гигантской задачи, не говоря о конкретном выполнении той или другой стороны ее, представляла собой замечательное научное открытие. Естественно, что Ленин, изучая данное произведение и конспектируя его, не смог пройти мимо этой важнейшей черты гегелевских «Лекций по истории философии».

Ленин, далее, конкретизирует оценку гегелевского метода по истории философии. У Гегеля мы имеем сравнение истории философии с кругом, у которого по краям имеется, в свою очередь, огромное количество других кругов. И по поводу этого гегелевского сравнения Ленин пишет: «Очень глубокое, верное сравнение. Каждый оттенок мысли — круг на великом круге (спирали) развития человеческой мысли вообще».

Это ленинское замечание по вопросу о «спиралевидном развитии» истории вообще и в частности истории человеческого познания не является случайным. Мы знаем, что Ленин неоднократно в своих философских произведениях возвращается к этому вопросу и дает ему, наконец, более или менее полную, завершенную трактовку в своей статье «К вопросу о диалектике».

¹) Ленин «Философские тетради», стр. 258.

В этой статье Ленин набрасывает замечательную схему по вопросу о кругах философии. Кстати, надо сказать, что до настоящего времени наши историки философии не удосужились разобрать эту ленинскую схему, которая представляет собой отправной пункт для систематического развития истории философии с марксистской точки зрения. Ленин рассматривает процесс познания как некий единый процесс, в котором мы имеем на великом едином круге познания бесконечные отклонения в сторону, или так называемые малые круги. Ленин писал:

«Познание человека не есть (respective — не идет по) прямая линия, а кривая линия, бесконечно приближающаяся к ряду кругов, к спирали. Любой отрывок, обломок, кусочек этой кривой линии может быть превращен (односторонне превращен) в самостоятельную, целую, прямую линию, которая (если за деревьями не видеть леса) ведет тогда в болото, в поповщину (где ее закрепляет классовый интерес господствующих классов). Прямолинейность и односторонность, деревянность и окостенелость, субъективизм и субъективная слепота voilà гносеологические корни идеализма. А у поповщины (= философского идеализма), конечно, есть гносеологические корни, она не бесплодна, она есть пустоцвет, бесспорно, но пустоцвет, растущий на живом дереве, живого, плодотворного, истинного, могучего, всесильного, объективного, абсолютного человеческого познания»¹⁾.

Эти глубочайшие мысли Ленина по вопросу о процессе развития познания представляют собой материалистическую переработку и тем самым поднятие на качественно новую ступень ряда соображений, которые уже высказывал Гегель по вопросу об истории философии, исходя из своих ложных, идеалистических позиций. Тут мы имеем у Ленина целый комплекс, если можно так выразиться, рассмотренных и изложенных в чрезвычайно сжатой формулировке проблем. В данной связи мы отметим только то обстоятельство, что Ленин рассматривает всю историю познания как некий великий круг, который сопровождается всякого рода отклонениями и движениями в стороны.

Ленин высказывает замечательные мысли по вопросу о гносеологических корнях идеализма и всякого извращенного представления о действительности. Поэтому указание Ленина, касающееся гегелевского метода истории философии, которое мы приводим выше, имеет большое значение для понимания всей концепции Гегеля в его, говоря словами Маркса, грандиозном и смелом плане построения истории философии.

Следующий момент, который отмечает Ленин, характеризуя гегелевский подход к историко-философским проблемам, — это «прослеживание преимущественно диалектического в истории философии»²⁾.

Эта сторона дела исключительно важна. Мы часто встречаемся с писаниями, посвященными как историко-философским вопросам, так и специально Гегелю, которые совершенно обходят и не понимают этого важнейшего момента. Дело в том, что диалектический метод, так блестяще разработанный Гегелем на почве идеализма, представляет собой, говоря словами Ленина, резюме, итог, вывод всей его «Науки логики». Материалистическая диалектика представляет собой революционную душу марксизма, «коренное теоретическое основание его». Мы знаем, что материалистическая диалектика представляет собой в руках классиков марксизма: Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина — могучее орудие познания, анализа действительности и ее изменения. Естественно, что мы выражаем особый интерес к истории диалектики, к тому выражению, которое диалектический метод получил в различные эпохи как в истории философии,

¹⁾ Ленин. Там же, стр. 328.

²⁾ «Философские тетради», стр. 259.

так и в истории естествознания и общественных наук. Систематически разработанная история диалектического метода — это одна из больших задач, стоящая перед нами. И вот гегелевская «История философии», ставила перед собой подобного рода задачу, решала ее однако на почве идеализма. Ленин, конспектируя «Историю философии» Гегеля, не перестает отмечать все те места, где Гегель вскрывает диалектику в истории философии у тех или других мыслителей и где в связи с этим он дает большое богатство определений диалектики, в которых каждый раз отмечаются те или другие ее новые стороны.

Отметим еще один вопрос, который имеет первостепенное значение в ленинской оценке гегелевской «Истории философии». Ленин подходит к гегелевской истории философии как к идеалистическому от начала до конца произведению. Ленин рассматривает лекции Гегеля по истории философии как произведение, в котором мы отнюдь не имеем бесстрастной, «объективной» истории философии. Нет, Ленин рассматривает это произведение как воинствующее произведение, направленное против материализма. И именно такая оценка и такой подход со стороны Ленина вскрывают самое нутро и важнейшие стороны гегелевских «Лекций по истории философии». Ленин не перестает отмечать, что Гегель вопреки его историзму, вопреки его диалектическому методу и требованию глубокого конкретного изучения внутренней борьбы, которая происходила в истории философии на протяжении веков, идеалистически «изничтожает» материализм в истории философии. Собственно говоря, мы имеем у Гегеля не только смазывание материализма. Он, по существу, выбрасывает из истории философии материализм. Он отводит исключительно малое место крупнейшим мыслителям-материалистам, как например Демокриту, Эпикуру, Спинозе, Бэкону, Гоббсу, французским материалистам и т. д. Гегель всячески извращает их взгляды, высказывает целый ряд соображений о том, что, собственно говоря, их произведения нельзя считать подлинно философскими произведениями, что они представляют собой поверхностную болтовню, и т. д. Воинствующий идеалистический характер гегелевской «Истории философии», направленной против материализма, — одна из характернейших черт этой книги. Естественно, что воинствующий материалист Ленин не остается в долгу у Гегеля. У Ленина на протяжении всего его конспекта, посвященного истории философии, мы имеем огромное количество замечаний, в которых он с необычайной резкостью критикует Гегеля.

Приведем здесь хотя бы следующие ленинские замечания. Он пишет: «Отвратительно читать, как Гегель выхваливает Аристотеля за «истинно спекулятивное понятие» о «душе» и многое другое, размазывая явно идеалистический (=мистический) вздор»¹⁾.

По поводу гегелевского замечания насчет Эпикура, что у него (Эпикура) нет «конечной цели мира, мудрости и творца», Ленин не выдерживает и бросает по адресу Гегеля следующее замечание: «Бога жалко!! Сволочь идеалистическая!»

В этих критических замечаниях воинствующий характер ленинского чтения гегелевских работ, его направленность против идеализма получают свое, в высшей степени яркое выражение.

Мы говорили, что Гегель всячески стремится вопреки всему своему историзму как идеалист «подделать» историю под идеализм. Особенно подвергается у него обработке такой крупный мыслитель, как Аристотель. Ленин следует шаг за шагом за Гегелем в этой его «подделке», разобла-

¹⁾ Ленин «Философские тетради», стр. 291.

чает его, показывает, как он вопреки всем требованиям диалектического метода «подчищает» историю. Ленин пишет: «...и Гегель выцарапывает из Аристотеля, что, де, «разум и постигаемое только разумом одно и то же» etc. Образец идеалистических натяжек идеалиста! Подделка Аристотеля под идеалиста XVIII—XIX века!»¹⁾. Мы видим, таким образом, что Гегель не выдерживает той «строгой историчности», которой он сам требует в своем введении в историю философии.

Общий вывод, к которому приходит Ленин, характеризуя этот, направленный против материализма характер гегелевских «Лекций по истории философии», следующий:

«Гегель серьезно «верил», думал, что материализм, как философия, невозможен, ибо философия есть наука о мышлении, об общем, а общее есть мысль. Здесь он повторял ошибку того самого субъективного идеализма, который он всегда называл «дурным» идеализмом. Об'ективный (и еще более абсолютный) идеализм зигзагом (и кувыркoм) подошел вплотную к материализму, частью даже превратился в него»²⁾.

Ленин, отмечая все гениальное содержание этой работы, вместе с тем в высшей степени критически относится к Гегелю. Ленин, действительно глубоко вскрывает все то, что имеется ценного в работе Гегеля, отбрасывает все реакционное. Этим Ленин дает нам величайший образец того, как надо подходить к гегелевской философии. И величайший пример того, насколько неправильными, антиленинскими являются работы как меньшевистствующих идеалистов, так и механистов, посвященные Гегелю.

Отметим еще одно замечание Ленина, касающееся гегелевского предисловия к «Истории философии». Выудив оттуда все наиболее ценное, отметив то рациональное, которое есть у него, Ленин дает следующее заключение, касающееся этого предисловия: «Архидлинно, пусто, скучно об отношении философии к религии, вообще, предисловие чуть не в 200 страниц — невозможно!»³⁾.

Таковы ленинские оценки данного произведения, взятого в целом. Мы видим, что у Ленина мы имеем конкретизацию и дальнейшее развитие тех характеристик, которые давали Маркс и Энгельс гегелевской «Истории философии».

II

Рассмотрим теперь подробнее основные черты гегелевского метода, его подхода к истории философии. Во «Введении к истории философии» Гегель дает прежде всего глубокую и интересную трактовку понятия развития как движения конкретного. Он считает, анализируя понятие развития, что надо отличать в этом понятии два состояния: одно как бытие в себе, т. е. как потенцию, и другое состояние как бытие для себя, т. е. как действительность. Гегель считает, что лишь когда то, что находится в себе бытии, переходит в бытие для себя, оно становится подлинной действительностью. Всякое развитие, с точки зрения Гегеля, характеризуется этим переходом из одного состояния в другое, причем, с другой стороны, сам этот переход и обнаруживает, дает картину того, что представляет собой развитие.

Мы должны здесь отметить огромное значение диалектической постановки этого вопроса, которую мы имеем у Гегеля. Стоит вспомнить, как Маркс в «Нищете философии» рассматривает вопрос о движении и разви-

¹⁾ Ленин «Философские тетради», стр. 295.

²⁾ Там же, стр. 284.

³⁾ Там же стр. 258.

тии рабочего класса, как Маркс ставит вопрос о различных стадиях в развитии рабочего класса, о классе в себе и классе для себя, чтобы понять, что мы в данных положениях Гегеля имеем одну из важнейших черт, характеризующих процесс развития. Гегель, применяя этот свой важнейший принцип о различии двух состояний, к процессу познания, к процессу развития науки писал:

«Всякое познание и изучение, наука и даже действие имеют своей целью не что иное, как извлечение из себя и выявление во-вне того, что есть внутри или в себе, и, следовательно, не что иное, как становление для себя предметом»¹⁾.

Мы видим, как широко трактует Гегель этот принцип, относя его ко всему процессу развития науки, познания и, как он выражается, даже действия. Однако общее, абстрактное понятие развития Гегеля самого тоже не удовлетворяет. Он ставит вопрос, что именно развивается, в чем состоит содержание или, как он выражается, «абсолютное содержание развития». Анализируя этот вопрос, он приходит к выводу о необходимости рассмотреть понятие конкретного. Гегель ставит перед собой задачу — показать, насколько ошибочно обычное мнение, состоящее в том, что философия имеет дело лишь с абстракциями, совершенно пустыми общностями, и что якобы только чувственное, так сказать, эмпирия в обычном смысле слова, конкретно. Если, по Гегелю, философия действительно занимается только мыслью, как неким общим, то это вовсе не значит, что философия не занимается проблемой развития во всей ее конкретности, т. е. общим, данным в сочетании с особенным, единичным.

В этой связи Гегель пишет:

«В этом и состоит отличие разумного от чисто рассудочного познания; и задача философии заключается в том, чтобы вопреки рассудку показать, что истинное, идея, не состоит в пустых общностях, а в некоем всеобщем, которое само в себе есть особенное, определенное. Если истина—абстрактна, то она — не истина. Здравый человеческий разум стремится к конкретному; лишь рассудочная рефлексия есть абстрактная теория, неистинна — она правильна лишь в голове — и, между прочим, так же и непрактична; философия же наиболее враждебна абстрактному и ведет нас обратно к конкретному»²⁾.

При всей ограниченности специфически гегелевского идеалистического характера трактовки этих вопросов, при всем этом выхваливании спекулятивного мышления и спекулятивного понятия Гегель дает тут такие формулировки и положения, которые должны быть отмечены как гениальные мысли. Положение, что истина конкретна, что абстрактной истины нет, — ведь это положение, понимаемое материалистически, является одним из краеугольных камней марксистско-ленинской философии. Ведь положение, что здравый человеческий разум стремится к конкретному, или, говоря материалистически, исходит из действительно существующего, конкретного, объективного мира, — ведь это положение является одним из важнейших положений теории познания диалектического материализма.

Отсюда ясно, какое значение имеет для нас «материалистическое чтение» гегелевской «Истории философии». Установив таким образом, в чем состоит существо понятия развития и существо понятия конкретного, Гегель ставит перед собою задачу — связать понятие развития с понятием конкретного. Такая связь, или единство конкретного, дает, по Гегелю, движение конкретного, или конкретное движение. При таком движении конкретного получается, что конкретное и просто и вместе

¹⁾ Гегель. Т. IX, стр. 27.

²⁾ Там же, стр. 30.

с тем различимо внутри себя, важнейшей характеристикой является его внутренняя противоречивость. Внутреннее противоречие конкретного есть движущая сила развития. Движение конкретного, по Гегелю, дает все богатство диалектического процесса. Вот какие мысли и соображения развивает Гегель при анализе этих понятий. Отсюда ясно, пишет он дальше, что «истинное есть, наоборот, движение, процесс. Но в этом движении есть покой. Различие, поскольку оно существует, есть лишь нечто исчезающее, благодаря чему возникает полное, конкретное единство». Мы видим, что Гегель все время занимается анализом только понятий конкретного, понятий развития и т. д. Идеалистический характер всего этого рассмотрения выражается не только в ложном исходном пункте, но и в процессе всего анализа.

Эту свою теорию развития, которую он здесь изложил в отдельных ее специфических чертах и которая, конечно, получила свое наиболее развернутое изложение в его «Науке логики», Гегель кладет в основу анализа истории философии.

Понятно, что, поставив перед собой задачу — рассмотреть историю философии как некое движение конкретного со всеми его внутренними противоречиями, Гегель должен был разрешить весьма важный вопрос. Это вопрос о соотношении связи между историей философии и философией как таковой, философией как наукой, как системой. Буржуазные ученые без конца бьются над вопросами, что такое история философии, есть ли она наука, нечто целое, единое, можно ли посредством анализа истории отыскать в ней связи, и т. д. Так, например, Виндельбанд, исходя из своего кантианского разграничения наук естественных и исторических, касаясь в своей статье «Что такое философия» специально этого вопроса, считает, что путем исторического сравнения нельзя установить в общеобязательной форме предмета философии; что в истории философии мы не имеем общепризнанного и общеобязательного ответа на вопросы, что такое философия как наука и каково ее действительное объективное содержание. Он пишет: «История показывает, наоборот, что в пределах того, на что может быть направлено познание, нет ничего, что бы не было когда-либо вовлечено в компетенцию философии, равно как и нет ничего, что когда-либо не было бы из нее исключено»¹⁾.

Отсюда и вывод, который он делает, что задачи, которые ставит себе философия, и притом не попутно, а считая их своей главной целью, ни в коем случае не могут быть разрешены путем научного познания.

Вся эта схоластическая дребедень, которой с серьезным видом занимаются Виндельбанд и многие другие (им несть числа) буржуазные философы, только показывает, насколько деградировала мысль у крупнейших представителей истории философии по сравнению с Гегелем.

Гегель дал свой идеалистическо-диалектический ответ на вопрос о соотношении истории философии и философии как системы. Он исходил из того, что несмотря на все отличие различных философских систем друг от друга, несмотря на ту борьбу, которую мы имели в истории между различными философскими системами и их взаимное друг друга опровержение, несмотря на то, что многие философские системы занимались, казалось бы, различными и совершенно разнообразными вопросами, — несмотря на это философия в своем развитии есть все же нечто целое. Гегель считает, что существует определенное единство во всей истории философии. Он писал: «Философия, таким образом, есть развивающаяся система, и та-

¹⁾ Виндельбанд «Прелюдии», стр. 7.

кова также история философии; это — тот основной пункт, то основное понятие, которое выяснит вам даваемое мной изложение этой истории»¹⁾.

Таким образом, Гегель самую историю философии рассматривает как некую, единую, развивающуюся систему и, с другой стороны, всякую систему философии рассматривает исторически. История философии, по Гегелю, — отнюдь не перечень мнений. Он находит достаточно много крепких слов, иронических выражений по адресу ученых, написавших многотомные произведения по истории философии, но излагающих их как некий перечень мнений. Он сравнивает авторов многотомных историй философии с животными, ибо эти авторы подобно животным могут прослушать все звуки гениального музыкального произведения, но до слуха которого не доходит одно, а именно гармония этих звуков. Подобно этому авторы этих многотомных трудов по истории философии не могут подняться до понимания единства, цельности и гармонии философских систем. Гегель высмеивает этих псевдоэрудитов, согласно которым «наука состоит в том, что ткуются мнения из мнений». Он указывает, что если бы история философии представляла собой лишь галерею мнений, хотя бы даже мнений и о боге и о сущности естественных и природных вещей, — такая наука была бы излишней и изрядно скучной наукой. С точки же зрения Гегеля, вся история философии есть, по существу, внутренне необходимое, последовательное поступательное движение. Каждая система философии необходимо существовала и продолжает, по мнению Гегеля, существовать и в данный момент. Ничто в истории философии не исчезает полностью. Все крупные философские системы сохранились. Но они сохранились только как моменты целого. Он пишет: «Принципы сохранились, новейшая философия есть результат всех предшествовавших принципов; таким образом, ни одна система философии не опровергнута. Опровергнут не принцип данной философии, а опровергнуто лишь предположение, что данный принцип есть окончательное абсолютное определение»²⁾.

Эти положения Гегеля имеют для нас очень большое значение. В этих его положениях нашли свое выражение как глубина его диалектического метода, так и ограниченность его идеалистической системы, ибо окончательный смысл этих положений у Гегеля состоит в том, что его, Гегеля, философская система представляет собой полное завершение и развитие всего круга истории философии, представляет собой абсолютную истину в конечной инстанции, самопознание абсолютного духа, пришедшего к самому себе.

Противоречие метода и системы у Гегеля в трактовке этих проблем совершенно ясно видно. Однако несмотря на этот окончательный реакционный результат, к которому приходит Гегель, мы имеем у него глубоко диалектическую постановку вопроса о связи настоящего с предшествующим развитием, понимание того, что настоящее нельзя оторвать от предшествующей истории и что настоящее есть итог, результат, вывод из предшествующей истории. Именно этим мысли Гегеля являются замечательными мыслями. Материалистически переработанные Марксом и Энгельсом и тем самым ставшие подлинно научными, они являются важнейшими положениями материалистической диалектики.

Выше мы говорили, что требование историчности является одним из важнейших требований, с которым Гегель подходит ко всякому трудному, посвященному истории философии. Мы уже видели, как конкретно это требование историчности выражается у него при разрешении вопроса о соотношении истории философии и философии как системы. Именно эта

¹⁾ Гегель. Т. IX, стр. 33.

²⁾ Там же, стр. 40.

историчность приводит Гегеля к следующим положениям о связи каждой философской системы со своей исторической эпохой. В своем «Введении в историю философии» он формулирует следующие свои, широко известные положения: «Всякая система философии есть философия своей эпохи. Она представляет собой звено всей цепи духовного развития; она может, следовательно, удовлетворять лишь те интересы, которые соответствуют ее эпохе».

Гегель, таким образом, ставит вопрос о связи философии не только с эпохой, взятой в общем, абстрактном смысле этого слова, но и о связи философии с конкретными потребностями каждой исторической эпохи. Нужно иметь в виду, что он еще больше конкретизирует свое положение о связи философии с эпохой и пишет: «Определенный образ философии одновременен, следовательно, с определенным образом народов, среди которых она выступает, с их государственным устройством и формой правления, с их нравственностью, с их общественной жизнью, с их ссорами, привычками и удобствами жизни, с их попытками и работами в области искусства и науки, с их религиями, с их военными судьбами и внешними отношениями, с гибелью государств, в которых проявил свою силу этот определенный принцип, и с возникновением и выступлением новых государств, в которых высший принцип находит свое рождение и развитие»¹).

Несомненно, мы здесь имеем зачатки, зародыши исторического материализма у Гегеля. Однако на этом примере мы еще лишний раз убеждаемся в том, насколько эта постановка вопроса, представляющая собой самую глубокую во всей буржуазной философии, далека от подлинной науки и насколько велик тот переворот в науке, который совершили Маркс и Энгельс, создав материалистическое понимание истории.

Нельзя пройти мимо других моментов, которые высказывает Гегель, развивая дальше эту проблему; типично по-идеалистически говорит он о том, что всякая философия тождественна со своей эпохой. Он дальше указывает, что если философия по своему содержанию не стоит и не может стоять выше своего времени, то она все же «по своей форме поднимается над своим временем, ибо философия как наука представляет собой осознание исторических закономерностей данной эпохи»²).

Опять-таки и здесь несмотря на свой идеализм или даже вопреки ему Гегель как диалектик гениально угадывает целый ряд моментов по вопросу о связи идеологии с исторической эпохой. Совершенно естественно, что конкретное применение этих идей по вопросу о методе истории философии к анализу различных философских систем выдвинуло его историю философии среди всех других историко-философских произведений домарксовской эпохи на такое высокое место.

Мы, наконец, имеем у Гегеля в его «Истории философии» своеобразную постановку вопроса на почве идеализма о соотношении исторического и логического. Так, он пишет, устанавливая связи между своей «Историей философии» и «Наукой логики»:

«Согласно этой идее я утверждаю, что последовательность систем философии в истории та же самая, что и последовательность в выведении логических определений идеи. Я утверждаю, что если мы освободим основные понятия, выступавшие в истории философских систем от всего того, что относится к их внешней форме, к их применению к частным случаям и т. п., если возьмем их в чистом виде, то мы получим различные ступени определения самой идеи в ее логическом понятии. Если, наоборот, мы возьмем логическое поступательное движение само по себе, мы найдем в нем поступательное движение исторических явлений в их главных моментах; нужно

¹) Гегель. Т. IX, стр. 54.

²) Там же, стр. 55.

только, конечно, уметь распознавать эти чистые понятия в содержании исторической формы. Можно было бы думать, что порядок философии в ступенях идеи отличен от того порядка, в котором эти понятия произошли во времени. Однако в общем и целом этот порядок одинаков. Разумеется, что, с другой стороны, последовательность как временная последовательность истории все же отличается от последовательности в порядке понятий; мы здесь не будем выяснять, в чем заключается различие, ибо это слишком отвлекло бы нас от нашей задачи»¹⁾.

Гегель проводит здесь внутреннее, органическое родство между «Наукой логики» и «Историей философии». Если «Наука логики» ставит перед собой задачу—дать развитие абсолютной идеи, взятой в ее чистом виде как понятие в себе и для себя, то «История философии» дает развитие этой абсолютной идеи в конкретном воплощении различных философских систем. Гегель, таким образом, стоит на точке зрения тождества логического и исторического. По существу, у него получается, что история подчинена логике. История философии, таким образом, оказывается не чем иным, как прикладной логикой. Для каждой ступени в развитии логического понятия Гегель пытается найти эквивалент в истории философии. Отсюда у него очень много произвольного. Отсюда у него очень много схоластического и надуманного в самой «Истории философии». Отсюда у него полное выбрасывание материализма из «Истории философии», как якобы совсем не укладывающегося в его системе развития логических понятий. У него действительное отношение перевернуто с ног на голову и насквозь мистифицировано. И несмотря на это мы имеем у него здесь одно из замечательных выражений его диалектического метода и чрезвычайно глубокие соображения по вопросу об историческом и логическом. Именно это отмечал Ленин в своих «Философских тетрадах».

В ответ на гегелевское положение при трактовке им философии Левкиппа о том, что развитие философии в истории должно соответствовать развитию логической философии, Ленин ставит сбоку два больших вопросительных знака. И далее отмечает, «тут очень глубокая и верная мысль, в сущности материалистическая (действительная история есть база, основа, бытие, за коим идет сознание)»²⁾.

Ленин не ограничивается просто указанием на идеалистический характер гегелевского построения. Ленина все время интересует, как это указывал Энгельс в письме к Конраду Шмидту, не преходящий, ограниченный характер системы, а действительное, реальное содержание, которое, хотя и в мистифицированном виде, имеет место у Гегеля. Ленин тут же дает образец материалистического решения вопроса об историческом и логическом. И суть этого решения состоит в том, что в основу кладется действительная история, а история философии как наука идет вслед за этой действительной историей, отображая ее закономерности.

Рассмотрим теперь несколько более конкретно, как подгоняет Гегель действительную историю философии под развитие логической идеи. Как известно, «Наука логики», которая дает картину развития логической идеи, начинается с анализа категорий бытия и ничто. Историческим эквивалентом в «Истории философии» этих категорий Гегель считает философию элейцев как философию, которая как раз и занимается как вопросами бытия и небытия, так и их противоположностью, как философию, у которой основным принципом является принцип бытия и небытия.

Далее, в «Науке логики» Гегель анализирует единство бытия и небытия и их взаимный переход друг в друга как категорию становления. Историческим воплощением этого важнейшего принципа логической идеи

¹⁾ Гегель. Т. IX, стр. 34—35.

²⁾ Ленин «Философские тетради», стр. 273.

является, по мнению Гегеля, философия Гераклита, у которого действительно проблема становления является краеугольным камнем его философской системы. Далее, Демокрит дает, по мнению Гегеля, выражение логической ступени развития идеи как для себя бытия. Платон уже дает категорию сущности. Аристотель находится в области понятия. Однако нельзя сказать, по мнению Гегеля, что спекулятивное понятие находится у него полностью на должной высоте. Гегель всячески, по выражению Ленина, выхваливает Аристотеля за истинно спекулятивное понятие, подчищает и всячески гипостазировывает идеалистическую сторону у Аристотеля, выдвигая ее на первый план. Все это делается им для того, чтобы доказать свою схему.

Неоплатонизм, который, по мнению Гегеля, резюмирует всю древнюю философию, уже представляет историческое воплощение, так сказать, того раздела логики или логической идеи, которая у Гегеля выступает как некая цельная идея. Неоплатонизм, по мнению Гегеля, выдвигает уже понятие конечной идеи, чем и завершается как бы круг развития древней философии. В основе развития всей средневековой философии, по Гегелю, лежит противоположность между сущностью и формальной рефлексией.

Далее, новая философия дает следующую картину исторического воплощения развития логических ступеней идеи. Декарт дает ступень сознания, правда, сознания рассудочного, и вместе с тем субстанции; Спиноза дает уже в развернутом виде категории субстанции; Кант и Фихте дают самосознание и субъективность. По мнению Гегеля, философия Канта и Фихте находится на той ступени развития, когда самосознание мыслит уже, что оно есть самосознание, но все это дано еще в форме субъективной. Шеллинг является историческим эквивалентом той ступени в развитии логической идеи, когда мы имеем уже ступени разума или абсолютного тождества субъекта и объекта. Сам же Гегель и его философская система есть завершение всего развития в целом как абсолютное знание, как абсолютная истина.

Вот в самых кратких чертах та характеристика различных философских систем под углом зрения развития логической идеи, которую дает Гегель в своей «Истории философии». Здесь у Гегеля очень много произвольного, надуманного. Он всячески выворачивается и изворачивается, для того чтобы доказать свою схему (что, между прочим, доказать совершенно невозможно). Однако основная идея его — идея развития, о которой мы говорили выше, — является гениальной идеей, хотя она у него и дана в мистифицированной форме.

Вот почему Ленин, конспектируя «Науку логики», не перестает отмечать эту связь «Науки логики» с «Историей философии». Ленин пишет: «История мысли с точки зрения развития и применения общих понятий и категорий Логике — вот что нужно!»¹⁾

Гегель сделал единственную в своем роде гигантскую и вместе с тем гениальную попытку дать такую историю на почве идеализма. Благодаря этому то действительное содержание, которое он рассмотрел, оказалось насквозь мистифицированным. И только материалистическая переработка гегелевской философии, которую произвели классики марксизма — Маркс и Энгельс — и которую дальше развил Ленин, дает нам действительную картину развития истории философии и вместе с тем исключительно глубокую трактовку всех философских проблем. Именно поэтому марксистско-ленинская философия является не в гегелевском смысле слова, а нашем, материалистическом, действительно высшим итогом и зрелым результатом всей предшествующей философии. Мы знаем, что Ленин

¹⁾ Ленин «Философские тетради», стр. 172.

придает исключительное значение вопросу о тождестве диалектики, логики и теории познания, что он указывал, что и у Гегеля на почве идеализма мы имеем тождество диалектики, логики и теории познания. Гегелевская история философии и является одним из важнейших материалов, которым он обосновывает это тождество диалектики, логики и теории познания на всем богатстве исторического материала, взятого из истории философии. Но исходным пунктом и конечным результатом всего этого обоснования является тождество диалектики, логики и теории познания на почве идеализма.

III

Третий том «Истории философии» Гегеля посвящен огромному историческому периоду и охватывает большое количество философских систем. Он, собственно говоря, заканчивает древнюю философию в виде неоплатоников, затем он занимается средневековой философией, которая, кстати сказать, занимает весьма солидное место в этом томе, и, наконец, новой философией, начиная с Бэкона и Беме, вплоть до Гегеля.

Остановимся на результате, к которому приходит Гегель по окончании всех своих «Лекций по истории философии». Мы знаем, что окончательным результатом всей гегелевской философской системы является приход абсолютного духа к своему самосознанию. Можно сказать, что сама гегелевская философия представляет собой как бы несколько кругов. В особенности это относится к таким его произведениям, как «Наука логики», «Феноменология духа», «История философии», «Энциклопедия философских наук». Так, например, окончательным результатом всей гегелевской «Феноменологии духа» является абсолютная идея. Точно так же окончательным результатом всего круга развития категорий, которые мы имеем в «Науке логики», является абсолютное понятие. «История философии», как бы воспроизведя в форме конкретных исторических философских систем этот круг развития, тоже приходит к своему абсолютному выражению в виде гегелевской философской системы. Гегель указывает, что результатом всей «Истории философии» «является мысль, которая находится у себя и вместе с тем схватывает универсум и превращает его в мир интеллектуальный». Гегель придает этому положению чрезвычайно большое значение во всех своих лекциях по истории философии и, как мы знаем, стремится на каждом историческом этапе «Истории философии» определить степень этого развития. Так, он особенно восхваляет Аристотеля за то, что якобы Аристотель впервые высказал уже соображение о мышлении мышления. «Только Аристотель, — пишет он, — впервые говорит, что нус (разум) есть мышление мышления»¹⁾. Каждая ступень в развитии духа, с точки зрения Гегеля, имеет в истинной философской системе свою, определенную форму.

Подводя итоги своим «Лекциям по истории философии», Гегель высказывает целый ряд соображений, посвященных вопросу о том, почему, собственно говоря, абсолютному духу потребовалось такое большое и продолжительное время, чтобы придти в виде самосознания к самому себе. Почему так «лениво и медленно» работал мировой дух над тем, чтобы придти к этой своей последней цели? Оказывается, это происходит, по Гегелю, потому, что мировой дух развивался медленно, но верно, переходя от одной ступени к другой, но в связи со своим внешним существованием, которое приходится ему преодолевать. Гегель вспоминает слова Гамлета, который говорит о духе своего отца: «Хорошо работаешь, честный крот». Эти слова, по мнению Гегеля, очень хорошо подходят к постоянной, повседневной, медленной, но верной работе мирового духа, который,

¹⁾ Гегель. Т. XI, стр. 513.

наконец, приходит к своей окончательной цели. «История философии», рисующая картину, как мировой дух приходит к своему самосознанию, по мнению Гегеля, представляет самое «внутреннее во всей всемирной истории». Пройдя, по выражению Гегеля, «ряд духовных формаций», философия приходит к своему выражению в виде философии «нашего времени». Философия Гегеля как философское выражение «нашего времени» представляет собой завершение всего этого развития.

В чем же состоит этот окончательный результат? Послушаем самого Гегеля. «Настала, — пишет он, — новая эпоха. Мировому духу, повидимому, удалось теперь сбросить с себя всякую чуждую предметную сущность и постигнуть себя, наконец, как абсолютного духа, порождать из себя то, что становится для него предметным, и, оставаясь по отношению к последнему спокойным, удержать его в своей власти. Борьба конечного самосознания с абсолютным самосознанием, которая казалась первому находящимся вне его, теперь прекращается. Конечное самосознание перестало быть конечным и, благодаря этому, абсолютное самосознание получило, с другой стороны, ту власть, которой ему раньше недоставало. Эту борьбу изображает вся протекшая всемирная история и в особенности история философии. И эта история, повидимому, доходит до своей цели там, где это абсолютное самосознание, представлением о котором она обладает, перестало быть чем-то чуждым, где, следовательно, дух действителен как дух... Дух производит себя, как природу, как государство»¹).

Мы привели здесь эту выдержку из Гегеля, для того чтобы показать реакционный окончательный результат, к которому он приходит в своих «Лекциях по истории философии», чтобы показать, что потребности системы требовали некоего завершенного состояния в развитии философии. И именно этот результат представляет картину полного противоречия со всем тем историческим подходом, который Гегель проповедует по отношению к истории философии и который он стремится провести на протяжении всех трех томов.

Мы видим, что и здесь, в «Истории философии», основное противоречие всей гегелевской концепции, противоречие между методом и системой, получает свое рельефное выражение.

В III томе «Истории философии» Гегель рассматривает философские системы нового времени — и Бэкона, и Декарта, и Спинозу, и французских материалистов, и Лейбница, и Канта, и Фихте, и др. Его оценка каждого из этих представителей новой философии представляет для нас, материалистов-диалектиков, большой интерес, ибо каждую из этих философских систем Гегель рассматривает, с одной стороны, под углом зрения того места, которое она занимает в развитии диалектического метода, и одновременно с этим того места, которое она, по мнению Гегеля, занимает как определенная ступень в развитии логической идеи. Поэтому требуется исключительно критический подход ко всякой оценке любого из этих мыслителей, которую дает Гегель, ибо в любой этой оценке мы имеем у него органически сплетенными его метод и систему, его диалектику и идеализм. В задачу нашей вступительной статьи отнюдь не входит подробное рассматривание гегелевской оценки каждого из тех мыслителей и крупных философских систем, которые он рассматривает в III томе. Такая оценка и такое критическое рассмотрение с точки зрения материализма потребовало бы, по существу, параллельной работы. Мы здесь для характеристики гегелевского метода остановимся только на рассмотрении им некоторых философских систем, представляющих для нас особый интерес, а именно: системы Спинозы и французских материалистов.

¹) Гегель. Т. XI, стр. 517—518.

Гегелевская воинствующая антиматериалистическая линия, о которой так много и ярко написал Ленин в своих «Философских тетрадах», характеризуя метод Гегеля в I и во II томах «Истории философии», целиком и полностью относится также и к III тому. Рассмотрение материалистических систем нового времени у Гегеля занимает весьма незначительное место. Таким мыслителям, как Гассенди, Гольбах, Гельвеций, он отводит буквально только по несколько строк. Характерно даже, что такие философы-материалисты, у которых мы имеем значительные элементы диалектики, как Дидро, почти выпадают из поля внимания Гегеля. И если Гегель несколько более подробно останавливается на оценке материалистических систем Бэкона, французских материалистов или Спинозы, то это объясняется особым рядом причин, которые будут ясны из нашего дальнейшего рассмотрения.

Переходя к вопросу о Спинозе, надо сказать, что Гегель отнюдь не рассматривает Спинозу в качестве материалиста, отнюдь не называет его материалистом, хотя, по существу, в ряде мест его оценки философской системы Спинозы он его критикует так, как последовательный идеалист может критиковать и выступать против материалиста.

Прежде всего отметим, что Гегель подходит к философии Спинозы с точки зрения выяснения того места, которое она занимает в «развитии логической идеи». Гегель подчеркивает, что спинозовская философия выражает определенную ступень в развитии логической идеи, а именно ступень развития субстанции. Одновременно с этим Гегель указывает, что спинозовская философия осталась целиком и полностью на почве субстанции и не сделала дальнейшего шага вперед в сторону самосознания. Он пишет следующее: «Абсолютная субстанция есть истина, но она не вся истина. Чтобы быть всей истиной, она должна была бы мыслиться как деятельная и живая внутри себя и именно этим определить себя как дух. Но спинозовская субстанция есть лишь всеобщее и, значит, абстрактное определение духа. Можно, правда, сказать, что эта мысль есть основа всякого истинного воззрения. Она, однако, такова не как основа, остающаяся абсолютно прочно внизу, а как абстрактное единство, как дух внутри самого себя. Мы должны поэтому заметить, что мышление необходимо должно было стать на точку зрения спинозизма. Быть спинозистом — это существенное начало всякого философствования»¹⁾.

Мы видим, что здесь Гегель вопреки действительному положению вещей пытается истолковать спинозовскую субстанцию не как синоним материи, а как мысль, как некое всеобщее. И с этой точки зрения он очень высоко оценивает место Спинозы в истории философии. Однако вместе с тем он отмечает и исторически ограниченный характер философии Спинозы. В чем же состоит эта историческая ограниченность? Гегель указывает, что «субстанция Спинозы еще не была определена им как внутри себя конкретное».

Что, собственно, означает вся эта критика Гегелем спинозовской субстанции, если перевести ее на наш, материалистический язык? Оказывается, что это есть критика субстанции с точки зрения того, что ей недостает самосознания. Это есть критика идеалиста материальной субстанции с точки зрения христианской религии. Субстанция Спинозы, по мнению Гегеля, недостаточно идеализирована. Она является, собственно говоря, таким понятием, которое может быть воспринято материализмом, может быть истолковано как синоним материи. Ясно, что против такой субстанции Спинозы Гегель обрушивается со всей силой.

¹⁾ Гегель. Т. XI, стр. 285.

Он критикует Спинозу с точки зрения христианской религии, с точки зрения того, что бог понимается Спинозой не как дух, не как самосознание, а просто отождествляется с природой. Гегель никак не соглашается с тем, что «духовная индивидуальность» у Спинозы есть только модус. С точки же зрения Гегеля, «духовная индивидуальность» есть субстанциальное существо.

Развертывая эту идеалистическую критику спинозовской субстанции, Гегель считает, что благодаря тому положению, что мышление у Спинозы взято в единстве с протяжением, у него нет и не может быть свободного логического развития понятий. Субстанция Спинозы, считает он, представляет собой только существенную ступень в развитии идеи. Однако она не есть еще абсолютная идея, а лишь только идея в ограниченной форме необходимости.

Все время, и в «Истории философии», и в «Науке логики», и в «Энциклопедии философских наук», Гегель подчеркивает, что субстанции Спинозы недостает свободы личности, духовности и т. д. Вот первая линия критики Гегелем спинозовской субстанции. Мы видим, что это есть критика идеалиста, направленная против материалиста. Однако этим не ограничивается все рассмотрение Гегелем спинозовской философии. Мы уже видели, что Гегеля интересует во всей истории философии история диалектики. В этом отношении спинозовская философия представляет большой интерес. Гегель занимается раскрытием элементов этой диалектики в философии Спинозы.

Прежде всего отметим, как он оценивает знаменитое спинозовское *causa sui*. Так, в «Истории философии» он пишет: «Причина самого себя является очень важным выражением, ибо, в то время как мы представляем, что причина противоположна действию, причина самого себя есть такая причина, которая, действуя и отделяя некоторое другое, вместе с тем порождает лишь самое себя, упраздняет, следовательно, в акте порождения это различие. Полагание этой причиной себя как некоего другого есть отпадение и вместе с тем отрицание этой потери; это совершенно спекулятивное понятие и даже, скажем больше, основное понятие во всем спекулятивном»¹⁾.

Эта характеристика спинозовского *causa sui* как некоего спекулятивного понятия в устах Гегеля означает высшую похвалу, ибо этим он хочет выразить, с одной стороны, идеалистический, но вместе с тем диалектический характер постановки этого вопроса Спинозой. Тем самым Гегель рассматривает этот вопрос как значительный элемент диалектики во всей философской системе. В другом месте он указывает, что если бы Спиноза логически развил то, что имеется у него в понятии *causa sui*, то он пришел бы к выводу, что его субстанция не может являться неким неподвижным началом.

Далее, Гегель отмечает, что учение Спинозы о субстанции с двумя атрибутами вплотную подводит его к пониманию бытия как единства противоположностей, и это Гегель также отмечает как известную заслугу Спинозы в подготовке и развитии диалектики.

Гегель, характеризуя общий неподвижный характер философии Спинозы, пишет следующее: «Так как различия и определения вещей и сознания сводятся лишь к единой субстанции, то можно сказать: в спинозовской системе все лишь бросается в эту бездну уничтожения, но из этой бездны ничего не выходит, и особенное, о котором говорит Спиноза, им лишь преднайдено, взято неоправданным из представления. Если бы Спиноза захо-

¹⁾ Гегель. Т. XI, стр. 294.

тел оправдать его, он должен был бы вынести его из своей субстанции. Но эта субстанция не раскрывается, и таким образом у Спинозы не получается никакой жизни, духовности и деятельности. В его философии есть только неподвижная субстанция, но еще нет духа. Мы в ней не находимся у себя. Но бог здесь потому не дух, что он не триедин. Субстанция остается неподвижной субстанцией...»

Выясняя и отмечая диалектические моменты философии Спинозы, Гегель вместе с тем обрушивается на Спинозу с резкой критикой неподвижного, механистического характера всей его философии. Спиноза, по выражению Гегеля, не добрался до подлинной, или, как он выражается, спекулятивной, диалектики. В чем же основной недостаток спинозовской философии и его диалектики, по мнению Гегеля? Он состоит в том, что у Спинозы нет самодвижения, нет развития, нет деятельности, активности, нет принципа личности, нет конкретности. Вот какие черты философии Спинозы и в частности, нет ограниченность его диалектических элементов отмечает Гегель.

Маркс и Энгельс в целом ряде своих произведений на материалистической основе развивают рациональные зерна, которые мы имеем по этому вопросу у Гегеля в его отношении к философской системе Спинозы.

Перейдем теперь к рассмотрению Гегелем французского материализма. Этот вопрос представляет для нас большой интерес, ибо здесь сказывается у Гегеля, с одной стороны, его крайне отрицательное отношение к материализму, а с другой стороны, очень положительное его как идеолога буржуазии отношение к французской революции, идеологической подготовкой которой является как раз французский материализм. Мы уже знаем, что Гегель считает материализм невозможным как философскую систему, потому что он не укладывается, по его мнению, в развитие логической идеи, что материализм, по Гегелю, не дает ничего для спекулятивного понятия. И под этим углом зрения Гегель подходит также и к анализу воззрений воинствующего материализма и атеизма французской буржуазии XVIII столетия. Однако Гегель как идеолог буржуазии, как человек, относившийся всегда, на всем протяжении своей жизни, с восторгом и с восхищением к французской революции конца XVIII столетия, к ее борьбе с феодализмом, не может пройти мимо того огромного значения в подготовке этой революции, которую сыграл материализм XVIII столетия. И вот Гегель, с одной стороны, отмечает и восхваляет заслуги французских материалистов в борьбе с феодальным обществом и с феодальной идеологией и, с другой стороны, крайне низко оценивает их философские взгляды как взгляды материалистические. Противоречие гегелевской философской системы и противоречивость положения немецкой буржуазии, идеологическим отражением которой эта система являлась, сказывается очень ярко в этом отношении Гегеля к французскому материализму. В развитии французской философии, куда он включает Вольтера, Монтескье, Руссо, Даламбера, Дидро и др., он отмечает три стороны: положительную, отрицательную и метафизическую. Под отрицательной стороной развития французской философии, или, как он говорит, под «отрицательным направлением», он понимает материализм и атеизм французов XVIII столетия. Приступая к анализу этого «отрицательного» направления, он сначала довольно философски говорит, что «и отрицательной стороне как и всему на свете следует отдать справедливость». Он ставит перед собой вопрос и пытается дать ответ на него, чем вызвано такое решительное нападение на религию и на государство со стороны целой плеяды французских материалистов. Он считает, что надо понять чувство возмущения, которое характерно для этой большой группы писателей. Это чувство возмущения не случайно, а связано с тем обстоятель-

ством, что, по его выражению, перед нашим взором выступают «чудовищные формализм и мертвенность, в которую перешли как положительная религия, так и скрепы человеческого общества, правовые учреждения, государственная власть». Вот почему, по его мнению, французская философия была направлена не только против религии, но была также направлена и против государства. Он считает, что величайшая заслуга французских материалистов состоит в том, что этот формализм эти философы ниспровергли.

Гегель как типичный идеолог буржуазии не жалел красок, крепких слов, для того чтобы всячески заклеить положение, которое было в феодальной Франции до французской революции. Он находит достаточно крепких выражений, пламенных слов, для того чтобы ругать феодальный строй во Франции. Он пишет следующее: «Нам легко делать упреки французам за их нападки на религию и государство; нужно представить себе картину ужасного состояния общества, бедственность, подлости, царившие во Франции, чтобы понять заслуги этих философов. Теперь лицемерие, ханжество, тирания, видящие, что ограбили ее награбленное, слабумие могут сказать, что французские философы нападали на религию, государство и нравы. Но какая это была религия? Не очищенная Лютером, а презреннейшее суеверие, поповщина, глупость, низкий образ мышления и, главным образом, растраниживание богатства и утопание в изобилии земных благ при господствующей нищете. Какое это было государство! Бесконтрольнейшее господство министров и их девок, жен, камердинеров, так что огромная армия маленьких тиранов и праздношатающихся рассматривала как свое божественное право грабеж доходов государства и пользование потом народа. Бесстыдство, несправедливость достигали невероятных пределов. Нравы только соответствовали низости учреждения; мы видим бесправие индивидуумов в гражданском и в политическом отношении, равно как и в области совести, мысли»¹⁾. Мы видим, с какой яростью и с каким пылом Гегель обрушивается на феодальные порядки, существовавшие во Франции. Отсюда ясно, как он оценивает французских материалистов, выступавших против этих феодальных порядков и наносивших идеологические удары по старому строю и подготавливавших французскую революцию. Гегель, дальше, оправдывает французскую революцию, указывая, что «она была вынужденна». Гегель указывает, что и философы должны были выступать, таким образом, против существующей религии во Франции и против государства. Тут же он делает, кстати сказать, ряд замечаний, относящихся уже к немцам. Отмечая крайне активный, действенный характер французов, он говорит о том, что «мы, немцы, пассивны по отношению к существующему, переносили его... если его ниспровергли, то мы также пассивны». Направлен ли, по мнению Гегеля, этот боевой характер французских философов против религии вообще и против государства вообще? Гегель считает, что, конечно, нет, что критика религии и критика государства со стороны французских материалистов направлены только против той формы религии и той формы государства, которые мы имели во Франции до буржуазной революции.

Гегель всячески восхваляет французских философов за их рационализм. Он всюду, где говорит о них, выпячивает роль и значение разума в их философии. Действительно, французский материализм и французская философия, которые ставили все перед судом разума, во всем пытались найти оправдание с точки зрения разума, проникнуты рационалистическими моментами, и Гегеля именно это обстоятельство пленяет, и он всячески раздувает и подчеркивает именно этот момент во французской революции.

¹⁾ Гегель. Т. XI, стр. 389.

Отмечая, как мы видели, заслуги французских философов в борьбе с религией и феодальным режимом, Гегель вместе с тем высказывает бесконечное презрение к их материализму. Там, где он переходит к характеристике философских воззрений французских материалистов, он не находит достаточно ругательных слов и выражений, для того чтобы опохабить материализм как философское направление. Он считает, что во взглядах французских материалистов понятие имеется лишь в «отрицательной форме», что мы имеем у них «не спекулятивное познание, которое претендует быть философией, но остается общей фразой, что они возятся со словами «силы», «отношения», многообразные связи, но не приходят ни к чему определенному». Он считает, что «французский материализм представляет собой скучное пустословие, которое ничего не может сделать понятным, беря извне готовыми явления и восприятия, и рассуждает о них».

Отмечая изумительную энергию и силу, которую проявили французские материалисты в борьбе с верой, со всякой, насчитывающей тысячеклетья властью авторитетов и т. д., Гегель указывает, что, собственно говоря, интересно в этой философии лишь отрицание, «а о положительной стороне французской философии не стоит говорить».

Положительное содержание философии французских материалистов, указывает он, «не удовлетворяет требованиям, предъявляемым основательностью». Корень дела состоит в том, по его мнению, что все их философствование дано «не в форме понятия». Гегель делает все, чтобы исказить богатое и гениальное содержание воззрений французских материалистов, представить их произведения, насыщенные такой живой жизнью, бодростью и остроумием, как скучнейшие произведения. Так например о «Системе природы» Гольбаха он пишет следующее: «Систему природы» мы скорее находим скучной, потому что она кружится в общих представлениях, которые часто повторяются; это не французская книга, ибо ей недостает живости и она изложена тускло».

Мы видим, что отрицательное и презрительное отношение Гегеля к материализму доходит у него до того, что он не только не придает никакой цены положительным воззрениям французских материалистов, но пытается даже оклеветать их произведения с точки зрения стиля и характера их написания. Кажется на первый взгляд странным, что Гегель выделяет из среды французских материалистов особенно Робинэ и отдает ему большое предпочтение. Так, он о Робинэ пишет следующее: «Другой главной книгой является еще более сносная — «О природе» Робинэ (1775—1820). В ней господствует совершенно другой дух, дух основательности. Часто нас так заражает глубокая серьезность, которую обнаруживает этот человек». И, далее, у Гегеля идет более или менее подробное изложение точки зрения Робинэ по вопросу об органических существах, его анималькулях и т. д. Маркс еще в «Святом семействе» указал, чем, собственно, объясняется такое отношение Гегеля к философии Робинэ. Маркс писал: «Робинэ («De la nature»), тот французский материалист, который больше всех сохранил связь с метафизикой и потому удостоился похвалы Гегеля»¹⁾.

Гегель выделяет Робинэ, всячески его выхваливает по сравнению с другими французскими материалистами, ибо в действительности у Робинэ мы имеем в очень большой степени отклонение в сторону идеализма и поповщины.

Приведенные здесь характеристики, данные Гегелем Спинозе и французским материалистам, еще и еще раз подтверждают тот партийный воинственный идеалистический характер гегелевской «Истории философии», о котором писал Ленин. Гегель стремится от первой до последней страницы

¹⁾ Маркс и Энгельс. Т. III, стр. 159.

провести свою определенную концепцию, провести определенную точку зрения в оценке крупнейших мыслителей. В «Лекциях по истории философии» Гегеля мы имеем исключительное произведение, насыщенное глубоким содержанием. Однако это произведение от начала до конца противоречиво, как противоречива вся гегелевская философская система в целом. Это противоречие есть противоречие между консервативной и революционной стороной гегелевской философии, противоречие между его методом и системой.

Только тот переворот, который создали во всей науке Маркс и Энгельс, только материалистическое понимание истории может являться и является в действительности единственной базой для создания подлинно научной истории философии. Хотя Гегель и пытается связать рассмотрение «Истории философии» с определенными историческими эпохами, однако эта связь, в конце концов, носит у него внешний характер. Гегель не может как представитель ограниченного буржуазного мировоззрения добраться до действительных материальных корней тех или других идеологических построений в общественной жизни. Только та точка зрения, которая в основу всей общественной жизни и в том числе в основу идеологических построений кладет развитие материальных производительных сил, только та точка зрения, которая исходит из того, что история есть история классовой борьбы, — только эта точка зрения дает действительное объяснение общественным явлениям. Только материалистическое понимание истории со своим подлинным историзмом, со своим исходным пунктом о том, что общественное бытие определяет общественное сознание, может дать действительное объяснение смене одних философских систем другими, характер той и другой философской системы, какое она получила выражение в истории.

Развивая мысль Маркса и Энгельса, Ленин дал замечательный образец того, как нам надо подходить к тем или другим предшествовавшим философским системам. Ленин выдвинул соображение о необходимости классового и гносеологического анализа каждой из философских систем, для того чтобы вскрыть ее действительные материальные и идейные корни. Ленин боролся против такого подхода, который считает необходимым ограничиться при раскрытии той или другой философской системы только раскрытием ее классовых корней. Анализ философских систем с точки зрения выяснения их классовых корней это — главное и основное. Однако ограничиваться этим мы не должны. Ленин требовал одновременно и раскрытия гносеологических, логических корней данной философской системы на базе выяснения исторического места и классового характера ее. Только марксистско-ленинский метод является действительно и до конца плодотворным и научным методом при рассмотрении истории философии.

„Философия природы“ Гегеля *)

А. Максимов

От общего фихтеански-шеллингианского корня произошла и натурфилософия Гегеля. Гегель выступил с первым своим сочинением по вопросам философии естествознания, со своей диссертацией «Об орбитах планет» (1801 г.), когда он еще шел вместе с Шеллингом и издавал с ним «Критический журнал философии». Поэтому эта диссертация носит еще переходные черты к позднейшим воззрениям Гегеля. В дальнейшем он выступил против Шеллинга как по общепhilosophским, так и по натурфилosophским вопросам.

Свою собственную систему Гегель развил, борясь как и предшественники с метафизикой и с теми, кто, по его мнению, непоследовательно боролся с этой метафизикой.

Метафизику Гегель критиковал прежде всего за то, что она непосредственные представления о предметах наивно считала за истинное познание этих предметов. Второй отрицательной чертой метафизического мышления Гегель считал допущение, что действительные отношения предметов можно выразить, пользуясь формой суждений как чем-то застывшим и готовым. Поэтому Гегель решительно критиковал формальную, метафизическую логику и впротывовес ее законам выдвинул законы диалектической логики.

Одновременно с критикой формальной логики Гегель критиковал и эмпиризм как метод, опиравшийся на формальную логику. Признавая великое значение эмпиризма, Гегель отрицал за эмпиризмом способность разорвать границы абстрактного мышления и сознательно ограничивал его сферу исключительно метафизическими формами мышления. В этом отношении Гегель был неправ, но метафизику эмпиризма, его аналитический метод он критиковал со всей присущей ему меткостью и силой.

Борясь с метафизикой, с формальной логикой, с эмпиризмом, Гегель, естественно, не мог пройти мимо той критики метафизики и т. д., которая была развита до него. При этом он обращал внимание не столько на положительные стороны этой критики, сколько на то, что недоделано, что служило препятствием для действительной критики враждебных диалектике учений.

Так, признавая заслуги Канта в открытии новой эпохи в философии, Гегель критиковал его за половинчатость, за отрыв мира вещей в самих себе, за отрицание объективного значения диалектики противоречия, за субъективный идеализм.

*) Настоящая статья является попыткой критического введения в изучение «Философии природы» Гегеля, впервые изданной в настоящее время на русском языке в Соцэкгизе Институтом философии Комкадемии.

Что касается Шеллинга, то его Гегель критиковал за то, что тот в основу своего метода брал интуицию, вдохновение, божественное откровение, а не разум.

Несмотря на общую идеалистическую позицию Гегеля его критика была шагом вперед по сравнению со всем тем, что было сделано до него в немецкой классической философии. Его критика двигала теорию, хотя и на ложной основе, вперед.

Критикуя основы общефилософских воззрений Канта и Шеллинга, Гегель с еще большей отрицательностью относился к тем извращениям, которые были следствием применения систем этих философов в области натурфилософии.

Борясь с метафизикой и эмпиризмом, с кантианством и другими течениями немецкого классического идеализма, Гегель создавал свою систему философии. В ней должны были быть разрешены проблемы, оставшиеся нерешенными его предшественниками, и устранены ошибки, накопленные ими. Вместе с тем извращениям в области натурфилософии, сделанным этими мыслителями, Гегель должен был противопоставить свою систему философии природы и свой метод решения проблем.

К рассмотрению того, насколько удалось ему это, мы и перейдем.

Система Гегеля является идеалистической, т. е. первичным для него является не материя, но дух. Но абсолютный дух его — это не субъективный дух отдельного человека. Абсолютный дух Гегеля — это деятельная конкретность, которая в процессе саморазвития и самопознания проходит все стадии развития, какие только мыслимы для мира природы, общества и духа, в обычном смысле этого слова.

Диалектический метод в системе Гегеля есть самое важное и характерное в ней. И именно с этой общей позиции и боролся Гегель против метафизики.

Развивая свою систему, Гегель ясно сознавал, какая стоит перед ним историческая задача. Он видел, что он завершал один период философии и начинал другой: очень обширный материал, который был накоплен за метафизический период развития логики и который предстал перед ним в виде мертвого скелета понятий, суждений и умозаключений, должен был быть приведен в движение и облечен плотью и кровью. «Изобразить царство мысли философически, — писал он, — т. е. в его собственной имманентной деятельности, или, что то же самое, в его необходимом развитии, должно было поэтому быть новым предприятием и притом начинающим сначала...»¹⁾

Метод Гегеля. Лейтмотивом всей методологии Гегеля является мысль о саморазвитии понятия, о саморазвитии идеи. Он много и много раз подчеркивал это положение в своей «Энциклопедии» и «Большой логике». Для него идея есть не нечто мертвое, но нечто такое, что само собой развивает свое содержание, всю совокупность всех своих определений.

Исходя из этих положений, Гегель определяет метод своей философии как «имманентное развитие понятия», как «сознание формы внутреннего самодвижения ее содержания».

При этом эта деятельность не есть произвольная, случайная деятельность: она совершается закономерно. Поэтому задача философии заключается в том, чтобы «понять явления духа в их необходимой последовательности»²⁾. Она должна показать, «что дух есть необходимая ступень развития вечной идеи и что все формы его, составляющие предмет особенных частей философии духа, развиваются из самого понятия духа. Как живой организм весь содержится в зародыше и есть продукт не внешней власти,

¹⁾ «Наука логики». Ч. 1-я, в. 1, стр. XXVII; см. также предисловие к 1-му изданию «Науки логики».

²⁾ Гегель «Философия духа». Перев. Чижова, стр. 6. М. 1864.

а необходимое развитие, точно так же все особенные формы живого духа развиваются из понятия духа как из своего зародыша. Развитие нашего мышления совершенно совпадает с развитием самого предмета, потому что и то и другое вытекает из одного нераздельного понятия. Нам остается только следить за собственным движением предмета, и мы не должны прерывать его, вмешивая в него субъективные представления и мысли. Понятие развивается без всякого внешнего побуждения; оно осуществляется, потому что его природа деятельна или потому что его первобытное единство необходимо впадает в различия, т. е. снимает свое несовершенство, свою односторонность, раскрывает свои определения, которые вначале были только возможны, и таким образом оно является как истинно целое»¹⁾.

Но величайшая историческая заслуга Гегеля заключается не только в том, что он выдвинул идею саморазвития понятия (это частично было уже сделано и до него), а также и в том, что он дал грандиозную попытку осуществления конкретной теории эволюции понятий.

Понятия, согласно Гегелю, образуются нами на основе наших чувственных впечатлений. Последние, однако, не дают нам еще никакого знания. Чувственные представления должны подвергнуться разлагающей, аналитической деятельности нашего мышления, для того чтобы получилось знание.

Но, разлагая целостное и еще неясное чувственное впечатление на понятия, мы тем самым производим расчленение того, что было соединено, что в виде чувственного впечатления относилось к целостной действительности. Так мы совершаем лишь первый этап нашей мыслительной работы. Как результат этой работы мы имеем понятия о действительности. Но эти понятия противостоят одно другому, исключают одно другое. Понятие бытия, например, исключает понятие небытия, или «ничто», понятие происхождения исключает понятие уничтожения, понятие конечного — понятие бесконечного, количество противостоит качеству и т. д.

Продукты анализирующей деятельности рассудка покоятся прежде всего на законах тождества и противоречия.

«Что касается познания, — писал Гегель, — то оно начинается с того, что схватывает наличные предметы в их определенных различиях и, например, при рассмотрении природы различаются, таким образом, вещества, силы, виды и т. д. и самостоятельно фиксируются в этой их изолированности. Мышление действует при этом как рассудок, и его принципом в этой деятельности является тождество — простое соотношение с собой. Это тождество и есть то, что ближайшим образом обуславливает в познании переход от одного определения к другому. Так, в математике величина есть то определение, которое одно только обуславливает дальнейшее движение мысли. В геометрии, согласно этому, сравнивают друг с другом фигуры, выдвигая то, что в них тождественно»²⁾.

Рассудочный момент — это первый момент в развитии понятия, по Гегелю, и исторически соответствует метафизическому периоду развития логики, покоящемуся на законах тождества противоречия и исключенного третьего.

Но если исторически логика до Гегеля (если не считать Аристотеля) не пошла дальше метафизики, то самые понятия, а также суждения и умозаключения при глубоком их рассмотрении ведут за пределы метафизики, ведут от рассудочного момента в развитии понятия к другому моменту — диалектическому. К этому результату, как мы знаем, вплотную подошел было уже Кант.

¹⁾ Гегель «Философия духа». Перев. Чижова, стр. 9. М. 1864.

²⁾ Гегель. Собр. соч. Т. I, стр. 132.

Раздельность понятий и их взаимная противоположность при более глубоком рассмотрении оказываются лишь видимостью, за которой стоят в действительности их связь и взаимный переход.

Таким образом, если первым актом нашей мыслительной деятельности являются анализ действительности и разложение ее на оторванные и противостоящие друг другу свойства, выражающиеся в абстрактных, рассудочных понятиях, то вторым актом эта разорванность понятий уничтожается, отрицается. От одного понятия мы переходим к прямо ему противоположному.

Это второй момент в развитии понятия, момент отрицания, или отрицательно-диалектический момент, как называет его Гегель.

С этого момента, собственно, и начинается то продвижение вперед в области логики, которое и является исторической заслугой Гегеля.

Переход за пределы отвлеченных понятий не есть какая-либо софистика, но есть неизбежное требование, неизбежный результат действительного научного рассмотрения явлений действительности и форм мышления.

Абстрактные понятия являются результатом рассмотрения явлений в их ограниченности, в их оторванности друг от друга, в их конечности. В действительности же все связано взаимными переходами, и всякое явление содержит в себе не только данную сторону или свойства, но заключает и зародыш противоположных свойств.

«Но более строгое рассмотрение показывает нам, — писал Гегель, — что конечное ограничивается не только извне, а смыкается посредством своей собственной природы и само собой переходит в другое. Так например, говорят «человек смертен» и смерть рассматривают как нечто, имеющее свою причину лишь во внешних обстоятельствах; согласно этому способу рассмотрения, существуют два самостоятельных свойства человека: свойство быть живым и кроме того свойство быть смертным. Но истинное понимание состоит в том, что жизнь как таковая носит в себе зародыш смерти и что вообще конечное противоречит себе внутри себя и вследствие этого снимает себя»¹⁾.

Момент отрицания, момент противоположного в развитии понятия и в процессах действительности играет решающую роль. Именно в этом моменте выражается фактор развития, фактор движения²⁾ и в области мышления и в области природы. И Гегель подчеркивал это значение диалектики, когда писал, продолжая только что приведенную мысль: «Диалектика есть, следовательно, движущая сила всякого научного развертывания мысли и представляет собою принцип, который один вносит в содержание науки и мманентную связь и необходимость, равно как и в нем же заключается подлинное, а не внешнее возвышение над конечным»³⁾.

Каждая вещь характеризуется не только одним каким-либо свойством, а всегда является совокупностью различных свойств, переходящих в противоречие. Вещь, согласно Гегелю, есть та внутренняя связь, которая соединяет в себе различные свойства⁴⁾. В этом противоречивом характере вещей действительности и заключается источник движения.

Но если противоречие ведет к движению, то и движение в свою очередь есть источник все новых и новых противоречий. По Гегелю, возникновение противоречий имманентно присуще понятию, т. е. каждое понятие необходимо разрешается в ему противоположное⁵⁾.

¹⁾ Гегель. Собр. соч. Т. I, стр. 136.

²⁾ Гегель «Наука логики». Ч. 1-я, стр. 35—36.

³⁾ Гегель. Собр. соч. Т. I, стр. 135.

⁴⁾ Там же, стр. 215—219.

⁵⁾ Гегель «Наука логики». Ч. 1-я, стр. 10.

Здесь уже мы встречаемся с зачатком отмеченных нами у Гегеля положений о том, что развитие закономерно и эта закономерность есть не нечто извне данное, а нечто имманентное, результат саморазвития понятия.

Если вторым актом мышления был переход от одного понятия к противоположному понятию, то третьим актом устанавливается единство противоположных определений. Второй акт отрицал действительность расщепленных определений и доказывал их переход в противоположные. Третий акт отрицает это отрицание и устанавливает третье понятие, охватывающее оба первых в их единстве. Именно то обстоятельство, что в третьем акте мышления уничтожается результат второго отрицательного момента, служит у Гегеля основанием к введению термина «отрицание отрицания».

Из всего предыдущего изложения ясно, что отрицание отрицания не приводит к взаимному уничтожению противоположных элементов понятия, не дает в качестве своего результата нуль, а дает нечто положительное, именно новое понятие, которое является единством двух других¹⁾. В том, что это понятие является более содержательным чем составляющие его каждое в отдельности, и заключается истинно положительный и диалектический момент²⁾.

Если первым шагом мышления было установление отвлеченных, конечных понятий, если вторым шагом был переход от данных понятий к противоположным им, то третьим шагом является, как мы видим теперь, установление понятий, которые являются единством взаимно противоположных определений.

Каждое такое понятие является более конкретным чем то, единство которых оно представляет, и поэтому такие более конкретные понятия точнее, правильнее схватывают и отражают действительные отношения. Истина, оказывается, принадлежит не разорванным и взаимно противоположным понятиям, а только их единству. «Поскольку каждая из двух противоположных сторон сама по себе содержит в себе другую и ни одна из них не может быть мыслима без другой, то отсюда следует, — заключал Гегель, — что истина свойственна не одному из этих определений, взятому отдельно, но лишь их единству. Таково истинно диалектическое воззрение на них, так же, как их истинный результат»³⁾.

Но если истина принадлежит не абстрактным самим по себе тождественным понятиям, но единству взаимно противоположных понятий, то этим отрицается значение формальной логики для правильного изображения действительных отношений. При этом формальная логика не отвергается совсем, как не отвергаются абстрактные понятия, но, как последние оказываются поглощенными более общими и в то же время более конкретными понятиями, точно так же и формальная логика оказывается поглощенной диалектической логикой. Формальная логика оказывается частным моментом диалектической и может быть извлечена из последней. «В спекулятивной (то же, что и диалектической). — А. М.) логике, — говорит Гегель, — содержится рассудочная логика и первую можно сразу превратить в последнюю; для этого нужно только отбросить в ней диалектический и разумный моменты...»⁴⁾.

Как же, однако, если неверна формальная логика, приходят к правильным результатам в науке и в обыденной жизни? Ведь если и известна какая-либо логика, так это только формальная?

На это Гегель дает простой ответ. Как для правильного мышления необходимо теоретическое знание и формальной логики, так и диалектическое, разумное, по его терминологии, мышление присуще всякому здоро-

¹⁾ Гегель «Наука логики». Ч. 1-я, стр. 45.

²⁾ Там же, стр. 9—10.

³⁾ Там же, стр. 122.

⁴⁾ Гегель. Собр. соч. Т. I, стр. 140.

вому человеку и в его обыденной и в его научной деятельности. Разница лишь в том, что формальная логика как наука была создана уже в древности, тогда как для диалектической логики заложил фундамент только Гегель. Поэтому именно диалектический момент и в науке и в жизни приходил до сих пор лишь бессознательно, неявно, не превращаясь в научное понимание его механизма¹⁾.

Но если бы это сознание диалектики было налицо, тогда было бы ясно, что положительные результаты и практической и научной деятельности достигаются благодаря применению в мышлении диалектики. «Играющее такую важную роль в физике представление о полярности, — писал Гегель, — содержит в себе более правильное определение противоположения, но так как физика в своем понимании законов мысли придерживается обычной логики, то она пришла бы в ужас, если бы она раскрыла для себя полярность и пришла бы к тем мыслям, которые заключаются в последней»²⁾.

То же самое писал Гегель относительно математики: «Математика обязана самыми блестящими своими успехами принятию того определения, которое противоречит рассудку» (т. е. формальной логике)³⁾.

Итак, истина принадлежит не рассудочным определениям, а их единству, осуществляемому в третьем акте познания.

Для этого третьего акта нашего мышления Гегель вводит особый термин «снятия» или «опосредования»⁴⁾.

Так заканчивается цикл, круг развития понятия: например от бытия через отрицание к «ничто» и через отрицание отрицания к становлению, которое «снимается» в понятии непосредственного существования. Но последнее понятие, «сняв» противоречие, становится исходным пунктом новой триады, нового перехода в противоположное понятие и, далее, к единству противоположностей в еще более конкретном понятии, снимающем свое противоречие, в продолжительном понятии, делающемся началом третьей триады, и т. д.

Результат такого движения понятий заключается в переходе к все более конкретным понятиям, охватывающим все большее и большее число более абстрактных понятий.

В противоположность анализирующей деятельности рассудка мы имеем здесь дело с синтетическим методом. А так как синтез более конкретного понятия исходит из абстрактных понятий, опирается на них, то ясно, что метод Гегеля есть, по существу, единство аналитического и синтетического методов⁵⁾.

* * *

Таков вкратце был метод Гегеля в его применении к области логики, т. е. к той области, где «идея», «дух» проявляет себя ранее всего, области, с которой начинается «движение» в системе Гегеля.

Этот метод был идеалистическим не только потому, что первичное для Гегеля — его абсолютная идея, но и потому, что, исходя из этого положения, он извращал все отношения в области мышления и действительности. Он не только ставил априорную идею выше эмпирии и практики вообще, но вообще он ставил выше частного, форму — выше содержания, сущность — выше «бытия».

Резко выступая против схоластицизма, схематизма, метафизики, абстрактности и прочих грехов своих предшественников, сделав грандиозную попытку охватить всю совокупность достигнутых до него знаний и изло-

1) Гегель «Наука логики». Ч. 1-я, стр. 122, а также ч. 2-я, стр. 85.

2) Гегель. Собр. соч. Т. I, стр. 204.

3) Гегель «Наука логики». Ч. 1-я, стр. 47.

4) Там же, стр. 48.

5) Там же. Ч. 2-я, стр. 203.

жить ее в его системе, Гегель, тем не менее, сам не смог (как это мы далее увидим более подробно) преодолеть до конца ни схематизма, ни схоластицизма, ни метафизики, ни абстрактности. Причиной этого является его отрыв от практики, кабинетное и идеалистически-поповское отношение к действительности.

Гегель признавал, что знание начинается с чувственного восприятия, с эмпирии, с накопления фактического материала, фактических подробностей¹⁾. Эмпирическое знание не противоположно знанию теоретическому и является, по Гегелю, необходимым моментом в развитии последнего. Поэтому философия должна согласоваться с опытным познанием природы. Более того, опытное познание должно быть условием и предпосылкой философии.

Но одно дело, по Гегелю, ход возникновения и подготовки науки, а другое дело — сама наука. В науке основой являются понятие и его необходимость, и сослаться в науке на эмпиризм нельзя²⁾.

Уже здесь мы видим отрыв у Гегеля теоретического знания от эмпирического. Этот отрыв у Гегеля обосновывался его общим подходом к объяснению всякого развития. Для Гегеля абсолютная идея вечна и неизменна. Поэтому путь самопознания духа есть снятие ограниченных проявлений абсолютной идеи, есть лишь познание того, что наш индивидуальный дух ограничен. Таким ограниченным проявлением движения духа в направлении к абсолютной идее и является научное развитие. Лишь постольку, поскольку мы остаемся в области субъективного, истиной является соответствие представления предмету. Объективной же истиной является, наоборот, соответствие вещи понятию³⁾. Не понятие есть слабое, неполное отражение действительности, природы, а, наоборот, действительность есть слабое, неполное отражение идеи.

Как видим, гегелевский идеализм, отражавший классовую природу буржуазной идеологии, ставил на второй план эмпирию — практику. Практика для Гегеля — лишь подчиненный момент теоретического отношения к действительности⁴⁾. Природа, весь мир для Гегеля беднее, абстрактнее области духа. Дух, идея для Гегеля — самое конкретное и единственно живое, самодеятельное. Все остальное — лишь мертвое и несовершенное отражение жизни духа.

Так революционное в методе Гегеля было тесно сплетено с реакционным, с поповщиной.

Именно этой отрицательной, идеалистической стороной метода Гегеля и объясняются отрицательные стороны его системы, те искусственные, надуманные переходы, к которым прибегал Гегель, чтобы вопреки сбивавшей его с его идеалистической позиции действительности (Гегель не один раз перекраивал свою «априорную» систему) осуществить развитие «абсолютной идеи».

Этой отрицательной стороной метода Гегеля объясняется и положение «Философии природы» в его системе. Эту его «Философию природы» нельзя понять вне общего рассмотрения его метода и системы. Она — органическое звено в едином целом системы Гегеля.

Общие воззрения Гегеля на природу. Идеализм философии природы Гегеля сказывается не только на его общих взглядах на природу, но и на всех его частных утверждениях, касаются ли они таких категорий, как пространство и время, или понятия болезни и действия лекарственных веществ.

¹⁾ Гегель «Философия природы». Соцэкгиз, стр. 6.

²⁾ Там же, стр. 10.

³⁾ Там же, стр. 19, 25, 47, 374, 517.

⁴⁾ Там же, стр. 8.

Природа, по Гегелю, — созерцающая себя идея, идея в форме ее инобытия¹). Но как может созерцать себя идея и что это вообще значит? Никакого разумного ответа мы у Гегеля на этот вопрос не находим, так как такого ответа вообще быть не может.

Созерцающая себя идея — это просто старая износившаяся ко времени Гегеля поповская идея, переложенная на философский язык. Абсолютная идея Гегеля — это псевдоним бога. Бог, по Гегелю, может открывать себя нам двояким образом: как дух и как природа. Как дух бог проявляет себя в логике. Как природа он постигается в философии природы.

Природа, по Гегелю, — это не что иное, как сын божий²).

Но «каким образом бог пришел к тому, чтобы сотворить мир?» — задает вопрос сам Гегель. И дает на него ответ, который показывает, что вся война против метафизики у Гегеля сводилась лишь к подмене одной ее формы другой, более современной, приспособленной к новым общественным отношениям, скрывающим, однако, ту же эксплуататорскую сущность. «Божественная идея именно и состоит в том, — отвечает Гегель, — что она решается извести из себя это иное и снова втянуть его в себя, чтобы стать субъективностью и духом. Философия природы сама составляет часть этого пути возвращения» (20).

Таким образом не природа творит на известной стадии своего развития дух, как это доказала наука, а дух, по Гегелю, творит природу.

Гегель, воевавший за применения разумного метода в философии, как видим, в самую основу ее кладет неразумный, мистический момент. Это было обусловлено тем, что система Гегеля была последней грандиозной попыткой подновить религию, еще раз защитить христианство, уже подорванное всем историческим развитием общественных отношений. Вместо библейских и евангельских сказок, вместо персонального бога в виде какого-то старика Гегель поставил свою абсолютную идею, являющуюся не чем иным, как гипертрофированным духом индивидуального человека, выступившим с претензией поглотить в себе не только все исторически данное знание, но и всю действительность.

Мы видим, таким образом, что никакого перехода от логической идеи к природе у Гегеля нет и быть не могло. Все его рассуждения на этот счет есть лишь новое издание старой библейской сказки о том, как бог сотворил мир.

Считая природу за творение духа, Гегель, естественно, дух ставил выше природы. «Недоразумением, — писал он, — является то, что духовное ставится вообще ниже произведений природы, что произведения человеческого искусства ставятся ниже произведений природы, потому что, во-первых, материал необходимо должен быть заимствован извне, а затем еще и потому, что эти произведения неживые. Как будто духовная форма не содержит в себе более высокой жизненности и не является более достойной духа, чем естественная форма, как будто вообще форма не выше материи, и во всем нравственном то, что можно назвать материей, также не принадлежит всецело духу, как будто в природе более высокое, живое также не заимствует своей материи извне» (25).

Дух, по Гегелю, выше природы. Но проявляется он в природе лишь в несовершенной, искаженной форме. Природа, по Гегелю, — вообще лишь несовершенное инобытие абсолютной идеи. В то время как понятие развертывается, по Гегелю, необходимым образом, в природе это развертывание затрудняется, делается немощным. Поэтому наряду с необходимым, являю-

¹) Гегель. Собр. соч. Т. I, § 244, стр. 344.

²) Гегель «Философия природы». Соцэкгиз, стр. 19. В дальнейшем в целях экономии места страница цитируемого места будет указываться в скобках в самом тексте статьи после соответствующей цитаты.

щимся, по Гегелю, отражением развития понятия в природе, в ней много случайного (473, 515, 32). Все, что обусловлено материей, материальным, — случайно, несовершенно.

А так как задачей философии является прослеживание развития понятия, развития абсолютной идеи, духа в их необходимом (в гегелевском смысле) проявлении, то все случайное не заслуживает внимания философии. Лишь эмпирические науки, исходящие из эмпирических знаний, должны заниматься объяснением всех деталей природных явлений. Философ же не обязан этого делать, да это было бы ниже его достоинства: разбираться во всех искажениях, которые вносит материя в проявления идеи, понятия в природе. Философия есть познание в понятиях (108, 447, 297).

Высокомерно отбрасывая эмпирическое многообразие явлений, взирая сверху вниз на все материальное, Гегель прослеживал в природе лишь проявления духа. Так как эти проявления наиболее совершенны у высших животных и человека, то в них он видел конечную цель природного развития. Но и эти высшие творения природы он рассматривал не со стороны их конечной, смертной природы, а со стороны вечной, духовной сущности. Лишь бессмертная душа, дух — истинный предмет изучения Гегеля.

Поэтому Гегель все развитие в природе (о том, как он понимал это «развитие», будет речь дальше) рассматривал со стороны проявления духа. Формулируя задачу философии природы, он писал: «Мыслительное рассмотрение природы должно постичь, каким образом природа есть в самой себе процесс становления духом, снятия своего инобытия, оно должно постичь, как в каждой ступени самой же природы наличествует дух» (21).

Считая дух, абсолютную идею, суб'ектом, Гегель все движение в природе рассматривал как движение в направлении к суб'ективности. Именно представление о все большем проявлении суб'ективности и лежит в основе системы природы Гегеля.

Таковы общие воззрения Гегеля на природу. Они, как видим, стоят в противоречии со всей практикой человечества, со всем развитием науки. Спрашивается, как же, тем не менее, было возможно, что Гегель положил эти взгляды в основу своих конкретных воззрений и попытался при посредстве их построить обширную «Философию природы», образующую вместе с добавлениями самую большую часть его «Энциклопедии»? Как было возможно Гегелю рассматривать отдельные конкретные явления природы и трактовать их как инобытие идеи, как отражение понятия?

Это было возможно при посредстве особого, искусственного, насквозь пронизанного идеализмом приема, составляющего суть его идеалистической диалектики в применении к конкретным вопросам. Этот прием заключался в создании и применении особой, идеалистической системы понятий. Взятые из области мышления и суб'ективных представлений, но не из природной действительности, эти понятия служили Гегелю для того, чтобы каждое явление природы трактовать как инобытие абсолютной идеи, как отражение развития понятия.

Эти понятия следующие: бытие в себе, бытие для себя, бытие внутри себя, вне-себя-бытие, наличное бытие, внеположность, реализация, реальность, существование, непосредственность, опосредование, центр, самость, целостность, индивидуальность, суб'ективность и ряд других. Вот все эти понятия, в которые Гегелем был вложен идеалистический смысл, образуя систему, служили ему лесами для построения всей его философии природы. Без них она не могла быть построена. Без них она не может быть понята и оценена. И без оценки диалектики этих понятий не может быть вскрыт идеалистический характер всех построений Гегеля.

Именно путем сведения категорий природы к суб'ективным категориям, к категориям, изображающим процесс духовного и суб'ективного, Гегель

превращал природу в инобытие абсолютной идеи. Маркс и Энгельс, переработавшие самое ценное из наследия Гегеля — его диалектику, использовали и некоторые из его терминов, как например в себе бытие, бытие для себя и некоторые другие. Но они в них вложили совершенно иной, материалистический смысл. Они и в этом отношении перевернули Гегеля с головы на ноги¹⁾.

1. Механика

Пространство, время, движение, материя. Идея в ее инобытии, т. е. в качестве природы, обнаруживает себя, по Гегелю, сначала «в определении внеположности, в бесконечной разрозненности». При этом форма (а она, по Гегелю, выше содержания) дана лишь внешним образом. Единство разрозненных проявлений идеи является еще лишь искомым (34). Первой формой внешнего, абстрактного бытия идеи в природе является, по Гегелю, пространство.

Инобытие, внешнее бытие идеи, проявляется в форме пространства в том, что оно состоит из точек. Но эти точки, будучи внешне друг другу, абсолютно тождественны. Поэтому пространство Гегель рассматривает в то же время и как абстрактную непрерывность.

Ввиду того что пространство, по Гегелю, лишено какой бы то ни было определенности, оно является чистым количеством.

Таким образом, развитие в природе, в отличие от логики, начинается не с качества, а с количества.

Если пространство, по Гегелю, является положительной формой внешнего инобытия идеи в природе, то время является отрицательной формой этого инобытия. Но этот отрицательный момент, по Гегелю, заложен уже в самом пространстве.

Внешность инобытия пространства в форме точки снимается, отрицается. Поэтому точка переходит, по Гегелю, в линию, а линия — в поверхность. Эта отрицательность, взятая сама по себе, и представляет, по нему, время. Таким образом, время, по Гегелю, есть истина пространства.

Но и время, по Гегелю, переходит в пространство. «Теперь», взятое в положительной форме, есть «здесь». Такая пространственно-временная точка, по Гегелю, есть конкретная точка, или место.

От места Гегель делает переход к движению. «Это исчезновение и новое порождение себя пространства во времени и времени в пространстве, так что время полагается для себя пространственно как место, а эта равнодушная пространственность также полагается непосредственно как временное — это исчезновение и новое самопорождение пространства и времени, — писал Гегель, — есть движение» (56—57).

Отсюда у Гегеля следует, что движение есть единство пространства и времени. Это-то их единство в движении, рассматриваемое как нечто наличное сущее и непосредственно тождественное, и является, по Гегелю, материей.

¹⁾ Речь о субъективизме Гегеля будет идти ниже, при трактовке явлений природы. Здесь же необходимо отметить, что субъективизм Гегеля совсем не то, что представляет собой субъективизм так называемого субъективного идеализма. В известном отношении философия Гегеля является даже антитезой субъективного идеализма. Однако, оставаясь идеализмом, она разорвать окончательно рамки субъективности не могла.

О субъективизме у Гегеля см. Л. Фейербах. Собр. соч. Т. I, стр. 104, 61 и др.

Что касается диалектики Гегеля, то критическому рассмотрению ее, кроме общезвестных мест сочинений Маркса, Энгельса и Ленина, посвящен отрывок из подготовительных работ Маркса и Энгельса к их сочинениям периода 40-х годов «Как нам быть с гегелевской диалектикой». См. Маркс—Энгельс. Собр. соч. Т. III, стр. 632—654.

Материя не есть нечто внешнее пространству, но именно осуществление понятия пространства. «Пространство не адекватно своему понятию, — пишет Гегель (60). — Поэтому понятие самого пространства и является тем, что доставляет себе существование в материи»¹).

Таким образом, материя в трактовке абсолютного идеализма есть такое инобытие идеи, где она дана в ее самых абстрактных проявлениях, в форме разрозненности. Являясь истиной пространства и времени, т. е. форм внешнего, разобщенного бытия идеи, материя сама приобретает черты этого внешнего, разобщенного бытия. Этим и обусловлено, по Гегелю, то, что материя считается естествознанием за нечто сложное, непроницаемое, вечное.

Сложность материи, по Гегелю, вытекает из того, что в ней проявляется пространственная рядоположность внешнего бытия идеи. «Материя делима до бесконечности, — писал Гегель, — т. е. ее природа такова, что то, что полагается, как целое, как безусловная единица, внешне самому себе и есть внутри себя нечто множественное» (23).

Непроницаемость и способность материи к сопротивлению Гегель выводил из того, что материя существует для чего-то другого, но в то же время существует и для себя.

Наконец, возникновение представления о вечности материи Гегель объяснял тем, что при этом абстрагируются от времени и вообще от всякой формы. Но такого рода абстракцию Гегель объявлял ложной абстракцией и поэтому утверждение о вечности материи — неправильным утверждением. Материя для Гегеля — нечто преходящее, нечто такое, что должно быть преодолено дальнейшим развитием (57).

На высших ступенях развития идеи в природе материя как неистинное существование отрицается. При этом материальное подчиняется духовному и сохраняется лишь как нечто преодоленное, как подчиненный момент, как «эманация», т. е. искаженное, ухудшенное изображение более высокого и совершенного бытия (35).

* * *

Таково начало «Философии природы» Гегеля. На нем следует остановиться подробнее, для того чтобы понять прямую противоположность метода Гегеля методу диалектического материализма и враждебность его материализму вообще.

Пространство, время, движение и материя для Гегеля — категории исключительно механики, категории внешнего инобытия идеи. Абсолютная же идея, по Гегелю, вечна и бесконечна. К ней неприменимы категории пространства и времени. Именно поэтому Гегель возражал против учения о вечности мира и природы (мир для Гегеля — единство царства духа и природы).

Учение о несотворимости природы Гегель отбрасывает, потому что природа есть идея в ее инобытии. Следовательно, она не есть нечто извечное в смысле несотворимости. По Гегелю, можно говорить лишь о вечности природы в смысле вечного творения природы идеями, так как идея вечно переходит в свое инобытие, вечно творит природу.

Но Гегель отбрасывает понятие вечности в применении к природе и в смысле временного ее бытия. Природное, как конечное, имеет, по Гегелю, и свое начало и свой конец во времени. Т. е. было время, когда того или иного предмета природы не было, и будет время, когда его не будет. Однако отсюда, по Гегелю, нельзя заключать о вечности самого времени. Время начинается и кончается вместе с конечными вещами. Оно категория конеч-

¹) В тексте издания «Философии природы» Гегеля в приведенной цитате вкралась опечатка, не вошедшая и в список замеченных опечаток.

ного, тогда как философия «есть вневременное постижение также и времени и всех вещей вообще, согласно их вечным определениям» (23).

Конечность вещей во времени, по Гегелю, выражает лишь их несовершенство, отрицательный момент их бытия, но не служит доказательством применимости категории времени за пределами конечного.

Приписывая вечность и совершенство лишь идее, Гегель природу считал за нечто бессмысленное и несовершенное (24, 26).

Такое же ограниченное значение, как понятию природы, приписывал Гегель и понятию материи. Материя — нечто производное от духа, который господствует над материальным.

Как пространство и время, так и материю Гегель относил лишь к области абстрактных представлений. А так как абстрактное для Гегеля в то же время нечто конечное и субъективное, то и категории: пространства, времени и материи — Гегель считал за нечто субъективное. Исходя из этого, делимость материи и наличие атомов Гегель также считал за нечто мнимое, субъективное, а не действительное (23).

Точно так же пространство и время он считал формами субъективного воззрения, чистой формой чувственности (49).

Однако утверждения Гегеля о субъективном характере этих категорий совсем не то, что говорил по этому поводу Кант. Для последнего субъективность пространства и времени означала, что они не имеют никакого отношения к вещам в себе, к предметам действительности. По Гегелю же, предметы действительности и представление о них тождественны, так как сама действительность есть не что иное, как инобытие идеи.

Таковы были взгляды Гегеля на пространство, время, материю, движение и на природу вообще. Они, как видим, прямо противоположны тому, что говорит о них наука и чему учит диалектический материализм.

Для материалиста природа — конкретная совокупность всего существующего. Она бесконечна и вечно существует, тогда как дух, как особое проявление высокоорганизованных существ, возникает лишь на определенной стадии развития природы. Поэтому природа многообразнее, неизмеримо богаче и обширнее, чем существа, обладающие сознанием, «духом». Не природа конечна, а дух бесконечен, а, наоборот, природа бесконечна, а существа, обладающие «духом», сознанием, конечны, и лишь в смене поколений, в историческом развитии знания «дух» превращается в бесконечное познание природы.

Вечность и бесконечность природы проявляются в ее бесконечном развитии в пространстве и времени. Поэтому пространство и время для материалиста — категории не только конечного, но и бесконечного. В пространственной и временной форме проявляется не только абстрактное, но и вся многообразность конкретного. Пространство и время — формы существования объективной действительности, а не формы субъективного воззрения или субъективной чувственности, хотя субъект со всеми его духовными проявлениями подчинен и пространственно-временным отношениям.

Точно так же материя для материалиста не есть какая-то ограниченная категория механики, лишь какое-то единство пространства и времени, как старался изобразить Гегель, для того чтобы ему было легче опровергать материализм (что, к слову, делают и современные физики-идеалисты, не подозревающие, что они лишь повторяют Гегеля). Для материалиста материя — общее наименование объективно-реального бытия, существующего раньше и независимо от нашего сознания и лишь неполно, частично отражаемого нашим сознанием. Подчеркивая это основное гносеологическое содержание понятия материи, материализм, развивая далее это понятие, указывает, что материя бесконечно сложна, неисчерпаема, является источником всяческого, бесконечного многообразия природы.

Формой существования материи является движение. Нет материи без движения, как нет движения без материи. Материализм не сводит материю к движению, не растворяет понятия материи в движении, как не сводит ее к пространству и времени, что делает Гегель.

В противоположность материализму Гегель не только расширяет роль категории движения, объявляя дух чистой деятельностью, активностью, и в соответствии с этим считает движение за субъект, а не предикат. «Мы при- выкли, — писал он, — рассматривать движение как предикат, состояние, но на самом деле оно есть само объект...» Поэтому Гегель называл движение «понятием подлинной души мира» (59). Однако, расширяя понятие движения, Гегель материальное движение считал категорией механики, неприменимой к области духа.

* * *

Таковы основные черты метода Гегеля в применении его к категориям пространства, времени, движения, материи. Как видим, результатом применения этого метода является извращение этих категорий и их взаимоотношения. Однако было бы ошибочно думать, что все утверждения Гегеля — лишь чепуха и должны быть отброшены без всякого внимания.

В действительности, бессильный против основной посылки материализма Гегель бил различные, примитивные с его точки зрения, религиозные взгляды, философские учения и даже утверждения метафизического материализма. И эта критика Гегеля заслуживает нашего внимания еще и в настоящее время, так как опровергаемые им течения существуют и в настоящее время.

Гегель остроумно высмеивает и основательно опровергает многие ходячие мистические и религиозные представления. Так, по поводу личного бога он писал: «Часто мы встречаемся с представлением, будто бог есть некий субъект, некая сама по себе сущая действительность, пребывающая далеко от мира. Но на самом деле такая абстрактная бесконечность, такая всеобщность, находящаяся вне особенного, сама представляла бы собою некое особенное, конечное» (19).

Точно так же Гегель отвергал представление о душе как вещи, как о чем-то, что существует отдельно от тела¹⁾:

Наконец, у Гегеля мы находим немало критического относительно различных религиозных мифов, например о грехопадении и пр.²⁾

Все эти возражения Гегеля против тех или иных религиозных воззрений вызваны были не борьбой Гегеля против религии, а, наоборот, желанием очистить религиозные воззрения от противоречий и привести их в соответствие с «разумным» знанием. Последнее Гегелю не удалось и не могло удасться, так как действительно разумное знание не мирится ни с какой поповщиной, ни с каким мракобесием, как бы его ни прикрашивали. Тем не менее, Гегель расшатывал многие ходячие и официальные религиозные воззрения, и не даром гегелевское учение и само имя Гегеля было, у ортодоксально-клерикальных кругов чем-то одиозным. Правительство же царской России первой половины XIX в. просто считало Гегеля за опасного мыслителя.

Для нас, однако, более важно отметить ту критику, которую давал Гегель различным философским учениям о пространстве, времени, движении, материи.

Прежде всего нужно отметить, что Гегель решительно отвергал как общее учение Канта о непознаваемости вещей в себе, так и учение о пространстве и времени. Для Гегеля пространство и время не являлись формами

¹⁾ Гегель «Логика», стр. 72.

²⁾ Там же, стр. 59—62.

воззрения, априорно привносимыми к чувственным данным. Для него нет непроходимой пропасти между вещами в себе, содержанием опыта и формами воззрений. Более того (и здесь Гегель впадал в крайности другой формы идеализма), для него пространство и время — моменты, образующие самое содержание, самую сущность материи. Материя для Гегеля — именно единство абстрактных пространства и времени.

Гегелевская критика Канта если и не могла устранить идеализма последнего, все же расшатывала идеализм и косвенно служила материализму.

Еще более заслуживающими интереса являются критические замечания Гегеля, направленные против отдельных утверждений метафизического естественно-научного материализма.

Так как для Гегеля материя есть наличное бытие единства пространства и времени, а движение — постоянное порождение и исчезновение этого единства, то материя и движение для него были лишь моментами единого, неразрывного процесса. Поэтому он и утверждал, хотя и на идеалистический манер, что «как нет движения без материи, так не существует материи без движения» (60).

С этой позиции Гегель критиковал метафизический материализм, отрывавший материю от движения. По тем же мотивам он критиковал и воззрения, согласно которому пространство и время являлись внешними вместилищами материи. «Обычно представляют себе это так, — писал он, — что рассматривают пространство и время, как пустые, безразличные к тому, что их наполняет, и все же не всегда наполненные. Это обычное представление принимает, что пустое пространство и время наполняется извне материей и, таким образом, оно, с одной стороны, принимает, что материальные предметы равнодушны к пространству и времени, а, с другой стороны, принимает, что все же по существу своему носят пространственный и временный характер» (57).

Таким образом, Гегель бил господствующие в современном ему естествознании представления о том, что движение есть нечто, привносимое в материю извне. Вместе с тем, своим утверждением о единстве материи, пространства и времени Гегель бил представление о пространстве и времени, как внешних и между собой не связанных вместилищах материи, и пролагал путь воззрениям, которые уже в то время пытался развивать Гаусс, но которые получили свое распространение лишь столетие спустя.

Исходя из этих воззрений, Гегель отвергал так же метафизический атомизм, рассматривавший атомы как нечто неизменное и находящееся в пустом пространстве.

«Материя не так глупа, — писал он, — как некоторые, претендующие на титул философов, которые удерживают раздельность одного и многого и опровергаются в этом своем стремлении самой материей» (63).

Те же воззрения Гегеля о единстве материи и движения, материи и пространства и времени служат ему для критики понятия «силы», как чего-то метафизического и внешнего материи, и для ряда ценных высказываний о диалектике естественно-научных категорий.

Метафизическое понятие «силы», по Гегелю, заключается в том, что при этом «рассматривают так называемые силы как вложенные в материю, т. е. как то, что первоначально внешне ей» (58).

«Мы, однако, можем обходиться, — писал Гегель, — без этого аппарата сил, ибо теоремы механики об этих силах очень тавтологичны» (68—69).

В противоположность этому метафизическому взгляду Гегель рассматривает то, что называют силой, не как нечто неизменное, самодовлеющее, а как производное. «Сила со стороны ее реального проявления достигается благодаря соотношению реальных моментов, пространства и времени», «Сам по себе кирпич не убивает человека, — пояснял Гегель,

а производит это действие лишь благодаря достигнутой им скорости, т. е. человека убивают пространство и время» (58). Метафизики разрывают силу и ее действие. Гегель же утверждает, что «в силе содержится то же самое, что в ее проявлении» (58).

«Движение состоит именно в том, — писал Гегель, — что тело находится в одном месте и в то же время также и в другом месте, причем столь же верно, что оно вместе с тем находится не в другом, а лишь в данном месте» (67).

Уже выше мы привели указание Гегеля на то, что такие идеальные моменты, как пространство и время, реализуясь как скорость определенного тела, производят реальное действие. Этому переходу идеального в реальное Гегель посвящает большое внимание и вскрывает при этом диалектику категорий механики.

«Так например в рычаге, — писал он, — расстояние может заменить массу и, наоборот, и определенная величина идеального момента производит то же действие, что и соответственный реальный момент. В количестве движения скорость, которая является лишь количественным соотношением пространства и времени, заменяет собой массу и, наоборот, мы получим то же самое реальное действие, если мы увеличим массу и соответственно уменьшим скорость» (58).

«Однако идеальный фактор, — добавлял Гегель, — может заменить собой реальный фактор и обратно лишь частично, а не целиком» (69).

Таковы взгляды, развиваемые Гегелем в первой части механики. Они идеалистичны как в общем, так и по каждому отдельному вопросу.

Вместе с тем в идеалистической форме Гегелем была развита диалектика категорий механики. И это играет огромное значение, и именно, исходя из своей диалектики, Гегель бил некоторые разновидности идеализма и ряд выводов метафизического материализма.

Так как метафизика в естествознании не преодолена и до настоящего времени, то освобожденные от мистики, материалистически понятые и критически переработанные взгляды Гегеля могут сослужить службу еще и в настоящее время.

* * *

Притяжение и отталкивание. Во второй части механики абстрактное расчленение материи на точки и непрерывность получает дальнейшую «конкретизацию». Абстрактная раз'единенность материи превращается у Гегеля в отталкивание, а абстрактная непрерывность — в притяжение. Материя теперь оказывается единством притяжения и отталкивания, но единством отрицательным.

Этим Гегель хотел сказать, что это единство материи проявляется отрицательным образом в форме тяготения к центру тяжести, находящемуся вне материи. При этом эту тяжесть Гегель отличает от притяжения как одного из моментов самой материи. «Тяжесть, — писал Гегель, — есть, так сказать, признание ничтожества вне-себя-бытия материи в ее для-себя-бытии, признание несамостоятельности этого вне-себя-бытия, его противоречивости» (62). Здесь Гегель определял тяжесть как «суб'ективность в самой себе».

Таким образом, в форме тяжести Гегелем уже намечался момент суб'ективности в природе, но суб'ективности в себе, абстрактной суб'ективности. Начальные моменты, стадии развития этой суб'ективности в себе, рассматривал Гегель под видом инертной материи, толчка и падения, составляющих содержание так называемой конечной механики.

В конечной механике движение еще внешне по отношению к материи и материя здесь еще не адекватна своему понятию. Это движение есть движение отдельных тел. Тела, по Гегелю, — это поверхностная, конечная определенность некоего целого единичности. Они характеризуются массой, являющейся первым, чисто количественным определением материи. Так как в массе в безразличной, количественной форме выражено единство движения и покоя, то и тела, характеризующиеся массой, безразличны по отношению к движению и покою.

Такие тела, по Гегелю, инертны, т. е. безразличны по отношению к движению и покою, и приходят в покой или в движение под воздействием приходящего извне движения. Эти тела находятся, по Гегелю, в пространстве и во времени, т. е. здесь еще существенное — пространственно-временный характер самих тел, самой материи — проявляется чисто внешним образом.

Движение по инерции есть, по Гегелю, случайное движение. Оно происходит по различным случайным направлениям. В отличие от этого движение падения есть, по Гегелю, уже относительно свободное движение. Оно имманентно материи и ведет к устранению внешнего разобщения материальных тел путем объединения их около центра. Однако этот центр представляется Гегелю данным сначала нематериально и на неопределенном, случайном расстоянии от тел.

Рассматривая падение как существенное движение в отличие от случайного движения по инерции, вызываемого толчком или бросанием, Гегель считает, что случайное движение неизбежно переходит в существенное. Как проявление случайного движения, Гегель рассматривает толчок, трение, а попутно — вес, давление, твердость, мягкость, эластичность материи, нагромождая при этом кучу надуманных, искусственнейших переходов. Трение и толчок, а также и инерция для Гегеля — категории исключительно конечной механики, неприменимые в абсолютной механике, т. е. в механике небесных тел, в механике солнечной системы.

Исходя из этих воззрений, Гегель критиковал взгляды, которые он считал неправильными.

Так, он критиковал Канта за то, что последний якобы допускал существование материи до притяжения и отталкивания, т. е. отрывал материю от силы, от движения. Но эта критика Гегеля страдала тем же коренным пороком, как и та, о которой мы говорили выше в связи с проблемой пространства и времени. Вскрывая метафизичность отрыва материи от силы, от движения, Гегель в то же время вел свою критику с более последовательно идеалистической позиции. Вместо того чтобы считать материю за первичное и единое с движением как формой существования ее, он материю делал производным от силы и, в конечном счете, от духа.

Таковыми же чертами характеризуется критика со стороны Гегеля и по линии других проблем. И в этих случаях он, вскрывая метафизику, еще глубже погрязал в сетях идеализма и поповщины.

Наиболее важной и интересной критикой Гегеля является его критика закона инерции и понятия прямолинейного движения по инерции.

Относительно закона инерции Гегель писал: «Эта теорема о движении и покое представляет собой не что иное, как высказывание согласно закону тождества; это то же самое, как если бы мы сказали: движение есть движение и покой есть покой; эти два определения рассматриваются здесь как совершенно внешние в отношении друг друга» (69—70).

Что же касается движения по инерции, то Гегель решительно несогласен был его считать как какую-то самостоятельную форму движения, не связанную с тяжестью (тяготением). Движение по инерции, по Гегелю, — лишь подчиненный момент движения тяжести. Поэтому лишь ради облег-

чения математических выкладок Гегель допускал изображение самостоятельной центробежной силы как выражения инерциального движения. Реальное же существование этой силы, как и центростремительной, Гегель отрицал¹⁾.

По этим же мотивам Гегель отрицал и существование особой силы трения, считал трение проявлением тяжести²⁾.

Всеми этими возражениями Гегель вскрывал метафизический характер современных ему представлений механики, не изжитых окончательно и до сих пор. При этом он правильно указывал на связь метафизики этих воззрений с формальной логикой. Но он неправильно, односторонне трактовал содержание формальной логики, отрицая ее объективное значение и останавливаясь лишь на ее отрицательной, субъективной стороне. Это наглядно видно на критике Гегелем закона инерции.

Недостатком этого закона является то, что при формально-логическом его понимании движение отрывалось от покоя и т. п. Но в утверждении: движение есть движение — заключалось весьма важное содержание. Согласно закону инерции, движение не могло исчезнуть, как и не могло возникнуть из ничего. Это была самая общая форма закона сохранения движения, и этот смысл его выражается связкой *есть*. В этом — объективный материалистический характер этого закона. Этому-то и не хотел видеть Гегель как по отношению к закону инерции, так и по отношению к формальной логике вообще.

Таковы воззрения Гегеля в области конечной механики. От нее он делал переход к третьей и последней части механики — к абсолютной механике.

И здесь исходным пунктом диалектики, как в двух предыдущих частях механики, служит у Гегеля диалектика прерывного и непрерывного. Если в первой части механики из разрозненности и непрерывности конструировалась, как их единство, материя, а во второй части — притяжение и отталкивание, то переходом к третьей части служит отталкивание, выступающее как разрозненность на более высокой ступени.

Тяжелая масса, не находя, по Гегелю, общего центра, распадается на бесчисленное множество отдельных центров. Такими центрами являются звезды. «Наличием бытия формального отталкивания являются, — писал Гегель, — звезды, как представляющие собою вообще множество еще различных тел, которые здесь, однако, еще не рассматриваются как светящие, ибо свет есть физическое определение» (80).

Эта разобщенность в форме звезд должна быть, по Гегелю, «преодолена». Она и преодолевается, по нему, всемирным тяготением. «Тяготение непосредственно противоречит закону инерции, ибо вследствие тяготения материя стремится выйти из самой себя и перейти к другой материи» (83).

Это выхождение материи «из самой себя» совершается в движении. Оно устраняет разобщенность единичных тел, формирующихся в определенную систему.

Такой системой является, по Гегелю, солнечная система, состоящая из центрального тела, единичных и особенных тел. Здесь отдельные тела уже не существуют, как совершенно чуждые и разобщенные между собой. Они представляют собой нечто целое, некую всеобщую телесность, взаимоотношением частей которой и является движение.

¹⁾ См. о критике Гегелем центробежных и центростремительных сил — далее.

²⁾ Читая Гегеля, надо иметь в виду, что под тяжестью, тяготением и т. д. Гегель имел в виду то, что теперь называют силовым полем.

Центр солнечной системы — солнце — является, по Гегелю, моментом всеобщности. Оно имеет свой центр абсолютно в себе и выражает определенность и субъективность места в себе и для себя.

Прямо противоположными телами, телами единичности, являются, по Гегелю, кометы и луны. Первые представляют собой «эксцентричность, управляемую абстрактным целым», нечто «бродяжническое», но в действительности «мнимо свободное» (104).

Луны представляют собой «абстрактное послушание, подчинение своего пути другому», пребывание в спокойной косности.

Наконец, тела, в особенности планеты, синтезируют в себе моменты всеобщности и единичности. Они имеют центр в себе, но этот центр является лишь относительным центром. Абсолютный же центр они имеют в солнце, и это их отношение к абсолютному центру выражается в их движении вокруг солнца. Но это отношение не есть, по Гегелю, пассивное отношение. Не солнце притягивает планеты, а они сами стремятся к нему. Поэтому, писал Гегель, нельзя выделить один из моментов отношения и сказать, что солнце неподвижно и планеты движутся или, наоборот: движение есть взаимное отношение тел некоей целостности.

Планеты, по Гегелю, наиболее совершенные образования солнечной системы и поэтому их нужно ставить выше солнца, лун, комет. «Планетарные тела как непосредственно конкретные являются наиболее совершенными в своем существовании. Обыкновенно считают самым превосходным небесным телом солнце, так как рассудок предпочитает абстрактное конкретному» (86).

Это, по существу, предвзятое представление о солнечной системе, как распадающейся на взаимно связанные моменты всеобщности, единичности и особенности, Гегель подводил под форму силлогизма. Для Гегеля солнечная система — «развитая дисъюнкция понятия» (105).

Отрицая у звездной вселенной наличие такой же высокой организации, как у солнечной, Гегель писал: «Скопище звезд представляет собой формальный мир... Мы отнюдь не должны признавать равноценными эту систему и солнечную систему, которая является единственно доступной нашему познанию системой реальной разумности на небе. Звезды могут вызывать в нас удивление своей вечной неподвижностью, но их нельзя признавать равными по достоинству с конкретными индивидуальными существами» (81).

Продолжая развивать эти мысли, Гегель и приводил то сравнение, которое вызвало у его противников (в наше время у проф. Хвольсона О. Д.) бурю возмущения: «Эта световая сыпь так же мало достойна удивления, как сыпь на теле человека или как многочисленный рой мух» (81).

В противоположность звездам в солнечной системе Гегель находил уже элементы зарождавшейся субъективности.

* * *

Таковы были взгляды Гегеля на солнечную систему. Рассматривая ее с точки зрения целостности, Гегель, естественно, оказывался противником воззрений Ньютона, который при трактовке всемирного тяготения применял по преимуществу аналитический метод. Гегель решительно отвергал расчленение явления всемирного тяготения, проявляющегося в движении планет и солнца, на центростремительные и центробежные силы, признавая за выражающими их понятиями лишь вспомогательное значение для целей математического вычисления, но, отрицая за ними какое-либо физическое значение. Гегель упрекал механиков за допущение того, что «каждая из этих сил самостоятельно существует вне другой и действует независимо, а встречаются они друг с другом лишь случайно, внешне в своих действиях. Эти силы суть, как мы указали, линии, которые должны были полу-

чать значение лишь вспомогательных средств математического доказательства, а вместо того превращены в физическую реальность» (89).

Отдавая должное Ньютону за его математическую формулировку закона тяготения, за открытие пертурбаций, Гегель противопоставлял Ньютону Кеплера. Законы Кеплера, из которых, как это показывает и Гегель, законы Ньютона получаются простым математическим приемом, он считал более высоким, более глубоким и философским выражением всемирного тяготения, так как в них принцип целостности был на первом плане¹⁾.

Но Гегель не только критиковал Ньютона и противопоставлял ему Кеплера, но и попытался вывести законы Кеплера, исходя из понятия солнечной системы, т. е. из представления о солнце, как самоопределяющемся, находящемся в себе и для себя абсолютном центре, и из представления о планетах, как особенных телах, находящихся в возвращающемся в себя движении, и т. п.

Все эти доказательства — частью простая натяжка, частью *petitio principii*, так как Гегель в свои мистические представления о солнце и планетах вкладывал заимствованные из небесной механики представления, закутывая их лишь в непонятную форму. А потом он из этой мистической формы, как бы из «понятия», «выводил» законы Кеплера.

* * *

Как видим, и в третьей части механики Гегель, проводя свой идеализм, изображая солнечную систему как силлогизм, нагромождал много нелепостей и искажений фактического материала. Он прежде всего игнорировал множество эмпирических деталей, известных и в его время, но противоречивших его искусственной системе. Кроме того, что уже отмечено выше, он, например, искусственно противопоставлял эллипсис кругу и вырывал первый из системы конических сечений, лишь бы подкрепить свои математические возражения Ньютону. Затем, он искусственно об'единял в одну группу кометы и спутников планет. И если в самых отсталых воззрениях эмпириков и можно было найти утверждения такого же рода, что и у Гегеля (например об атмосферном происхождении комет), то это все же не говорило о правильности системы Гегеля, быстро разрушенной в своих конкретных деталях дальнейшим бурным ростом естественнонаучных открытий. Вместе с тем Гегель высказал немало и ценных положений, мимо которых нельзя пройти и сейчас.

Кроме отмеченной уже критики метафизики центробежных и центростремительных сил, критики односторонностей аналитического метода Ньютона, интересны критика Гегелем «первичного толчка» Ньютона, соображения о законе расстояний планет и т. п. и, наконец, самый переход или, вернее, рассуждения в связи с переходом ко второй части «Философии природы», к физике.

Изложив свои взгляды на солнце, планеты, луны и кометы, Гегель писал: «Мы увидим впоследствии, что природу этих четырех видов небесных тел — солнца, планет, луны и комет — можно проследить через все дальнейшие ступени природы: последняя чем дальше, тем больше углубляется, но это ее углубление представляет собой лишь дальнейшее, все идущее вперед преобразование природы этих четырех небесных тел» (105).

Особенную роль Гегель приписывал самой земле, которую он считал самой совершенной из планет. Жизнь этой планеты и отражается, по мнению Гегеля, на течении таких высокоорганизованных процессов, как процессы в растительных и животных организмах.

¹⁾ Энгельс, исходя из материалистической позиции, также ставил Кеплера выше чем Ньютона. См. Маркс—Энгельс. Собр. соч. Т. XIV, стр. 9, 416 и 478.

«Смена времени года, переход от бодрствования ко сну, — писал он, — представляют собою это продолжение жизни земли в органических существах... В более развитой и полной форме это всеобщее движение выражается в кровообращении» (106).

Таким образом, как видим, Гегель, как и Шеллинг, уже на этой стадии рассмотрения проблемы живого (а далее у него пойдет об этом речь подробнее) устанавливал связи и переход между неорганическим и органическим.

Однако органическое у Гегеля должно было появляться как результат долгой цепи развития, промежуточным звеном которой между механикой и учением об организмах (органическая физика по терминологии Гегеля) являлась так называемая физика.

2. Физика

Если механика, по Гегелю, вращалась в области количественных отношений, то физика, по нему, есть уже область качества, сфера проявления «о качественной материи».

«Тем, чем является солнечная система в целом (т. е. некоей конкретной целостностью, господством формы над материей и началом индивидуальности. — А. М.), материя должна быть в единичном».

«Этот результат, — писал далее Гегель, характеризуя переход от механики к физике, — можно назвать также освобождением формы от материи. Определения формы, составляющие солнечную систему, суть также и определения самой материи, и эти определения составляют бытие материи. Определение и бытие, таким образом, по существу, тождественны. Но такова природа качественного, ибо если здесь отнять определение, то исчезнет также и бытие. Это — переход от механики к физике» (109).

«Освобождение» формы в самой материи и приобретение последней качественного характера является также «освобождением» материи из-под власти тяжести. Качественный характер пространственных форм материи определяется теперь не тяжестью, не внешним толчком, а имманентной материи формой.

Так из области количества, господствующего в механике, мы попадаем, по Гегелю, в область господства индивидуальности, в область физики. При этом Гегель в развертывании индивидуальности физических тел видит три стадии, в соответствии с которыми и делится его физика: стадия всеобщей индивидуальности, когда качественное дано еще в самой общей, абстрактной форме; стадия особенной индивидуальности и стадия целостной свободной индивидуальности.

Физика всеобщей индивидуальности содержит, по Гегелю, учение о солнечной системе как системе физических тел, учение о четырех стихиях: воздухе, огне, воде и земле — и о метеорологическом процессе как процессе стихий на земле.

Физика особенной индивидуальности содержит у Гегеля учение об удельном весе, сцеплении, звуке и теплоте.

Физика целостной свободной индивидуальности содержит учение о магнетизме и кристаллах, о прозрачности тел, преломлении света, учение о цветах, о запахе и вкусе, электричестве и, наконец, как высшей форме индивидуального в природе, о химизме.

Как видим, Гегель под форму развития индивидуальности подгоняет все многообразие явлений и собственно физики и химии, прихватывая сюда же метеорологию и зачатки астрофизики. Не удивительно при этом, что сам Гегель отмечает трудность такого предприятия (114, 167 и др.).

Однако эту трудность он видит не в том, что ему приходится под предвзятую схему подгонять самые разнообразные и между собой не связанные

группы явлений, а в том, что, как он сам говорит, «понятие уже не наличествует в нем (т. е. в разделе физики, трактующей о дифферентном, индивидуальном. — А. М.) непосредственно, как в первой части (механики. — А. М.), и вместе с тем пока что оно еще не обнаруживает себя в качестве реального, как это имеет место в третьей части» (органике. — А. М.).

К этой трудности, признаваемой самим Гегелем, присоединяется у него еще та трудность, что физика у него есть отражение движения понятия в области сущности, т. е. второй части его «Логики». Учение Гегеля об «инобытии идеи» обязывало хотя бы и в несколько модифицированной форме (тетрада вместо триады, начало с количества в области механики и т. д.) повторить последовательность категорий логики в области учения о сущности в применении к указанной выше группе явлений. Естественно, что Гегель мог это сделать, лишь расправившись с эмпирическим материалом самым произвольным образом. Однако там, где для переходов одних категорий в другие были действительно объективные данные, Гегель высказал, как увидим, гениальные мысли и превзошел в ряде отношений современных ему естествоиспытателей.

* * *

Изложение «физики» Гегель начинает со света.

Свет, по Гегелю, — «самая простая мысль, существующая под формой природы» (125). Он есть преодоление, «расплавление» единичного, раздробленного материального, он есть «самость», т. е. конкретное единство, тождественность и, следовательно, целостность материи.

Свет, по Гегелю, устанавливает общность между вещами, но такую общность, которая оставляет вещи нетронутыми. В этом сходство света с мышлением. Но в отличие от «Я» самосознания свет пространственен и сам порождает пространство.

Свет, по Гегелю, отличается от мышления также и тем, что он не есть бесконечное возвращение к самому себе. В этом его абстрактность, ограниченность, конечность. Свет существует лишь для чего-то другого, а не для самого себя. Этим другим является тьма. Лишь граница света, тьма, делает возможным его проявление как света.

Поэтому, согласно Гегелю, свет сначала представляется отличным, внешним по отношению к материи. Материя по отношению к свету обнаруживается как тьма. Свет же по отношению к отдельным непрозрачным телам получает существование светового тела.

Отличие материи как тьмы от света заключается в ее разобщенности, в ее «бессамостности», в отсутствии самотождественности ее. Поэтому, по Гегелю, условием видимости тел является партикуляризация поверхности тел: их исчерченность, шероховатость и т. п. Все это нужно Гегелю для того, чтобы в дальнейшем показать, как форма получает господство над материей, как преодолевается пространственная раздробленность материи и т. д.

Исходя из такого рода представлений, Гегель «выводит» закон отражения света. Этот «вывод» заключается в следующем.

Всеобщим ограничением света является тьма, материальное вообще, пространственная раздробленность. Более определенным ограничением является поверхностное ограничение. Поверхности тел придают телам их обособленное существование.

Если эти поверхности однородны, то каждое тело отражается в другом, другое — в третьем и т. д. При этом никакого преимущества одного тела перед другим не выступает. Отсюда и следуют равенство углов падения углом отражения и единство плоскости этих углов. Таков гегелевский вывод закона отражения!

Но отражение, по Гегелю, не есть физическое явление в обычном смысле. Для него это явление есть выражение существования одного тела для другого, начало устранения их разобщенности. Каждая отражающая плоскость есть нечто, что светит хотя и заимствованным от другого светом. Так свет начинает устранять разобщенность тел, устанавливая их связь и тождество.

Исходя из такого представления о сущности света и его отражения, Гегель возражает против учения физиков (особенно Малюса) о поляризации света при отражении, об односторонности (четырёхгранности) лучей света и т. д. Гегель даёт свое объяснение явления поляризации при отражении света.

Исходя из тех же мотивов, Гегель возражал против ньютоновой теории истечения света и утверждал абсолютную непрерывность света. Вместе с тем он возражал также и против волновой теории света, против геометрической оптики и т. д.

Если сравнить эти воззрения Гегеля на свет с соответствующими взглядами Шеллинга¹⁾, то мы не только не найдем у Гегеля никаких преимуществ, но еще больший мистицизм и шаг назад. В то время как Шеллинг признавал и за теорией истечения и за волновой теорией определенное одностороннее значение, Гегель отрицал эти теории. В то время как Шеллинг признавал материальность и весомость света, Гегель утверждал невесомость его и т. д.

* * *

Такова суть воззрений Гегеля о свете и начало ее «физики».

По Гегелю, каждая последующая ступень является дальнейшим развитием предыдущей и в то же время каждая предыдущая ступень является несовершенным выражением, зародышем последующей. Это положение он применяет к физике и устанавливает связь физики с механикой. Прежде всего эта связь ступеней развития сказывается, по Гегелю, в явлении света.

Свет, по Гегелю, есть некоторая абстрактная центральность, которая реально существует как солнце. Солнце, по Гегелю, с физической точки зрения представляет собой не что иное, как световое тело, как телесный свет. Этот свет не порожден каким-либо физическим или химическим процессом. Он есть нечто непосредственное²⁾.

Такова «физическая» трактовка Гегелем солнца. В таком же стиле он рассуждает в физике и о спутниках планет (лунах), о кометах и, наконец, о планетах и самой земле.

Луны и кометы — тела противоположности, по гегелевой терминологии. Они суть получившие самостоятельность стороны, отдельные моменты обособления земли. Кометы — это ставшая обособленной атмосфера земли, луны же — обособившийся твердый кристалл земли.

Телом, которое удерживает в единстве все эти различные моменты и в то же время раскрывает их содержание, телом индивидуальности является земля или планета. Именно потому, что Гегель видел в солнце лишь абстрактный светящийся центр, а в кометах и лунах абстрактные моменты земли, он последнюю рассматривает как истину и конкретное выражение солнечной системы в целом. Земля для Гегеля — главное, самое совершенное тело вселенной.

¹⁾ См. статью автора в № 6 журнала «ПЗМ» за 1934 г.

²⁾ Гегель касается также вопроса о причине свечения солнца и звезд, отличия света солнца от земного света, скорости света в мировых пространствах и т. д. Он, между прочим, считает распространение света в мировом пространстве вневременным.

Исходя из этих представлений, Гегель пытается объяснить суть приливов и отливов, природу комет, взаимоотношение космических факторов и жизни, закон расстояний планет и т. п. При этом Гегель договаривается часто до великих нелепостей.

Так, он, например, делает самостоятельное открытие, что после каждого появления комет увеличивается урожай винограда. «Я однажды исторг вздохи из груди г. Боде, — писал Гегель в «Философии природы», — сказав ему, что опыт (хороший пример того, жертвой какого «опыта» делался Гегель! — А. М.) теперь показывает, что за появлением комет следуют хорошие сборы винограда, как это было, например, в 1811 и 1819 гг., и что это дважды сделанное наблюдение стоит столько же и даже больше чем наблюдения относительно возвращения комет. Причина того, что сборы кометных вин так хороши, заключается в том, что водный процесс отрывается от земли и, таким образом, вызывает перемену в состоянии нашей планеты» (137).

Если различные небесные тела представляют, по Гегелю, обособление разрозненных моментов земли как индивидуальности, то в свою очередь различные стихии, всеобщие элементы земли представляют, по нему, обособленные моменты солнечной системы на земле.

Гегель принимал четыре элемента — стихии: воздух, воду, огонь и землю (землистое).

То, что в солнечной системе существовало еще лишь в абстрактной форме, теперь приобретает характер индивидуальности. Так, воздух является индивидуализированным выражением света и, следовательно, солнца; вода и огонь соответствуют кометам и лунам; землистое же соответствует земле как планете.

Исходя из данных определений (понятий) стихий, Гегель сначала рассматривает каждую из стихий в отдельности.

Воздух, по Гегелю, есть всеобщность света, перенесенная в область индивидуализированной материи. Так как воздух есть инобытие света, то он определяется своим отношением к свету: он прозрачен. В то же время воздух в отличие от света, по Гегелю, весом.

Другим свойством воздуха, по Гегелю, является то, что он разлагает все индивидуальное. Он отрицательная всеобщность и «враг всего индивидуального».

Из характера всеобщности воздуха у Гегеля следует и то, что воздух не состоит из атомов, не индивидуализирован внутри себя. Более того, воздух, по Гегелю, «может дойти до того, что пространственная внеположность совершенно упраздняется» (146). При этом воздух целиком переходит в разрушительную интенсивность — в огонь.

Гегель, однако, не только утверждает эту чистейшую идеалистическую выдумку, но он ее пытается подтвердить... экспериментальными фактами: воздух, помещенный в цилиндр с поршнем и быстро сжатый, превращается в искру, которая может зажечь, например, трут. «Таково абсолютное происхождение огня... Воздух есть спящий огонь», — добавляет Гегель (147).

Так Гегель «выводил» из понятия воздуха свойства воздуха. Если бы он при этом не был слеп от своего идеализма, то он на примере цилиндра с поршнем, в котором сжимается воздух, мог бы вскрыть блестящий пример перехода одной формы движения — механической — в другую — тепловую. Но идеализм был для Гегеля теми шорами, которые мешали ему видеть действительность в ее настоящем виде, и поэтому Гегель во всех конкретных случаях не сумел применить своего метода для правильного решения насущных проблем науки.

В таком же духе, как по отношению к воздуху, решает Гегель и проблему двух следующих стихий, стихий противоположности: огня и воды.

Огонь, по Гегелю, — активная всеобщность, «сам процесс», «сущее для себя беспокойство», «материализованное время». Поэтому он все пожирает, разрушает.

Так как огонь есть беспокойство, активность, то он может быть вызван, как и теплота, которая, по Гегелю, тождественна с огнем, движением, трением. Отсюда вытекает объяснение загорания дерева при трении и т. д.

Огонь пожирает конкретное. Но не всякое конкретное, а такое конкретное, которое содержит в себе противоположность. «Пожирать конкретное, — писал Гегель, — означает внести в него противоположность, стимулировать, воспламенить его; сюда же входит окисление, сообщение кислоте едкости» (148).

При этом одним моментом «пожирания конкретного» получается, по Гегелю, расчленение конкретного на что-то острое, жгучее. Другим же моментом является нечто противоположное, нечто нейтральное — потухший огонь, вода — другой элемент противоположности.

Вода, по Гегелю, в отличие от огня есть пассивное бытие для другого. Она не обладает абсолютно никаким сцеплением, никаким запахом, вкусом, формой; она — абсолютная нейтральность. Поэтому вода может, по Гегелю, принимать состояния и пара и льда. Поэтому же она является растворителем для различных тел. Это одно следствие пассивности воды.

Другим и третьим следствием этой пассивности Гегель считал несжимаемость воды и ее способность смачивать другие предметы, прилипать к ним.

Так определял Гегель свои первые три элемента — стихии. Резюмируя все им сказанное по этому поводу, он писал: «Воздух есть всеобщая идеальность всего другого, всеобщее отношение к другому, благодаря каковому отношению разрушается все особенное; огонь есть та же самая всеобщность, но как являющаяся, и поэтому он есть всеобщность в форме для-себя — бытия, есть, следовательно, существующая идеальность, существующая природа воздуха, вступающая в область явления, выступающее наружу превращение другого в видимость; третий элемент есть пассивная нейтральность. Таковы необходимые мыслительные определения этих элементов» (150).

Четвертым элементом — стихией — является, по Гегелю, землистость, земля. Она охватывает в себе, как целостность, все моменты, присущие другим стихиям. В то же время она есть та сила, та стихия, которая возбуждает к деятельности прочие стихии и заставляет вступать их в стихийный процесс — метеорологический процесс.

Этот метеорологический процесс заключается, по Гегелю, в превращении одних стихий в другие: воды в воздух и обратно, воздуха в огонь, воздуха в землю и т. д. При этом вода, по Гегелю, играет главную роль, «так как она представляет собой нейтральное, изменчивое, способное получить определенность» (154).

«Простое отношение между этими элементами состоит, — писал Гегель, — именно в том, что вода возвращается в воздух и исчезает; и наоборот, воздух становится водой и переходит из для-себя-бытия в его противоположность, в мертвую нейтральность, которая со своей стороны напрягается, расширяется, чтобы достигнуть для себя бытия... Главным здесь является образование дождя» (154).

Превращение одних стихий в другие идет, по Гегелю, непрерывно. При этом постоянным стимулятором этого превращения является свет солнца, который выражает отношение земли к солнцу. При этом земля распадается на лунное и кометное начало.

Самое превращение одних стихий в другие Гегель рассматривал в самом прямом смысле этого слова. Поэтому для него вода действительно превра-

щается в воздух, а из воздуха образуется дождь и т. д. До чего при этом доходил Гегель, можно видеть из следующего.

Он считал, что вода не переходит в пар, а исчезает как вода, превращаясь в воздух. Поэтому он допускал образование дождя из сухого воздуха. Вместе с тем он отрицал также и то, что воздух состоит из смеси кислорода и азота и что вода есть химическое соединение кислорода и водорода.

Рассматривая воздух и воду как некоторые целостности, Гегель образование из воды кислорода и водорода и, обратно, из них воды считал за превращение.

Он решительно отрицал, что вода или воздух состоят из каких-то неизменных, заранее данных частей, которые незаметны, но тем не менее существуют в этих сложных образованиях.

Не менее ошибочным было представление Гегеля о том, что из воздуха образуются кометы и даже падающие звезды. И здесь, как во многих других случаях, Гегель опирался на эмпирические наблюдения тех или иных естествоиспытателей, делаясь жертвой той самой индукции и эмпиризма, с которыми он воевал и которые он теоретически не без оснований подвергал жестокой критике¹⁾.

Если первым моментом диалектики метеорологического процесса, по Гегелю, было распадение индивидуального тождества земли под влиянием света на воду и воздух, возникновение и обострение противоречий, то вторым моментом этой диалектики он считал снятие накопившихся противоречий. Это, по нему, происходит в землетрясениях, вулканических явлениях, грозе, возникновении горячих источников и т. д.

Таково представление Гегеля о стихийном процессе на земле. Началом этого процесса было наличие индивидуальности земли, как чего-то данного. В дальнейшем эта непосредственная индивидуальность, по Гегелю, разлагается в метеорологическом процессе на отдельные моменты. Итогом метеорологического процесса является воссоздание индивидуальности земли, но не как чего-то непосредственного, а как «положенной» индивидуальности, т. е. являющейся результатом расчленения непосредственной индивидуальности и возвращения к ней уже в форме развернутого процесса стихий на земле.

«Метеорологический процесс, — писал Гегель, подытоживая изложение первой части физики, физики всеобщей индивидуальности, — есть явление этого становления индивидуальности посредством овладения стремящимися врозь свободными качествами и приведения их обратно к конкретной точке единства. Сначала эти качества были определены как непосредственные качества — это были свет, твердость, жидкость, земность; тяжесть обладала то одними, то другими качествами. Обладающая тяжестью материя представляла собой субъект в этих суждениях, а качества являлись предикатами — это было наше субъективное суждение. Теперь эта форма получила существование, так как теперь сама земля есть бесконечная отрицательность этих различий, и только этим земля положена, как индивидуальность. Раньше индивидуальность была пустым звуком, потому что она еще была непосредственной, а не порождающей себя. Это возвращение и, значит, этот целый, несущий сам себя субъект, этот процесс, есть оплодотворенная земля; этот всеобщий индивидуум, который чувствует себя вполне как дома в своих моментах, не имеет ничего чуждого ему ни внутри, ни вне себя, а имеет лишь вполне наличные моменты. Его абстрактные моменты суть физические элементы, которые сами представляют собою процессы» (164).

¹⁾ Так, Гегель опирался на наблюдения Лихтенберга над влажностью воздуха на Альпах, на мнение и опыты мюнхенского физика Риттера о том, что вода не разлагается на кислород и водород, а превращается в них и т. д.

Защищая представление о диалектике метеорологического процесса, о переходе одних (качественно своеобразных) стихий в другие (качественно отличные от первых), Гегель решительно нападал на метафизику в естествознании.

Он прежде всего решительно отвергал представление естествоиспытателей о том, что при превращении одних веществ в другие имеет место не превращение, а лишь изменение комбинации неких неизменных элементов, при всяких условиях остающихся незатронутыми процессами превращения, внешними последним. Таким образом, по существу превращение и развитие отрицалось и подменялось метафизикой неизменности первичных частей.

Впротивовес этому Гегель писал: «Если мы соединяем вместе кислоту и основание, то возникает соль — третье их единство. Но в этом третьем есть еще и другое, есть форма, кристаллизация, индивидуальное единство формы, представляющее собой не только абстрактное единство химических элементов... Когда мы, разложив растение или животное, показываем его составные части, то это уже больше не составные части растения или животного — последнее, наоборот, уничтожено. В стремлении химии к простому теряется, следовательно, индивидуальность. ...Химическая точка зрения отнюдь не единственная. Она представляет собой лишь частную сферу, которая не имеет никакого права считать себя существенной и переносить себя на этом основании в область других форм» (142—143).

«Основная ошибка, — писал Гегель в другом месте, развивая ту же мысль, — совершаемая при рассмотрении этой области, имеет своим источником неподвижное представление о субстанциональном и неизменном различии элементов, которое рассудок установил раз навсегда, основываясь на процессах, совершающихся в изолированных веществах» (152).

Одним из следствий и необходимых принадлежностей метафизического взгляда Гегель считал представление о скрытых состояниях, о невесомых веществах и жидкостях и т. д., которые принимались тогдашними естествоиспытателями для того, чтобы объяснить существование в неизменном виде при различных превращениях первичных элементов, сил и т. д.

Разоблачая метафизичность таких воззрений, Гегель возражал также и против переноса категорий одной области на другую с целью объяснения явлений этой последней области.

«Хотя бы все поставить на одной и той же ступени. Можно, разумеется, все рассматривать механически или подчинить электричеству. Но таким рассмотрением тел, как стоящих на одной ступени, природа других тел не исчерпана; когда, например, рассматривают химически расщепленное или животное тело, то такое рассмотрение не исчерпывает их природы. Главная задача состоит в этом обособлении, в том, чтобы рассматривать каждое тело согласно характеру той особенной сферы, к которой оно принадлежит» (153).

* * *

Таковы воззрения Гегеля в первой части его «Физики». Переход от этой первой части «Физики всеобщей индивидуальности» к «Физике особенной индивидуальности» он изображал следующим образом.

Достижение индивидуальности земли, как «положенной», сказывается, по нему, обратным индивидуализирующим образом на физических элементах или стихиях. Последние получают дальнейшую индивидуализацию. В результате этого вместо прежней единой и всеобщей индивидуальности земли выступает на сцену множество индивидуальностей.

Однако эти особенные индивидуальности сначала определены лишь внешним образом, механически, в форме внешнего отношения. Это проявляется, по Гегелю, прежде всего в индивидуализации тяжелой материи через удельную тяжесть (вес) и сцепление.

Современное Гегелю естествознание объясняло происхождение различия веществ по удельному весу наличием атомов и пустот (пор) между ними. Различное заполнение пустого пространства изолированными частицами материи объясняло различие тел по удельному весу.

В противоположность этой точке зрения и в полном соответствии со своей философской концепцией Гегель видел объяснение различий удельных весов (тяжестей, по его терминологии) в различии интенсивности наполнения пространства материи. «Интенсивное количество имеет по меньшей мере такое же право на наше внимание, — писал он, — как и экстенсивное, представляющее собой ту категорию, которой ограничивается обычное представление физиков о плотности» (169).

Однако не только одним количественным отношениям приписывал Гегель различие в удельных весах. В полном соответствии со своим идеалистическим и по существу субъективным методом он в понятие удельного веса вкладывал понятие «имманентного соотношения, конституирующего самостоятельную природу некоего материального тела», «проникающего их насквозь основного определения тел» (170).

Таким образом, удельный вес оказывался не только количественной, но и качественной характеристикой тел, проявлением имманентной формы тел, отличной от тяготения, преодолевающей тяготение.

В том же духе трактует Гегель и сцепление. В сцеплении, по нему, обнаруживается особый способ механического противодействия другим массам. Это противодействие, по Гегелю, обусловлено наличием специфической внутренней формы тел, специфической целостности, самоидентичности их, которую они отстаивают в противовес воздействию других тел.

Попутно Гегель рассматривает хрупкость и ковкость тел.

Далее, он переходит к рассмотрению упругости тел. Упругость тел Гегель определяет как «податливость» и в то же время «своеобразное самосохранение» тел по отношению к внешнему воздействию. При этом внешнем воздействии происходит изменение удельного веса тел с последующим восстановлением его.

Рассматривая упругость, Гегель снова выступает против метафизического представления о телах как составленных из неизменных частей. На примере упругости Гегель развивает свое представление о диалектике этого процесса.

Он подчеркивает, что нет никаких метафизически ограниченных частей материи, что метафизическое представление о непроницаемости материи и порах внутри нее не мирится с диалектикой упругости. По Гегелю, при явлении упругости «две прочно существовавшие раньше друг вне друга материальные части, которые мы, стало быть, должны представлять себе, как находящиеся в различных местах, теперь находятся в одном и том же месте. Это — противоречие, и оно существует здесь материально. Это — то же самое противоречие, которое лежит в основании зеноновской диалектики движения, с тем лишь различием, что оно в движении касается абстрактных мест, здесь же оно касается материальных мест, материальных частей. В движении пространство полагает себя временным, а время — пространственным (§ 260)... Таким образом в упругости материальная часть (атом, молекула) положена разом и, как утвердительно заключающая свое пространство, устойчиво, прочно существующая, и как несуществующая, — полагается в качестве определенного количества одновременно и как экстенсивная и как интенсивная величина» (179).

Упругость служит у Гегеля переходом к звуку. Изменение удельной тяжести и восстановление ее, продолжающиеся после того, как прекратилось внешнее воздействие, и выражающие внутреннюю целостность и специфичность материи, и есть, по Гегелю, звук.

В звучании, по Гегелю, проявляется господство внутренней формы тела, противостоящей изменениям удельной тяжести и сцепления, господство идеального над материальным. Поэтому Гегель звук определяет как «механическую душевность», как проявление духовного в области материального, тяжелой материи (181).

Преодоление материального идеальным Гегель видел также и в том, что специфичность, внутренняя форма тела, проявляющаяся в звуке, порывает границы данного тела и проявляется вне его в распространении звука. Однако, по Гегелю, полного преодоления материального идеальным в звуке мы не имеем. Отсюда гегелевское определение звука как «жалобы идеального, находящегося во власти другого, но вместе с тем и его торжество над этой властью, ибо оно сохраняет себя в ней» (184).

Звучание тел Гегель сопоставлял со звуком, издаваемым животными, и голосом человека. В то время как тело звучит под влиянием внешнего удара, животное и человек звучат изнутри. Сверх того человеческое пение в отличие от звука, издаваемого телом, в самой звуковой мелодии обнаруживает субъективность или самостоятельность формы.

Так как явление звука Гегель, как видим, объяснял проявлением имманентной формы материи и видел в этом его идеальность, то, естественно, что он был решительным противником объяснения звука наличием какой-то особой звуковой материи — звукорода, какой взгляд защищал, например, Отто фон-Герике.

Исходя из общих своих представлений о звуке и развивая их, Гегель пытался объяснить, чем отличается чистый тон от шума. Специфическое сцепление и пространственные мероопределения тела определяют, по мнению Гегеля, качество звука. Чистота звука зависит, по нему, от однородности тела и его внутренних свойств. Так, воде, которой Гегель приписывал отсутствие какого-либо сцепления, он отказывал также и в способности звучать.

Гегель также уделял в своей «Философии природы» много внимания вопросу гармонии и дисгармонии, и эта часть его «Физики особенной индивидуальности» наиболее легко читается и наиболее приближается к обычному научному языку. Особенную роль при этом, естественно, отводил Гегель роли числовых соотношений, якобы подмеченных еще пифагорейцами (пример с молотами и наковальней — явный миф, так как физически абсурден).

Наконец, последний вопрос, которого касается Гегель при рассмотрении звука, это вопрос о субъективном и объективном в этом явлении. Слух как и осязание Гегель относил к чувству в области механического. При этом он определял осязание как чувство в области механической сферы, поскольку она содержит в себе определения самой материальности в виде удельной тяжести. Слух же есть чувство механическое, поскольку есть налицо «бегство из материальности, переход в область нематериального, душевного, идеального» (184—185).

Рассматривая проблему гармонии и дисгармонии, консонанса и диссонанса, Гегель подчеркивал объективный, а не только субъективный характер этих явлений. «Если бы мы в вопросах гармонии захотели довольствоваться только слухом, не вдаваясь в отношения чисел, то мы ни в коем случае не могли бы объяснить, как это одновременно слышимые тоны, будучи различны между собой, воспринимаются слухом как один тон. В вопросах гармонии, — добавлял он, — нельзя, следовательно, ограничиваться слухом, но необходимо знать и объективные определения» (194).

Таковы были воззрения Гегеля на явления звука. От звука Гегель делал переход к теплоте, учение о которой составляло у него четвертую часть «Физики особенной индивидуальности».

Звук, по Гегелю, являлся сменой специфической внеположности материальных частей и отрицанием этой смены. Специфичность при этом оказывалась не идеальностью, но, выражаясь гегелевским языком, идеализованной идеальностью этой специфичности материи. Под этим громоздким и непонятным не посвященному в тайны гегелевской философии термином понималось не только колебание тела при звучании, но и распространение звука, не только изменение удельной тяжести тела, но и «отлетание» в форме звука в пространство специфического для данного тела колебания.

В противоположность звуку Гегель определял теплоту как «реальную идеальность удельной тяжести и сцепления», т. е. как расплавление и вообще изменение строения тел под действием теплоты. Вместе с тем Гегель рассматривал теплоту как завершение звука. Отрицательность, имевшая в звуке лишь идеальный характер, приобретала, по Гегелю, в явлениях теплоты реальный характер. Поэтому звук, доведенный до известной силы, мог переходить, по Гегелю, в теплоту, например при нагревании колокола во время звучания, и даже в нарушение механической целостности тела, например лопание стекла при сильном крике.

Отрицательный характер теплоты Гегель рассматривал и под другим еще углом зрения. «Физика особенной индивидуальности» начиналась с проявления специфичности в особенных телах. Теплота, по Гегелю, являлась отрицанием этой специфичности, «возвращением материи в свою бесформенность, в свою текучесть» (194). Но это возвращение к абсолютной однородности и отрицание специфических свойств тел Гегель рассматривал здесь не как возвращение вспять, а как поднятие на некоторую новую, более высокую ступень.

Специфичность, побежденная теплотой, уступала, по Гегелю, место однородности лишь с тем, чтобы однородная материя оказалась на следующей ступени, под властью более высокой формы. Такой формой, по нему, и является то, что он называет «Gestalt» — «образ». В это понятие, как увидим далее, Гегель вкладывал особенный смысл. Тело, расплавленное теплотой, обнаруживало имманентную ему форму в виде кристалла.

Таким образом переход от звука к теплоте обнаруживал, по Гегелю, не только их связь, но и их противоположность. Звук был сохранением специфичности тел и обнаружением ее вовне. Теплота являлась, по Гегелю, разложением специфичности тел и торжеством более интимного единства тел чем то, которое проявлялось в сцеплении и упругости.

Определяя теплоту как реальную идеальность, как реальное отрицание своеобразия тел, Гегель в качестве следствия этого определения выводил установление при посредстве теплоты общности между телами, перехода от одного тела к другому. В этом он видел сущность теплопроводности. При этом получалось, по Гегелю, что тела, лишенные сцепления (шерсть, а также стекло, вода, у которых он также отрицал сцепление), а потому и неспособные к отрицанию этой специфичности их, должны были быть нетеплопроводными. Тела же с большим сцеплением (металлы) должны были быть хорошими проводниками тепла.

Однако отрицательный характер теплоты, по Гегелю, не является безразличной отрицательностью. Так как, по нему, теплота проявляется в телах, имеющих специфическое определение в форме удельной тяжести и сцепления, то эта специфичность сказывается и на теплоте в форме удельной теплоемкости и температурных различий (200).

Рассматривая теплоту лишь как момент в развитии тел, как некоторое состояние, Гегель был решительным противником учения о теплороде как особом материальном носителе теплоты. «Так как природа теплоты, — писал он, — есть вообще идеализирование специфической реальной внеположности и так как, согласно нашему утверждению, она основана на этом отрицании, то с этой стороны не может быть и речи о какой-нибудь тепловой материи.

Допущение тепловой материи так же, как и звуковой, покоится на том принципе, что все, производящее чувственное впечатление, должно иметь и чувственное устойчивое существование. И хотя понятие материи было тут настолько расширено, что отказались даже от ее основного определения, от свойства тяжести, допустив вопрос о весомости или невесомости подобных материальных начал, однако все еще продолжали предполагать объективную наличность вещества как чего-то неразрушимого и самостоятельно существующего, что может появляться и исчезать, увеличиваться и убывать в данном месте. На этом внешнем привождении и останавливается рассудочная метафизика, возведя его на степень первоначального факта, особенно по отношению к теплоте. Говорят о проявлении тепловой материи, о ее накоплении, о ее скрытом присутствии там, где нельзя обнаружить и где впоследствии все же проявляется теплота» (198—199).

Исходя из этих представлений, Гегель отрицал не только учение о теплороде, но и представления о «скрытой теплоте». Впротивовес представлению, что теплота сохраняется как таковая в скрытом состоянии, а затем проявляется, Гегель исчезновение теплоты и появление ее объяснял «изменением удельной тяжести и сцепления» (200).

Являясь противником учения о теплороде, Гегель правильно видел в опытах Румфорда опровержение учения о теплороде. «Опыты Румфорда с нагреванием тел посредством трения, например при просверливании пушек, уже давно могли бы совершенно устранить представление об обособленном, самостоятельном существовании теплоты; здесь она слишком недвусмысленно разоблачает в своем происхождении и в своей сущности как некое состояние и» (197, 199).

Однако роль движения в происхождении теплоты, благодаря представлению о ней как о «реальной идеальности» удельной тяжести и сцепления, благодаря общей идеалистической концепции Гегеля, осталась им не замеченной. Гегель бил своей критикой «невесомых» метафизический материализм за его односторонность, за его ограниченность. Но, выдавая эту свою победу за победу идеализма над материализмом вообще, Гегель оказывался неспособным решить те проблемы, которые вскоре решило естествознание, развиваясь на своей материалистической почве и начав стихийно усваивать диалектику.

* * *

Теплота, по Гегелю, преодолевает, уничтожает специфицированную материальность, оставаясь все же реальной идеальностью. Дальнейшим шагом в преодолении материальности является, по Гегелю, пламя. Последнее, однако, в отличие от света еще связано с материей и поэтому является физической идеальностью. Пожирая материальное, пламя, по Гегелю, пожирает само себя вместе с теми условиями, пожиранием которых оно является.

Так, по Гегелю, окончательно преодолевается материальное, и побеждает форма, которая теперь является имманентной материальному и господствующей над ним. Такой вполне развитой формой материального и является, по Гегелю, образ.

Образ, по Гегелю, не возникает внезапно, но подготавливается всем предшествующим развитием. Отрицательные фигуры пространства: точка, линия, поверхность, как пространственные очертания, — в дальнейшем переходят в определения материи в форме сцепления и удельной тяжести; удельная тяжесть проявляется затем, по Гегелю, в звуковом тоне и удельной теплоемкости и т. д. Так отдельные моменты индивидуальности подготавливают появление целостной свободной индивидуальности, которая и дана, по Гегелю, в форме образа.

Образ, по Гегелю, есть целостность и единство тела, содержащие внутри себя части как подчиненные моменты. Образ не составлен, по Гегелю, механически из отдельных частей и не делится на них. Он есть то внутреннее единство, самождество (самость), которое проявляется как в части, так и в целом. В то же время образ есть тело, которое и в специфическом способе внутренней связи и во внешнем ограничении в пространстве является «определенно имманентной и развернутой формой — деятельностью». При этом эта форма есть определяющий принцип материальных частей или, как образно выражается Гегель, «тайный, тихий геометр, который как вполне проникающая форма организует тело вовне и внутри» (209).

Определив так образ и тем самым поставив в соответствие с общей идеалистической концепцией форму выше материи, Гегель конкретизирует понятие образа. Первой конкретизацией образа является, по Гегелю, кристалл. Здесь пространственные определения формы носят еще рассудочный характер прямых линий, плоских поверхностей, определенных углов. В этом отношении кристалл на первый взгляд носит черты механического, мертвого. В действительности, однако, кристалл нужно рассматривать, по Гегелю, как проявление «немой жизни, которая удивительным образом бродит в чисто механическом» (210).

Тем не менее кристалл, по Гегелю, есть лишь один из моментов в развитии понятия жизни, органического. Прямолинейность форм в отличие от закругленных форм живого — еще не полное проникновение каждой части целым и т. д. — все это отличает кристалл от живого. Но Гегель не рассматривает кристалл как нечто мертвое, подобное инертному телу. Жизнь кристалла проявляется, по Гегелю, в деятельности формы, и кристалл как таковой — лишь один из моментов в осуществлении этой формы.

Форма — деятельность, начав, по Гегелю, с бесформенного — хрупкой точечности и шаровидной жидкости — переходит в дальнейшем в линию. При этом форма разлагается на противоположные крайности. Распадение на противоположные крайности характерно для магнетизма. Так Гегель переходит к магнетизму и делает его вторым моментом в образовании кристалла.

Распадение точечности на полюсы магнетизма, составляющие вместе с точкой безразличия, являющейся единством противоположностей, линию, есть, по Гегелю, силлогизм. Магнетизм есть мысль в природе (215). В то же время линейный характер магнита есть, по Гегелю, воспроизведение механизма на высшей ступени.

Исходя из этих представлений, Гегель пытается объяснять отдельные стороны магнитных явлений. Так например склонность железа намагничиваться Гегель выводит из того, что хрупкость обуславливает большую магнитность стали по сравнению с железом и т. п.

Представление о магните как силлогизме служит Гегелю для трактовки взаимоотношения магнитов и их полюсов, явления намагничивания и пр.

Те же представления прилагает Гегель и для объяснения земного магнетизма. Земля потому магнитна, по Гегелю, что она есть промежуточный момент в развитии к кристаллу. Она недоразвившийся кристалл и потому остановилась на стадии магнита. Гегель пытается тем же способом объяснить явления магнитного склонения и накопления и прочие явления земного магнетизма.

Одновременно с этими частными воззрениями на магнетизм Гегелем были развиты и дальнейшие общие соображения о магнитных явлениях. Основной чертой их, по Гегелю, являлась полярность. Суть полярности в области магнитных явлений заключалась, по нему, в том, что здесь единое понятие распалось на свои абстрактные моменты — полюсы. При этом в от-

личие от электричества в магнетизме полюсы еще не обособлены в форме отдельных тел, а неразрывно соединены вместе.

Полярность магнетизма являлась самым наглядным примером полярности вообще. В этом Гегель видел причину того, что магнетизм стал играть такую роль в учениях натурфилософии. «В наши дни все закишело полярностями», — иронизировал Гегель (214). В противовес утверждениям шеллингианцев о том, что все тела — магниты, Гегель говорил, что магнетизм в том виде, как он наблюдается обычно, не обладает всеобщим существованием. На более высоких ступенях проявления понятия в природе магнетизм обнаруживается, по Гегелю, лишь в снятом виде, в виде подчиненного момента. В соответствии с такого рода представлениями Гегель различал идеальный магнит от реального магнетизма и его дальнейших модификаций.

Рассматривая магнетизм как один из моментов в развитии формы в области неорганической природы, Гегель был решительным противником учения о магнитной жидкости. «Здесь действует не нечто материальное, — писал он, — а сама чистая форма» (215).

Трактуя хрупкую точечность и шаровидную жидкость как начальную форму развития образа, а магнетизм как средний член этого развития, завершение этого развития Гегель приписывал кристаллу. Здесь полярность, возникавшая на второй стадии развития образа, снова возвращается, по нему, к нейтральности, но не к нейтральности точечности, а к развернутой нейтральности реализовавшейся формы. Различие полюсов в магнетизме превращается в кристалле в различие поверхностей. В то же время хрупкая точечность развивается в форму спайности и основную форму кристалла.

Правильность формы кристалла, связь всех его частей, определяющая целесообразной формой, — все это есть, по Гегелю, доказательство разума в природе. Кристалл, по нему, — не просто мертвое образование, а проявление (впервые) целесообразной деятельности формы в природе. При этом эта форма — разумное в природе — не есть нечто внешнее материальному, а нечто имманентное, изнутри его проникающее и определяющее.

Деятельность формы в кристалле проявляется прежде всего в определении пространственных отношений. Она сказывается в основной форме кристалла, затем в его спайности, во внешней форме кристалла.

Так как деятельность формы имманентна материи, то Гегель пытается установить связь между кристаллографической формой и химическим составом вещества.

Таково содержание первой части гегелевской «Физики целостной индивидуальности».

Установив в ней пространственные мероопределения кристалла как наивысшее проявление образа, Гегель эти пространственные формы пытается поставить в связь с цветовыми, обонятельными и вкусовыми свойствами тел, рассматривая и их как некие целостные, хотя и непространственные, формы материального. Высшую стадию развития целостной индивидуальности на второй ступени Гегель видит в электричестве.

Таким образом получается то причудливое сочетание из отделов учений о свете и цветах, о запахе и вкусе и, наконец, об электричестве, которые составляют содержание второй части гегелевской «Физики целостной индивидуальности».

Для того чтобы закрепить это искусственное и произвольное соединение различных областей явлений природы, Гегель ставит явления цветов, запаха и вкуса в связь с физическими стихиями. Запах, вкус и цвет — не что иное, как проявление физических стихий на более высокой ступени индивидуальности, именно целостной индивидуальности. Таким образом получается, что первая часть «Физики целостной индивидуаль-

ности» есть, по Гегелю, проявление на высшей ступени механики (магнит, кристалл), вторая же часть есть проявление на высшей ступени физического, именно физики стихий.

Согласно Гегелю, повторяющему в этом отношении мысли Парацельза и древних мыслителей, каждое тело состоит из четырех стихий. Именно, по нему, всякая земная вещь состоит из воздуха, света, огня и воды. Индивидуальное тело есть единство этих стихий.

В кристалле имело, по Гегелю, место пространственное определение материального при посредстве формы. Теперь же, по нему, под влиянием целостной индивидуальности, индивидуализируются физические элементы, стихии, составляющие тело, и выступают на сцену как специфические индивидуальности цвет, запах и вкус. Цвет есть индивидуализированный свет, запах — индивидуализированный огонь и воздух, вкус — индивидуализированная вода. Они составляют вторую часть «Физики целостной индивидуальности», рассматривающую обособление индивидуального тела. Завершение этого процесса обособления происходит, по Гегелю, в электричестве.

Цвет, запах, вкус для Гегеля прежде всего нечто об'ективное. Они свойства индивидуального тела, а не индивидуальные тела. Однако индивидуальность здесь, по Гегелю, еще бессильна, и следствием этого бессилия является то, что цвет, например, может существовать и как отдельная цветовая материя — цветной пигмент. Следствием того же бессилия индивидуальности является, по Гегелю, и то, что цвет, запах и вкус находятся в отношении с соответствующими стихиями. Так цвет, например, выцветает от света, запах есть процесс взаимодействия с воздухом, вкус имеет непосредственное отношение к воде.

Таково об'ективное проявление цвета, запаха и вкуса. Но они, по Гегелю, также и суб'ективны. В то время как осязание и слух были, по нему, чувствами механического, чувствами образа в целом, цвет, запах и вкус являются чувствами образа, приобретшего различия, перешедшего в обособление индивидуального тела. Таким образом, цвет, запах и вкус для Гегеля отнюдь не нечто только суб'ективное, но выражают определенные физические свойства, об'ективно принадлежащие телу.

С этой позиции Гегель критиковал суб'ективный идеализм. Однако было бы ошибочно думать, что он преодолел этой критикой суб'ективизм вообще. Наоборот: идеализм во всякой форме, в том числе и в гегельянской, есть все же суб'ективизм. Он исходит из духа как первичного и сводит об'ективное к суб'ективному. Разница между абсолютным идеализмом Гегеля и суб'ективным идеализмом при этом сводится к тому, что второй не расчленяет своего понятия суб'ективности и не раздувает ее до поглощения в ней всей вселенной. Тогда как абсолютный идеализм Гегеля, помимо суб'екта как такового, вводит понятие абсолютного суб'екта, абсолютной идеи, инобытием которой является об'ективный мир.

Но как бы ни носился Гегель с понятием об'ективного как инобытия идеи, суб'ективизма он преодолеть не мог, да и не хотел, так как вся его система природы к тому и сводится, чтобы показать, как об'ективное превращается в суб'ективное, как материальное «преодолевается» и demiургом действительности оказывается дух.

Гегель считал, что в форме цвета, запаха и вкуса впервые в природе начинает выступать суб'ективность. И не случайно, что вся его трактовка явлений цветов, запаха и вкуса в основе своей суб'ективна, хотя его суб'ективизм, как мы уже сказали, отличен от суб'ективизма так называемого суб'ективного идеализма.

Исходя из своей общей концепции, Гегель пытается по-своему объяснить суть явлений прозрачности, преломления (в том числе и двойного) и явления цветов.

Прозрачность, по Гегелю, есть обособление всеобщности в самом образе. Выражением этой всеобщности является физическая однородность прозрачного тела.

Однако всеобщее прозрачного еще не стало, по Гегелю, всеобщим для себя как у ощущающего субъекта, а положено лишь для другого. «Лишь органическое есть такое отражение от другого, при котором его всеобщность отражается в нем самом» (235).

Исходя из этих представлений, Гегель и рассматривал прозрачность кристаллов, воды, воздуха и т. д.

Такого же рода представления он клал и в основу его объяснений явлений преломления.

Преломление, по Гегелю, — проявление простейшей определенности физической среды, выражающейся в удельной тяжести через отношение к свету. Гегель решительно возражал против объяснений, которые давала в его время для явления преломления геометрическая оптика. Преломление для него — прежде всего акт качественного изменения одной среды под влиянием другой. При рассматривании предмета через прозрачную среду мы видим, по Гегелю, не только предмет, но и то пространственное определение, которое свойственно второй среде.

Так, рассматривая дно сосуда, наполненного водой, мы видим это дно приподнятым. Это происходит, по Гегелю, потому, что воздух как бы делается водой и сокращается до того объема, который он занимал бы, будучи водой. Отсюда — видимое приближение дна сосуда, отсюда — преломление лучей света.

Тем же путем Гегель пытался объяснять и двойное лучепреломление. При этом роль субъекта и субъективного восприятия оказывалась у него в конце концов решающей, не говоря уже о том, что самые определения прозрачности и преломления у него в своей основе идеалистичны и субъективны.

Однако самую развернутую форму субъективизма Гегель дал в применении к трактовке явлений цветов. Этой области он посвящает большое внимание. При этом он во многих отношениях следовал теории цветов Гёте.

Цвет, по Гегелю, есть результат взаимодействия светлого и темного. Светлое и темное, по Гегелю, — нечто первичное и целостное. Поэтому Гегель решительно отвергал представление Ньютона о белом свете как о чем-то сложном, составленном из семи неизменных первичных цветов. Не цвета, по Гегелю, — нечто первичное, а светлое и темное — первичная противоположность, производным от которой являются различные цвета.

Различные степени потемнения света дают, по мнению Гегеля, различные цвета. Так, смешение молока и воды дает синеватый цвет. Дым дает то синеватый, то красноватый цвет и т. д. Опираясь на такого рода наблюдения, собранные в большом количестве Гёте, Гегель и выступал против ньютоновой теории цветов.

«Согласно известной теории Ньютона, — писал Гегель, — белый, т. е. бесцветный, свет состоит из пяти или семи цветов (ибо точно этого не знает сама теория). Что касается, во-первых, варварства такого подхода, когда и в отношении света прибегают к худшей форме рефлексии — к сложению, причем светлое слагается здесь даже из семи темнот, как если бы кто-нибудь захотел составить прозрачную воду из семи различных земель, то для характеристики этого подхода нельзя подыскать достаточно сильных выражений» (252—253).

Второе возражение Гегеля против Ньютона было направлено против объяснения последним действия на белый свет призмы. По Гегелю, и действие призмы основано на том же принципе, что и образование цветов путем смешения света и тьмы. Различная толщина призмы для различных ее сечений

производит, по Гегелю, различное затемняющее действие на свет и приводит к образованию различных цветов.

Помимо, так сказать, «физический» возражений Гегель выдвигал и общие философские возражения. Он, прежде всего, возражал против неизменности первичных цветов Ньютона, допуская их взаимный переход. Так, Гегель решительно высмеивал утверждение ньютоналинцев о невозможности построения ахроматических линз — действительно имевший место антинаучный вывод из представлений Ньютона, оставленный уже ко времени Гегеля ввиду открытия ахроматических линз. Гегель особенно отрицательным считал «то недомыслие, с каким ньютоналинцы отказываются от множества выводов, непосредственно вытекающих из теории Ньютона (например от вывода о невозможности ахроматических телескопов), и в то же время продолжают настаивать на правильности самой теории» (254).

Наконец, Гегель решительно возражал против абсолютизации математической, геометрической оптики. Он видел в этом перенос правильных для области механики представлений на такую область, где они неприменимы. «Некоторые из этих представлений возникли и здесь в результате приложений дифференциальных формул к явлениям цветов: хороший смысл, который имеют члены этих формул в механике, был недопустимым образом перенесен на явления совершенно другой области».

Исходя из своих представлений, Гегель критиковал односторонности и в учении о поляризации света и т. д.

И здесь необходимо отметить, как мы отмечали уже раньше, что Гегель вскрывал односторонности и метафизичность господствовавших в его время физических теорий и тем самым бил метафизический материализм. Однако суть воззрений Гегеля на явления света и цветов была при этом неправильной. Вскрывая метафизичность теорий, против которых он боролся, сам он не умел и не мог дать правильного решения. И в этом сказывается его идеализм.

Суть ошибки Гегеля заключалась и здесь в его субъективизме. Он полагал, что свет есть нечто целое, но при этом брал белый свет. Дальнейшее развитие физики показало, что, кроме видимого света, существуют еще большие области невидимых лучей (ультрафиолетовых, инфракрасных, рентгеновых, длинных электромагнитных и т. д.). Таким образом, Гегель субъективное восприятие человеком лишь одного небольшого участка различного рода излучений взял за основу своих воззрений.

Еще больший субъективизм проявляется у него в объединении «света и темноты» в одну диалектическую противоположность. Гегель не понимал того, что не существует темноты как чего-то объективного, что темнота есть лишь отсутствие воспринимаемого нашим глазом света. В то время как естествоиспытатели зачастую не видели качественного своеобразия там, где оно было, Гегель видел противоположность «тьмы» свету, когда в лучшем случае можно было говорить о количественной разнице в степени освещения и способности восприятия нашего глаза. Субъективная противоположность тьмы свету возводится, таким образом, в ранг диалектической, объективной противоположности.

Такого же рода воззрения и такого же рода ошибки развивал Гегель и в отношении запаха и вкуса. Не останавливаясь на рассмотрении их, тем более что и сам Гегель центр тяжести своего внимания уделил явлениям света и цветов, мы лишь отметим, что область явлений вкуса служила Гегелю для перехода к третьей части второго отдела «Физики целостной индивидуальности» к электричеству.

Цвет, запах и вкус были, по Гегелю, проявлениями обособления индивидуальности, но такими обособлениями, которые не достигли еще самостоятельного существования. Они не имеют иного соотношения между собой, как только в нашем представлении. Однако в дальнейшем процесс ин-

дивидуализации, по Гегелю, должен в лице химизма привести к тому, что то, что существовало ранее как свойства: цвет, запах и вкус, — приобретает в дальнейшем существование в форме отдельных веществ и в такой форме вступает во взаимодействие.

Ступенью в этом процессе обособления индивидуальности и является, по Гегелю, электричество. Здесь обособление, по нему, достигает уже того, что возникает взаимоотношение, отдельных тел, но такое взаимоотношение, которое еще остается поверхностным. Таким образом электричество, по Гегелю, есть доведенное до крайности обособление форм телесной целостности.

Гегель ставил электричество в связь не только с тем, что он сделал предметом рассмотрения в своей «Физике целостной индивидуальности», но и с более отдаленными явлениями. Это и было естественно, раз все его усилия сводились к тому, чтобы все природные явления расположить в ряд, от абстрактной тождественности и внеположности (разрозненности) до конкретного различия, подчиняющегося целостной индивидуальности и субъективности.

Таким звеном в реализации идеи, духа в природе, и было для Гегеля электричество. В области механики абстрактные части материи, по Гегелю, еще равнодушны друг к другу. Лишь внешняя сила путем трения и толчка устанавливает их соотношение. В дальнейшем, однако, выступает уже на сцену проявление внутреннего единства тел. Так, в звуке тела, еще оставаясь равнодушными друг к другу, проявляют уже свою внутреннюю целостность, свое «я». Еще более идеальной формой такого единства являлся, по Гегелю, свет. В магнетизме уже возникает полярность, но полярность, не переходящая в конкретность.

Лишь в электричестве, по Гегелю, уже наступает такое различие внутреннецелостных тел, которое проявляется физически в форме света (искра, свечение), цвета, запаха (озонирование), вкуса (вкусовые действия электричества), осязания (действие электрического напряжения на волосы кожи) и т. д.

Таким образом, электричество, по Гегелю, выражает и момент целостности и расчленения внутри этой целостности. «Электричество, — писал Гегель, — есть бесконечная форма, различная в самой себе, и единство этих различий» (289).

В соответствии с таким пониманием электричества Гегель объяснял и его возникновение. «Электричество появляется всюду, — писал он, — где два тела соприкасаются друг с другом, особенно же при их трении. Электричество, стало быть, находится не только в электрической машине: каждое давление, каждый удар вызывают электрическое напряжение, но условием последнего служит соприкосновение. Электричество не есть специфическое, особенное явление, возникающее только в янтаре, сургуче и т. д.: оно присутствует в каждом теле, находящемся в соприкосновении с другим; чтобы убедиться в этом, нужно только иметь очень чувствительный электромметр. Гневная самость тела прорывается в каждом, когда оно подвергается раздражению, все тела обнаруживают эту жизненность в своих взаимоотношениях» (286).

Поскольку электричество, по Гегелю, — звено в развитии самостности тел, их внутренней целостности и в то же время все большего расчленения, постольку отдельные моменты этого процесса развития, понятия по Гегелю, встречаются на различных других, более низких и более высоких ступенях этого процесса. Поэтому Гегель устанавливает переход от электричества к магнетизму и т. д., с одной стороны, а с другой — к химизму и явлениям жизни.

В то же время Гегель, как и в случае с магнетизмом, возражал против абстрактного отождествления различных явлений с электричеством, против

сведения самых различных областей явлений к электричеству. «Оно является как бы общим козлом отпущения, все оказывается электрическим, — писал он, — но это — лишь неопределенное слово, не объясняющее, какова функция электричества. Мы же понимаем электрическое напряжение как собственную самость тела, представляющую собой физическую целостность и сохраняющую себя в соприкосновении с другим. В электричестве мы видим гневную вспышку самого тела: здесь нет ничего постороннего самому телу и уж во всяком случае нет чуждой материи. Юношеский задор тела прорывается наружу: оно становится надобы, его физическая природа восстает против отношения к другому и восстает именно как абстрактная идеальность света. Не мы только сравниваем тела, но они сами сравнивают себя и сохраняют себя в этом сравнении как физические индивидуумы; это есть начало органического, которое тоже сохраняет себя против средства питания» (285).

Таковы были воззрения Гегеля на электричество. Эти воззрения, как видим, носили яркий отпечаток, с одной стороны, всей его идеалистической концепции природы, с другой — тех ограниченных сведений о статическом электричестве, которые были известны в его время. От электричества он переходит к химизму, к третьей части «Физики целостной индивидуальности».

Разрешение электрического напряжения происходило, по Гегелю, в и с к р е, сопровождающейся светом, окрашенным в определенный цвет, запахом, звуком и т. п. Результатом этого разрешения напряжения являлась нейтральность, возвращение тел к неизменному состоянию. Однако обособление индивидуальности, по Гегелю, не может остановиться на этом. В дальнейшем вся телесность переходит в процесс, причем этот процесс в то же время оказывается процессом становления индивидуального тела. Индивидуальность в ее развитой форме делает своим подчиненным моментом отдельные индивидуальные тела.

Так «переходил» Гегель к химизму. В отличие от магнетизма, где различие имело место в одном теле, и от электричества, где различие имело место в двух телах, в химизме в единый целостный процесс объединено различие многих тел. То, что раньше выступало в трактовке Гегеля лишь в форме световых, звуковых, цветовых явлений, явлений запаха и т. д., сопровождающих процесс электричества, на стадии химизма выступает уже как отдельные, обособленные, целостные тела, подчиняющиеся более высокой целостности — химическому процессу.

(Окончание следует)

О докторской диссертации Маркса *)

(„Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура“)

М. Омеляновский

Докторская диссертация молодого Маркса «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура» представляет большой интерес для выяснения философской эволюции основоположника теории пролетариата.

Но значение диссертации не ограничивается сказанным. Теоретическому естествознанию всегда было важно—а сейчас это для него особенно необходимо—выявить идейные источники его основных понятий и законов. Для разрешения своих задач в этой области естественники, как известно, найдут предельно точные указания в классических работах Маркса, Энгельса, Ленина. Однако в данном случае немаловажную роль играют и ранние произведения основоположников марксизма. Это мы хотим конкретно показать, исследовав первый труд Маркса, его докторскую диссертацию, в которой рассматриваются формы атомистики древности.

Маркс в диссертации, как указывает Ленин, «стоит еще вполне на идеалистически-гегелианской точке зрения». Однако по многим вопросам Маркс развивает самостоятельные взгляды, не соглашаясь с Гегелем, и как раз именно эти воззрения Маркса являются особенно ценными.

Маркс в своей диссертации стоит еще в целом на идеалистической точке зрения. Однако уже самый выбор темы, а именно, натурфилософия Демокрита и Эпикура, т. е. тех двух философов, системы которых он считает «ключом к пониманию истинной истории греческой философии», весьма примечателен. Маркс критикует атомистику Демокрита с идеалистических позиций, однако, наряду с этим его глубоко интересует проблема диалектики, диалектического понимания движения. Это является важнейшим моментом для понимания разницы между Демокритом и Эпикуром, которую устанавливает молодой Маркс.

Для самого Маркса его работа имела, повидимому, историко-философский интерес: в ней нет даже намека на связь теорий Демокрита и Эпикура с атомистическими взглядами современного Марксу естествознания. Меринг как и другие исследователи считает эту особенность слабой стороной диссертации Маркса. Однако трудно с этим согласиться: диалектический гений Маркса не позволил ему свести широкие горизонты античного мировоззрения к узкой эмпирии химической атомистики XIX столетия. Диссертация

*) Статья печатается в порядке обсуждения.—Ред.

молодого Маркса поставила ряд философских проблем, вокруг которых так или иначе бьется и современное естествознание.

Для нашей темы важна вторая часть «Различия...», так как в первой части Маркс скорее подготавливает читателя к рассмотрению тех вопросов, которые он собирался разрешить.

I

Принципы натурфилософии Демокрита и натурфилософии Эпикура — атомы и пустота, — бесспорно, одни и те же. Очевидно, на этом основании древние писатели (а также современные буржуазные философы) отождествляли физику Демокрита с физикой Эпикура, усматривая в изменениях последнего только произвольные фантазии. Маркс разрушил этот предрассудок. Он высказался даже против мнения Гегеля об Эпикуре, который (Гегель), как известно, в «Истории философии» представил великого материалиста «скудоумным» и «скупным» писателем. Открыто, впрочем, Маркс не говорит о своем несогласии с Гегелем.

Для тогдашнего Маркса характерно, что он, разбирая очень тщательно и часто педантично точки зрения различных авторов на Эпикура, на протяжении всей своей диссертации совершенно не упоминает специально о Гегеле и только в предисловии роняет о нем несколько скупых слов. Последние стоит привести. «Хотя Гегель, — пишет Маркс, — в основном правильно определил общие черты названных систем (т. е. эпикурейской, стоической и скептической философии. — М. О.), но... колоссальному мыслителю мешал признать за этими системами высокое значение их для истории греческой философии и для греческого ума вообще его взгляд на то, что он называл спекулятивным *rag excellence...*»¹⁾. Понятно, почему Маркс, быть может, и неосознанно, «скрывает» свое отношение к точке зрения Гегеля на Эпикура: он еще находится в плену у гегелевской логики, делая в то же время первые шаги, чтобы выбраться из него.

Основное различие между Эпикуром и Демокритом Маркс находит в том, что у первого совершенно последовательно проведен атомистический принцип со всеми его противоречиями, который оплодотворяет собой все реальное исследование природы, тогда как для второго, наоборот, атом остается чистой и абстрактной категорией, пустой гипотезой, которая не осуществляется и всегда повисает вне чувственного бытия²⁾.

Это различие проявляется в вопросах об истине, достоверности, приложении атомистики — словом, во всем, что касается отношения между идеями и действительностью, оба мыслителя высказывают диаметрально противоположные взгляды.

«Один — скептик, другой — догматик; один считает чувственный мир субъективной видимостью, другой — объективным явлением. Тот, который считает чувственный мир субъективной видимостью, опирается на эмпирическое естествознание и положительные знания и воплощает в себе беспокойство экспериментирующего, всюду поучающегося, рыскающего по свету наблюдения. Другой, который считает видимый мир реальным, презирает опыт; в нем воплощены покой самоудовлетворяющегося мышления, самостоятельность, которая *ex principio interno* черпает свое знание. Но противоречие поднимается еще выше. Скептик и эмпирик, который считает чувственную природу субъективной видимостью, рассматривает ее с точки зрения необходимости и старается объяснить и понять реальное бытие вещей. Философ же и догматик, наоборот, считающий явление реальным, везде

¹⁾ Маркс. Диссертация. Собр. соч. Маркса и Энгельса. Т. I, стр. 25.

²⁾ Там же, стр. 67.

видит только случай, и его способ объяснения скорее сводится к тому, чтобы уничтожить всякую объективную реальность природы»¹⁾.

Философские симпатии Маркса на стороне Эпикура — об этом красноречиво говорит все его исследование. Если Эпикур строго и последовательно проводит атомистику со всеми ее противоречиями, то Демокрит берет только одну сторону противоречий: он не понимает противоречий, не разрешает их в высшем синтезе, и в этом Маркс усматривает коренной недостаток демокритовских воззрений.

Атомы Эпикура обладают качествами — «неделимые» Демокрита — бескачественны и различаются разве по фигуре. Маркс доказывает, что наделение атома качествами вытекает у Эпикура логически необходимым из его собственного принципа, тогда как у Демокрита атомы получают голые гипотетические определения для объяснения мира явлений.

Уже из этих общих замечаний видно, что Маркс различает две формы атомистики, которые противоположны по своему смыслу и тенденциям.

Одна из них является «энергическим принципом» исследования природы, другая — гипотетической основой, которая не определяет реальной исследования чувственного мира. Эпикур — творец первой формы атомистики — привлекает Маркса мятежным духом своей философии. Для Эпикура «ничто не вечно, если оно уничтожает атараксию единичного «самосознания», как на идеалистическом языке говорит Маркс. Эпикур борется со «всеми небесными и земными богами», он восстает как против философских предрассудков, так и против предрассудков толпы, и эти стороны учения великого грека, составляющие существо его системы, находят непосредственный живейший отклик в пламенной душе Маркса (правда, мысли Маркса об Эпикуре щеголяют в гегельянском костюме «человеческого самосознания», но суть дела от этого не меняется). Маркс распутывает все кажущиеся несообразности натурфилософии Эпикура и в то же время не устает подчеркивать беспомощность Демокрита, когда тот пытается соединить начала и концы своей философской деятельности.

Для современного естествознания замечания Маркса о формах атомистики древности приобретают особо важное значение. В самом деле, переработка ценнейшего материала буржуазной физики и химии второй половины XIX и начала XX вв. невозможна без критики их ограниченности.

Гениальный творец классической физики — Ньютон — придерживался, по существу, демокритовских воззрений: его определение массы как меры материи, устанавливаемой пропорционально ее плотности и объему, совершенно непонятно вне принципов атомизма; впрочем, о последних Ньютон прямо говорит в своем знаменитом «31-м оптическом вопросе». Лучший классик механистической физики — Гертц — рассматривает различные формы энергии: потенциальную, электромагнитную, химическую, тепловую — как кинетическую энергию невидимых материальных однородных точек. Атомная теория отцов современной химии, теория электронов в своем первоначальном аспекте, представленная трудами Г. А. Лоренца и Д. Д. Томсона, и даже специальная теория относительности в ее односторонне развитой форме — все они вытекают в конце концов из единого идейного начала — атомистики Демокрита.

Энгельс различает старую и новую атомистику и дает последней следующую гениальную формулировку: «Новая атомистика отличается от всех прежних тем, что она (если не говорить об ослабе) не утверждает, будто материя просто дискретна, а что дискретные части являются различными ступенями (эфирные атомы, химические атомы, массы, небесные те-

¹⁾ Маркс. Диссертация. Собр. соч. Маркса и Энгельса. Т. I, стр. 39—40.

ла), различными узловыми точками, которые обуславливают различные качественные способы существования всеобщей материи вплоть по нисходящей линии до потери тяжести и до отталкивания»¹⁾. Эти положения весьма сходны с положениями юного Маркса об атомах Эпикура.

Рассмотрим теперь подробнее содержание одной и другой форм атомистики.

II

Эпикур признает три рода движения атомов в пустоте. Одно из этих движений — движение падения по прямой линии; другое возникает благодаря отклонению атома от прямой линии; третье же происходит вследствие столкновения множества атомов.

Первое и последнее движения встречаются и у Демокрита и у Эпикура; отклонение атома от прямой линии, которое Маркс называет основным законом эпикурейской физики, отличает системы этих философов друг от друга. Маркс доказывает, что и движение столкновения или отталкивания атомов совершенно по-разному представляется Демокритом и Эпикуром именно потому, что первый ничего не знает об отклонении атома от своего первоначального пути.

Гегель не понял знаменитого отклонения атома от прямой линии, называя его «произволом» и «скукой». В этом отношении Гегель шел по стопам Цицерона, который, по выражению Маркса, особенно неистощим в остротах, когда разбирает эпикуровское отклонение. Так, между прочим, Цицерон говорит: «Эпикур утверждает, что атомы в силу своей тяжести стремятся вниз по прямой линии; это, по его мнению, — естественное движение тел. Но оказалось, что если бы все атомы двигались сверху вниз, то никогда ни один атом не столкнулся бы с другим. Поэтому Эпикур прибег к спасительной лжи: он заявил, что атом чуть-чуть отклоняется, что, однако, совершенно невозможно. Отсюда возникают сочетания, соединения, сцепления атомов между собой, а из этого — мир и все части его и все, что в нем есть. Не говоря уже о том, что дело по-детски задумано, оно даже не достигает того, чего хочет».

«Хорошо Цицерону, — пишет в данном случае Маркс, — смеяться над этим, — философия есть нечто, столь же чуждое ему, как и президент Североамериканских соединенных штатов»²⁾. Однако Маркс здесь ничего не говорит о Гегеле. И только уже Ленин по поводу приведенного высказывания Гегеля об «отклонении атома» бросает саркастическое и едкое: «а электроны»³⁾.

Маркс полагает, что «*declinatio atomorum a via recta*» («отклонение атомов от прямого направления») — один из наиболее глубоких выводов и вытекает из самой сути эпикурейской философии⁴⁾. Цицерон и многие древние порицают Эпикура за то, что у него отклонение атома происходит без причины, а это, по их мнению, наиболее позорно для физика. Маркс же, защищая иную точку зрения, возражает им. Спрашивать о причине отклонения атома, пишет он, «все равно, что спрашивать о причине, превращающей

¹⁾ Энгельс «Диалектика природы». Т. II, стр. 205. Нами уточнен русский перевод. В русском тексте Д. П. пропущено слово «которые», а немецкое «*Daseinweisen*» вместо «способы существования» переведено «формы бытия».

²⁾ Маркс «Подготовительные работы по истории эпикурейской, стоической и скептической философии». Соч. Т. I, стр. 484.

³⁾ Лен. сб. XII, стр. 255.

⁴⁾ Маркс «Подготовительные работы по истории эпикурейской, стоической и скептической философии». Соч. Т. I, стр. 484.

атом в принцип, — вопрос, очевидно, лишенный смысла для того, для кого атом есть причина всего и, следовательно, сам не имеет причины»¹⁾).

Для Маркса «*declinatio a via recta*» — закон, пульс, истинное качество, душа эпикурейского атома. В нем осуществляется, как, по-гегелевски, говорит Маркс, момент чистой формы атома, тогда как движение падения выражает момент его материальности. Это означает: движение и изменение — необходимо (внутренне) присущий атому атрибут, его способ существования, а не нечто навязанное атому извне. Эпикур, стараясь представить отклонение по возможности нечувственно, прекрасно понимает противоречие обоих моментов, лежащих в понятии атома. Это с любовью подчеркивает Маркс, когда приводит замечание философа: «*declinatio*» не происходит ни в определенном месте, ни в определенный срок²⁾).

Глубина содержания эпикуровского отклонения более явно выделится при сопоставлении его с движением падения по прямой линии. Рассмотрим последнее, тем более, что не все исследователи придерживаются одинакового мнения по этому вопросу.

У Демокрита принципом атомизма является механическая необходимость. Атомы изначально находятся в движении; это движение — беспорядочное движение во все стороны. Вследствие этого происходит столкновение атома с атомом: образуются вихри, из которых в бесконечном пространстве возникают бесчисленные миры. Вихрь, происходящий от отталкивания и сталкивания атомов, как раз и представляет субстанцию демокритовой необходимости. У Эпикура место демокритовского изначального, навеки данного движения атомов занимает движение падения по прямой линии.

Виндельбанд полагает, что «грубо чувственное представление абсолютного движения падения атомов ведет свое начало не от Демокрита, а представляет из себя новое учение Эпикура»³⁾, т. е., по Виндельбанду, только движение столкновения множества атомов соединяет, так сказать, Демокрита и Эпикура, в понимании же двух остальных движений оба философа исходят из разных позиций.

Маркс, как известно, придерживается иной точки зрения. Его не смущает то обстоятельство, что Эпикур заменяет логические конструкции абдеритских атомистов наглядными, чувственными образами. Маркс интересуется прежде всего принципиальное существо дела, и поэтому его анализ движения падения по прямой линии совершенно иначе освещает вопрос о сходных и различных чертах философии Демокрита и Эпикура, нежели мы это находим у Виндельбанда, да и у других буржуазных философов.

Для Маркса «движение падения есть движение несамостоятельности»⁴⁾. В нем выступает та грань бытия атома, которая характеризует его, как нечто зависимое и относительное, т. е. с той стороны, которая не существует вне отношений к другим атомам. В движении падения, следовательно, исчезает особенность, индивидуальность всякого тела, в том числе и атома, исчезает то, чем атом противопоставляет себя всему миру.

Свои замечания относительно движения падения Маркс вырисовывает в эпикуровски-наглядных образах. «Как точка, — говорит он, — уничтожается в линии, так же точно каждое падающее тело исчезает в той прямой линии, которую оно описывает. Здесь специфическое его свойство не имеет значения. Яблоко при своем падении описывает такую же отвесную линию, как и кусок железа. Всякое тело, поскольку мы его рассматриваем, в движении падения есть таким образом не что иное, как движущаяся точка, и притом точка не самостоятельная, теряющая свою индивидуальность в из-

¹⁾ Маркс. Диссертация. Собр. соч. Маркса и Энгельса. Т. I, стр. 45.

²⁾ Там же, стр. 44 и 485.

³⁾ Виндельбанд «История древней философии», стр. 339. М. 1911.

⁴⁾ Маркс. Диссертация. Собр. соч. Маркса и Энгельса. Т. I, стр. 44.

вестном бытии — описываемой ею прямой линией»¹). Отсюда в конце концов, как доказывает Маркс, получается вывод, что в таком движении «ни атомы, ни монады не существуют, а уничтожаются в прямой линии, ибо, поскольку мы представляем себе атом лишь падающим по прямой линии, о его плотности не может быть речи»²).

Рассмотрим ближе приведенные замечания Маркса.

У Демокрита, по мнению большинства исследователей, присущее атомам движение совершается в разные стороны, т. е. каждому атому суждено двигаться в определенном направлении, но направления движения множества атомов различны. Таким образом, если атом движется в какую-либо сторону, то это движение самостоятельно атомом не может быть изменено: атом, поскольку это зависит от него самого, подчинен фатальной необходимости двигаться так, а не иначе. Если же демокритов атом изменяет направление своего движения, то это изменение происходит в результате его столкновения с другим атомом. Столкновения атомов неизбежны, так как атомы не могут самостоятельно изменить направления своего движения. Направления же эти различны, — следовательно, движущиеся по ним атомы (которых бесчисленное множество) должны встретиться так же необходимо, как необходимо пересечение бесчисленного множества прямых, имеющих разное направление в пространстве. Итак, по Демокриту, всякое событие в жизни атома, а значит и состояние каждого предмета и всего мира предопределены в веках: «все в мире происходит в силу необходимости» (Демокрит), законы рока царят во вселенной.

Эпикур своим движением падения по прямой линии в ярких, чувственных тонах обрисовывает то же содержание фатальной абстрактной необходимости, какое мы встречаем у Демокрита. Нельзя согласиться со взглядами древних, новых и многих новейших авторов (Цицерон, Бэйль, Гегель, Виндельбанд, Кубицкий, Танхилевич)³), которые, поверхностно истолковывая Лукреция, полагают, что Эпикур ввел отклонение атомов якобы для того, чтобы объяснить их столкновения. Маркс резко возражает Цицерону и Бэйлю, которые защищают указанное мнение. «Они (Цицерон и Бэйль—М. О.), — пишет Маркс, — приписывают Эпикуру такие побудительные мотивы, из которых один уничтожает другой: Эпикур допускает якобы отклонения атомов то для объяснения отталкивания, то для объяснения свободы. Но если атомы не встречаются без отклонения, в таком случае отклонение излишне для обоснования свободы, так как противоположность свободы начинается, как мы видим из Лукреция, только с обусловленной и вынужденной встречи атомов. Если же атомы встречаются без отклонения, то оно ненужно для объяснения отталкивания. Я говорю, что это противоречие возникает в том случае, если причины отклонения атома от прямой линии понимаются так поверхностно и бессвязно, как это имеет место у Цицерона и Бэйля»⁴. В «Подготовительных работах по истории эпикурейской, стоической и скептической философии» Маркс также подчеркивает, что если отталкивание и вытекает из отклонения от прямой линии, то «этого не следует понимать поверхностно, в том смысле, что при движении атомов они лишь таким образом могут встречаться». И, далее, Маркс на основании текста Лукреция «О природе вещей» приходит к мысли, что «здесь допускается движение, при котором атомы могут встречаться, иного рода движение, чем то, которое

¹) Маркс. Диссертация. Собр. соч. Маркса и Энгельса. Т. I, стр. 43.

²) Там же.

³) Гегель. Соч. Т. X, стр. 373; Виндельбанд «История древней философии», стр. 339. М. 1911. БСЭ, 4 статья «Атом в философии», стр. 20; О. Танхилевич «Эпикур и эпикуреизм», стр. 73.

⁴) Маркс. Диссертация. Собр. соч. Маркса и Энгельса. Т. I, стр. 42.

вызвано отклонением»¹⁾, т. е., другими словами, все события в мире, которые, по Демокриту, происходят в силу изначального движения атомов в разные стороны, по Эпикуру, являются результатом движения падения по прямой линии.

Мы видим, следовательно, что Маркс считал тождественными изначальное движение атомов Демокрита и движение падения по прямой Эпикура; вот почему у Маркса даже нет разделения «движения несамостоятельности» на два каких-то подвида: движение атомов в разные стороны и движение падения по прямой линии.

Ранее уже было указано, что, по Марксу, движение падения по прямой линии выражает несамостоятельность атома, его зависимость от существования других атомов, т. е. его подчинение исключительно внешней необходимости, внешним причинам. Маркс эту мысль особенно выпукло излагает, характеризуя демокритовскую необходимость, ссылаясь при этом на Диогена Лаэртца, Плутарха, Стобея и Евсевия. «Необходимость, по Демокриту,—замечает Маркс, цитируя Плутарха,—является судьбой и правом, провидением и создательницей мира. Субстанцией же этой необходимости являются сопротивление, движение и удар материи»²⁾. Таким образом, поскольку в движении падения исчезает всякая качественная определенность атома, абстрактная необходимость внутренне связана с демокритовым атомом, что и выражает Маркс гегелевским языком: «...атом, насколько движение его составляет прямую линию... имеет бытие, чисто относительное, и существование, чисто материальное»³⁾. Если не забыть, что, по Гегелю, «материя» есть налично-сущая вещь, устойчивость вещей», то становится понятным, о чем хотел сказать Маркс.

Но, как мы видели, атом обладает определенностью, индивидуальностью, т. е., как указывает Маркс, в понятии атома есть момент чистой формы, отрицания всякой относительности, всякого отношения к другому наличному бытию. Эпикур в своем атоме как раз и реализовал «чистое определение формы атома» и осуществил понятие индивидуальности атома. Каким образом удалось сделать это Эпикуру? Маркс отвечает на данный вопрос: «...Относительное существование, противостоящее атому, наличное бытие, которое он должен отрицать, есть прямая линия. Непосредственное отрицание этого движения есть другое движение, а именно, если его представить в пространственных формах, отклонение от прямой линии»⁴⁾.

Далее, Маркс, подчеркивая, что если атомы мыслятся в абсолютной самостоятельности как небесные тела, то они и движутся как последние, не по прямым, а по косым линиям, делает следующее заключение: «Если, таким образом, Эпикур в движении атома по прямой линии представил его материальность, то в отклонении от прямой линии он реализовал определение формы, и эти противоположные определения изображаются как прямо противоположные движения»⁵⁾.

Отсюда становится понятным, почему Маркс считает справедливым утверждение Лукреция, что отклонение преступает «*fati foedera*» (законы судьбы)⁶⁾: фатальная абстрактная необходимость Демокрита представлена в пространственных образах как движение падения по прямой линии; следовательно, нарушение этой необходимости, взгляд на атом «как на

¹⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. I, стр. 449.

²⁾ Маркс. Диссертация. Собр. соч. Маркса и Энгельса. Т. I, стр. 36.

³⁾ Там же, стр. 43.

⁴⁾ Маркс. Диссертация. Собр. соч. Маркса и Энгельса. Т. I, стр. 44.

⁵⁾ Там же.

⁶⁾ Маркс. Диссертация. Собр. соч. Маркса и Энгельса. Т. I, стр. 44'

нечто, содержащее в своей груди то, что может бороться и сопротивляться» (Маркс), в пространственных образах выражается как отклонение от прямой линии.

Итак, атом, по Эпикуру, в самом себе носит способность производить движение, а не заимствует ее извне, как утверждает Демокрит.

Эпикур, приписывая атомам внутреннюю необходимость, что особо подчеркивает Маркс ¹⁾, нанёс сокрушающий удар неумолимой «εἴσαρμένην физиков». Не случайно античные теологи изображали роковую силу природы (фатальную необходимость εἴσαρμένην в виде божества без глаз, в звездной короне, могущество которого простирается столь же далеко, как и свод небес. Эпикур уничтожил это мрачное божество, и именно поэтому Маркс называет его «величайшим греческим просветителем» ²⁾ и с увлечением цитирует пламенные стихи Лукреция, восхваляющие Эпикура.

Маркс обращает особенное внимание на то, что закон, который выражает отклонение, проходит через всю эпикурейскую философию. Этот закон, как вытекает из всего изложенного выше, есть принцип внутренней необходимости, присущей атомам; он и выявляет себя по-разному, в зависимости от той сферы, к которой применяется. Но в нашей литературе существуют несколько иные трактовки этого вопроса. Вандек и Тимоско, например, видят главное значение эпикуровского отклонения, очевидно, в том, что «постановкой вопроса об отклонении атома Эпикур вводит проблему случайности» ³⁾. Конечно, Эпикур первый в истории философии поставил проблему случайности в связи с необходимостью. Однако не в этом центральная роль эпикуровской «declinatio». Основное существо «lex atomi» состоит, по Марксу, как мы выяснили, в том, что начало внутренней необходимости торжествует свою победу в атомном мире, момент же случайности, безусловно, связан с этим принципом, но совсем не сводится к нему. Вандек и Тимоско приняли следствие, правда, необходимое, но все-таки следствие, вытекающее из основного начала, за существо дела, что и отразилось в их замечании об эпикуровском отклонении.

Если Вандек и Тимоско в общем ставят правильно проблему случайности и необходимости у Эпикура и только не доводят решение ее до конца, что, возможно, объясняется характером их работы ⁴⁾, то О. Танхилевич совершенно дезориентирует читателя в вопросах, разобранных нами выше. По мнению О. Танхилевича, индетерминистический принцип заключается в признании случайности в природе ⁵⁾, полагая, с другой стороны, что «необусловленное условие отклонения атомов от прямолинейного пути» и есть случайность Эпикура ⁶⁾. Танхилевич пишет следующее: «Нельзя согласиться с мнением диссертации Маркса, что эпикуровская физика превосходит демокритовскую в том отношении, будто она не только полагает атом как противоречивый в себе, но и разрешает эти противоречия. Действительно, эпикуровский атом противоречив, но Эпикур не мог разрешить его противоречий так же, как он не был в состоянии справиться со всеми другими противоречиями своей системы. Противоречия эпикуровского атома — не что иное, как частный случай дуалистической точки зрения,

¹⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. I, стр. 445.

²⁾ Маркс. Диссертация. Собр. соч. Маркса и Энгельса. Т. I, стр. 66.

³⁾ Вандек и Тимоско. Предисловие к поэме Лукреция Кара «О природе вещей», стр. 22.

⁴⁾ Статья В. Вандека и В. Тимоско является предисловием к поэме-трактату Лукреция Кара «О природе вещей», и ее авторы едва ли могли поставить своей задачей подробное рассмотрение всей философской системы Эпикура.

⁵⁾ О. Танхилевич «Эпикур и эпикуреизм», стр. 6. Изд. «Новая Москва». 1926.

⁶⁾ Там же.

проникающей всю систему «Эпикура»¹⁾. Нам думается, что здесь комментарии излишни.

III

У Демокрита «движение отталкивания» имеет совсем другое содержание нежели у Эпикура. У философа из Абдеры «отталкивание» — вынужденное движение, дело слепой необходимости, как выражается Маркс. Эпикур по этому вопросу как и по многим другим занимает противоположную позицию. В «отталкивании» Эпикура, по мнению Маркса, «осуществлено понятие атома, поскольку он есть абстрактная форма, но не менее того, и противоположность последней, поскольку он есть абстрактная материя»²⁾; или иначе: «В отталкивании атомов, следовательно, их материальность... выраженная в падении по прямой линии, и определение их по форме, выраженное в отклонении, синтетически соединены»³⁾. Следовательно, согласно Марксу, Эпикур в «движении отталкивания» синтезировал внешнюю и внутреннюю необходимость, движение, вынужденное и присутствующее данному телу.

Движение «падения по прямой» у Демокрита внутренне не связано с «движением отталкивания»; у Эпикура же, по мнению Маркса, отталкивание многих атомов является необходимым осуществлением «lex atomi», или отклонения. Маркс пишет: «Рассмотрим теперь вывод, непосредственно вытекающий из отклонения атома. Суть его та, что атом отрицает всякое движение и всякое отношение, в котором он, как особое бытие, определяется другим. Это представлено таким образом, что атом абстрагируется от противостоящего ему бытия и уклоняется от него. Но смысл всего этого — отрицание атомом всяких отношений к другому — должно быть осуществлено, утверждено положительно. Это возможно лишь тогда, если бытие, к которому он относится, есть не что иное, как он сам, следовательно, тоже атом, а так как он сам определен непосредственно, то и многие атомы. Таким образом, отталкивание многих атомов является необходимым осуществлением «lex atomi», как Лукреций называет отклонение. Но так как здесь всякое определение полагается как особое бытие, то отталкивание прибавляется, как третье движение к прежним. Лукреций справедливо замечает, что если бы атомы не отклонялись обыкновенно, то не было бы ни столкновений, ни встреч атомов, и мир никогда не был бы создан. Ибо атомы суть единственный объект для самих себя, они могут иметь отношение только к самим себе, следовательно, выражаясь в понятиях пространства, встречаются, только отрицая всякое относительное существование, в котором они имели бы отношение к другому; а это относительное существование есть, как мы видели, их первоначальное движение, движение падения по прямой линии»⁴⁾.

Для действительного понимания атомистики Демокрита и Эпикура анализ «движения отталкивания» и связанных с ним понятий приобретает большое значение.

Одним из таких понятий в учении Демокрита являются «вихри атомов», из которых происходит вся вселенная. Вихрь образуется из отталкивания

¹⁾ О. Танхилевич «Эпикур и эпикуреизм», стр. 37. Танхилевич называет Эпикура дуалистом потому, что он якобы признал одновременно два принципа: детерминистический и индетерминистический.

²⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. I, стр. 47.

³⁾ Там же.

⁴⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. I, стр. 46—47.

и сталкивания «неделимых». Маркс считает правильным сообщение Диогена Лаэртца, что вихри атомов и есть необходимость Демокрита (т. е. слепая и внешняя). Маркс пишет по поводу этого: Демокрит «берет, следовательно, в отталкивании только материальную сторону, дробление, изменение, а не идеальную, по которой в нем отрицается всякое отношение к другому и движение полагается как самоопределение»¹⁾. Дальше, в критике этого взгляда Демокрита Маркс присоединяется к Аристотелю, который полагал, что, кроме внешней причины движения (вернее, принужденного движения тела), существует ее естественная, имманентная самой вещи причина движения (вернее, каждое тело имеет еще и естественное движение)²⁾. Значит, по Марксу, «вихри атомов» Демокрита — олицетворение абстрактной механической необходимости.

Вихри Демокрита со стороны своих принципиальных предпосылок ожили в новой философии как вихри Декарта. Классическая физика в пору своего рождения устами Ньютона запретила пользоваться картезианскими вихрями, и только со второй половины XIX столетия вихревые теории начинают прочно укрепляться в физической науке. Энгельс писал по этому поводу: «Теории Максвелла, Ганкеля и Реньяра, примыкая к новейшим исследованиям о вихревом движении, видят, в нем (движении) эфирных частиц. — М. О.) — каждый по-своему — тоже вихревое движение. И таким образом вихри старого Декарта находят почетное место в новых областях знания»³⁾.

«Но в лежащей в основе всех их концепций, — пишет дальше Энгельс, — заметен решительный прогресс»⁴⁾ по сравнению с прежними теориями электричества⁵⁾. Но отсюда совсем не следует, что, по Энгельсу, односторонне понята вихревая теория представляет диалектическую теорию материи в физике. И в самом деле, магистраль развития физической науки пошла совсем иначе, нежели предполагали представители механистической физики: теория относительности, квантовая теория, волновая теория вещества не оставляют места в науке старым механистическим вихрям, хотя многими физиками и делаются попытки мыслить новые факты в прежних вихревых образах (Мак-Куллох, Д.-Д. Томсон, Вихерт и др.). Впрочем, Цейтлин высказывает противоположную точку зрения. Он доказывает, что «диалектические противоречия материи хорошо объясняются картезианской теорией, следовательно, эта теория и является теорией диалектического материализма»⁶⁾. Спрашивается, верно ли это?

Разделяющие позиции Цейтлина попытаются возражать нам: нельзя-де отождествлять теоретические предпосылки вихрей Демокрита и вихрей Декарта — Максвелла, ведь у Демокрита атомы образуют вихрь в пустом пространстве, тогда как у Декарта пространство совпадает с материей, части которой, двигаясь в самой материи, следовательно, только циклически, образуют чувственно-конкретную материю («*materia subtilis, materia globulosa, materia striata*», как характеризует ее Декарт). Рассмотрим все-таки дело ближе.

У Демокрита движущиеся в пустоте цепи атомов налетают друг на друга, вызывая вращательное движение, или вихрь, который охватывает сначала столкнувшиеся ряды, потом распространяется все дальше и дальше. У Декарта вихрь образуется несколько иначе.

¹⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. I, стр. 47.

²⁾ Там же.

³⁾ Энгельс «Диалектика природы». Архив М. Э. Т. II, стр. 297.

⁴⁾ Там же, стр. 299.

⁵⁾ Там же.

⁶⁾ «Теория относительности и диалектический материализм». Сборник, стр. 3 1926. Цейтлин, стр. 227.

Различие отдельных частей материи состоит в том, что они не одинаково двигаются (т. е. различное движение присуще частицам от природы, оно и образует их особенность); так как все пространство одинаково заполнено материей, то движения в мире происходят по замкнутым кривым (начало вихря), и другого движения быть не может ¹⁾.

Если частицы материи обладают изначально (Декарт пишет: «...с самого начала их сотворения») различными движениями и если кроме того все они со всех сторон соприкасаются друг с другом, не оставляя нигде пустоты, то из этого необходимо вытекает, рассуждает Декарт, что с момента начала движения частицы, встречаясь одна с другой, начали изменять и дифференцировать эти движения. Как результат получаем первый закон природы: каждая частица материи в отдельности всегда продолжает оставаться в одном и том же состоянии до тех пор, пока встреча с другими частями не вызовет изменения этого состояния. Третий закон природы расшифровывает первый: каждая из частиц тела в отдельности стремится продолжать свое движение по прямой линии, и, таким образом, их действие (*actio*, т. е. склонность к движению, которой они обладают) отлично от их движения.

Следовательно, для Декарта имманентное качество частицы материи — сохранение ее движения по прямой. Только соседство других частичек заставляет ее расплескать свое движение по всей материи и превратить прямолинейное движение в круговое, которое и есть основа вихря ²⁾.

Это положение, как легко доказать, требует допущения «божественного толчка», что, между прочим, по сути дела противоречит второму закону Декарта — о сохранении количества движения.

Таким образом, и у Демокрита и у Декарта движение как таковое — «движение принуждения», внешнее, механическое в самом строгом смысле слова. Не даром Маркс в «Святом семействе», характеризуя французский материализм, различает картезианскую физику, построенную на механическом материализме, и бэконовский материализм, который понимает движение не механически, а больше, как напряжение, как мучение (Беме) материи ³⁾.

Как известно, и Ньютон был поклонником идеи «первоначального толчка». На первый взгляд кажется, что физики XIX столетия через Мейера—Гельмгольца—Джоуля покончили с ньютоновским первоначальным толчком, однако Клаузиус своей формулировкой второго закона термодинамики опять вернул физиков «к божественному часовых дел мастеру». Только в наши дни, когда открыты радиоактивность, интраатомная энергия, превращение элементов,—физикой, повидимому, будет решена задача реконструкции второго закона термодинамики в согласии с гениальными указаниями Энгельса по этому вопросу в «Диалектике природы», так как знаменитая *H*-теорема Больцмана не спасает, по существу, мир от «тепловой» смерти.

В результате нашего небольшого экскурса в область взглядов Демокрита, Декарта и Ньютона получаем следующие выводы:

1. У Демокрита, Ньютона и Декарта, по сути дела, внутренне присутствующим атрибутом материи является не движение как изменение вообще, а определенное движение (которое сводится к механическому движению), ибо верховным принципом физики объявляется сохранение уже имею-

¹⁾ С физикой Декарта лучше всего познакомиться по его «Трактату о свете», в котором Декарт свободно, не боясь теологов («Трактат» при жизни философа не был опубликован), дает гениальную картину происхождения вселенной и касается важнейших физических вопросов («Трактат о свете», перев. на русский язык, см. Декарт «Космогония». Изд. Азгнии. 1930. Баку).

²⁾ Декарт «Трактат о свете».

³⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. III, стр. 154 и сл.

щегося движения (нарушение же этого «сохранения» происходит под влиянием внешних причин). Если не забывать, что механический материализм сводится к признанию мира, состоящего из бесчисленного множества независимых друг от друга частичек (атомов), то кинетизм Декарта и динамизм Ньютона представляются двумя вариантами одного и того же направления. Последнее надо учесть при анализе идейных группировок физики XX столетия.

2. Философская основа вихревых теорий материи: признание однородной, абсолютно несжимаемой, инертной субстанции (идеальные жидкости классической гидродинамики, эфир как непрерывная среда) — не дает никакого права зачислить «вихри» в число «диалектических» теорий.

По мнению же Цейтлина учение о вихрях Декарта—Максвелла, обоим Томсонов дает, оказывается, синтез прерывности и непрерывности. Как происходит этот синтез? Послушаем самого Цейтлина: «...Вихри в непрерывной среде одновременно прерывны и непрерывны: прерывны как центры интенсивного движения, непрерывны как образования в непрерывной среде»¹⁾. И эти псевдогегелевские, тавтологические упражнения выдаются за марксистскую аргументацию!

В заключение наших замечаний относительно «вихревых» взглядов Демокрита и Декарта укажем еще на одну, выражаясь мягко, передержку Цейтлиным текста Маркса, в котором последний критикует «отталкивание» и «вихри» Демокрита (соответствующие рассуждения Маркса нами приведены выше). «...Насколько близко стоял Маркс в вихревой теории Декарта, — пишет З. Цейтлин, — видно из слов (принадлежащих якобы Марксу. — М. О.): «Мы уже видели, что субстанцией необходимости он (Демокрит) считает вихревое движение $\delta\dot{\nu}\eta$, которое возникает из взаимного отталкивания и столкновения атомов. В противоположность этому Эпикур считает вихревое движение «осуществлением в действительности понятия атома»²⁾.

Подчеркнутой нами фразы в тексте диссертации Маркса нет. Здесь, в лучшем случае, можно полагать, что корректор забыл поставить в соответствующем месте кавычки, но тогда Цейтлин ничего не понял в замечаниях Маркса об атомах Демокрита и Эпикура.

Пойдем дальше. Маркс с особой внимательностью останавливается на проблеме качества атома. Он полагает, что по линии разрешения и этой проблемы Эпикур выше Демокрита, так как у первого положение: атомы обладают качествами — вытекает из принципа его философии, тогда как второй, так сказать, привешивает различные свойства атому для объяснения мира явлений.

«Иметь свойства — противоречит понятию об атоме, — так начинает Маркс главу о «Качествах атома» и продолжает, — ибо, как говорит Эпикур, каждое качество изменчиво, атомы же не изменяются. Тем не менее логически необходимо наделить их таковыми. Ибо многочисленные атомы отталкивания, отделенные друг от друга чувственным пространством, необходимо должны непосредственно отличаться друг от друга и от своей чистой сущности, т. е. обладать качествами»³⁾. И Маркс показывает затем, как у Эпикура принцип выливается в интересующее нас здесь положение.

¹⁾ См. статью Цейтлина «О природе света», стр. 151, «ПЗМ» № 6 за 1926 г.

²⁾ З. Цейтлин «Наука и гипотеза», стр. 168. Гиз. 1926.

³⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. I, стр. 48.

«Противоречие между существованием и сущностью, между материей и формой, лежащее в понятии атома, переносится в отдельный атом, как только его наделяют качествами»¹⁾. «Это именно противоречие и интересует, главным образом, Эпикура. Поэтому, полагая какое-нибудь свойство и выводя, таким образом, следствие из материальной природы атома, он противопоставляет атому в то же самое время определения, уничтожающие это свойство в его собственной сфере и восстанавливающие понятие атома. Поэтому он определяет все качества так, что они сами себе противоречат»²⁾.

Эти мысли Маркса, по сути дела, были разработаны и развиты Энгельсом и Лениным уже на материале конкретного естествознания. Мы уже упоминали, что великий друг Маркса оставил замечательнейшую формулировку существа новой атомистики. Отсылая к ней читателя, здесь скажем, что Энгельс, видимо, не раз возвращался к содержанию атомистической теории, со всех сторон изучая интересующую его проблему. Так например по поводу книжки одного известного немецкого химика XIX столетия Энгельс писал Марксу: «Гофмана прочитал. Новейшая химическая теория при всех своих недостатках представляет большой прогресс по сравнению с прежней атомистической. Молекула как наименьшая часть материи, способная к самостоятельному существованию, — вполне рациональная категория, это говоря словами Гегеля, «узел» в бесконечном ряду делений, узел, который не замыкает этого ряда, но кладет качественное отличие. Атом, который прежде изображался как предел делимости, является теперь только отношением, хотя мосье Гофман на каждом шагу возвращается к старому представлению, будто существуют действительно неделимые атомы»³⁾. И Маркс отвечает своему другу и соратнику: «Относительно Гофмана ты вполне прав»⁴⁾. То же самое по существу, только в несколько ином плане говорит и В. И. Ленин, вскрывая истинный смысл «знаменитого» выражения физиков-идеалистов: «материя исчезла». «Естествознание ведет, следовательно, — пишет Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме», — к «единству материи»... — вот действительное содержание той фразы об исчезновении материи, о замене материи электричеством и т. д., которая сбивает с толку столь многих. «Материя исчезает» — это значит исчезает тот предел, до которого мы знали материю до сих пор, наше знание идет глубже; исчезают такие свойства материи, которые казались раньше абсолютными, неизменными, первоначальными (непроницаемость, инерция, масса и т. п.) и которые теперь обнаруживаются, как относительные, присущие только некоторым состояниям материи»⁵⁾.

Возвратимся к рассуждениям Маркса. Эпикур наделяет качествами не все атомы, а только те, которые имеют значение материального субстрата, элемента, основания «*σταχτων*», отличая от них атомы-начала, атомы, имеющие значение принципа «*ἄρχῆς*». Для Демокрита атом имеет лишь одно значение материального субстрата. Маркс, полемизируя с представителями других точек зрения, доказывает, что «*ἄτομοι ἀρχαί*» и «*ἄτομα σταχτες*» не два различных постоянных вида атомов, а скорее различные определения одного и того же вида. Атом как таковой, атом — принцип, существует только в пустоте, он свободен не в бытии, а свободен от бытия, как выражается Маркс, и потому он не переступает в область явлений, там, где атом переходит в действительность, переступает в область явлений; он становится элементом.

¹⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. I, стр. 55.

²⁾ Там же, стр. 49.

³⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. XXIII, стр. 415.

⁴⁾ Там же, стр. 417. Письмо Маркса к Энгельсу от 22 июня 1867 г.

⁵⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XIII, стр. 213.

В атоме-элементе, таким образом, конкретно воплощается то противоречие между существованием и сущностью, между материей и формой, между внешней и внутренней необходимостью, которое лежит в понятии атома (в атоме-принципе)¹⁾.

Для современной физики эти соображения Маркса приобретают особый интерес в плане проблемы существования абсолютной пустоты. Мы видели, что, по Марксу, атомы, «свободные от бытия», существуют в пустоте, т. е. — делая вывод — пустота так же «не может светить в свете бытия», как атомы, лишённые качества²⁾.

Впрочем, в другом месте диссертации Маркс даёт не просто отрицательную, а уже положительную формулировку указанной мысли: «...многочисленные атомы отталкивания (т. е. физические, реальные атомы.— М. О.), отделённые друг от друга чувственным пространством... и т. д.; другими словами, только реальные, наделённые качествами элементы существуют в «чувственном», т. е. обладающем физическими свойствами, пространстве. Легко видеть, что здесь Маркс «гениально угадывает» содержание новейшей физики, в частности теории относительности.

Диалектическое естествознание отрицает существование абсолютной пустоты. С. Ю. Семковский, однако, называет приведенный взгляд «физическим енчменизмом». Согласно Семковскому, спор о существовании пустоты — внутренний спор материалистической физики, «ибо даже... признание только материи и пустого пространства есть материализм»³⁾. Семковский, очевидно, смешивает метафизический материализм с материализмом диалектическим.

Как же следует по существу решить проблему атома и пустоты, и какое значение она имеет для действительного познания явлений?

В чём же заключается истина принципа атома и пустоты, и как применяется принцип для действительного познания явлений?

На этот вопрос ответил Маркс в III главе своей диссертации, существенную часть которой мы изложили выше; ограничимся раз'яснениями и закончим на этом нашу работу.

По Марксу, для Эпикура не существовало «неделимых» и пустоты как физических реальностей. Впрочем, Эпикур говорит о движении атомов в пустом пространстве, об «ἴσσοι ἀρχαί» и пр., но это объясняется одной особенностью Эпикура, которую подробно выясняет Маркс. А именно: Эпикур каждый момент развития тотчас же превращает в устойчивую, как бы отделённую от всякой связи с другим действительность, и потому у него всякое определение принимает форму изолированной единичности (отдельности). Поэтому не случайно Лукреций писал: «И незаметны зачатки первичных даже при свете», т. е. поэт по-своему высказал, что если существуют начала явлений, то они существуют только в уме.

В принципе эпикурейского атома, как говорит молодой Маркс, лежит противоречие между существованием и сущностью, между материей и формой. Этот принцип воплощается в вечной смене мира явлений, в постоянном его уничтожении и возникновении, причем мир явлений происходит «только из совершенно ставшего чуждым своему понятию атома», т. е. из атома-элемента. Принцип пустоты в «смерти природы, ставшей ее бессмертной субстанцией» (Маркс), также имеет определенное значение. Маркс называет пустое пространство «уничтоженной природой»⁴⁾, а так как природа

¹⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. I. Гл. III.

²⁾ Там же, стр. 56.

³⁾ С. Семковский «Диалектический материализм и принцип относительности», стр. 152. Гиз. 1926.

⁴⁾ Маркс. Диссертация. Собр. соч. Маркса и Энгельса. Т. I, стр. 56.

постоянно уничтожается, возрождаясь одновременно в новой форме, то понятно, что эпикуровский принцип пустоты — по существу завуалированное признание Эпикуром следующей важной мысли: нельзя абсолютировать, считать постоянной природную, пространственную, материальную среду, в которой пребывают и когоруую так или иначе определяют отдельный атом-элемент и соединения атомов, т. е. «принцип пустоты» выражает по существу то же, что и «принцип атома», только, так сказать, с другой стороны.

Ограниченные темой, мы не можем вдаваться в подробности содержания «принципа пустоты». Необходимо лишь подчеркнуть, что этот принцип Эпикура, освобожденный от его исторической ограниченности, переработанный и развитый, является естественным продолжением той новой атомистики, о которой говорил Энгельс. Согласно этой атомистике, принцип пустоты, по сути дела, указывает, что не существует абсолютно постоянной, всегда равной себе среды—пространства. Материя и прерывна и непрерывна. Этим утверждается не простое разделение материи на две части, из которых одна прерывна, а другая непрерывна, а нечто, совершенно иное по содержанию.

Дискретные части материи, элементы в широком смысле слова, суть различные ступени (электроны, позитроны, протоны и нейтроны, химические атомы, молекулы, массы, небесные тела), различные узловые точки в бесконечном ряду делений, узловые точки, которые обуславливают различные качественные способы существования (движения) всеобщей материи. Наличие элементов, взаимодействующих между собой, является необходимым условием существования «среды-пространства» этих элементов в ее своеобразии. Последняя влияет так или иначе на отдельные элементы и на их сочетания. Своеобразие «среды-пространства», в конце концов, определяется особенностями большинства элементов, которые в ней находятся, и, следовательно, различные «среды-пространства» суть узловые точки в бесконечности единой «среды-пространства»¹⁾.

Мы не рассмотрели всех проблем, на которых останавливался Маркс в своей диссертации. Из рамок нашего исследования выпали главы «Время» и «Метеоры», где Марксом разобраны интереснейшие вопросы, весьма ценные по замыслу. Маркс, например, считает правильным взгляд Эпикура, для которого время физически существует не само по себе (как у Демокрита), «а в связи с движением тел и с их сладким покоем» (Лукреций), и называет время «абсолютной формой явлений».

¹⁾ Термин «среда-пространство» в данном случае не совсем хорош, так как с понятием «среда» связывается свойство «пассивности», тогда как у нас «среда» активна. Может быть, здесь более подойдет термин «поле»; ведь ставит современная физика вопрос о диалектических противоречиях «поля» и заключающихся в нем тел, масс и т. д. Впрочем, и термин «поле» здесь не выразит всего существа дела.

Физика *)

Акад. С. Вавилов

Физика в современном состоянии есть одна из ведущих наук о природе, исследующая простейшие свойства, общие для всех или многих явлений. Некоторыми учеными физика рассматривается как главнейшая наука, стремящаяся к принципиальному объяснению на ее основе всех более сложных и частных свойств природы.

В точном значении слово физика (по-гречески) значит просто наука о природе, или естествознание. В таком виде этот термин применялся в античной греческой литературе для обозначения энциклопедии естествознания и считался общепринятым приблизительно до середины XVII в. Даже в XIX в. можно встретить такое же употребление слова физика. Однако еще в античной науке (Аристотель) тот же термин начинает применяться иначе, в более специальном и узком смысле суммарного обозначения таких дисциплин, как механика и оптика, т. е. областей естествознания, касающихся всех или очень многих явлений природы и вместе с тем конкретно не связанных ни с одним определенным объектом. Со времени великого расцвета точных наук (XVI—XVII вв.) такое употребление термина физика становится все более частым, и во второй половине XIX в. античный смысл слова окончательно утрачивается. В английской научной литературе с XVII в. (Ньютон) наряду с греческим термином как эквивалент начинает применяться термин *Natural Philosophy* (естественная философия), правильно передающий стремление к принципиальному объяснению других явлений природы. В немецком и голландском языках слово физика иногда переводится буквально (*Naturkunde*, *Natuurkunde*). В русском языке термин физика практически впервые введен Ломоносовым и не заменялся другими словообразованиями.

Необходимость специального обозначения вызывалась, конечно, фактическим наличием особой ветви естествознания, границы которой, однако, никогда не были резкими и непрерывно менялись по мере развития науки. Многочисленные попытки, начиная с XVII в. до нашего времени, дать вполне конкретное определение физики всегда оказывались в противоречии с ее действительным содержанием или ее явными тенденциями. В распространенном в XVIII в. учебнике физики Мушенброка дано следующее определение: «Физика есть наука, исследующая все тела небесные и земные, существующие в мировом пространстве, в отношении свойств их, действий, испытываемых ими влияний, числа, порядка, расположения, сил и всего того, что

*) Настоящая статья является проектом статьи для Большой советской энциклопедии и печатается в порядке обсуждения. Все критические замечания, пожелания и т. д., касающиеся этой статьи, просьба направлять по адресу редакции журнала: Москва, Волхонка 14, Комакадемия, комн. 328. — *Ред.*

в них можно найти и доказать наблюдением, опытом и правильным рассуждением». Такое определение не указывает ничего специфического, отличающего физику от естествознания в целом, не оттеняет характерного стремления ее к объяснению явлений природы и, будучи очень широким, в то же время не охватывает всех объектов физики. Современная физика исследует не только тела, но в некоторых отношениях и самое пространство и время. В «Новом физическом словаре» Либа (1806) физика определяется как наука о свойствах тел в отличие от химии, изучающей их строение из элементарных частиц, и от естественной истории, описывающей конкретные формы тел. Если обратиться к современному содержанию физики, то все приведенные признаки окажутся неверными. Одна из основных задач новой физики — строение вещества и определение конкретных форм атомов, молекул, кристаллов и даже звезд. Много раз делались попытки определить физику как науку о неорганизованной материи (ср. сводку у П. Эрэнфеста «Возможно ли определить понятие физики?» «Вопросы физики». 1911). По О. Д. Хвольсону («Курс физики». Т. I. 1933), «физика в широчайшем смысле есть наука о неорганизованной материи и о происходящих в ней явлениях. Эти явления называются явлениями физическими. Все другие науки о материи имеют дело с материей организованной (биологические науки). Физические явления могут повторяться и в организованной материи, однако попытки свести все явления, обнаруживающиеся в организованной материи, к явлениям физическим до сих пор не удалось». Это противопоставление физики биологии произвольно: физика не исключает из пределов своего ведения живого вещества точно так же, как не отказывается исследовать формы организованной материи различной степени сложности: газы, жидкости, кристаллы, сложные молекулы и т. д. Являясь как и прочие науки, незаконченной и едва ли завершимой когда-либо до предела, физика, конечно, не в состоянии еще объяснить очень многое не только в живом веществе, но и в значительно более простых формах материи. Нет, однако, никакого запрета или принципиально непреодолимого препятствия к попыткам физики объяснить физические свойства и структуру живого вещества, и такие попытки (правда, очень сомнительные) фактически имели место за последнее время. (Н. Бор и его школа). Утверждение, что особенности живого вещества должны быть сведены к физическим основам, не значит, что эти основы ограничиваются современным содержанием физики; может случиться, что будущая физика включит как первичное, простейшее явление «способность, сходную с ощущением», и на ее основе будет объяснять многое другое. Сведение того или иного явления к физической основе не эквивалентно полному исчерпанию явления существующими физическими принципами, наоборот, самое содержание физики в результате такого сведения может измениться или дополниться новыми фактами и законами.

Все попытки определить физику по конкретному объекту природы, несомненно, ошибочны, поскольку она вполне универсальна и по цели своей должна быть применима к любой отрасли естествознания. Каждый предмет и каждое явление природы могут быть подвергнуты физическому исследованию. У живого, растущего дерева физик может изучить распределение плотности, зависимость направления ветвей от направления силы тяжести, роль капиллярных явлений при подеме растительных соков, значение осмотического давления в жизни клеток, спектр и физические функции хлорофила и т. д. Звезда характеризуется астрономом при помощи физических величин и понятий массы, скорости, спектра и т. д.

Будучи применимой всюду, физика, однако, не связана органически ни с одним конкретным объектом или областью объектов; функции такого рода возлагаются на более специальные дисциплины, например на астрофизику, геофизику, биофизику и т. д. Свое содержание она черпает из са-

мых разнообразных областей знания: закон тяготения выведен из астрономических наблюдений, поляризация света впервые установлена по свойствам кристаллов, осмотическое давление открыто биологами и т. д., но эти сведения и законы обобщаются в физике, абстрагируются и получают всеобщее значение.

Абстрактность и всеобщность положений и законов физики соединяются с указанным выше стремлением к принципиальному объяснению на этой основе других конкретных фактов естествознания. Без этой тенденции нельзя понять отношения физики к другим наукам и ее места в системе наук. Исторически многие естественные науки развивались почти независимо от физики, строя свои внутренние системы на основе специфических, не физических понятий, например валентности в химии, живой клетки в биологии и т. д.; и стремление физики было и остается очень далеким от реализации. Более того, сложность природы и неисчерпаемость ее разнообразия позволяют утверждать, что эта цель физики никогда не может быть достигнута, хотя она на пути к ней каждый день регистрирует новые положительные результаты. Вместе с тем именно эта тенденция физики наряду с ее универсальностью и абстрактностью определяет положение физики в системе наук.

Ее роль совершенно своеобразна и аналогична положению главного штаба естествознания, собирающего сведения отовсюду и во все стороны посылающего свои директивы. Встречая новые факты в любой отрасли естествознания, физика стремится их объяснить на основании известных законов или, наоборот, дополняет или исправляет свою систему, включая в нее новое. Физика занимает центральное положение в системе естественных наук о неорганической природе, распространяя свое влияние на все прочие естественно-научные дисциплины. Так, за последние годы физика очень быстро проникает, например в области химии и астрономии, оставшиеся ранее во многом автономными. Границы между физикой и химией, казавшиеся в недавнем прошлом резко ограниченными по объекту, год от году оказываются все более иллюзорными.

Физика и математика. Универсальность положений и законов физики предполагает всеобщую применимость ее основных качественных категорий: длины, времени, массы, заряда и т. д. Успешное применение физики свидетельствует о том, что при помощи одного и того же образца (например заряда) могут быть сравнены самые разнообразные явления. Сравнение качественно однородных свойств при помощи образца дает возможность счета, т. е. измерения. Таким образом, качественные категории физики превращаются в измеримые величины. Точный счет возможен только в отношении вполне равных считаемых предметов. При несоблюдении этого условия, например при счете яблок, получаются величины, имеющие в лучшем случае совершенно случайные отклонения, только средний статистический смысл. Поэтому, например в биологии, явление нельзя измерять вообще или же возможны только статистические величины. Физика носит название точной науки потому, что ее категории без исключения измеримы, точно или статистически. Сопоставление разных величин, измеряемых на опыте, дает возможность составить эмпирические равенства, справедливые при известных условиях опыта. Например из опытов Галилея с наклонной плоскостью для пространства s , проходимого телом за время t , получилось равенство $s = At^2$, где A — постоянная величина, зависящая от выбора единиц для s и t . Это пример самого примитивного применения математики в физике для целей сжатого изображения количественных опытов. Но естествознание вообще и физика в частности пользуются законами логики, предполагая, что все логические выводы из правильно и точно сформулированного положения окажутся верными. Ди-

ференцируя, например, равенство Галилея, находим $\frac{ds}{dt} = 2 At$, т. е.

скорость падения тела пропорциональна времени. Этот логический вывод из исходного равенства может быть найден непосредственно опытом, но математика делает его, по существу, излишним. Здесь математика играет эвристическую роль как средство нахождения строго логическим путем новых физических законов. Но эвристическое значение математики в физике этим не ограничивается. Мы пользовались до сих пор равенством Галилея в тех пределах, в которых оно проверено на опыте. Естественно, однако, его экстраполировать, предполагая справедливым для больших s и t чем на опыте. Здесь математика подсказывает направление экспериментальных поисков, но сама по себе не утверждает правильности такого направления, для этой цели необходимо сделать новый опыт. Экспериментальный контроль еще в большей степени необходим для следующей стадии математической экстраполяции, применяемой очень часто в современной теоретической физике. Пусть имеется некоторое соотношение $\Phi(x_1, x_2, x_3, \dots) = 0$, где x_1, x_2, x_3, \dots различные физические величины, в пределах точности измерения, выполняющиеся при определенных условиях опыта. Математически, вообще говоря, можно отыскать большое число функций $F(x_1, x_2, x_3, \dots) = 0$, при данных условиях практически совпадающих с Φ . Выбрав по тем или иным соображениям (иногда соображениям простоты, симметрии и пр.) некоторую из таких функций F , физик делает затем из нее ряд логических выводов, подтверждаемых или отвергаемых опытом, и сверяет ее вообще со всем комплексом физических данных. Блестящими примерами такой математической экстраполяции служат уравнения электродинамики Максвелла и современной волновой механики.

Замечательное совпадение математических выводов из эмпирических соотношений с законами физики и успешность метода математической экстраполяции указывают на глубокое соответствие явлений природы и работы мозга. Многие отделы математики, как например неевклидова геометрия, теория тензоров, теория групп, казавшиеся вначале совершенно абстрактными математическими построениями, получили глубокое значение в современной физике при применении метода математической экстраполяции. Связь математики и физики поэтому совершенно необходима и исключительно тесна и плодотворна.

Физика и философия. Профессии физика и философа в древней науке почти всегда сливались в одном лице. Дифференциация была вызвана главным образом усложнением и специализацией физических методов (эксперимент и математика). Попытки отождествить философию и теоретическую физику нередко встречаются и в настоящее время. При этом делается, однако, ошибка отождествления общего и частного. Философия по своей основной задаче есть наука о процессе познания, наука о мышлении, практически применяемая в каждой науке, в том числе и в естествознании и в физике в частности. В этом смысле философия значительно шире физики. Не совпадая с физикой по существу, философия вместе с тем имеет основное значение для физики. По словам Фр. Энгельса: «Как бы ни упирались естествоиспытатели, но ими управляют философы. Вопрос лишь в том, желают ли они, чтобы ими управлял какой-нибудь скверный модный философ, или же они желают руководствоваться разновидностью теоретического мышления, основанной на знакомстве с историей мышления и его завоеваний». Физика как практическое познание природы неосуществима без гносеологических философских предпосылок; самое ее название как науки о природе содержит материалистическую предпосылку существования объективного внешнего мира. Понятия причинности, детерминизма явлений, пространства и времени, на каждом шагу применяемые физикой без особого

анализа, как нечто само собой разумеющееся, в действительности составляют основной предмет философии и глубоко изменялись по мере развития человеческой мысли. Физика всегда на примере истории своего развития, своих конкретных результатов и теоретических схем давала ценный материал для гносеологического анализа, на основе которого философия вырастала и развивалась. В свою очередь выводы философии должны учитываться физикой, ибо иначе возможен застой в ее развитии. История физики имеет примеры торможения научной мысли в результате неправильности философских предпосылок (физика неоплатоников, выраставшая на почве мистического идеализма, замедление развития теоретической физики в связи с неясностью философских позиций в вопросе о детерминизме). Кризис физики, развивающийся с начала XX столетия в связи с открытием новых неожиданных фактов, явился выражением ошибочности или неопределенности философских позиций современных физиков. Необходимость изменения основных понятий пространства, времени, массы, действия и пр. послужила поводом для перехода многих физиков к идеалистической интерпретации явлений (мир — как «комплекс ощущений», «физика чистого описания») или к безнадёжной защите, вопреки фактам, положений механического материализма. Только философия диалектического материализма Маркса, Энгельса и Ленина, учение об объективно и вечно существующей, диалектически движущейся материи, находится в полном соответствии с конкретным содержанием современной физики, правильно отображая противоречивость, вечную динамику и неисчерпаемость природы. Для новой физики философский язык диалектики стал необходимостью. В отличие от механического материализма с его жесткостью и ограниченностью, имевшего, впрочем, на некоторой фазе развития физики несомненное положительное значение, диалектический материализм безгранично гибок, считая единственным условием познания природы признание объективности ее и ее движения в самом широком смысле слова.

Физика и техника. Применения физических фактов и законов для технических целей бесчисленны. Современную технику в ее наиболее эффективной и важной части с полным правом можно назвать практическим воплощением результатов физики (механика, электротехника, теплотехника, светотехника и т. д.). Такое положение кажется удивительным, если принять во внимание, что физика — наиболее отвлеченная из естественных наук. Объяснение состоит в том, что эта абстрактность физики связана с исключительной строгостью, стройностью и простотой ее содержания. Выводы физики необычайно облегчают и рационализируют работу изобретательской мысли, дают возможность расчета и максимально простого осуществления. Исторически физика и техника всегда определяли взаимное развитие. Техника создавала материальную базу развития физики, технические потребности диктовали направление физическому исследованию и обратно — на их основе вырастала новая техника.

Методы физики. Всякий физический вывод исходит из опыта и проверяется опытом, поэтому экспериментальный метод в физике совершенно неизбежен и изолированное существование теоретической физики не мыслимо. Однако опыт, действительно используемый как научный результат, в свою очередь не имеет никакой ценности, если он не связан с некоторыми теоретическими предпосылками и предположениями. Физический опыт часто ставится только для того, чтобы подтвердить или опровергнуть теорию, причем результат может полностью опровергнуть тот или иной вывод, но никогда не может служить абсолютным утверждением справедливости теории. Всегда могут существовать неучтенные обстоятельства опыта, которые заставляют дать ему совсем иное толкование (неосуществимость — *experimentum crucis*). Чисто измерительные опыты, устанавливающие воз-

можно точное значение величин, или эмпирические связи между величинами в свою очередь целесообразны только при их рациональном выборе, основывающемся всегда на явных или скрытых теоретических предпосылках. В истории физики большое значение имели случайные экспериментальные открытия, например влияние тока на магнитную стрелку, радиоактивность, комбинационное рассеяние света и т. д. Такие открытия определяли, однако, развитие физики только при наличии вполне подготовленной теоретической почвы. Известно много фактов принципиальной важности, давно замеченных человеком (например состояние электризации, интерференционные явления и т. д.), но оставшихся без какого-либо влияния на развитие физики. Таким образом, экспериментальный метод эффективен только в тесной связи с работой теоретической мысли.

Физический опыт в конечной стадии всегда приводит к количественным результатам, т. е. связан с измерениями или операцией счета. В отдельных случаях (например метод биений в колебательных процессах, радиоактивные излучения) измерение действительно сводится к простому счету, но результат имеет статистический характер, если нет уверенности в полном равенстве считаемых объектов. Таким образом, для реализации точного измерения необходимо прежде всего установить равенство считаемых объектов. Для этого они должны быть одинаковыми в качественном отношении (например два источника света должны иметь одинаковый цвет). Далее, для установления равенства во всех случаях необходимо прибегнуть к пространственно-временным свойствам мира. Наблюдатель (человек или прибор) может констатировать тождество двух качественно равных объектов только в том случае, если они находятся одновременно в одной и той же точке пространства. При несоблюдении этого условия установление равенства возможно только на основе более или менее произвольных предположений. Если надо, например, выяснить, равны ли по силе света два малых (точечных) источника, то их следовало бы поместить одновременно в одну и ту же точку пространства и убедиться в равенстве действий, например на глаз. Составив набор равных источников света, можно затем при их помощи тем же методом измерить силу света любого источника, качественно не отличающегося от эталонов. Если сделать предположение об однородности пространства по всем направлениям (изотропия пространства) и очень большой (бесконечной) скорости распространения сигналов (например света) от объектов к наблюдателю, то процедуру излагаемого опыта, лежащего в основе всякого измерения, можно видоизменить следующим образом. Сравнимые объекты помещаются в любых направлениях на равных расстояниях от наблюдателя. Если действие от обоих, констатируемое наблюдателем одновременно, равно, то равны и сравниваемые объекты. Для осуществления такого опыта необходимо измерить расстояния от каждой из избранных точек пространства до наблюдателя. Операция измерения длины сводится в своей основе всегда к перекладыванию некоторого, произвольно избранного твердого масштаба вдоль измеряемого отрезка, причем при каждом перекладывании устанавливается совпадение концов масштаба и точек измеряемого отрезка. Иначе говоря, измерение длины также основывается на констатировании одновременного совпадения двух точек в пространстве при предположении неизменности твердого масштаба во время перекладывания.

Таким образом, всякое физическое точное измерение в своей первооснове опирается на измерение длин или, в еще более элементарной форме, сводится к констатированию пространственного и временного совпадения точек. Все практически применяемые физические методы и приборы для измерения любых физических величин позволяют в конечном счете или измерять длины (часы, фотометры, термометры, электрические приборы) или

регистрировать совпадение двух точек, например конца стрелки и деления шкалы (весы, дифференциальные приборы). В практических приборах операция измерения осуществляется не по примитивной изложенной схеме, в их основу положен ряд закономерностей, найденных ранее при помощи других измерений (например закон обратных квадратов в фотометрии), однако операция фактического измерения все же неизбежно возвращается к примитивному акту — констатированию совпадений двух точек в пространстве и во времени.

Теоретические методы можно разделить на три группы, которые мы условно назовем методом модельных гипотез, методом принципов и методом математических гипотез. Метод модельных гипотез основывается на наглядных образах и представлениях, возникающих у каждого человека в результате обыденных наблюдений, опыта и привычек. Этот внеучный опыт нашел свое научное выражение в наиболее совершенной форме в законах классической механики. Самым первым и естественным шагом при построении физической теории является гипотеза, что все явления мира протекают совершенно подобно явлениям привычного нам мира обычных человеческих масштабов, где мы имеем тела, движущиеся в пространстве и действующие друг на друга по законам механики. Это представление служит точной моделью для теории процессов, внутренняя сущность которых скрыта от обычного наблюдения и опыта. Предполагается, например, что всякое тело построено из отдельных частиц (атомов), движущихся и взаимодействующих по законам механики, и на этой почве создается кинетическая теория вещества, весьма успешно объясняющая многие механические и тепловые свойства тел. Свойства упругих тел выбираются как модель для физического пространства между светящимися телами, и на основе этой модели создается волновая теория света, предполагающая существование упругого эфира. На основе метода модельных гипотез выросла классическая теория тепла, света и звука. Громадным преимуществом метода модельных гипотез являются его наглядность и «понятность». Этот метод позволяет делать предварительные качественные заключения о результатах, до выполнения количественных расчетов. Математика в этом методе играет главным образом подсобную, техническую роль аппарата для выполнения количественных расчетов. Вместе с тем он является ограниченным и только приближенным, так как основан на произвольном предположении о совпадении свойств мира человеческого масштабов со свойствами микромира.

Совершенно иначе построен метод принципов, опирающийся на экстраполяцию некоторых опытных данных, обобщаемых и считаемых принципами. При этом обобщение выражается только в распространении найденного опытного факта на более широкую группу явлений. В конкретной формулировке принципа содержится только констатирование опыта в адекватной математической форме. Закон сохранения энергии, экспериментально доказанный для ограниченного круга явления, экстраполируется в качестве неизбежного принципа, выполняющегося с полной точностью для всякой замкнутой физической системы. Точно так же обобщается факт односторонности перехода теплоты от нагретого тела к холодному, являясь основой принципа рассеяния энергии. Такие принципы, математически выраженные и обобщенные, играют в дальнейшем роль аксиом в геометрии, из которых в применении к конкретным физическим задачам делаются логические выводы. Совершенным образцом применения метода принципов служат классическая термодинамика и частная теория относительности, опирающаяся на принцип относительности инерционного движения и принцип постоянства скорости света. Метод принципов в отличие от метода модельных гипотез весьма абстрактен и мало нагляден, но математика играет в нем также главным образом служебную техническую роль.

Наиболее отвлеченен и оторван от прямой связи с опытом метод математической гипотезы, имеющий громадное значение в современной физике. Как уже говорилось в разделе о физике и математике, этот метод основан на широкой экстраполяции математических форм, ограничиваемой только тем, чтобы выводы не противоречили опыту. Поскольку законы классической физики, выведенные при помощи метода модельных гипотез, оказываются справедливыми по меньшей мере приближенно для явлений средних, человеческих, масштабов, постольку должно быть установлено соответствие между экстраполируемыми математическими формами и законами классической физики. Для указанных масштабов экстраполируемые формы должны совпадать с результатами классической физики. Этот эвристический принцип соответствия (Н. Бор) значительно облегчает работу по методу математической гипотезы. Примерами применения метода служит электродинамика Максвелла, общая теория относительности и квантовая механика.

Этапы истории физики. Представления о некоторых свойствах природы, являющихся весьма общими, таких, как движение и вес, формируются в сознании отдельного человека и далее развиваются в истории общества независимо от создания научных систем. В этом смысле физика существовала и существует и во вненаучном сознании, сосредоточивая в себе сведения и наблюдения об общих свойствах окружающих явлений и их закономерностях. Этот запас общих сведений применяется каждым точно так же, как и в научной физике, для истолкования других явлений, более частных, и для технических надобностей. Топоры, стрелы и другие орудия первобытного человека, несомненно, — результат применения вненаучных физических знаний. Свидетельство о разрозненных наблюдениях, которые мы теперь называем физическими у различных народов (сумрийцев, китайцев, ацтеков, египтян и т. д.) идут в глубокую древность. Эти сведения касаются разнообразных областей физики, электричества, магнетизма, оптики, теплоты, молекулярной физики и т. д. Вместе с тем с давних времен относительно высокое развитие получила техника основных физических измерений длин, углов и времен, особенно в Вавилоне. Эти разрозненные знания и технические навыки явились необходимым условием для постепенного возникновения физики как науки и системы. Исторически засвидетельствованная заслуга в этом отношении принадлежит Греции. 6—7 веков (приблизительно от 600 г. до нашей эры и до 100 г. нашей эры) истории физики в Греции оставили научное наследство изумительной ценности как в отношении конкретных результатов, так и в отношении развития методов. В пределах указанного исторического интервала только в очень приближенной форме можно говорить о систематическом развитии. Отсутствие книгопечатания, путей сообщений, замкнутость стран, городов и людей приводили к тому, что научные результаты не вырастали один из другого: они получались независимо, параллельно; за прогрессивными ветвями развития нередко следовали регрессивные. Ограничение общественных потребностей элементарными техническими приспособлениями лишало физику того могучего технического стимула развития, который она получила начиная приблизительно с XVI в. в Европе. Еще от V в. до нашей эры сохранились сведения о систематическом учении о мире (Анаксагор), содержащие космогонию на основе детализированных механических представлений (центробежная сила), идею атомов и тяготения. Атомистическая концепция получает дальнейшее универсальное развитие у Левкиппа (480 год до нашей эры) и Демокрита (420 год до нашей эры). От Аристотеля (384—322 гг. до нашей эры) до нас дошла первая античная энциклопедия физики, содержащая наряду с совершенно ошибочными представлениями и выводами научные результаты высокой ценности (постановка механической проблемы, первый вариант закона инерции, принцип виртуальных скоростей при рассмотрении рычага, частные слу-

чай параллелограмма скоростей, роль среды при распространении света и пр.). С именем Пифагора (550 год до нашей эры) связывается математическая теория колебаний струны, являющаяся первым историческим примером применения математики в физике. Позднее (около 30 лет до нашей эры) в «Оптике» Евклида геометрия с успехом применяется к теории отражения и создается специальная отрасль математической физики, развивающаяся до нашего времени, — геометрическая оптика. Высшей точки развития греческая математическая физика достигает в творениях Архимеда (288—212 гг. до нашей эры) (законы рычага, определение центра тяжести простейших тел, гидростатика). С именем Герона Александрийского (около 130 лет до нашей эры) связаны различные применения физики к техническим вопросам (эолипила, основанная на действии водяного пара, машина с нагретым воздухом, воздушный термометр и пр.); ему же принадлежит первое применение метода математической экстраполяции в виде принципа кратчайшего пробега светового луча, примененного для вывода закона отражения света. На закате греческой культуры стоит Птоломей (около 100 лет до нашей эры), оставивший в области физики первые измерения преломления света.

В Греции физика определилась как наука. Конкретные результаты греческой физики, сохранявшие полностью свое значение и до нашего времени: механическая статика, геометрическая оптика и учение об атомах. Теоретические методы физики были найдены и применены греками — атомизм Анаксагора, Левкиппа, Демокрита и Эпикура—пример метода модельных гипотез, механика, гидростатика, геометрическая оптика основаны на методе принципов, наконец, как указано, оптический принцип Герона—первый, хотя и очень скромный, пример применения метода математической экстраполяции. Сравнительно слабое развитие в Греции получил экспериментальный метод: опытный материал черпался главным образом из повседневных наблюдений. Только на закате греческой культуры (Герон, Птоломей) намеренный физический опыт начинал находить применение.

Греческая физика в течение почти тысячи лет оставалась мертвым наследством, к счастью, частично дошедшим до новых времен в виде письменных памятников. Изумительная эпоха научного застоя в средние века приводит к предположению, что и сама греческая физика могла явиться возрождением неизвестной нам, более ранней культуры, которая так же заглохла, как это случилось с греческой. Только в XIII и XIV вв. нашей эры физика действительно возрождается и на основе греческого наследства начинается оживленная подготовка к созданию новой науки. Почти единственной заслугой арабской физики (IX и X вв.) явилось сохранение греческой традиции. Только в «Оптике» Альгазена содержатся новые наблюдения и заметна критическая мысль, говорящие о живой науке, а не только об изучении классиков. Знакомство с греческой физикой в условиях средневековой Европы привело естественным образом к канонизации греческого наследства. Физика Аристотеля, дошедшая в наиболее полном и систематическом виде в результате особого покровительства богословских писателей первых веков нашей эры, стала на почве почти полного отсутствия научных знаний готовой энциклопедией физики и приобрела на долгое время господствующее значение. Новая наука в XIII, XIV вв. и позднее растет во многом под знаменем борьбы с Аристотелем. Исследования П. Дюгема о предшественниках Леонардо да-Винчи открыли много ранее неизвестных страниц из истории физики на заре ее великого расцвета в XVII в. Школа парижских механиков, учение Николая Кузанского об относительном движении, о законе инерции, о законах падения (1401—1464 гг.), фрагментарная, но в целом энциклопедическая физика Леонардо да-Винчи (1451—1519 гг.) с греческими реминесценциями, заимствованиями у современников и собственными гениальными прозрениями по самым разнообразным вопросам, первые успешные попытки эксперимен-

тирования и построения приборов дела Порты (1536—1616 гг.) подготовили почву для Галилея и Кеплера.

Пробуждение физики после тысячелетнего средневекового сна объясняется в значительной мере глубоко изменившимися техническими и экономическими условиями в Европе. Практика строительства, военное дело, повышение требований к сухопутным и водным путям в связи с развитием торговли и промышленности прямо или косвенно поощряли исследования, в особенности по вопросам механики. Оптика получила внушительный стимул к дальнейшему росту после того, как выяснились замечательные свойства линз, помогающие улучшению зрения. Свойства магнитов начали изучаться для целей мореплавания. Настоятельная потребность в новой технике и популяризация античной науки трудами гуманистов, воскресивших забытые манускрипты и распространивших их путем книгопечатания,— вот те благоприятные факторы новой истории, которые и определили дальнейший рост науки.

Начало чрезвычайно резко выраженной фазы этого роста датируется первыми десятилетиями XVII в. Наступает эпоха, когда этапы развития физики начинают измеряться не столетиями, а десятилетиями и даже годами. С начала нового века до его 30-х годов в разных странах Европы (Италия, Германия, Англия, Франция, Голландия) открываются основные законы механики (Галилей), законы движения планет, подготовившие путь к теории тяготения (Кеплер); после потрясающих астрономических открытий Галилея при помощи телескопов начинается новая эра оптики; геометрическая оптика распространяется на преломляющие системы (Кеплер), формулируются законы преломления света (Снелль, Декарт), выясняется полное внутреннее отражение (Кеплер), конструируется микроскоп (Янсен). Исследования Джильберта в области электричества и магнетизма впервые устанавливают основные факты электростатики и магнетостатики. Галилей строит первый термометр, пролагая таким образом путь к созданию учения о теплоте. В трудах Бэкона и Гассенди воскресает и модернизируется учение об атомах. «Discorsi» («Беседы и математические доказательства, касающиеся двух новых отраслей науки») Галилея (1638 г.) в блестящей форме подводят первые итоги новой физики, главным образом механики, выступающей во всеоружии экспериментального и математического метода и покидающей почву античной традиции.

Приблизительно за 50 лет, разделяющих «Discorsi» от «Principia» (1683 г.) («Математические начала натуральной философии») Ньютона, развертывается новый, еще более блистательный период развития физики. Механика оформляется в стройную систему, опирающуюся на новый математический метод анализа бесконечно малых, и становится на долгое время теоретическим остовом физики. Впервые ясно выкристаллизовываются основные понятия классической физики пространства, времени, силы, живой силы и т. д. На основе механики решается фундаментальная задача астрономии о движении планет и комет, открывается закон всемирного тяготения, создается теория маятника и устанавливается пропорциональность тяжелой и инертной массы (Ньютон, Гюйгенс). Как частная глава механики развивается гидростатика, кладутся начала теории упругости (Гук), возникает физическая акустика. Гюйгенс на опыте определяет скорость звука, и Ньютон дает теоретический вывод для скорости звука. В учении о газах новые пути открываются опытами Торичелли, конструкцией воздушного насоса (Герике) и установлением соотношения между давлением и объемом газа (Бойль). В эти годы создается физическая оптика. Гримальди открывает дифракцию цвета. Гук и затем Ньютон исследуют интерференционные цвета тонких пластинок; Ньютон устанавливает понятие о простых монохроматических цветах. Бар-

толин открывает двойное лучепреломление исландского шпата. Рёмер определяет скорость света; Гук и Гюйгенс создают теорию световых волн.

Если принять во внимание ничтожное число исследователей-физиков, разбросанных в эти десятилетия по разным странам Европы, скудость экспериментального оборудования и недостаточность математического аппарата и сопоставить с такими неблагоприятными условиями перечисленные результаты, то станет ясным, что время между «Discorsi» и «Principia» есть эпоха величайшего напряжения в истории физики. В эти годы был создан прочный фундамент классической физики и почти до конца XIX в. физика строилась на его основе.

В последние годы XVII в. и в течение всего XVIII в. нельзя указать результатов столь же фундаментального значения, как за только что рассмотренный период, хотя по некоторым отделам физики и нет основания говорить о понижении темпов исследования. Механика продолжает развиваться почти предписанным путем, по дороге, указанной Ньютоном, в трудах Бернулли, Эйлера, Лагранжа, Даламбера и Лапласа, достигая высокого математического совершенства и разрешая многочисленные частные задачи механики систем и гидродинамики. Темпы развития оптики в XVIII в. замедляются, наиболее существенным шагом вперед являются создание и детальная разработка фотометрии в трудах Буге и Ламберта и создание ахроматических и оптических систем (Эйлер, Доллонд). В области физической оптики можно указать только эпизодические открытия (определение скорости света методом абберации Бредлеем, открытие инфракрасных лучей Гершелем и Волластоном). В XVIII в. существенное развитие получило учение о теплоте. За это время определилось эмпирическое понятие о температуре, изобретен ртутный термометр и были установлены шкалы Фаренгейта, Цельсия и Реомюра, применяющиеся до сего времени. В работах Вилька, Блэка, Лавуазье и Лапласа установлены понятия о количестве тепла, удельной теплоте и найдены методы калориметрии. Опыты Румфорда привели к первым догадкам о механической природе теплоты. Наряду с этим шло развитие паровой машины (Папен, Ньюкомэн, Ватт). Старая мысль о связи теплоты с движением молекул начала уточняться в исследованиях Д. Бернулли и Ломоносова. Со времени Джильберта электрические явления не исчезали из тематики физиков XVII и XVIII вв., ограничиваясь, однако, во многих случаях обнаружением эпизодических явлений. Наиболее существенные результаты электростатики XVIII в.: открытие существования положительных и отрицательных зарядов (Дюфе) и установление основного закона электростатики (Кулон, Кавендиш).

XIX век быстро компенсирует замедленность развития физики в предыдущем столетии. В связи с переходом к капиталистическим формам в области экономики увеличивается потребность в более совершенной технике производства, транспорта и всего жизненного уклада. Возрастает число технических школ, увеличивается внимание к преподаванию физики, появляются новые физические журналы. Параллельно росту числа лиц, занимающихся физикой, возрастают суммарная продуктивность и число работ фундаментального значения. На основе физических открытий XIX в. появляется новая техника (техника тепловых двигателей и электротехника), создавая совершенно очевидное практическое оправдание дальнейшему развитию физики. Появление железных дорог и улучшение других видов транспорта необычайно укрепили международные научные связи. Обилие научных журналов и легкость научной корреспонденции превратили коллектив исследователей в мощную международную организацию исключительной продуктивности.

Страны, ранее находившиеся в состоянии почти полной научной изоляции (например Япония), в новых условиях в несколько десятилетий достигали среднего научного уровня эпохи, успешно участвуя в дальнейшем в ра-

боте мирового коллектива. При учете этой, исключительно благоприятной обстановки для развития науки делается понятным трудно обозримое богатство важных результатов физики XIX в. К концу этого столетия принципиальное содержание классической, ньютоновской физики оказалось почти исчерпанным и, наоборот, стала ясной ее недостаточность. Открытие электромагнетизма (Эрстедт) и дальнейшие исследования в этой области Ампера, Фарадея и других послужили экспериментальной основой для электродинамики Максвелла. Дифференциальные уравнения этой теории не могут быть выведены из классических представлений: они получены путем математической экстраполяции. Попытки вывести эти уравнения на основе различных механических моделей эфира оказались тщетными, механика Ньютона потерпела на этом участке физики решительное поражение. Но эта неудача в области электромагнитных явлений повлекла за собой и отказ от механического истолкования света. Еще в начале XIX в. опыты Юнга и Френеля с интерференцией света доказали наличие волновых свойств в световом потоке. Электродинамика Максвелла одновременно явилась и теорией света, интерпретируя свет как электромагнитные волны. Таким образом световые волны оказались не механическими волнами. Наиболее успешно применение механических представлений в XIX в. удалось провести в области тепловых явлений и при истолковании различных агрегатных состояний вещества (газ, жидкость, твердое тело). Кинетическая теория газов (Клаузиус, Максвелл, Больцман) основывается на представлении о молекулах, движущихся и сталкивающихся по законам механики.

Выводы теории получили экспериментальные подтверждения и дали возможность определить ближе понятие атомов и молекул, найти их число, размеры и связанные с ними силы. В основе теории, помимо механических представлений, лежит гипотеза о хаотичности состояния, приводящая к необходимости пользоваться статистическими методами для расчета. Эта гипотеза не противоречит законам механики, но и не может быть выведена из них. Таким образом, и в этой области механика оказалась недостаточной для создания полной физической теории. В помощь методу наглядных моделей в XIX в. для интерпретации тепловых процессов был привлечен метод принципов (Клаузиус, В. Томсон, Гельмгольц). На основе принципов сохранения и рассеяния энергии удалось построить науку о тепловых и молекулярных явлениях, термодинамику, позволяющую формальным абстрактным путем трактовать явления, относящиеся не только к газам, но и к жидкостям и твердым телам. Термодинамика во многих случаях явилась способом обойти затруднения, связанные с методом механических моделей. Только в области акустики XIX в. механика оказалась вполне достаточной для развития детальной теории (Рэлей).

Последние десятилетия XIX в.—эпоха неожиданных открытий в области строения атома (открытие электронов и радиоактивность). С этого времени физика фактически вторглась в область химии и границы между обеими науками год от году стали делаться все менее определенными.

Если XIX век в истории физики можно характеризовать как период постепенного выяснения недостаточности ньютоновской механической схемы, то протекшие годы нового, XX в. могут быть названы эпохой создания новой теоретической схемы: она была подсказана вновь обнаруженными явлениями. В самом начале нового века анализ особенностей температурного равновесного излучения привел к открытию дискретности, прерывности основной механической величины действия (Планк). Применения теории кванта действия и энергии к спектральным закономерностям дали ключ к пониманию строения атомов (Бор). Эмпирически проверенные квантовые постулаты стали основой (путем метода математической экстраполяции) современной волновой механики де-Бройля, Шредингера, Гейзенберга и Дирака. Новая

теория, заключающая классическую схему как предельный случай, оказалась исключительно плодотворной и согласующейся почти со всем имеющимся опытным материалом в области физики и химии. Только в вопросах строения ядра атома, где за последние годы с громадной быстротой накапливаются новые факты, новая теория, повидимому, окажется недостаточной. Во всяком случае, новые факты (например открытие элементарных частиц — нейтронов) опережают теорию.

Наряду с теорией квантов с начала нового века независимым путем развивается другая основная ветвь современной теоретической физики — теория относительности (Эйнштейн). Ее истоки — анализ классических ньютоновских представлений о физическом пространстве и времени, обнаружение их недостатков и построение новой теории пространства — времени. Для случая равномерных прямолинейных движений теория однозначно вытекает из общенных эмпирических фактов — принципов относительности движения и постоянства скорости света. В общем случае ускоренных движений единственный путь создания теории — метод математической экстраполяции. О неограниченности и своеобразии этого метода в применении к объектам общей теории относительности можно судить хотя бы по тому, что теория относительности имеет тенденцию к полной перемене ролей простого и сложного в физике. Современная атомная физика строит системы из элементарных частиц, теория относительности стремится объяснить самую частицу и другие свойства реальной природы из свойств мира в целом, угадываемых путем математической экстраполяции (космологические задачи теории относительности). Пути теории квантов и теории относительности до сего времени во многом шли раздельно и, несомненно, будущее теоретической физики — на месте их слияния.

Памяти проф. А. Г. Пресса

28 декабря 1934 г. скоропостижно скончался профессор Пресс.

Абрагам Григорьевич Пресс родился в 1877 г. в Лондоне и, отличаясь большими способностями, уже к 1917 г. получил ученую степень, работая в области математической физики под руководством проф. А. Р. Уилса в Колумбийском университете. Являясь автором многочисленных (более 50) научных трудов — самых разнообразных областей науки, профессор Пресс обладал большой научной эрудицией. В перечне его научных трудов наряду с работами физико-теоретического характера, как-то: «Связь матрической механики с вопросами излучения гармонического вибратора», «Метод операторного решения уравнения Шредингера», «Связь максвелловских представлений с опытом Майкельсона-Морлея» и т. п., мы находим также весьма большое количество работ, связанных с вопросами теоретической и прикладной электротехники, например: «Потери в железе», «Приложения метода Хивисайда к различным областям электротехники», «К расчету антенн с помощью функции Бесселя» и т. п.

Наряду с большой теоретической работой профессор Пресс в начале своей деятельности вел большую практическую работу в качестве инженера ряда лабораторий и предприятий Америки и Канады. Получив в 1918 г. звание профессора и заслужив известность в ряде стран (Англия, Франция и Америка), Абрагам Григорьевич в 1928 г. получает кафедру физики в нью-йоркском колледже. Во всей своей научной деятельности профессор Пресс стоял на позиции материализма. Это-то и заставило его, человека, пользующегося мировой известностью и вполне обеспеченного, сделать политические выводы из своего научного мировоззрения и стать на сторону рабочего класса в его борьбе с капиталистическим миром.

Профессор Пресс приехал в СССР, чтобы своей работой, своими знаниями, эрудицией помочь стране строящегося социализма. Профессор Пресс отказался от получения тех преимуществ, которыми пользуются у нас ино-

странные специалисты. Он честно и искренно хотел помочь и помог советской науке и Советской стране в ее борьбе за социалистическое общество. Он понял, что только у нас, только в Советском союзе, наука действительно свободна, что научное творчество может развиваться только у нас, что только наша страна стоит сейчас на аванпостах мировой науки и культуры.

Профессор Пресс работал у нас недолго, но и за этот короткий срок проявил себя как непримиримый боец с идеализмом, прикрывающимся покровом «глубокой научности», как в стенах ВЭИ, так и вне его. Он находился в расцвете своих творческих сил, в расцвете научного творчества; он строил большие планы на будущее.

Неожиданная смерть оборвала эту большую жизнь. Умер честный, искренний друг советской науки, отдавший нам последние дни своей жизни.

ДИРЕКЦИЯ ВЭИ

ПАРТКОМ ВЭИ

БЮРО ИТС ВЭИ

Физик-материалист^{*})

(Памяти Абрагама Пресса)

А. Тимирязев

28 декабря от разрыва сердца скончался профессор Абрагам Пресс, один из выдающихся физиков и электротехников, приехавший из Америки в Страну советов, с тем чтобы принять активное участие в строительстве социализма.

Более года в неутомимой и кипучей работе, в качестве лектора и консультанта по сложнейшим вопросам физики и электротехники, провел у нас, в СССР, этот убежденнейший материалист, радовавшийся тому, что, наконец, его громадные познания пойдут на пользу строящемуся социализму, пока развившаяся болезнь сердца не оборвала столь неожиданно его жизнь.

Проф. Пресс был преданнейшим последователем и продолжателем знаменитого английского физика-самоучки Оливера Хевисайда. Так как это имя мало известно за пределами узкого круга специалистов, то придется сказать несколько слов о нем как об учителе, с тем чтобы яснее показать, что было сделано его учеником.

Оливер Хевисайд по окончании курса средней школы служил на телеграфе в качестве рядового телеграфиста, в сравнительно молодом возрасте он быстро стал терять слух, что крайне затрудняло его работу. Получив наследство, он покинул службу, купил себе небольшой дом в маленьком провинциальном городе и занялся теорией электромагнитного поля и математикой, причем основная задача, которую он себе поставил, состояла в полном и детальном изучении процессов, протекающих в телеграфных и телефонных проводах, т. е. именно тех процессов, которые протекали на его глазах, когда он работал в качестве телеграфиста. Через несколько лет, проведенных в упорном труде, он завершает разработку особого математического метода, одной из разновидностей так называемого операторного исчисления, и с помощью этого метода разрешает с замечательной легкостью и быстротой сложнейшие задачи, которые по тому времени (это были 80-е и 90-е годы XIX в.) опережали тогдашнюю технику и которые не поддавались решению известными тогда математическими приемами. Его работа долгое время замалчивалась, и только одна редакция журнала «Электрик» («Electrician») соглашалась печатать его статьи, да и те не встречали никакого отклика. Это, естественно, вызвало сильное раздражение у жившего в полном одиночестве Хевисайда, и он в своих статьях стал жестоко глумиться над «официальной» наукой и техникой, не желавшей идти вперед, и над ее представителями. Все это вызвало уже ряд прямых выступлений против него. Однако по мере развития техники выяснилось, что разработанный им метод является наиболее подходящим для решения технических за-

^{*}) Статья печатается в сокращенном виде. — Ред.

дач, которые были решены Хевисайдом и которые теперь, спустя несколько лет, стали уже в порядок дня. Еще в последние годы жизни Хевисайда (он умер в 1925 г., 75 лет от роду) отношение к нему, по крайней мере, части ученых стало значительно улучшаться. Однако более широкие круги физиков заинтересовались его трудами тогда... когда его не было уже в живых!

Проф. Пресс с самого начала своей научной деятельности стал решительно на сторону Хевисайда, причем он стал в гораздо большей степени его последователем чем большинство физиков и электротехников, считающих себя его последователями. Большинство взяло у Хевисайда то, что оказалось особенно удобным и простым при решении сложных задач, не задумываясь особенно над общими воззрениями Хевисайда на природу электромагнитного поля и его философскими взглядами. Проф. Пресс, наоборот, пытался изучить и развить то глубокое внутреннее содержание, которое вкладывал Хевисайд в свои работы по изучению электромагнитного поля.

Один из наиболее крупных успехов, достигнутых проф. Прессом на этом пути, заключается в распространении метода Хевисайда на переменное магнитное поле в железе. Обычно все учение об электромагнитном переменном поле, рассматриваемое в электротехнике, отвлекается от процессов, протекающих в железе. Хевисайд по этой причине называл весь математический аппарат подобной теории «математикой, лишенной железа» («ironless mathematics»). Уже в статье «Потери в железе в трансформаторной пластине» («Electrician», London, July 23, 1915), опубликованной в июле 1915 г., Пресс заложил основы «железной математики», т. е. распространил метод Хевисайда на магнитные цепи, содержащие железо. В 1919 г. он публикует работу монографического характера, носящую заглавие «Применение гармонических функций в теории переменного тока с помощью алгебры гармонических функций». В этой работе устанавливаются правила пользования новым оператором, который был введен Прессом для изучения переменного магнитного поля в железе. Но Пресс является не только теоретиком в области электротехники и теории электромагнитного поля. На основании этих теоретических работ он продумал ряд практических усовершенствований. Так, им были изобретены щетки для коллектора динамомашин, которые в сильной степени ослабляют действие искр. Нет никакой возможности дать в небольшой статье хотя бы беглый обзор научных исследований проф. Пресса, так как число их превышает сотню!

Укажем только, что наряду с работами по электромагнитному полю и электротехнике у него было много работ по теории тепла, а в последние годы он делал крайне интересные попытки развернуть критику против идеализма в современной квантовой теории и теории относительности, опираясь на те основные и бесспорные материалистические основы, которые были заложены и правильность которых была доказана еще классической физикой. Причем ему удалось получить, исходя из основ классической физики, отдельные результаты, получаемые сейчас в теории относительности и в теории квант. Эти работы вызвали ужас и негодование со стороны контрабандистов идеалистической реакционной философии в этих новых областях науки.

Но, я думаю, читателей нашего журнала должен больше всего интересовать вопрос: на какой почве развились материалистические взгляды покойного Пресса?

Для этого нам придется опять вернуться к трудам его вдохновителя — Хевисайда.

Характерная особенность творчества Хевисайда, унаследованная Прессом, заключалась в том, что математическая форма — математический метод — никогда не отрывалась от реального физического содержания. Хевисайд считал не только геометрию, но и анализ экспериментальной наукой.

Вот несколько образцов, характеризующих философские взгляды Хевисайда, взятые из вступительных глав II тома его «Электромагнитной теории».

«Геометрия, например, очевидно, имеет экспериментальное основание как и всякая наука. Мы строим свою геометрию прежде всего для того, чтобы она подходила к тому положению вещей, среди которого мы родились и проводим жизнь. Мы знакомимся с геометрией сначала с помощью наших чувств и, так сказать, насыщаемся самой сущностью геометрии природы, даже если эти сведения не сопровождаются разумным пониманием и не получают разумного выражения...» «Прямая линия никогда не может быть понятным образом определена сама по себе. Необходимо на самом деле знать встречающуюся на практике прямую линию, прежде чем можно будет понять какое бы то ни было определение абстрактной прямой линии...»¹⁾.

Еще интереснее взгляды Хевисайда на взаимоотношение физики и математики, которые приводят в ужас идеалистически настроенных, «чистых» математиков. «Тем не менее, громадным преимуществом изучающего физику будет умение, если только он сможет его достигнуть, набирать свои сведения по математике одновременно с физикой. Тогда первые будут хорошо прилажены ко вторым. Это естественный путь, по которому шли творцы анализа...» «Физика тем или другим путем поведет изучающего ее к полезным и важным результатам при условии постоянного единства физических и геометрических или аналитических идей. Нужно, насколько это возможно, избегать выключения физики и сведения задачи к чисто математическому упражнению. Необходимо тащить с собой физику насквозь и тем сообщать жизнь и придавать реальность проблеме и таким образом добиваться той громадной помощи, которую физика оказывает математике...»

Хевисайд с восторгом цитирует следующие слова из предисловия ко 2-му изданию «Теории звука» лорда Рейлея, от которых многие математики приходят почти в ярость: «Его уму (речь идет о физике.—А. Т.), воспитанному в ином строе мыслей, более строгая процедура чистого математика может представиться не более, а наоборот, менее доказательной».

Наконец, в своих взглядах на мышление и его законы Хевисайд очень близко подходит к теории отражения: «Логика здравого смысла,—говорит он,—наследственна и возникла из опыта, так как мышление и пути, по которым оно движется, выросли так, чтобы они гармонировали с внешней природой». Приводим точную формулировку этой мысли, данную Лениным: «...практика человека, миллиарды раз повторяясь, закрепляется в сознании человека фигурами логики. Фигуры эти имеют прочность предрассудка, аксиоматический характер именно (и только) в силу этого миллиардного повторения» (Лен. сб. IX, стр. 249).

Вот те мысли, на которых воспитался проф. Пресс и которые в упорной борьбе он отстаивал в течение всей своей жизни. Но он не ограничился этим стихийным материализмом: его потянуло к серьезному изучению марксизма-ленинизма, и это стремление завершилось тем, что он, порвав с буржуазным миром, приехал в Страну советов и включился в число строителей социализма!

Убедившись, что в СССР недостаточно еще оценили метод Хевисайда, он засел за систематическое изложение этой теории, иллюстрируемой рядом практических задач, имеющих насущнейшее значение для развития нашей советской электротехники. К осени 1934 г. уже была готова к печати переведенная на русский язык целая книга. По крайней мере, пишущий эти строчки видел эту обемистую рукопись (около 300 страниц), тщательно переписанную на машинке, в руках ее автора. К сожалению издательство

¹⁾ Electromagnetic Theory. Vol. II, p. 2.

Энергоиздат наотрез отказалось ее напечатать, ссылаясь на отрицательные отзывы «компетентных» рецензентов! ¹⁾

А вот суровый приговор учителю Пресса Хевисайду, написанный одним из «рецензентов».

«Как математик автор, являясь безусловным сторонником символического метода Хевисайда, считает излишним его строгое математическое обоснование. Между тем метод Хевисайда представляет лишь неточную запись преобразования Фурье—Лапласа (представление функции в виде определенных интегралов). Таким образом, можно назвать метод Хевисайда суррогатом метода определенных интегралов. Не отрицая пользы суррогатов, я считаю, однако, обязательным условием их применения гарантию их безвредности». А отсюда вытекает уже и логическое следствие: «Поэтому переработку и издание книги проф. Пресса я считал бы нецелесообразным».

Но, спрашивается, заслуживает ли метод Хевисайда того, чтобы с ним был познакомлен наш советский специалист?

В качестве ответа приведем слова проф. Карла-Вилли Вагнера из переводной статьи журнала «Elektrische Nachrichten Technik» («Техника электрической связи») за ноябрь 1925 г. (Heft 11, Band 2): «Эта тетрадь посвящена памяти Оливера Хевисайда, гениального проводника максвелловской электродинамики, который дал обоснование электрической технике связи и который был одним из глубочайших мыслителей в области естествознания». Вот что говорит настоящий специалист об изобретателе «суррогатов», которые требуется «обезвредить»!

А вот что пишет тот же К.-В. Вагнер о том, что уже касается непосредственно и самого Пресса. Говоря о книге Хевисайда «Электромагнитная теория», он пишет: «В этом труде дух Хевисайда выражен в его чистом виде; однако назвать эту книгу легко доступной мы не можем даже сегодня, хотя в последние годы различные авторы много потрудились над тем, чтобы хевисайдовские приемы вычисления приблизить к общему уровню понимания».

К последней фразе есть примечание, перечисляющее тех авторов, которые «много потрудились» над истолкованием работ Хевисайда, и в этом списке на видном месте упоминается... Абрагам Пресс!

Высоко оценивают метод Хевисайда и некоторые из наших крупных специалистов. Так, в 1934 г. вышла книга академика Н. М. Крылова и д-ра Н. Н. Боголюбова «Новые методы нелинейной механики», где на стр. 219 дается замечательное обобщение метода Хевисайда, позволяющее распространить этот метод на область так называемых нелинейных колебаний.

Таким образом настоящие специалисты признают, что он «много потрудился» над тем, чтобы более строго и доступно изложить теорию Хевисайда вопреки самодовольному заявлению «рецензента».

Для тех, кто не освободился от традиций буржуазного общества, может показаться «бестактным», что мы поднимаем борьбу над могилой безвременно погибшего человека науки.

А о чем же говорить над могилой борца, посвятившего всю свою жизнь борьбе за материализм в науке; борца, порвавшего с буржуазным миром и открыто ставшего в ряды строителей социализма?

Первый наш долг по отношению к ушедшему от нас товарищу — продолжать ту борьбу, которую он вел всю свою жизнь. А вместо венка на его урну мы должны как можно скорее, преодолев сопротивление всех и всяческих «рецензентов» из числа идеалистов, издать ту книгу, которую он написал для подготовки будущих инженеров — будущих строителей социализма!

¹⁾ См. об этом подробнее в помещаемой ниже заметке редакции «ПЗМ».

Список трудов А. Пресса

ЖУРНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

PHILOSOPHICAL MAGAZINE:

1. 1924 The Dielectric Properties Required for Maxwellian Radiation. Vol. 48. Sept. 1924, pp. 581—85.
2. 1925 Maxwell's Electromagnetic Aether and the Michelson—Morley Experiment. Vol. 50, Oct. 1925, pp. 809—12.
3. 1926 The Elasticity Coefficients and the Thermodynamic Integrating Factor for the Solid State. Vol. 2, Aug. 1926, pp. 431—36.
4. 1927 Consequences of a Matrix Mechanics and a Radiating Harmonic Oscillator without the Quantum Postulate. Vol. 4, Dec. 1927, pp. 1249—61.
5. 1927 Thermodynamic Integrating Factors. Vol. 4, Dec. 1927, pp. 1245—49.
6. 1928 Extension of the Law of Dulong and Petit. May 1928. Supplement (in process of publication).
7. 1928 The Classical Reasonableness of the Quantum Theory and Simple Operative Solutions of Schroedinger's Equation. (In process of publication).

PHYSICAL REVIEW:

8. 1916 Resistance and Reactance of Massed Rectangular Conductors. N. S. vol. 8, Nr. 4, Oct. 1916, pp. 419—22.
9. 1920. The Skin Effect and Distribution of Conductors in Proximity to Iron Masses. N. S. vol. 15, Nr. 5, May 1920, pp. 450—53.

DIE PHYSIKALISCHE ZEITSCHRIFT:

10. The Clausius—van der Waals Equation and the Two—Variable Integrating Factor (Accepted for publication May 1928).

TRANSACTIONS ROYAL SOCIETY OF CANADA

11. 1927 Note on a Simple Vector Proof of the Theorem of Coriolis Generalized. Section III, 1927, pp. 371—75.

12. 1927 Operator Solutions of the Equation
$$\sqrt{\frac{d^2y}{dt^2} + P(t)} \frac{dy}{dt} + Q(t) \cdot y = S(t).$$
 Section III, 1927, pp. 365—69.

«JOURNAL OF THE WASHINGTON ACADEMY OF SCIENCES»:

13. 1928 The Thermodynamic Equation for All Bodies. June 4, 1928.

«DIE ELEKTROTECHNISCHE ZEITSCHRIFT» (Kleinere Mitteilungen):

14. 1912 The Design of Rhumkorf Coils.

«UNIVERSITY OF CALIFORNIA PUBLICATIONS:

15. 1919 Treatment of Harmonics in Alternating Current Theory by Means of a Harmonic Algebra. Vol. 2, Nr. 5, pp. 139—204. Sept. 30, 1919.

«JOURNAL OF INSTITUTION OF ELECTRICAL ENGINEERS» (LONDON).

16. 1915 Incremental Armature Copper Losses at No Load and Armature Eddy Current Losses. June 15, 1915, pp. 820—23.

17. 1921 Radiation Resistance of Various Types of Antenna Construction. April, 1921, pp. 439—42.

18. 1923 Stationary Waves on Open-Ended Solenoids. March, 1923, pp. 405—06.

«LA REVUE GENERALE DE L'ELECTRICITE» (PARIS):

19. 1918 Généralisation du Théorème du Développement de Heaviside. Nov. 9, 1918, pp. 691—94.

20. 1930 Constantes d'onde d'antennes. April 24, 1920, pp. 547—52.

21. 1922 Sur la constante dielectique des isolants, possédant de la viscosité. Dec. 20, 1932, pp. 1001—02.
22. 1923 La théorie electromagnétique d'Oliver Heaviside. Sept. I, 1923, pp. 275. «**JOURNAL INSTITUTION OF RADIO ENGINEERS**» (NEW YORK).
23. 1917 Distributed Inductance of Vertical Grounded Antenna. December, 1917, pp. 413—16.
24. 1919 The Vertical Grounded Antenna as a Generalized Bessel's Antenna. December, 1919, pp. 317—22.
25. 1920 Theory of Antenna Radiation. 1920, pp. 525—40.
26. 1920 Wave Length Relation for a Generalized Bessel's Antenna. October, 1920, pp. 441—47.
27. 1923 Stationary Waves en Free Wires and Solenoids. December, 1923, pp. 675—677.
- «**THE ELECTRICIAN**» (LONDON).
28. 1903 Iron Loss. Oct. 16, 1903, pp. 1049—51
29. 1904 Law of Cost of Dynamos. August 12, 1904, p. 683.
30. — Formula Connecting Output with Size of Armature. March 25, 1904, p. 914.
31. — Windage and Friction Losses. March II, 1904, pp. 830—31.
32. 1915 Iron Losses in Transformer Plate. July 23, 1915, pp. 585—6.
33. 1917 The Vector Analysis of Electrical Vector Diagrams. Aug. 10, 1917, p. 745.
34. 1918 Resistance and Reactance of Iron Transmission Lines. July 26, 1918; p. 275—7.
35. — Wave Velocity and Capacity of Horizontal Helices. June 7, 1918, pp. 106—7.
36. 1919 Reception Intensity of Wireless Waves. Dec. 5, 1919, p. 629.
37. 1920 Antenna Form Factors. Oct. 29, 1920, pp. 492—93.
38. — Triode Amplification and Detector Sensibility. Jan. 9, 1920, pp. 35—6.
39. 1921 Wave Length Relations from Progressive Wave Antenna Generation. Dec. 9, 1921.
40. — Q-Operators and Hysteresis Harmonics. Jan. 14, 1921, pp. 72—3.
41. — Extension of Heavisides Principle to Operator Functions March 25, 1921.
42. — The Heaviside Unity and Unit Impulse Functions. Sept. 23, 1921, pp. 376—7.
43. 1922 A Critical Resume of Radio Science. July 14, 1932, pp. 34—5.
44. 1924 Skin Effect in Slot-Wound Conductors. Jan. 4, 1924, pp. 4—5 (also correspondence in later numbers).
- «**ELECTRICAL WORLD**» (NEW YORK).
45. 1905 Theory of Commutation. Dec. 16, 1905, pp. 1027—29.
46. — Predetermination of Temperature Rise in Dynamo Electric Machines. Oct. 28, 1905, pp. 735—6.
47. — Dynamo Iron Losses at Full Speed. October 7, 1905, pp. 612—13.
48. — Induction Motor Leakage Coefficient. Sept. 9, 1905, pp. 443—44.
49. 1906 Calculation of Dynamo Sparking Constants. March 10, 1906, pp. 525—7.
50. — Temperature Rise in Armatures. June 30, 1906, pp. 1338—39.
51. 1921 Radiation from Transmission Lines. Dec. 24, 1921, p. 1276.
52. 1923 The Physics of Hysteresis Loss. Jan. 27, 1923, pp. 213—21.
- «**ELECTRICAL REVIEW**» (LONDON)
53. The Design of Induction Motors. Oct. 14, 1904, pp. 637—39.

КНИГИ и т. д.

Dynamo Design. New York, McGraw—Hill Book Company, 1905.

Algebra for the Treatment of Harmonics in Alternating Current Theory. (Univ. of California Engineering Publications. 1919).

От редакции

В связи с помещенными выше некрологом от имени треугольника ВЭИ и статьей тов. Тимирязева, посвященных памяти проф. А. Пресса, редакция журнала «Под знаменем марксизма» считает необходимым подчеркнуть следующее:

Проф. А. Пресс, видный иностранный специалист, был непримиримым врагом идеализма в физике. Борясь против идеализма с позиций ограниченного, механистического материализма, проф. Пресс в последнее время все более и более приходит к тому, что до конца последовательной формой современного материализма, способной одержать окончательную победу над идеализмом, является диалектический материализм. Он приступил к серьезному изучению философских произведений Маркса, Энгельса и Ленина, и лишь внезапная смерть прервала процесс перестройки мировоззрения покойного физика-материалиста.

Вместе с тем проф. Пресс проявил себя активным сторонником советской власти и участником социалистического строительства: подписывался на займы в советской и иностранной валюте, активно участвовал во всех общественных мероприятиях и, помимо ряда научных работ в области высоких напряжений, дал еще несколько ценных изобретений, полезных для укрепления мощи СССР и защиты его от капиталистического нападения. Он также отказался от всех преимуществ, на которые имел право как иностранный специалист. Наконец, он решил и твердо об этом заявил, что все силы до конца жизни отдаст социалистическому строительству, а в оставшемся после его смерти завещании передавал свое личное имущество МОПР, а свою ценную научную библиотеку — научным учреждениям Советского союза.

К сожалению, деятельность проф. Пресса встретила враждебное отношение со стороны некоторых защитников современного физического идеализма. Они старались воспрепятствовать деятельности проф. Пресса. Так, проф. Шпильрейн, выступающий на страницах печати (в журналах «Сорена» и «Электричество») на стороне физического идеализма, препятствовал опубликованию в журнале «Электричество» статьи проф. Пресса, а в Энергоиздате отверг работу проф. Пресса, посвященную электротехническим вопросам.

Тот же проф. Шпильрейн, научный руководитель ВЭИ, как он сам писал в дирекцию ВЭИ, «совершенно сознательно запретил организацию официальных лекций проф. Пресса в ВЭИ».

Каковы же мотивы таких весьма серьезных и ответственных поступков, которые повели за собой изоляцию проф. Пресса в ВЭИ? Мотивы, как видно из заявления проф. Шпильрейна директору ВЭИ, следующие: «Как известно, покойный Пресс откровенно и решительно придерживался т е о р и и

механического материализма (см. примечание редакции в журнале «Под знаменем марксизма» № 5, стр. 20, 1934 г.) и отрицал теорию относительности и другие достижения современной физики, называя их «модернистскими»... «Поэтому я, — продолжает проф. Шпильрейн, — совершенно сознательно запретил организацию официальных лекций проф. Пресса, которые могли бы дать официальную поддержку его механистическим воззрениям»...

Как видим, проф. Шпильрейн, запрещая лекции проф. Пресса в ВЭИ, оказывается, выступал защитником современной науки... от механического материализма!

Те же, оказывается, мотивы легли и в основу отзыва проф. Фокка на книгу проф. Пресса, отвергнутую проф. Шпильрейном в Энергоиздате. Проф. Фок так же, как и проф. Шпильрейн, мирно пребывает в лоне современного физического идеализма. И вот в его отзыве на книгу проф. Пресса мы читаем: «Как физик, автор (проф. Пресс. — Ред.) принадлежит к той небольшой, уцелевшей еще группе слепых противников теории квант и теории относительности, о которых я писал в журнале «С о р е н а», 1934 г., вып. 3-й, стр. 122».

Как видим, и в этом случае официальный мотив отклонения книги проф. Пресса — защита им позиций механистического материализма и отрицательное отношение к современным физическим теориям. В действительности же, как мы увидим дальше, действительными мотивами отклонения является вражда противников проф. Пресса к материализму вообще.

Борьба с механистическим материализмом лишь тогда плодотворна для науки, когда она ведется с позиций более высоко развитой формы материализма — с позиций диалектического материализма. Но в том-то и дело, что противники механистического материализма: проф. Шпильрейн, проф. Фок и их сторонники — не только не являются защитниками диалектического материализма, но никогда и голоса не подымали против современного физического идеализма, уживаясь с ним и даже пропагандируя его положения.

Что речь в приведенном выше и во всех подобных случаях идет именно о борьбе с материализмом, показывает не только случай с проф. Прессом. Пользуясь отсутствием необходимой бдительности со стороны отдельных наших работников, группа физических идеалистов свила себе гнездо не только в Энергоиздате, но и в ряде других мест. Так например редакция «Физического журнала Советского союза»¹⁾ в ответ на статью проф. Слепяна «Непрерывность сохранения материи и энергии во времени и пространстве» сообщила автору от 28/1 1935 г. за № ИС/03 следующее: «Ваша статья была послана на рецензию, и рецензент дал следующее заключение: «Основное положение автора, что «каждая определенная порция материи и энергии должна иметь пространственную локализацию», резко противоречит опыту (дифракция электронов, дифракция света, состоящего из малого числа световых квант)... На основании этого отзыва мы не находим возможности печатать В/статью и возвращаем ее Вам».

Как видим, и здесь не какие-либо специальные мотивы и не указание на наличие тех или иных недочетов в статье, а прежде всего защита материалистического положения о пространственной локализации материи и энергии (в действительности подтверждаемой, а не опровергаемой опытом, как ложно пишет рецензент) служит мотивом, для того чтобы отвергнуть статью.

Вот те истинные причины, из-за которых сторонники современного физического идеализма выступают против материализма.

¹⁾ Physikalische Zeitschrift der Sowietunion.

В отношении проф. Пресса эти действия привели к тому, что создана была обстановка, при которой ему оказалось невозможным ни выступать на страницах некоторых технических журналов, ни печатать своих специальных электротехнических работ в соответствующем техническом издательстве, ни читать лекций. Правда, этому хозяйничанию сторонников физического идеализма в ВЭИ, Энергоиздате и журнале «Электричество» была противопоставлена поддержка, оказанная проф. Прессу журналом «Под знаменем марксизма» и Военно-инженерной академией связи, где проф. Пресс читал лекции.

Спрашивается, является ли защита механистических воззрений достаточным мотивом для того, чтобы лишать того или иного, зачастую видного специалиста возможности излагать свои взгляды по специальным вопросам?

Основанием для отрицательного отношения к защищающим механистические позиции естествоиспытателям является подчас то, что они допускают ряд грубых ошибок. Такие естествоиспытатели, часто правильно отвергая физический идеализм, действительно сплошь и рядом отвергают и те физические теории, в которых окопались и при трактовке которых протаскивают свой идеализм, свои антинаучные взгляды физические идеалисты.

По тем же мотивам механисты-естествоиспытатели механически противопоставляют современным теориям, извращаемым физическими идеалистами, учения материалистов-естествоиспытателей XIX в. Фарадея, Максвелла и др. Правильно выдвигая против физического идеализма основную философскую посылку старых материалистов-естествоиспытателей, современные механистические материалисты не умеют развить воззрений старых материалистов до уровня современной науки и современного философского материализма — диалектического материализма. Вследствие этого получается подмена современных естественно-научных воззрений воззрениями естествоиспытателей XIX в.

Такого рода недочеты были свойственны и мировоззрению покойного проф. Пресса. Он, действительно, резко возмущаясь теми извращениями, которые допускают в отношении современных физических теорий физические идеалисты, склонен был отбросить некоторые из этих теорий и вернуться к взглядам Фарадея, Хевисайда и др. Он допускал также неправильные оценки позиций тех ученых, с которыми он по тем или иным мотивам не был согласен. Так, он в напечатанной в дискуссионном порядке в № 5 журнала «Под знаменем марксизма» статье без достаточного основания обвинял Г. Лоренца в мистицизме и односторонне противопоставлял его Максвеллу, тогда как в действительности Лоренц был в основном материалистом, и т. п.

Все это проявления той негибкости, той закостенелости, которая так характерна для метафизического материализма.

Но значит ли все это, что в тех случаях, когда мы имеем дело с искренним защитником современной науки от идеализма, защищающим ее с позиций механистического материализма, когда мы имеем дело с беспартийным ученым, делающим первые, зачастую неуклюжие и сопряженные с ошибками шаги по борьбе с физическим идеализмом, — значит ли все это, что мы должны таких ученых отстранять от разработки специальных вопросов естествознания? Ясно, что не значит!

При наличии еще не преодоленного физического идеализма, при условии, что мы еще лишь начинаем серьезное овладение теорией современного естествознания на основе диалектического материализма, мы не можем отстранять от разработки специальных вопросов тех, кто стоит на позициях материализма, но еще не поднялся выше позиций механистического материализма. Мы должны, как указывал Ленин, крепить союз с естество-

никами материалистами, открыто выступающими против идеализма. Если естествоиспытатель-материалист, но пока еще механический материалист, не превращает своей позиции в платформу борьбы с диалектическим материализмом, более того, если он подает надежды на то, что будет расти в сторону диалектического материализма, — такой естествоиспытатель должен быть привлечен к обсуждению всех теоретических вопросов, не говоря уже о том, что не может быть и речи о каком бы то ни было устранении или ущемлении его в практической работе.

Естественно, что правильное отношение может быть проявлено только теми, кто стоит на позициях диалектического материализма. Вместо этого; как мы видели выше, в некоторых местах руководство оказалось в руках людей, не только не стоящих на позициях диалектического материализма, но мирно уживающихся с физическим идеализмом и даже пропагандирующих положения физического идеализма.

Все изложенное выше свидетельствует о том, что в НИС Наркомтяжпрома, в ВЭИ, в Энергоиздате и в редакциях некоторых журналов имеются люди, которые, будучи поставлены партией на ответственный участок идеологической борьбы, утратили партийную бдительность, что дало возможность группе физических идеалистов использовать свое официальное положение для осуществления своих антимарксистских, антиматериалистических целей.

Приведенные выше факты свидетельствуют о том, что классовая борьба находит свое отражение и на фронте естествознания и приобретает подчас на отдельных его участках острые формы. Все это диктует необходимость развертывания дальнейшей борьбы за диалектический материализм среди естествоиспытателей, дальнейшей борьбы против физического идеализма.

Борьба за марксизм-ленинизм может быть успешной лишь при том условии, что ни на минуту не будет ослаблена борьба против основного врага диалектического материализма — идеализма и поповщины. Победа над этим врагом будет успешной лишь при условии непримиримой борьбы против всех искажений и извращений марксизма-ленинизма как со стороны механицизма, так и меньшевистствующего идеализма, а также вульгаризации и упрощенчества.

Итоги II всесоюзного математического съезда

С 24 по 31 июня 1934 г. в Ленинграде состоялся II всесоюзный математический съезд. Дореволюционная Россия не знала математических съездов: число лиц, интересовавшихся научной работой в области математики (тем более число научных работников), было слишком незначительно. Лишь в 1927 г. был созван в Москве I всероссийский математический съезд, привлечший, впрочем, математиков других союзных республик; в 1930 был созван I всесоюзный съезд в Харькове. Знаменательно число участников съездов — 200 в Москве, 400 в Харькове, 700 в Ленинграде. Каждый из последующих съездов охватывал по сравнению с предыдущим более широкую тематику, демонстрировал достижения новых поколений математиков, протекал в обстановке более напряженной научной работы, свидетельствовал о расширении базы для нее.

Это расширение тесно связано с общим хозяйственным и культурным ростом Союза: открылись десятки новых математических кафедр; новые научно-технические институты привлекли к своей работе десятки и сотни математиков, для их подготовки созданы новые математические факультеты. Выросла целая сеть исследовательских математических институтов, которых не знала дореволюционная Россия. К Харьковскому съезду мы обладали одним таким институтом — при Московском университете. В настоящее время СССР обладает тремя институтами, имеющими значение и за пределами СССР: институт им. Стеклова при Академии наук, институты при Московском и при Ленинградском университетах. Кроме того недавно возникли молодые институты — в Харькове, Томске, Тифлисе. Большое значение имеет также исследовательская кафедра при Казанском университете, одном из крупных центров советской математики. Развиваются математические журналы, в первую очередь «Математический сборник», возглавляемый О. Ю. Шмидтом.

Расширение количества квалифицированных математиков достаточно иллюстрируется числом читателей математической литературы. За последние годы впервые у нас создана обширная математическая литература на русском и на других основных языках Союза.

Конечно, организация математической работы у нас имеет еще ряд дефектов. Многие наши периферийные университеты недостаточно обеспечены квалифицированной научной силой. Подготовка аспирантов чересчур расплывлена и, вместо того чтобы сосредоточиться в крупнейших научных центрах, ведется и в таких университетах и даже педвузах, где аспирантам не обеспечено полное научное руководство. Результаты этого сказались в неактивности на съезде кадров, готовившихся в таких периферийных вузах. У нас нет еще связи между математическими центрами и средней и отчасти и высшей школой. Еще не развернута в достаточной мере работа по популяризации математических наук.

Однако все эти отдельные дефекты не могут изменить картины огромного роста математической работы в Союзе, тем более, что они сами связаны главным

образом с новыми областями работы. Наши математики наглядно убедились, какие широкие перспективы открывает советская система для научной работы. Съезд протекал в атмосфере бодрости, оптимизма и подъема.

Те глубокие политические сдвиги, которые произошли в среде всей научной и технической интеллигенции, достаточно глубоко охватили и математическую среду. В лице своих математиков Советский союз имеет преданный делу построения социализма, творческий активный коллектив.

Чрезвычайно симптоматичны и сдвиги в научной тематике, происшедшие за последнее время. В первые годы революции математическая работа протекала в замкнутых, изолированных друг от друга областях. Например ленинградская математика с ее высокой алгорифмической культурой, работавшая в области анализа и теории чисел, была отделена целой пропастью от московской качественной математики, работавшей тогда главным образом в области теории функций действительного переменного и теоретико-множественной топологии.

Изолированности отдельных направлений работы внутри математики отвечала еще большая изолированность математики от ее приложений, от других наук. Разрыв теории и практики внутри математики вполне соответствовал господствовавшим идеалистическим взглядам на математику, в свою очередь в значительной степени влиявшим на целеустремления математического исследования.

Еще московский съезд носил на себе отпечаток этих характерных для первого периода советской математики явлений. Но уже на харьковском съезде можно было констатировать значительное расширение математической тематики и еще ярче это сказалось на ленинградском. Вместо изолированных математических областей мы уже имеем широкий фронт математического исследования, простирающийся от решения непосредственных практических задач социалистического строительства до наиболее общих теоретических дисциплин. Исследовательской работой у нас охвачены все наиболее существенные математические дисциплины. С чрезвычайной быстротой осваиваются новые для советской математики дисциплины. В качестве яркого примера укажем на теорию непрерывных групп. Еще два года назад у нас не велось работы в этой области. А теперь советская математика справедливо гордится как одним из самых лучших своих достижений фундаментальными результатами, полученными в этой области Л. С. Понтрягиным.

Изолированность отдельных дисциплин преодолевалась работой наших математиков над узловыми вопросами, в которых скрещиваются методы и темы различных математических дисциплин. Именно эта работа принесла советской математике ряд ее лучших достижений. Достаточно указать на исследование Л. Г. Шнирельмана, перенесшего характерные для теории функций действительного переменного понятия в теорию чисел и создавшего новый метод, позволивший, в частности, решить такую труднейшую и старую проблему, как проблему представления любого целого числа суммой ограниченного числа простых чисел (принципиальное решение знаменитой проблемы Гольбаха); необходимо отметить в этом плане тот колоссальный размах, который получило в Москве развитие аналитических методов в теории вероятностей, созданных А. Н. Колмогоровым.

Интересно отметить, как сблизилась между собой темы работы отдельных математических центров Союза, в том числе работы Ленинграда и Москвы; если Москва добилась особенно крупных результатов именно в таких «ленинградских» областях, как теория чисел и теория вероятностей, то Ленинград имеет прекрасные достижения в теории функций, по применению качественных методов в анализе. Мы можем говорить, наконец, о единой советской математике.

Наряду с преодолением разрыва между отдельными своими школами советская математика преодолевает разрыв между математикой и ее приложениями. Большую роль в этом сыграла работа над прикладными темами и, в частности, непосредственная работа математиков в технических и естественно-научных институтах. Общеизвестна, например, роль ЦАГИ в развитии у нас математических

методов гидро- и аэродинамики, роль Сейсмологического института Академии наук СССР в развитии у нас математических методов теории упругости.

Перейдем теперь к описанию работы Съезда.

На Съезде было представлено около 700 математиков, собравшихся от 40 различных городов нашего Союза. Вся работа Съезда протекала в пленарных заседаниях и секционных заседаниях. Предметом занятий пленарных заседаний были организационные вопросы и обзорные научные доклады, содержавшие, как правило, связный очерк развития отдельных, наиболее важных направлений в математике за последнее время. Один из обзорных докладов (по алгебраической геометрии) был прочтен американским академиком С. Лефшецом. На заседаниях секций рассматривались, главным образом, научные сообщения отдельных математиков о полученных ими оригинальных результатах в области их научных работ. Всего на Съезде было заслушано около 250 докладов и научных сообщений, в том числе 15 обзорных докладов. На Съезде были организованы следующие секции: теории чисел и алгебры, геометрии, топологии, анализа I (теория функций), анализа II (дифференциальные и интегральные уравнения), механики и математической физики, приближенных вычислений, теории вероятностей, истории и философии математики. По количеству членов Съезда и по количеству и качеству прочитанных на нем докладов Съезд был на уровне международных математических конгрессов. Большинство докладов, прочитанных на Съезде, относится к анализу, механике и математической физике, теории вероятностей и приближенным вычислениям. Таким образом значительная часть докладов имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение, так как указанные отделы математики имеют весьма важные приложения к естествознанию и технике.

Особо следует отметить, что на Съезде впервые было уделено большое внимание научно-организационным вопросам развития математики в Советском союзе. Одно пленарное заседание Съезда было специально посвящено обсуждению итогов работы по математике и намечению целого ряда мероприятий для создания наиболее благоприятных условий дальнейшей работы по математике в Советском союзе.

Переходя к отдельным, читанным на Съезде докладом, мы, естественно, должны оговорить, что не имеем никакой возможности остановиться на всех, даже очень интересных докладах, и полную картину работы Съезда можно себе будет представить лишь после издания его трудов.

Начнем с работы по анализу. В. И. Смирнов в своем докладе обрисовал картину развития анализа в Ленинграде. Высокая культура ленинградского анализа, восходящая к гениальному Чебышеву, временно пришла было в упадок. Но последние 8, примерно, лет сопровождалась блестящим развитием анализа в Ленинграде. Одним из основных достижений являются работы покойного Лаппо-Данилевского (1898 — 1931). Им развита теория функций матричного переменного, где и аргументом и функцией служат матрицы — прекрасный алгоритмический аппарат. Именно пользуясь им, Лаппо-Данилевский дал эффективное решение труднейших проблем теории обыкновенных дифференциальных уравнений.

В последние годы в Ленинграде ведется с большим успехом работа в области уравнений математической физики. Надо особо отметить заслуги В. И. Смирнова в создании активной и одаренной школы молодых ленинградских аналитиков: С. Л. Соболев, С. Г. Михлин, В. Д. Купрадзе, Г. М. Галузин, В. И. Крылов и др. Особое внимание уделяли ленинградские аналитики математическим проблемам теории упругости. В. И. Смирнов и С. Л. Соболев создали основанный на теории функций комплексного переменного метод так называемых «функционально инвариантных» решений волновых уравнений, с успехом применявшийся к решению различных задач. С. Г. Михлин разработал метод решения этих уравнений для многосвязных областей. В. Д. Купрадзе разработал математическую теорию дифракции упругих волн. На других работах

этого направления мы остановимся еще ниже, когда будем говорить о работах по механике.

Другое направление в уравнениях математической физики представлено Г. М. Мюнцем. В статических задачах математической физики решение ее краевых задач сводится к решению интегральных уравнений так называемого типа Фредгольма; используя обобщения понятия потенциала, Г. М. Мюнц свел краевые динамические задачи теории упругости к несравненно более простым интегральным уравнениям — к уравнениям типа Вольтерра.

Прекрасное решение добился С. Л. Соболев в решении проблемы Коши для уравнений гиперболического типа (куда относится, например, волновое уравнение). В простейшей физической интерпретации задача Коши сводится к определению некоторого режима для любого момента времени, если он известен для начального момента времени. С. Л. Соболев разработал новый, наиболее простой метод этой задачи. Эти фундаментальные работы уже после съезда получили блестящее завершение.

В последнее время стал развиваться анализ и в Москве. Отметим, что в Москве не было серьезных традиций в области анализа и что он здесь в значительной степени развивался на базе теории функций, топологии и теории вероятностей. Выдающаяся роль в развитии теории дифференциальных уравнений в Москве принадлежит И. Г. Петровскому, работа которого особенно развернулась в последние годы. Естественно, что в Москве уделяется большое внимание качественным исследованиям дифференциальных уравнений (Л. М. Люстерник¹), В. В. Степанов, А. Н. Тихонов, В. В. Немыцкий, Л. С. Понтрягин). В. В. Степанов сделал обзорный доклад об этом направлении. На грани качественных и аналитических методов стоит работа И. Г. Петровского об исследовании поведения интегральных кривых вокруг особых точек. И. Г. Петровский показал (в наиболее естественных условиях), что поведение интегральной кривой в окрестности особой точки определяется главной линейной частью уравнения — результат, доказанный раньше, в 1912 г., лишь для простейшего двумерного случая. И. Г. Петровский дал также ряд выдающихся исследований по уравнениям теплопроводности. В этой же области ряд результатов получил А. Н. Тихонов. Ф. И. Франкль и Л. В. Келдыш провели исследования краевых задач некоторых нелинейных эллиптических уравнений, связанных с проблемами газовой динамики.

В Казани анализ представлен, главным образом, работой в области исследования устойчивости движений (Б. М. Гагаев, К. П. Персидский, И. Г. Малкин).

Ленинградец А. А. Марков получил ряд важных результатов при исследовании характера периодичности движения динамических систем. А. А. Марков выступил также на съезде с критикой работ акад. Н. М. Крылова и Н. Н. Боголюбова о стационарных колебаниях.

На грани алгебры и анализа ряд результатов получен одесским математиком М. Г. Крейном.

В прикладных вопросах недостаточно уметь дать теоретическое исследование того или иного уравнения. Нужно уметь дать и его приближенное численное решение. Этими вопросами занимался целый ряд математиков (Д. Ю. Панов, П. В. Мелентьев, А. К. Минятов и др.). На Ленинградском съезде впервые была создана секция приближенных вычислений. Мы отметим прочитанный здесь доклад молодого ленинградского математика Л. В. Канторовича о прибли-

¹ Хотя проф. Л. Люстерник здесь сам и не упомянул о своих работах, редакция считает необходимым отметить исключительно интересные и талантливые работы проф. Люстерника и Шпирельмана по качественным методам дифференциальных уравнений. Проф. Люстерник об этих работах сделал блестящий доклад в одной из секций съезда.

женных конформных преобразованиях. Эта работа Канторовича должна иметь большое практическое значение ввиду роли конформных отображений в задачах гидродинамики, теории упругости и т. д.

Здесь мы уже вступаем в теорию функций комплексного переменного, область, усиленно разрабатываемую рядом наших математиков.

Работа в области теории функций комплексного переменного имела у нас два источника. С одной стороны, эта теория является основным математическим оружием в ряде задач аэро- и гидродинамики, теории упругости и других прикладных дисциплин. С другой стороны, на базе теории функций действительного переменного велись исследования ряда тонких вопросов комплексного переменного. Обе линии работы были совершенно изолированы, но в последние годы и этот разрыв в советской математике преодолен: В. И. Смирнов, М. А. Лаврентьев и ряд других видных советских математиков с одинаковым успехом работают и над теоретическими и над прикладными вопросами теории аналитических функций.

Одним из важнейших направлений в теории функций комплексного переменного стало геометрическое направление, представленное И. И. Приваловым, М. А. Лаврентьевым и др. Здесь получен советскими математиками ряд важных результатов. В последнее время ведется, в частности, активная работа по решению ряда экстремальных задач теории функций комплексного переменного. Интересные результаты получены здесь М. А. Лаврентьевым и А. Ф. Бермантом. И. И. Привалов положил в последнее время начало работе у нас по субгармоническим функциям. Д. Е. Меньшов дал весьма общие достаточные условия голоморфности функций. Последняя работа уже теснейшим образом примыкает к теории функций действительного переменного.

Эта область математики занимается углубленным изучением основных понятий анализа. Развиваясь постепенно в течение XIX в. в связи с усложнением и расширением материала анализа, она окончательно сложилась во Франции к началу XX в. на базе теории множеств. Особенно важное значение в развитии советской математики имела теоретико-функциональная школа акад. Лузина — исходный пункт развития основных направлений математической работы в Москве. В последнее время увеличился удельный вес теории функций в Ленинграде. Начало этой работы было положено Г. М. Фихтенгольцем. Кроме того работа по теории функций велась еще в Казани (Б. М. Гагаев).

Другое направление теории функций возникло в Харькове в школе акад. С. Н. Бернштейна. Оно является продолжением классических работ Чебышева. Здесь исследовался, главным образом, характер приближения функций полиномами, связь между структурой функций и характером ее полиномиальных приближений.

Из докладов, прочтенных на Съезде, целый ряд относился к наиболее тонкой области теории функций — так называемой дескриптивной теории функций и множеств, — занимающейся качественным исследованием структуры функций и множеств (Л. В. Келдыш, П. С. Новиков, Л. В. Канторович и др.). Метрическое направление было представлено прежде всего докладом А. И. Плесснера, устанавливающим связь между сходимостью тригонометрического ряда и сходимостью сопряженного ряда.

Методы теории функций должны широко применяться в разных областях математики. Н. М. Гюнтер в обзорном докладе показал применение теоретико-функциональных методов в классических задачах математической физики.

На базе теории функций развивается у нас работа по функциональному анализу. Рассматривая совокупность функций как некоторый геометрический агрегат, функциональный анализ применяет к нему обобщенные методы классического анализа и геометрии. Проблемы функционального анализа возникают в большом количестве в различных задачах анализа (как показал, например, обзорный доклад Г. М. Мюнца).

Мы видим, насколько разнообразны были у нас исходные точки работ в области анализа; как скрещивались в ней разнообразные методы.

Отдельную секцию была выделена топология, т. е. наука, исследующая свойства геометрических образов (и вообще множеств произвольных элементов, на которых определен предельный переход), не изменяющиеся при так называемых топологических преобразованиях (т. е. взаимно однозначных и непрерывных преобразованиях). Топологическая школа в СССР возникла в начале двадцатых годов, ее основатели — покойный П. С. Урысов (1898—1924 гг.) и П. С. Александров. Первое время наша топологическая школа разрабатывала так называемую теоретико-множественную топологию исследования самых общих топологических образований. Наряду с теоретико-множественной топологией достигла в последние десятилетия высокого уровня так называемая комбинаторная топология, исследующая весьма правильные образования — комплексы, являющиеся обобщением обыкновенных полиэдров; исследуя комбинаторную схему образования комплекса из простейших элементов (так называемых симплексов), комбинаторная топология широко применяла алгебраический аппарат. Доклад П. С. Александрова развивал основную идею его работ за последние годы, направленную к преодолению разрыва между комбинаторной и теоретико-множественной топологией, к перенесению алгебраических методов на весьма общие теоретико-множественные обоснования. Тем самым в топологии устанавливается единство методов. Московская топология выдвинула в последние годы такого исключительной силы геометра, как Л. С. Понтрягин, которому принадлежит ряд фундаментальных исследований в области комбинаторной топологии. Отметим, что в последние годы топология начала развиваться и в Ленинграде (А. А. Марков, В. Д. Львовский и др.).

Наряду с развитием самой топологии у нас ведется ряд работ по приложениям топологии к различным областям анализа.

Одной из крупнейших математических работ в СССР и были исследования Л. С. Понтрягина по теории непрерывных (так называемых топологических) групп. Топологической группой называется совокупность элементов, над которыми установлены как алгебраические операции группы, так и топологическая операция перехода к пределу. Л. С. Понтрягин исследовал топологические группы и доказал, что при весьма общих предположениях о ее структуре они превращаются в классическую группу С. Ли. Особенно глубокие исследования Л. С. Понтрягина относятся к теории коммутативных групп, так как здесь удалось до конца исследовать структуру таких групп.

Работы Л. С. Понтрягина создают новую эпоху в теории непрерывных групп.

Чрезвычайно большие успехи одержала советская математика и в области теории вероятностей. Доклад А. Н. Колмогорова дал обзор современного состояния этой науки. Исключительное значение в этой области имеют работы самого докладчика. Именно А. Н. Колмогоров показал, что предельные законы теории вероятностей получаются решением дифференциальных уравнений так называемого параболического типа.

Аналитические методы А. Н. Колмогорова позволили ему исследовать теорию случайных функций, т. е. наряду со случайными процессами, изменяющимися дискретно, непрерывно изменяющиеся случайные величины. Эти вопросы имеют существенное значение для математической физики. Тем самым был найден подход к решению целого ряда принципиальных задач теории вероятностей. В докладе А. Н. Колмогорова показаны заслуги советских математиков в развитии теории вероятностей и в первую очередь акад. С. Н. Бернштейна, А. Я. Хинчина и др.

Среди работ по алгебре, представленных на Съезде, наиболее выдающееся место занимают превосходные работы казанского математика Н. Г. Чеботарева. Из результатов, полученных проф. Чеботаревым, следует отметить

в первую очередь его работы в связи с проблемой резольвент, поставленной Klein'ом и Hilbert'ом. Классическая теория алгебраических уравнений Галуа дает с исчерпывающей полнотой критерий разрешимости данного алгебраического уравнения в радикалах. Таким образом, мы имеем возможность судить, можно ли решение данного алгебраического уравнения $x^n + a_1 x^{n-1} + \dots + a_n = 0$ свести к решению ряда двучленных уравнений вида $x^n = a$. Но так как еще Абель доказал, что решение алгебраического уравнения выше 4-й степени вообще не сводится к решению ряда двучленных уравнений, то, естественно, возникает вопрос о том, чтобы свести решение данного уравнения к решению других, более простых уравнений, имеющих наименьшее число переменных коэффициентов; другими словами, для данного алгебраического уравнения n -й степени требуется найти резольвенту с наименьшим числом переменных параметров. Еще раньше этой проблемой занимались Klein, Hilbert и др. Но впервые общий результат получил Н. Г. Чеботарев, который свел вопрос об отыскании резольвенты к построению некоторой непрерывной группы в многомерном пространстве, находящейся в определенном соотношении с так называемой группой Галуа данного уравнения.

Из отдельных частных результатов, полученных Н. Г. Чеботаревым, следует отметить решение им задачи о квадратуемых луночках, поставленной еще Гиппократом. Задача эта состоит в том, чтобы построить с помощью циркуля и линейки квадрат, равновеликий фигуре, образованной двумя круговыми дугами. Н. Г. Чеботарев исчерпывающим образом разобрал этот вопрос, когда отношение градусных измерений дуг выражается числом $\frac{m}{n}$, где m и n — нечетные числа.

Из других алгебраических докладов следует также упомянуть ряд докладов по теории групп М. Ф. Кравчука, А. К. Сушкевича, А. Г. Куроша и др.

Исключительно большое научное значение имеют некоторые работы по теории чисел, представленные на Съезде.

В первую очередь следует упомянуть здесь доклад академика И. М. Виноградова о задаче Варинга. Эта задача, поставленная английским математиком Варингом во второй половине XVII в., относится к разложению данного целого числа в сумму одинаковых степеней. В связи с этой задачей одним из основных вопросов является следующей: если дан целый показатель p , то требуется найти, с помощью скольких полных p -ных степеней может быть представлено любое целое число N . Знаменитые английские математики Харди и Литлвуд в 1919 г. показали, что для этого достаточно взять примерно $n2^n$ полных p -х степеней. С тех пор этот результат не удавалось сколько-нибудь уточнить, несмотря на то что проблеме Варинга, являющейся одной из наиболее центральных в теории чисел, было посвящено за последнее время огромное число работ европейских и американских математиков. И. М. Виноградов улучшил этот результат и показал, что для представления любого целого числа N достаточно взять примерно p^2 полных степеней. И уже после Съезда И. М. Виноградову удалось получить совершенно исключительный по своей точности результат; вместо p^2 оказывается достаточно брать $p^1 + \Sigma$, где Σ — сколь угодно малое положительное число. Этот результат сколько-нибудь значительному дальнейшему улучшению уже не подлежит, так как известно, что указанное число больше чем p .

С блестящим результатом, относящимся к теории трансцендентных чисел, выступил московский математик А. О. Гельфонд. Трансцендентным называется число, которое не может быть корнем никакого алгебраического уравнения с целыми коэффициентами. Вопросы, связанные с трансцендентными числами, являются одними из наиболее трудных в математике. Так например до сих пор современная наука не умела ответить на вопросы, является ли число $2^{\sqrt{2}}$ трансцендентным или нет. Мало того, мы до сих пор не знали, является ли это столь

просто определяемое число рациональным или иррациональным. А. О. Гельфонд доказал, что любое алгебраическое число (корень алгебраического уравнения с целыми коэффициентами), отличное от 0 и 1, будучи возведено в степень с алгебраическим и иррациональным показателем, дает в результате трансцендентное число. Методы, созданные А. О. Гельфондом при решении им проблемы Гильберта, имеют кардинальное значение в математике. В частности, на основе этого результата А. О. Гельфондом впервые получено доказательство трансцендентности десятичных логарифмов всех целых чисел, отличных от целой степени десяти.

Очень интересные результаты получены также ленинградским математиком В. А. Тартаковским, которому впервые удалось дать оценку сумм Гаусса для полимов с несколькими переменными.

На грани теории чисел и геометрии ведет работу сильная группа ленинградских геометров, возглавляемая Б. Н. Делоне. В нее входят В. А. Тартаковский, Д. К. Фаддеев, О. К. Житомирский, А. Д. Александров и др. Это направление восходит еще к Минковскому и Вороному. Здесь ленинградские математики добились превосходных результатов, особенно в вопросах решения неопределенных уравнений 3-й и 4-й степеней.

Чрезвычайно интересен был также доклад Б. Н. Делоне о связи теории чисел с кристаллографией. Теория чисел считалась многими математиками принципиально лишенной приложений. Б. Делоне дал приложение классической теории квадратичных форм к основным задачам кристаллографии.

Из докладов по секции геометрии отметим доклады Ц. Л. Бурстина, И. Г. Петровского, П. К. Рашевского, А. И. Лопшица, Г. Б. Гуревича и др. Большинство геометрических докладов касалось дифференциальной геометрии и было связано, главным образом, с тензорными методами. Доклад И. Г. Петровского касался новой для нас области геометрии — алгебраической, где автор, применяя методы, развившиеся в вариационном исчислении, получил новый результат о расположении овалов алгебраической кривой.

Мы уже неоднократно касались работы по механике, так как исходным пунктом многих работ по анализу были механические проблемы. Сюда относятся работы по общим динамическим системам, вопросы устойчивости и т. д. В работах ленинградских аналитиков огромную роль играют проблемы теории упругости. К этому циклу работ нужно причислить исследования известного ленинградского механика Г. В. Колосова, касающиеся плоской задачи теории упругости.

Чрезвычайно интересны работы тифлиского математика Н. И. Мусхелишвили. Им найден новый метод, и простой и в то же время сильный, сведения краевых задач теории упругости к интегральным уравнениям. В некоторых частных, но важных для приложения случаях Н. И. Мусхелишвили решает краевые задачи упругости до конца.

Из чисто прикладных работ мы отметим работы Н. Е. Кочина (колебания коленчатых валов), работы днепропетровского механика А. Н. Динника. Весьма видное место в прикладной работе советских математиков занимают вопросы аэро-гидродинамики. Эти работы имеют два основных исходных пункта: проблемы теоретической авиации, ведущие свое начало от Н. Е. Жуковского и С. А. Чаплыгина, сосредоточенные в настоящее время в ЦАГИ; другая часть этих работ ведется в геофизических институтах; в их насаждении особые заслуги имел покойный Фридман.

В последнее время мы имеем новую тематику в области аэро- и гидродинамики: исследования сверхзвуковых движений Ф. И. Франкля и И. А. Кибеля, приводящие к уравнениям гиперболического типа; исследования, связанные с движением почвенных вод, Б. Б. Девисона и др.

Из общетеоретических работ по гидродинамике большой интерес представляют работы ленинградского математика Н. Е. Кочина, касающиеся теории волн на поверхности жидкости.

На Съезде работала также секция по истории и философии математики. Секция эта была весьма многолюдная. В ней был заслушан ряд интересных докладов:

1) проф. Александрова «О роли теории множеств в современной математике»;

2) проф. Гливенко, В. «О современном кризисе основ математики»;

3) проф. Жегалкина «О проблеме разрешимости интуиционистской логики суждения»;

4) проф. Яновской, С. «О так называемых определениях через абстракции и их роль в математике»;

5) проф. А. М. Фишер «Философия математики Гонсета»;

6) проф. Выгодского «О стереометрии Бочек «Кеплера»;

7) проф. Холщевникова «О проблеме континуума»;

8) проф. Гокиели «О трансфинитных числах».

Выше мы уже отмечали, что Съезд уделил большое внимание организационным вопросам постановки научно-исследовательской работы по математике. В частности Съезд констатировал недостаточную обеспеченность некоторых (преимущественно периферийных) математических институтов и университетов квалифицированными научными работниками, в связи с чем подготовка аспирантуры в этих университетах проходила непродуктивно. Съездом разработаны конкретные формы связи центральных математических институтов с периферийными университетами. Особое место здесь занимают привлечение для временной и постоянной работы в упомянутых институтах крупных научных работников, а также кончающих аспирантуру из центра и организация при научно-исследовательских институтах консультации для периферийных научных работников, в частности по вопросам подготовки кандидатских диссертаций. Решено также сосредоточить подготовку аспирантов в наиболее крупных математических центрах.

Съезд признал желательным систематически организовывать по отдельным узким специальностям математики международные конференции (ориентировочно на 10 иностранных 30—40 советских участников). На ближайшее время намечены конференции по топологии, по теории вероятностей, по истории и философии математики, по уравнениям математической физики, по теории чисел и по алгебре.

Съезд принял ряд практических решений, связанных с издательской деятельностью по математике, с работой математических обществ, с пропагандой и популяризацией математики, главным образом, среди молодежи, в частности, организация олимпиад, и т. д.

Съезд, несомненно, имел большое значение как стимул к дальнейшему мощному росту математической культуры в СССР.

Л. ЛЮСТЕРНИК и Б. СЕГАЛ

О Парижской „Academie matérialiste“

В нашей печати уже сообщалось о существовании в течение последнего времени в Париже Материалистической академии, возглавляемой одним из крупнейших мировых физиков, академиком П. Ланжевром. Ввиду того громадного интереса, который это учреждение, естественно, вызывает у советской общественности, и того исключительного значения, которое подобное объединение ученых — высказывающих открыто свои симпатии к диалектическому материализму — имеет для пропаганды и дальнейшего развития нашего революционного мировоззрения, мы печатаем некоторые сведения о Материалистической академии на основании материалов (правда, разрозненных), которые нам удалось получить.

Свою программу Материалистическая академия определяет так: «Известное количество научных работников объединилось для того, чтобы учредить исследовательское общество для изыскания взаимосвязей различных научных дисциплин с диалектическим материализмом». «Окончательная цель — это дальнейшая разработка материалистическо-диалектического миропонимания в социальной, психологической и физической областях». «Академия займется вскрытием противоречий как в области построения науки, так и в общественных явлениях».

Материалистическая академия делится на 5 секций: 1) физики, математики и химии; 2) биологии; 3) психологи; 4) истории политической экономики и социологии и 5) лингвистики. Каждая секция возглавляется одним из членов Академии. Лица, возглавляющие секции, образуют президиум Академии.

Печатаемые ниже материалы при их недостаточной четкости по ряду важнейших вопросов, — представляют вместе с тем для нас огромный интерес как показатель роста влияния революционного мировоззрения на определенные круги западноевропейской интеллигенции.

Из отчета Материалистической академии за октябрь 1934 г. следует, что Академия занималась выработкой плана работы на 1935 г. С этой целью была выделена комиссия для составления обзора методологических трудностей, встречающихся в каждой отдельной области. В комиссию вошли: Ланжевен — по вопросам физики, Уиссон — статистики, Минер — астрономии, Пренан — биологии, Лаи — психологии, Валлон — генетической психологии.

На основании этой работы и синтетических докладов о положении науки в целом Материалистическая академия надеется выявить не только специфические, но и те общие причины, которые затрудняют развитие науки, и тем самым содействовать переходу ученых на позиции диалектического материализма.

Кроме того Материалистической академией выделена группа в 10 человек, поставившая своей задачей подготовить работу о переходе от механического материализма к диалектическому материализму во Франции. План этих работ печатаем ниже.

Наконец, готовится к изданию книга о марксизме в естествознании, представляющая собой сборник докладов, сделанных членами Материалистической академии в кружке «Новая Россия». Последняя организация отличается от Материалистической академии тем, что ставит своей задачей популярную пропаганду, между тем как Материалистическая академия ограничивает круг своих слушателей, а тем более членов, одними лишь квалифицированными учеными.

Проект работ Материалистической академии на 1934—1935 г.

«ОТ ФРАНЦУЗСКИХ МАТЕРИАЛИСТОВ XVIII СТОЛЕТИЯ К ДИАЛЕКТИЧЕСКОМУ МАТЕРИАЛИЗМУ»

ПЕРВЫЙ ОЧЕРК

Почему материализм XVIII века забыт во Франции?

Французский материализм XVIII века решительно заглохался в XIX и XX веках всеми реакционными силами. Чем вызван этот заговор молчания? Тем, что это учение — учение антирелигиозное, антиметафизическое и социально-революционное.

Почему оказался возможным этот маневр? Потому что этому материализму еще недоставало научных устоев.

Но в настоящее время наука достигла достаточного развития, для того чтобы можно было восстановить знание этого учения и распространить его дальше. Почему это необходимо сделать во Франции? Потому что клерикальная опасность стала опять угрожающей; потому что официальная идеалистическая философия абсолютно неспособна осветить нам проблемы нашей современной истории; потому что наша страна не может отныне избежать социальных и политических трансформаций революционного характера и единственный вопрос состоит здесь в том, совершится ли эта революция в направлении невозможного возврата к феодализму или в направлении социалистического общества.

Общая установка очерка такова: каждую проблему, какой бы абстрактной и общей она ни казалась, мы будем трактовать на фоне тех социально-экономических и политических обстоятельств, при которых она выступала в истории. Мы постараемся таким образом включить французскую материалистическую школу XVIII столетия в процесс исторического движения французского общества, и мы ставим своей задачей понять ход этого движения. Для этого требуется:

- 1) ряд методических работ;
- 2) частичное переиздание главных произведений этой школы и их распространение.

Ответственные по этому очерку лица будут руководствоваться тем фундаментальным взглядом, что избранная тема носит весьма актуальный характер.

Историческое подтверждение этого взгляда заключается в том факте, что материалистическая школа XVIII столетия отнюдь не ограничилась построением идеологии буржуазии в борьбе за утверждение ее классового господства над остатками феодализма. Эти материалисты положили вместе с тем начало критике капиталистической экономики и капиталистического общества, которые тогда только рождались в своих современных формах. Этот пророческий характер целого ряда учений этих авторов объясняется не только их гениальностью, позорным образом непризнанной и недооцененной, но также и тем историческим фактом, что вплоть до 1794 г. буржуазия еще не отделяла себя политически с полной определенностью от народа. Поэтому в учениях этих материалистов имеются такие стороны, которые сохраняют свою ценность также и в отношении теперешних и будущих интересов всех трудящихся.

Такое освещение темы было бы недостаточным без рассмотрения собственных научных корней того учения, о котором идет речь.

К изучению истоков материалистической концепции реальности XVIII века авторы очерка подойдут путем рассмотрения развития экспериментальных наук

со времени Галилея, особенно огромного развития физики, а также путем анализа того состояния, в котором тогда находилась естественная история.

С другой стороны, можно будет сослаться на синтетическую концепцию математики, начиная с XVII века: комбинаторный характер, приписываемый всякому шагу науки со времени Декарта, геометрическое изображение алгебраических величин и исчисление бесконечно-малых — все эти обстоятельства были тем, что давало возможность возникнуть первой попытке материализма нового типа.

Можно будет подвергнуть исследованию вопрос о том, не ориентировала ли эта алгебраическая трактовка реальности (трактовка, которую тогда рассматривали как тип всякой логики и как внутреннюю структуру всякого научного знания), не ориентировала ли она постоянно философию в направлении спиритуализма, каким он был до изобретения диалектики Гегелем. Это исследование или дальнейшее исследование в этом направлении могло бы, таким образом, дойти вплоть до современного официального идеализма (Мах, Пуанкаре, «панматематизм» Бруншвига).

ВТОРОЙ ОЧЕРК

Социально-экономическое и политическое введение

Социально-экономическая и политическая картина Франции середины XVIII столетия.

Исторические задачи буржуазии в XVIII столетии:

- 1) уничтожение феодальных и общинных повинностей;
- 2) основание режима «экономического либерализма» («Laissez faire, laissez passer» Тюрго, т. е. «Не препятствуйте ходу вещей и не вмешивайтесь в него»), режима, который будет режимом капиталистического развития в XIX столетии.

Эти задачи не могли быть доведены буржуазией до победного конца без политической революции.

Критика следующей ошибки, допущенной некоторыми старыми демократическими и социалистическими историками.

Они устанавливают, что современное могущество буржуазии основывается на машинной промышленности; они устанавливают, что эта промышленность родилась на континенте после начала XIX столетия; и отсюда они заключают, что революционное движение буржуазии в XVIII столетии не имело экономических факторов и определялось великим идеалистическим течением, которое приписывают инициативе философов этого столетия.

Историческая действительность гораздо более глубока. Если эти философы могли развернуть свою деятельность, то это потому, что наступление буржуазии против феодальной экономики было уже крепко начато.

Промышленной революции XIX столетия предшествовала сельскохозяйственная революция XVIII столетия. Эта революция была вызвана крупными вложениями капиталов буржуазии в сельское хозяйство. Созданная таким образом конкуренция сделала дворянство неспособным сохранять свою роль прямых или косвенных руководителей крупных поместий. Сельскохозяйственная революция, начатая буржуазией в первой половине века, должна была по необходимости привести в конце концов к экспроприации, по крайней мере частичной, и к развитию мелкого и среднего сельского хозяйства.

Технический механизм этой революции (вопрос о паровых полях, о севообороте и кормовых культурах) доказан в работе Марка Блэха «Своеобразные черты французской аграрной истории», глава 6-я. Можно сослаться также на I том «Социалистической истории французской революции» Жореса.

Теоретиками этой революции явились физиократы, движение которых было предюдием к материалистическому движению энциклопедистов.

ТРЕТИЙ ОЧЕРК

Материалисты против церкви; критика сверхъестественного

Главной целью материалистов было освобождение человечества от духовного ига церкви.

Они ясно поняли, что, для того чтобы когда-нибудь стать свободными гражданами, необходимо начать с того, чтобы захотеть этого, а для развития этого хотения необходимо одно условие, а именно: избавиться от всякого религиозного умонстроения.

Этот очерк будет иметь своими осями три вопроса:

1) Так как церковь претендует на господство над душами, то материалисты подчеркивали зависимость от телесных феноменов всего того, что называют «душой».

Тем самым они являлись истинными основателями новейшей физиологии и новейшей психологии. Особенно интересно посмотреть, как вся психофизиология конца XIX столетия наперед предначертана у Дидро, особенно во II томе его произведений — «Разговор между Даламбером и Дидро» и «Сон Даламбера».

2) Материалисты нападают на основное притязание церкви: распоряжаться людьми, устраивая их будущую жизнь. Материалисты переносят счастье воображаемой будущей жизни в действительную, земную жизнь.

3) Материалисты утверждают право науки на полное объяснение всей вселенной и всей жизни (Гольбах «Трактат о природе»). Надо показать, что они являются предтечами системы Лапласа. В частности, надо изучить, чтобы дополнить это, следующих авторов: аббата Плюше («История неба», 1711), Буланже («Античность, разоблачаемая своими обычаями», 1766), Кур де-Жебелен («Первобытный мир», 1782), Фабр д'Оливе («Еврейский язык, восстановленный в своем прежнем виде», «Золотые стихи Пифагора»), отец Пернетти («Мифологический словарь», 1758), Дюпюа («Происхождение всех культов, или Универсальная религия», 1794), Делонэ («Монахи и гадалки у древних евреев и греков», 1774), Вольтер («Философский словарь»). Эти авторы предшествуют в изучении и критике истории религии Делору, Крейтеру, братьям Гриммам и т. д.

ЧЕТВЕРТЫЙ ОЧЕРК

Понятие интереса у материалистов

Материализм в эту эпоху по необходимости ориентируется на общую теорию интереса.

1. Смелость этой теории у материалистов XVIII столетия: изложить, по Гельвецию, Гольбаху и Ламетри, каким образом объясняются теорией интереса все деятельности человека и животных.

2. Недостаточность этой теории: показать, что эта попытка состоит в том, чтобы рассматривать человеческий интерес как возобновленное личное физическое удовольствие; показать, каким образом этот побочный аспект, с одной стороны, культивировался традиционной модой, начиная с Ламетри и кончая Анатолем Франсом, а с другой стороны, использовался всеми реакционерами для того, чтобы представлять в карикатурном виде и суммарно опровергать материализм XVIII столетия.

Необходимо иметь в виду, что слабость этой концепции интереса заключается в том, что интерес этот понимается исключительно как индивидуальный интерес. Материалисты занимались, по существу дела, только индивидом и видели в обществе всего лишь отношения между индивидами.

Показать, насколько эта концепция гармонирует с историческими условиями. Буржуазия вела борьбу за то, чтобы на место феодальных повинностей поставить неограниченную индивидуальную свободу хозяина. Этим и объясняется то, что все социальные проблемы ставились у наших авторов в плоскости индивида или индивидов, встречающихся друг с другом.

Итог: неспособность этой школы построить материалистическую социологию, несмотря на то что ей удалось ввиде предчувствия нащупать основные пружины такой социологии: материальный интерес.

ПЯТЫЙ ОЧЕРК

Понятия свободы и прогресса и связь между ними

У наших авторов мы встречаем следующую постоянную мысль: когда телесные силы будут иметь свободу, необходимую для того, чтобы спонтанейно сорганизоваться сообразно своим глубоким материальным интересам, человек станет способным к такому прогрессу, о котором мы сейчас не имеем даже никакого представления.

Необходимо изучить эту мысль в текстах.

Показать, каким образом материалисты ставят эту мысль на место классической морали.

Показать, что это самое рассмотрение телесных интересов составляет в наше время основу психотехники.

Показать, что эта мысль лежит в основе таких глубоких и универсальных общественных движений, как спорт и социальная гигиена.

Показать на примерах из практики СССР, каким образом социалистическое общество развивает в грандиозные достижения предчувствия материалистов.

ШЕСТОЙ ОЧЕРК

Понятия равенства и братства и критика нового капиталистического рабства

Социально-экономический анализ у Гельвеция и Ж.-Ж. Руссо.

1) Открытие Гельвеем понятия труда-товара. Показать, каким образом это понятие, разработанное дальше у английских экономистов, составляет исходный пункт теории стоимости, образующей одну из основ марксизма.

2) Ж.-Ж. Руссо и анализ равенства; критика всякой такой демократии, которая терпела бы различия, основанные на богатстве. Руссо — не материалист, но он пропитан идеями своей эпохи, так как он живет вместе с трудящимися.

Слабость Гольбаха в этом пункте.

3) Гельвеец и социальный прогресс путем увеличения производства на пользу масс (обсуждение им понятия «роскошь»).

Слабость Руссо в этом пункте: его мечты об эгалитарном аскетизме затемняют идею социализма вплоть до Маркса и находят свое продолжение в прудонизме.

Итог: материалистическая мысль отнюдь не была ограничена интересами восходящей буржуазии; она клала начало беспощадной критике капиталистического рабства.

СЕДЬМОЙ ОЧЕРК

Пояснение основных недостатков и ограниченностей материализма XVIII века

Два существенных недостатка:

а) сведение всего к проблемам, касающимся индивида или отношений между индивидами;

б) недостаточность применяемого ими логического орудия: механистический детерминизм.

Первый недостаток был исправлен социализмом первых десятилетий XIX в., а затем марксизмом, вносящим в социализм фундаментальное понятие класса. С этого времени становится возможной материалистическая социология, возвращающаяся к понятию материального интереса, но уже в плоскости общественного класса и понимающая, что определенный общественный класс, борясь за свои классовые интересы, борется вместе с тем за интересы всего человеческого рода.

Второй недостаток был исправлен немецкой философией, из которой вышла гегелевская диалектика, послужившая логическим орудием для Маркса и Энгельса.

Однако слишком часто игнорируют тот факт, что эта немецкая философия по своему происхождению была наследницей философии XVIII столетия.

Энгельс отмечает диалектический характер мышления Руссо; этот же характер должен быть изучен также и у Дидро, дружба с которым сформировала Руссо. Что же касается Канта, то он в такой же степени воспитался на Руссо, как и на Юме, а Кант был источником той филиации идей, которая привела к Гегелю, а затем к Марксу.

Этот очерк должен иметь своей целью поставить диалектику в самый центр всякого подлинного социалистического учения и этим путем приготовить путь для следующего очерка.

ВОСЬМОЙ ОЧЕРК

Экономический фатализм и диалектический материализм

Логический недостаток материализма XVIII столетия нашел свое возобновленное отражение в XIX и XX столетиях в искажениях марксизма теоретиками социал-демократии.

Политический аспект. II интернационал и интерпретация марксизма в терминах простого «экономического детерминизма». Простекающие отсюда политические выводы: фатализм и оправдание тенденций к сотрудничеству классов.

Ленин и его борьба за выпрямление теории в довоенное время, против Каутского. Библиография: Ленин «Государство и революция» и т. д.

Философский и научный аспект: материалистическая диалектика, выводящая из всех туников, которые известны под именем «кризиса науки». Эти туники — просто результаты механистических теорий в различных научных областях.

Отметить одновременный кризис механистических научных теорий и реформизма, который сам тоже является механистическим учением.

Спротивление, с которым в наше время встречаются марксизм ученые, основано на старом недоразумении: под именем марксизма они нападают на вулгарный, недиалектический экономический фатализм.

Изучить фашистские и фашиствующие идеологии и показать, что все они тоже предполагают это непонимание диалектического характера марксизма.

КРИТИКА

и БИБЛИОГРАФИЯ

Теория и практика финансового капитала США

(Обзор дискуссии в Американской академии социальных
и политических наук)

В эпоху империализма монополии не устраняют конкуренции. Господствующие группировки монополистического капитала ведут между собой ожесточенную конкурентную борьбу, и денежная система выступает одним из важнейших факторов этой борьбы. Под прикрытием идей «общего блага», «национальных интересов», «научных истин» в действительности выступают интересы отдельных группировок монополистического капитала. Крахи валют и инфляция, порожденные экономическим кризисом в специфических условиях всеобщего кризиса капитализма, используются монополистическим капиталом для капиталистического выхода из кризиса за счет рабочего класса. Однако «генеральные линии» валютной политики империалистической буржуазии различных стран и внутри отдельных стран отнюдь не совпадают. Отсюда острейшая борьба в национальных и интернациональных масштабах по основным вопросам валютной политики. Поскольку все борющиеся группировки прочно держатся общей для них позиции апологии капитализма, постольку они не могут выйти за узкие рамки буржуазного кругозора, и их взаимная теоретическая и политическая борьба лишь обнаруживает крах так называемой науки и беспомощность валютной политики как орудия регулирования капитализма.

С этой точки зрения существенный интерес представляет дискуссия по генеральным вопросам денежной теории и валютной политики США. (Материалы дискуссии опубликованы в I томе «Анналов Американской академии социальных и политических наук»¹⁾).

Прежде чем излагать содержание дискуссии, остановимся в двух словах на характеристике той экономической обстановки, которая породила эту дискуссию. Вслед за грандиозным банковским крахом в марте 1933 г. произошел крах доллара, бывшего устойчивой золотой валютой в период военного и послевоенного мирового валютного хаоса. Валютный крах в США, бесспорно, был порожден развитием промышленного и кредитного кризисов в специфических условиях общего кризиса капитализма.

Крах доллара монополистический капитал стремился использовать для проведения инфляционистской политики, которую под псевдонимом «управляемой валюты» декларировал Рузвельт. «Управляемая валюта» была одним из главных моментов той «новой эры» в экономике, которую в интересах «всего народа» пытался осуществить Рузвельт. Каковы действительные результаты этой

¹⁾ «The Annals, of the American Academy of Political and Social Science». Vol. 7. Banking and Transportation. Problems. Philadelphia. 1934.

политики, видно, например, из отчета государственного «Бюро внутренних доходов США» за 1933 г. Нет никаких оснований заподозрить это Бюро в извращении фактов против интересов правительства и монополистического капитала США. Несмотря на явно официозный характер исследований Бюро последнее не могло скрыть классового характера «политики восстановления» Рузвельта.

По оценке Бюро, при общем возрастании дохода «населения» в 1933 г. на 4% против 1932 г. чистая прибыль торгово-промышленных и финансовых предприятий возросла на 35%, в то время как доход категорий лиц с ежегодным доходом ниже 5 тыс. долларов в год сократился на 2%, а зарплата рабочих и служащих сократилась на 8%.

Комментируя отчет Бюро, «Дейли уоркер» отмечает факт дальнейшей концентрации капиталов (количество капиталистов с доходом свыше миллиона долларов за 10 месяцев возросло с 20 до 46) при одновременном обнищании пролетариата (сокращение зарплаты на миллиард долларов, рост цен на продукты питания на 28%, увеличение стоимости квартир, одежды и пр. в результате обесценения доллара). С полным основанием «Дейли уоркер» пришла к выводу, что «рузвельтовская программа восстановления, сделавшая богатых еще богаче, а бедных еще беднее, все более и более становится программой монополистов из Уолл-Стрита и капиталистических паразитов».

Но монополисты из Уолл-Стрита и масса крупных рантье не заинтересованы в бесконечном разветвлении инфляционного процесса, ибо, во-первых, нельзя до бесконечности перераспределять национальное богатство, нужно также его создавать, а «здоровой» промышленной и торговой конъюнктуры нет и не может быть в условиях инфляции; во-вторых, банки и рантье отнюдь не желают дарить своих инвестиций, которые, естественно, не могут не уменьшаться, если инфляция и обесценение доллара будут продолжаться; в-третьих, по линии валютной войны с Англией падение курса доллара полностью компенсировало те торговые преимущества, которые в свое время получила Англия от обесценения стерлинга; дальнейшее снижение курса доллара может вызвать лишь обострение валютной войны, контрмеры Англии, что будет иметь своим результатом дальнейшее сокращение мировой торговли. Вот главные причины, объясняющие «смену вех», стремление Рузвельта изменить валютную политику США в соответствии с требованиями господствующих кругов монополистического капитала США.

«Регулируемая валюта» и инфляция или золотая валюта и стабилизация — вот проблема, которая стоит перед правительством США, которая и обсуждалась в Академии социальных и политических наук США.

Основной доклад на тему «Дефляция и стабилизация» сделал знаменитым профессор Ирвинг Фишер, автор книг «Покупательская сила денег» (переведена на русский язык), «Стабилизация доллара», «Денежные иллюзии» и многих других книг по вопросам денежного обращения и кредита. Фишер является крупнейшим авторитетом буржуазной науки в области денежного обращения и кредита. Он сделал попытку наиболее полного и фундаментального обоснования количественной теории денег. Рикардо, классик буржуазной политической экономии и автор количественной теории денег, отличался большой скромностью. Этого нельзя сказать про Фишера. «В 1922 г., — сказал Фишер, — когда я был в Лондоне, Мак-Кенна (директор самого крупного в Европе, Мидлендского банка. — З. А.), пригласив меня к себе, сказал: «Я чувствую себя одиноким среди банкиров, — и добавил шутливо: — Знаете ли, профессор Фишер, только два человека в мире понимают этот предмет (деньги и кредит. — З. А.) — это вы и я». Фишер не возражал против этой оценки. В какой мере Фишер действительно понимает «этот предмет», показывает его доклад на дискуссии и критика этого доклада.

Фишер начал прямо с апологии денежно-кредитной политики Рузвельта. Он считает, что взгляды Уорэна (соавтора известной книги «Цены») и Джемса

Роджерса (автор книги «Америка взвешивает свое золото») оказали большую помощь президенту в определении необходимой в данный момент для американского правительства линии денежной политики. Как концепция этих авторов, так и практические мероприятия Рузвельта, соответствующие этой концепции, «в высшей степени правильны» (стр. 127). Эта концепция Уорна и Роджерса заключается в регулировании цен методами денежно-кредитной политики, а мероприятия Рузвельта сводятся к проведению политики «манипулируемой валюты».

Далеко не без основания идеологи и практики так называемой «манипулируемой валюты» считаются в буржуазных кругах инфляционистами. Вместе с тем инфляция означает стихийно действующий распад денежной системы, усиливающий диспропорциональности в капиталистической экономике. Звание инфляциониста поэтому далеко не из почетных. В связи с этим Фишер в своем докладе решительно возражал против того, что его считают инфляционистом, ибо он, Фишер, вовсе не за инфляцию, но за рефляцию, т. е. за ликвидацию той дефляции, которая произошла. Фишер считает, что можно быть решительным противником дефляции, отнюдь не будучи инфляционистом. Фишер любит математическую точность и ставит математически точно диагноз кризиса: «Практически на 75% дефляция может служить объяснением современной депрессии. Последняя является поэтому дефляционно-долговой депрессией (debt deflation depression). Долги и дефляция влияют друг на друга». Можно уменьшить непосильное бремя долговой задолженности, можно ликвидировать вредные последствия дефляции (сжатие денежной массы) путем регулирования цен товаров через соответствующие манипулирования денежной массы. Возможность этого Фишер обосновывает своей количественной теорией денег. Он понимает, что цены на отдельные товары государство регулировать не может, ибо они целиком определяются на рынке стихийным соотношением спроса и предложения товаров. Однако, согласно теории Фишера, регулирование общего уровня вполне достижимо через манипулирование денежной массы. «Спрос и предложение денег, — говорит Фишер, — влияют на общий уровень цен, в то время как спрос и предложение товаров влияют на отклонение цен отдельных товаров от этого уровня цен» (стр. 130). Считая поэтому нецелесообразным влияние на цены отдельных товаров, Фишер считает гораздо более эффективным и в то же время легче достижимым регулирование общего уровня цен. Это Фишер обосновывает своим излюбленным приемом — механистической аналогией с физическими законами: «Выражаясь парадоксально, более легким делом является регулирование общего уровня воды в резервуаре путем контролирования притока и отлива воды чем регулирование высоты отдельных волн. Равным образом легче закрепить общий уровень цен, чем регулировать цены отдельных товаров» (стр. 130).

Итак, не только экономические законы, но даже и физические законы обосновывают правильность политики Рузвельта и достижимость поставленной Рузвельтом цели — «восстановить покупательскую силу доллара 1926 г.», следовательно, повысить общий уровень цен до уровня 1926 г. Задача состоит именно в том, чтобы достигнуть повышения общего уровня цен, но не цен отдельных товаров. «После того как Рузвельт исправит колеблющийся доллар, с этого момента он превратит доллар в неизменяемую единицу, такую же неизменяемую, как бушель или другие единицы в торговле» (стр. 130).

Фишера не удовлетворяет стабилизация валюты, понимаемая в узком смысле, как стабилизация курса бумажной валюты на золото. Фишер стремится к стабилизации не курса на золото, но покупательской силы доллара и считает вполне возможным принести в жертву стабилизацию в узком смысле этому широко задуманному плану стабилизации «товарного доллара». «То, что мы желаем, — говорит Фишер, — это стабилизировать валюту: будь то франк или доллар, марка или рубль — в отношении реальных вещей — товаров, следовательно, стабилизировать покупательскую силу денег» (стр. 131). Снижение золотого содержания доллара и расширение денежной массы в обращении должны привести доллар к уровню

покупательской силы 1926 г., и на этом уровне последний должен быть закреплен на веки-вечные. Товарный доллар должен стать неизменным мерилем стоимости.

Но практически в условиях кризиса путь к этому лежит через инфляцию, и Фишер не скрывает, что рефляция требует инфляции, однако в известных границах и при заранее определенной целеустановке. В то же время Фишер указывает, что если не остановить вовремя действия инфляционных сил, то рефляция может превратиться в безудержную, неконтролируемую инфляцию. Некоторые деловые круги США пытаются толкнуть на этот путь правительство США. Апологизируя политику Рузвельта, Фишер в то же время предостерегает от безграничного развертывания инфляции: «Итак, президент мог бы сделать уровень цен таким же высоким, как небо, осуществить дурную инфляцию путем неумеренного использования тех же самых средств, которыми он в настоящее время пользуется умеренно. Как и Джемс Роджерс, я полагаю, что те, которые стремились бы расстроить эту умеренную политику, если бы им это удалось, были бы ответственными за последствия, которые могли бы оказаться далеко неумеренными» (стр. 131).

На дискуссии в защиту политики Рузвельта выступил также один из горячих инфляционистов, известный сенатор Томас. В своем выступлении на тему «Деньги и управление ими» он прежде всего заявил о совершенно «объективных», надклассовых задачах той денежной политики, которую он предлагает. «Я не стремлюсь,—сказал Томас,—помочь одному классу или группе в ущерб другим. Я не ищу путей для того, чтобы дать нашей стране торговые преимущества перед другими странами. Но после более чем четырехлетней депрессии, во время которой мы потеряли больше материального богатства чем во время всех наших войн вместе взятых, я считаю, что для того, чтобы решительно обуздать эту депрессию, мы должны привести в порядок нашу денежную систему» (стр. 132). Томас не случайно начал с декларации об объективизме и надклассовых целях своей денежной политики, поскольку именно те требования, которые Томас выдвигал и проводил в парламенте, с особенной силой инспирировались классовыми группировками, заинтересованными в инфляционной политике. Но нужно было дать «объективные» обоснования этой политике, и этот «объективизм» заключается в следующем.

Томас показал, что долгосрочные и краткосрочные долги США, выраженные в разного рода долговых документах, составляют приблизительно 250 млрд. долларов, что в двадцать один раз превышает монетарный запас золота в мире и в двадцать пять раз превышает всю сумму денег в обращении во всем мире. Эти долги настолько велики, что одна уплата процентов по ним оказывается возможной только путем новых займов, следовательно, путем дальнейшего увеличения долгового бремени. Это долговое бремя не может быть ни ликвидировано, ни облегчено при нынешней ценности доллара. Как же сбросить это бремя, какие средства для лечения от долговой болезни имеет США? Таких средств, по мнению Томаса, два: либо прямое анулирование долгов либо такое удешевление доллара, «чтобы у народа могли оказаться доллары, при помощи которых он мог бы погасить эти долги» (стр. 133).

Рузвельт в целом ряде своих выступлений указал, что его задача — довести доллар до такой ценности, какую он имел в тот момент, когда заключались займы. Томас считает такую политику единственно справедливой, морально оправданной. Что же достигнуто на этом пути? В феврале 1933 г. ценность, или покупательская сила, доллара составляла 167 центов, и несмотря на обеспечение доллара в золоте в октябре 1933 г. покупательская сила доллара еще составляла 151 цент. «Президент Рузвельт,—заявил Томас,—теперь регулирует ценность наших денег: он управляет и руководит нашей денежной политикой» (стр. 133).

Рузвельт, по мнению Томаса, «все может», но он, повидимому, не «все хочет». Томас считает недостаточно активными инфляционистские мероприятия

Рузвельта: «При 167-центовом долларе в Америке закрылись бы все банки. 140-центовый доллар не даст возможности народу платить свои налоги, свои проценты и четверть триллиона долларов задолженности, лежащей теперь на нем. Мы не требуем дешевого доллара, но мы требуем, чтобы ценность доллара была сокращена до одной сотни центов, соответствующей среднему индексу товарных и оптовых цен, базирующемуся на официальной статистике лет за пятьдесят. Эта статистика показывает, что в 1926 г. мы имели 100-центовый доллар; отсюда требование, чтобы мы вернулись к ценности доллара этого года» (стр. 133—134). Опираясь на такие признанные авторитеты количественной теории денег, как Тауссиг, Торренс, Рикардо, Никольсон, Грэншам, Дж. Стюарт Милль и Густав Кассель, автор считает вполне осуществимой эту задачу путем регулирования денежной массы и золотой ценности доллара, поскольку уровень цен доллара управляется соотношением количества денег (спросом) и количеством товаров (предложением) (стр. 135).

На основании индекса статистики «Бюро труда», в 1920 г. доллар составлял только 50 центов, в 1926 г.—100 центов, а в феврале 1933 г.—167 центов. Доллар 1920 г. был слишком дешев, и, следовательно, цены были слишком высоки; напротив, современный доллар слишком дорог, и равным образом цены товаров слишком низки (стр. 135).

Вот почему Томас считает, что инфляция в настоящий момент — это величайшее благо для американского народа и только денежные ростовщики могут возражать против нее. Желая сбросить долговое бремя с монополистического капитала, Томас не жалеет ярких красок для восхваления инфляции. Инфляция, мол, уже не раз спасала американский народ. «Без континентальных денег, без гринбеков (бумажных денег) Америка не знала бы свободы!» — патетически восклицает Томас. Оказывается, такую же инфляцию проводил еще президент Вильсон: «В настоящее время при наличии 4325 млн. долларов монетарного золота, огромных запасов серебра, миллиардов имеющихся в резерве отпечатанных денег, огромных неиспользованных кредитов и политики, которая продолжает дело Вашингтона, Гамильтона, Линкольна и Вильсона, кто может сказать, что расширение денежного обращения до пределов, необходимых для того, чтобы восстановить уровень цен 1926 г., будет означать неконтролируемую инфляцию и приведет нас к хаотическим последствиям, испытанным Францией, Россией и Германией?» (стр. 136).

В чем же «исключительность» Америки и в этом отношении, почему Америка может избежать тех «хаотических» последствий, которые принесла инфляция во Франции, России и Германии? Томас обосновывает эту «исключительность» так: «Правительства этих стран были без золота, серебра и кредита. К счастью, не таково положение в Америке. В качестве лекарства от наших экономических болезней мы испробовали дефляцию, и лишь одним из ее результатов была новая задолженность на сумму более 100 миллиардов долларов. Годовой доход нашего народа был сокращен с 90 до, примерно, 50 млрд. долларов. Безработица повысилась до 40 млн. человек, и более 20 млн. мужчин, женщин и детей заняли очереди за общественно-благотворительным хлебом. От дефляции мы получили достаточно. Мы теперь требуем расширения денежного обращения. Кто среди нас может сказать, что все еще не настало время действовать?» (стр. 136). Далее, Томас рисует заманчивую картину бурного расцвета экономики США на основе инфляции и дешевых денег. Этому, по его мнению, глубоко продуманному и обоснованному плану он противопоставляет программу дефляционистов, пропизируя по поводу последней так: «Не имея никакого плана, они (дефляционисты) в Вашингтоне берут взаймы доверие народа и тратят известную часть имеющихся у них денег для демонстрирования кошмаров русской и германской инфляции перед публикой» (стр. 136).

Резюмируя свое теоретическое обоснование программы инфляции, Томас категорически требует осуществления следующих пяти мероприятий:

1) Политика покупки золота по постоянно повышающейся ценности должна быть продолжена до тех пор, пока бумажный доллар не достигнет такого уровня цен, который вполне отвечал бы интересам всего нашего народа.

2) Эта же политика должна быть принята и в отношении серебра, для чего необходимо принять новые законы, расширяющие использование серебра как базиса нашей денежной системы.

3) Программа общественных работ должна осуществляться до тех пор, пока не исчезнет безработица.

4) После достижения нормальной ценности золота наше правительство, по соглашению с другими правительствами, должно осуществить постепенный возврат к золотому стандарту или к иному денежному стандарту, который будет всеми принят.

5) После осуществления этой программы и достижения поставленных ею целей «мы будем иметь возможность вернуть в обращение наш огромный запас монетарного золота, который, будучи переоценен, составит сумму примерно в 8 млрд. долларов. Это золото в настоящее время не является деньгами — оно только товар. Но, будучи брошено в обращение в своей новой ценности, оно окажет такое влияние на промышленность, торговлю и общее благосостояние, которое можно сравнить с результатами открытия по меньшей мере половинного количества нового золота». Томас настроен весьма оптимистически, и этими бодрыми тонами он закончил свое выступление: «Мы вступим в новый период развития и процветания, равного которому не было в истории нашей страны» (стр. 137).

Фишер может гордиться своим последователем Томасом. Как велика сила теории Фишера! Владая этой теорией, Томас смог, как мы видим, найти ключи, которые откроют двери в мир счастья и расцвета, какого еще не испытала ни одна капиталистическая страна. Томас открыл в Вашингтоне неиссякаемые источники нового золота. Переоцененный доллар означает золотой дождь для черноземной почвы американского капитализма. Великие идеи, великие дела! И в то же время как жалки и ничтожны и те и другие! Как стары и вульгарны эти идеи и эти дела! Верно, что гринбеки помогли американской свободе, но помогли ли они американскому хозяйству? Не вспомнит ли Томас того обстоятельства, что вошедшие в историю американские темпы экономического развития были осуществлены без всяких инфляционистских мероприятий, при наличии золотого стандарта и при пассивности правительства в отношении регулирования денежного обращения и товарных цен?

Нет надобности здесь подвергать критике ту теоретическую основу, на которой Фишер и Томас базируют свою политику. Эта основа — количественная теория денег — не открыта Фишером, но лишь облечена им в математическую форму.

Количественная теория денег Юма и Рикардо, принципы которой восприняты и Фишером, и Касселем, и Тауссингом, и Никольсоном, была подвергнута Марксом исчерпывающей и уничтожающей критике. И все же эта теория до сих пор является символом веры буржуазной экономии. Почему это так? Конечно, отнюдь не потому, что она в себе заключает какую бы то ни было научную ценность. Но потому, что, во-первых, исходя из поверхности явлений, из отождествления действительных денег с знаками денег, эта теория создает почву для построения таких утопических и апологетических планов, образцом которых может служить приведенная в тексте программа Томаса. Во-вторых, помимо иллюзии и апологии, количественная теория денег дает кое-что существенное и для капиталистической практики. Она обосновывает инфляционистскую политику. Если последняя выступает под стыдливым псевдонимом рефляции, то это, конечно, не меняет существа дела. Инфляция, по Фишеру и Томасу, осуществляется целиком

и полностью «в интересах народа». Но каков этот «народ»? Какова, например, заинтересованность рабочего класса в такого рода политике? Очевидно, ее нет, поскольку инфляция означает снижение реальной заработной платы, и, следовательно, инфляция является одним из методов борьбы за капиталистический выход из современного кризиса и депрессии.

Томас указывал, что инфляция не раз спасала американский народ и спасет его и на этот раз. Расшифруем этот тезис. Томас хочет, чтобы инфляции спасла американский капитализм, монополистический капитал США за счет, во-первых, дополнительной эксплуатации рабочего класса и, во-вторых, за счет усиления конкурентной борьбы США на мировом рынке. И это последнее положение не подлежит никакому сомнению, несмотря на то что Томас категорически заявлял: «Я не ищу путей для того, чтобы дать нашей стране торговые преимущества перед другими странами».

Оппоненты Фишера и Томаса — Сирайл Джемс (F. Cyril James) и Варбург — сумели перевести патетические сонаты инфляционистов на сухой язык капиталистической практики, бизнеса. Они попытались раскрыть существо инфляционистской политики и подвергнуть критической проверке США практику манипулирования валютой. Сирайл Джемс в своем выступлении «Возврат к золоту» провел различие между активной и пассивной инфляцией. К последней он относит политику кредитной экспансии через операции на открытом рынке, осуществляемые федеральной резервной системой. Сирайл Джемс считает, что политика проводилась в не имеющем прецедента объеме в 1932 г., при Гувере, и хотя эта политика привела к увеличению резервов коммерческих банков, однако ей не удалось вызвать значительного роста цен. Аналогичный процесс имеет место и в настоящее время и с успехом, не намного большим чем в 1932 г.: «Причина этой безуспешности очевидна. Деловой человек не будет занимать, если он на занятые деньги не рассчитывает получить прибыли... Без уверенности в получении этой прибыли всякая политика кредитной экспансии должна быть бесплодна» (стр. 138). В последнее время, говорит далее Сирайл Джемс, правительство США пытается проводить политику активной инфляции путем финансирования общественных работ, консервирования урожая и пр. Но «до настоящего времени и этой политикой не удавалось вызвать существенного эффекта в отношении цен или деловой активности. Отсюда поэтому возникает неизбежный вывод, что современная политика может иметь успех в повышении общего уровня цен только путем подрыва общественного доверия к доллару и повышения этим путем скорости «обращения денег». Только этим путем, а именно через подрыв доверия к доллару, может оказать влияние на цены осуществляемый Рузвельтом план покупки золота. Однако «такое падение общественного доверия к доллару есть очень опасная вещь» (стр. 139).

Томас очень много и красочно говорил о народе, «который стонет под бременем долговой задолженности». Но Джемс считает себя вправе также выступать от имени этого самого «народа» и заявлять с такой же прямолинейностью, как и Томас, что этот «народ будет страдать от инфляции». Он указывает, что кредиторы сидят не только в Уолл-Стрите, но что это миллионы вкладчиков банков, держателей страховых полисов и пр. и все они должны потерять все свои незначительные накопления в результате инфляции. Наконец, Джемс напоминает, что «инфляция снизила бы уровень жизни рабочих, а промышленность не может развиваться, если ценность денег падает каждую неделю».

Далее, Джемс высказывает одно утверждение, которое затрагивает Советский союз. Он говорит: «Неконтролируемая инфляция никогда в истории не оправдывалась, за исключением Советской России, где она сознательно осуществлялась в целях экспроприации капиталистического класса». Да, верно, что в годы гражданской войны, когда на карту было поставлено самое существование проле-

тарского государства, мы использовали и инфляцию в качестве одного из орудий в борьбе с контрреволюцией. Но только в условиях советского государства инфляция могла быть направлена всем своим острием против класса эксплуататоров. Это совершенно невозможно в условиях буржуазного общества. И Джемс совершенно прав, перечисляя целый ряд бедствий инфляции, а также тяжестей стабилизационного периода для широких кругов населения.

Джемс не витает в облаках высокой теории, но зато ему нельзя отказать в наличии элементов вполне «здорового рассудка». Он понимает, что все планы регулирования и стабилизации цен висят в воздухе, поскольку невозможно всеобъемлющее регулирование капиталистического производства государством. «В действительности,— говорит Джемс,— если бы даже можно было согласиться с предлагаемыми методами стабилизации цен, все же приходится очень сомневаться, желательно ли было бы принять такую политику, поскольку мы не были бы в состоянии осуществить такой контроль над всей экономической системой, который мог бы поддерживать стабильность необходимого равновесия общей экономической деятельности» (стр. 142). Джемс высказывает вполне резонное утверждение, что сама по себе стабильность в ценах не может предотвратить кризисов. Он напоминает, что с 1923 по 1929 гг. цены были сравнительно стабильны, колеблясь не более чем на 7%, следовательно, в этот период США имели более стабильный уровень цен чем в какой-либо другой стране. «В течение этого периода некоторые теоретики денежного обращения рассматривали это положение как доказательство того факта, что мы могли бы вообще стабилизировать общий уровень цен. Теперь же ретроспективно можно придти к тому выводу, что стабилизация товарных цен не означает стабилизации экономической организации. В течение этого периода сравнительная стабильность уровня товарных цен открыла дорогу развитию сил, которые привели к современной депрессии; имело место беспрецедентное создание долгов, беспрецедентное инвестирование фондов для экспансии основного капитала, которая оставила далеко позади себя потребительскую способность общества; и, наконец, беспрецедентный экспорт капитала в другие страны мира в условиях, при которых значительная часть этих долгов никогда не будет выплачена» (стр. 142). И далее: «Стабилизация товарных цен, даже если бы она была возможна, не дает гарантии здоровой и удовлетворительной экономической системы, если мы не в состоянии также контролировать не только количество фондов, но также и пути, по которым эти фонды будут использованы».

Итак, во-первых, Джемс считает, что до сих пор опыт регулирования цен и конъюнктуры через денежно-кредитную экспансию не оправдал себя, во-вторых, Джемс не верит в возможность стабилизации цен и, в-третьих, на основе опыта 1923—1929 гг. считает, что и более или менее стабильные цены не могут предотвратить взрыв капиталистических противоречий — кризисов.

Глубокий пессимизм сквозит в его выступлении, и этот пессимизм вытекает из того, что Джемс смутно сознает и мманентность, неустранимость для капитализма противоречия между общественным характером производства и частнокапиталистическим способом присвоения, между производительными силами капитализма и, как он выражается, потребительской способностью общества. Конечно, пессимизм Джемса намного более обоснован чем оптимизм Фишеров и Томасов.

Но что же может предложить Джемс? Ничего более чем немедленный возврат к золотому стандарту на уровне примерно нынешнего золотого содержания доллара. Путь простой, но в то же время трудно осуществимый для капитализма в условиях депрессии особого рода. В то же время это путь, который не оставляет никаких иллюзий в отношении дальнейших перспектив развития капитализма, ибо он ни в малейшей мере не снимает и не ослабляет противоречий капитализма.

Довольно содержательный «Ответ сенатору Томасу и профессору Ирвингу Фишеру» дал известный банкир — крупнейшая фигура в финансовом мире — Джеймс Варбург.

Варбург — в настоящее время вице-президент одного крупного банка и бывший финансовый советник правительства США, а также бывший финансовый советник американской делегации на мировой экономической конференции в Лондоне в мае—июне 1933 г. В то же время Варбург—автор ряда книг по финансам и текстильной промышленности. Варбург резко выступил против политики Рузвельта. Он не хочет смены президента, но стремится убедить президента, что было бы ошибкой продолжать его политику монетарного экспериментаторства (стр. 145). Варбург заявляет, что если бы даже теоретически была доказана правильность экспериментаторских планов в области денежного обращения, то все же он уверен, что «эта теория не могла бы действовать на практике»: «Практически невозможна такая вещь, как доллар с неизменной покупательской силой». «Во-вторых, — говорит он, — я не думаю, что какая-либо национальная денежная система могла бы действовать удовлетворительно, если бы она не была принята большинством других наций. Но у меня нет никаких оснований предполагать, что другие нации захотят принять какой-либо из различных видов вновь изобретенных денег, которые теперь предлагают» (стр. 146). «Я практически не верю, чтобы какая-либо иная вещь, кроме золотого стандарта, могла бы действовать удовлетворительно» (стр. 146).

Варбург скромно выдает себя только за практика, но не теоретика и в качестве практика полемизирует с Фишером. Нужно сказать, что на этом пути он апоэне преусневает. Варбург считает, что только та теория правильна, которая дает верную ориентацию для практика, которая может предвидеть развитие капиталистической экономики. Не мудрствуя лукаво, Варбург просто взял комплект «Нью-Йорк таймс» за 1929 г. и процитировал оттуда следующие места: «5 сентября 1929 г., после сообщения Бэбсона, что наступает крах фондового рынка, Фишер писал: «Цены фондов не слишком высоки, и Уолл-Стриту не угрожает никакого краха». 15 октября в своем открытом письме Фишер утверждал, что цены фондов достигли того, что можно назвать «устойчивым высоким плато». 21 октября Фишер еще считал, что цены фондов не соответствуют реальным ценностям. Нет никакого перенасыщения рынка, но только приспособление цен к снижающейся ценности доллара и повышающемуся уровню производства и торговли. Наконец, 23 октября, следовательно, как раз накануне биржевого краха, Фишер писал: «Порожденные недавними срывами в рыночной стоимости ценных бумаг опасения относительно того, что уровень цен фондов может упасть до уровня 1923 г. или ниже, не оправдываются современными экономическими условиями».

Прочитав все эти научные «прогнозы» Фишера, Варбург по поводу этого иронически заметил: «Я извиняюсь перед профессором Фишером, если мое копание в прошлом покажется ему некорректным, но я полагаю, что теперь наступило время показать, что банкиры не всегда неправы и что профессора не всегда правы» (стр. 147—148). Варбург избрал довольно оригинальный прием полемики — показать на фактах, что вся теория Фишера представляет собой не что иное, как гадание на кофейной гуще. Поэтому такая теория может сколько угодно проповедываться с профессорских кафедр, но капиталистические практики должны обращаться с учеными консультантами типа Фишеров так, как это говорится в одной из восточных пословиц: «Выслушай внимательно, что тебе говорит твоя жена, — и поступи наоборот». Варбург «с уважением» отбрасывает теорию Фишера, а ведь эта теория представляет собой прямо-таки кладезь современной буржуазной науки. Этот инцидент весьма симптоматичен: он свидетельствует о глубочайшем разрыве господствующей буржуазной теории и практики.

Считая чистейшим пустяком всякие разговоры о том, что инфляция может быть «контролируемой», Варбург считает, что если бы даже такая инфляция была

возможна, то она не могла бы быть «программой восстановления», ибо, говорит он, «до тех пор, пока повышение в ценах не сопровождается повышением доходов, я не могу видеть в ней нечто положительное. Мне известен единственный путь вызвать повышение в ценах вместе с повышением доходов — это путь увеличения общего объема деловой активности, совершаемой в расчете на достаточную прибыль. Но не может быть никакого расширения деловой активности до тех пор, пока налицо неуверенность как в отношении денежной единицы, так и в отношении правительственного долга». Сторонники контролируемой инфляции базируют свою аргументацию на дебиторско-кредиторских отношениях, в особенности ссылаются на тяжелое положение должников-фермеров. «Но мне кажется, — говорит Варбург, — что они ничем не отличаются от человека, который, имея в своем доме документ, приносящий ему ущерб, поджигает весь дом для того, чтобы этот документ уничтожить». Варбург вполне резонно указывает, что такой «пожар» причинит ущерб всем получающим зарплату, всем вкладчикам банков, держателям полисов и т. д. В то же время все эти группы населения как раз и составляют «огромное большинство американского народа». От имени какого же «народа» выступает Томас? К тому же Варбург указывает, что «50% фермерства совершенно не имеют ипотечной задолженности, а еще 25% фермерства имеют задолженность, составляющую не более 25% стоимости их собственности» (стр. 148).

Повышение цен путем инфляции не исключает также и разрыва между ценами на сельскохозяйственную продукцию и ценами промтоваров. Подводя баланс выгод и убытков от инфляции, Варбург приходит к выводу, что инфляция принесет выгоды ничтожному меньшинству общества и вред огромному большинству последнего.

Варбург приводит остроумное сравнение инфляционистского под'ема с группой лиц, которые сидят в холодной комнате и греют руки в карманах: один из сидящих подходит к термометру, нагревает его своим дыханием и сообщает остальным, что температура поднялась. После этого все сидящие в комнате вынимают руки из карманов и движениями несколько согреваются, но когда обнаруживается, что в комнате попрежнему холодно, все вновь прячут руки в карманы. Инфляция, по Варбургу, есть не что иное, как самообман, как искусственное повышение температуры рыночной кон'юнктуры. Этот пример Варбурга затушевывает вполне реальную политическую значимость инфляции. Путем инфляции не только достигается некоторое повышение температуры капиталистической кон'юнктуры, но в то же время этим путем осуществляется вполне реальный процесс перераспределения национального дохода в пользу небольшой господствующей группы монополистических капиталистов.

Варбург связывает идею и политику контролируемой инфляции с идеей планирования экономики, которая распространена в некоторых кругах общества. Но если Варбург довольно убедительно показал, что народ, от имени которого выступают Фишер и Томас, не является в действительности народом, то он в то же время уверен, что вполне законно владеет мандатом этого народа. Варбург категорически заявляет, что американский народ не желает «плановой экономики, осуществленной в некоторых европейских странах»: «Если я прав в этом моем предположении относительно того, чего желает американский народ, то я могу заявить, что нет более очевидного фактора, препятствующего восстановлению, чем денежная политика экспериментов». «Я верю, что объявленное намерение прекратить обесценение и провести ревалуацию (переоценку в золоте) всех средств обращения, ныне оторванных от золота, вызвало бы большой стимул для делового оживления чем какое бы то ни было плановое регулирование и контроль. Но я также считаю, что самая здоровая денежная политика может стать недействительной из-за такой фискальной политики, которая поощрением чрезмерных расходов ведет к печатному станку» (стр. 149—150). Варбург, как и Сирайл

Джемс, требует немедленной стабилизации валюты и отказа от всякой попытки искусственного накручивания конъюнктуры.

Варбург верит во внутренние силы капитализма и считает, что рано или поздно восстановление придет само собой и что необходимым условием этого восстановления является здоровая денежная система — устойчивая валюта. Политическая демагогия инфляционистов, по мнению Варбурга, может принести только вред стране: «Что касается скрытого большинства, которое молчало до сих пор, то пусть президент знает, что американский народ готов вынести те жертвы, которые могут потребоваться на пути медленного, нормального процесса восстановления, и что огромное большинство несогласно с меньшинством. Это последнее шумит так, как всегда полагается шуметь меньшинству, требуя более легкого пути выхода из современных трудностей, не считаясь с последствиями в будущем» (стр. 150).

Варбург верит в капитализм и золотой стандарт как в необходимый механизм движения капиталистической экономики. Он призывает к жертвам и терпению американский народ: он верит в лучшее будущее. Но... «блажен, кто верует: тепло ему на свете».

Фишер в своем заключительном слове свел принципиальный спор в значительной мере на личную почву, ибо, как мы видели, его научное имя было дискредитировано грубоватым Варбургом. Отвечая на колкости Варбурга относительно банкиров, которые не всегда ошибаются, и профессоров, которые не всегда правы, Фишер замечает, что, в самом деле, был такой большой банкир в США, который, в отличие от Варбурга, действительно понимал «этот предмет». Этот загадочный банкир — Вениамин Стронг, бывший управляющий Ньюйоркским федеральным резервным банком. В настоящее время к таким банкирам Фишер относит также Вандерлипа и Георга Бланка. «Что касается управляющего Стронга, то мы ему обязаны в значительной мере тому «просперити», которым наслаждалась наша страна с 1921 по 1929 год. Хотя он и не имел прерогатив Рузвельта и специального законодательства, однако наш доллар в тот период был фактически стабилизирован; ибо именно благодаря его операциям на открытом рынке мы имели тот стабильный уровень цен, о котором говорил профессор Сирайл Джемс».

А как же насчет кризиса? Почему же этот восхваляемый Фишером стабилизированный доллар не стабилизировал экономики, но лишь открыл дорогу грандиознейшему провалу «просперити»? И где был Фишер со своей теорией перед самым крахом? Как может он сейчас объяснить свои «точные», «научные» прогнозы накануне кризисов? Прогнозы, смехотворность которых «ретроспективно» продемонстрировал Варбург? «Наука» профессора Фишера спасена благодаря тому, что... мистер Стронг умер вовремя. По поводу критики Варбурга Фишер указал, что его не вполне точно цитируют, в частности, он, Фишер, предсказывал, что будет ухудшение конъюнктуры. «Однако верно, — говорит он, — что я весьма недооценил грандиозности этого падения. Я покорно признаю это, но это было, в частности, потому, что я верил, что политика, инициатором которой был управляющий Ньюйоркским федеральным банком Стронг, и политика, которая теперь так успешно осуществляется управляющим Рутс, будет продолжаться. Управляющий Стронг умер в 1928 году. Я вполне уверен, что если бы он жил и его политика продолжала осуществляться, мы имели бы падение на фондовом рынке в более легкой форме, а после падения не было бы большой промышленной депрессии. Я полагаю, что в той или иной степени крах был неизбежен вследствие сверхзадолженности, но депрессия не была неизбежной, потому что дефляция, последовавшая вместе с сверхзадолженностью, отнюдь не была необходимой. Мы всегда можем контролировать уровень цен. Когда управляющий Стронг, будучи больным, находился в городе Атлантике, он с беспокойством следил за действиями своих коллег, не повышавших нормы переучета, чтобы предотвратить крах, приближение которого он уже видел. Если бы его операции

на открытом рынке были надлежащим образом продолжены, я верю, что крах был бы в огромной степени уменьшен, операции на открытом рынке изменили бы вовремя положение и промышленная депрессия была бы предотвращена. Я извиняюсь за то, что не сумел предсказать ясно то, что произойдет. Но я полагаю, что я был прав, исходя из того, что управляющий Стронг говорил мне, т. е. имея в виду, что мы будем и впредь иметь 100-центовый доллар, что дело дойдет до 180-центового доллара. К тому же я надеюсь, что вы не забыли того, что мое мнение 1929 года с основанием или без основания в то время разделялось огромным большинством наблюдателей, начиная с президента и секретаря казначейства и включая главнейших банкиров Нью-Йоркской Сити» (стр. 151).

«Самокритика» Фишера—зрелище, достойное богов. Поистине, смерть мистера Стронга была необходимой, чтобы спасти честь науки Фишера. Конечно, заключительное слово Фишера ни в коей мере не переубедило Варбурга, как и всякого здравомыслящего человека. Федеральная резервная система в фазе подъема и ажиотажа не могла действовать иначе, чем она действовала, ибо финансовые капиталисты управляют ею, но не наоборот. Вовлечение ресурсов федеральной резервной системы в отчаянную спекулятивную игру, обострившую неизбежный и без этого участия крах фондового рынка, вытекало с железной необходимостью из той роли, которую федеральные банки играют в современной капиталистической экономике. Фишер сколько угодно может успокаивать себя тем, что всемогущий Стронг скончался до краха.

Вместе с крахом фондового рынка и массовыми банкротствами промышленных и банковских предприятий обанкротилась начисто и фишеровская наука.

Не случайно критики Фишера и Томаса сейчас поднимают голову. Чтобы выкарабкаться из кризиса и «депрессии особого рода», финансовый капитал США будет сейчас пытаться создать устойчивую денежную систему—стабильную валюту. Но, конечно, не стабильную валюту по рецепту теории Фишера, не товарный доллар, но доллар-золотой, девальвированный на современном уровне. Для осуществления той денежной политики, которая сейчас необходима для американского капитализма, фишеровская «наука» бесполезна. Советы Варбурга, Кеммерера и других сейчас более уместны.

Но напрасны какие бы то ни было иллюзии, связанные с осуществлением этой политики. Того полнокровного расцвета производительных сил, который капитализм в свое время мог бы осуществить на базе золотой валюты, сейчас не может быть, не может быть потому, что в условиях всеобщего кризиса капитализма закономерности циклического движения носят на себе печать перезрелого и загнивающего капитализма. «Депрессия особого рода», о которой говорил товарищ Сталин на XVII съезде партии,— вот реальная перспектива для современного капитализма, и денежная политика, предлагаемая Варбургом или Кеммерером, может действовать лишь в рамках специфических закономерностей этой депрессии.

О массовой книге по философии марксизма

В. САРАБЬЯНОВ. Диалектический и исторический материализм. Соцэкгиз. 1934. 200 000 экз.

Показателем уровня развития нашей страны служит прежде всего наш социально-политический строй, строй диктатуры пролетариата, опирающейся на господствующий социалистический способ производства. Показателями степени развития нашей страны служат также уровень развития промышленного производства по отношению к другим отраслям хозяйства и в особенности удельный вес в системе промышленности машиностроения — промышленности, изготовляющей орудия производства. Показателем уровня развития нашей страны может, наконец, служить и то, что СССР является страной самого крупного социалистического сельского хозяйства, базирующегося на самой передовой технике.

Но не только по приведенным признакам можно судить о той ступени развития, на которой находится наша страна. Все стороны общественной жизни находятся в тесной внутренней связи: политика и экономика, техника и экономика, экономика и наука — весь социально-политический строй и различные формы общественного сознания находятся в необходимой имманентной связи и взаимодействии. Например наши успехи в области социально-экономической получают свое отражение в дальнейшем укреплении политического строя, в укреплении и усилении мощи Красной армии, в некотором изменении Конституции, в росте материального благосостояния масс, в росте низших, средних и высших школ, театров, в общем росте духовной культуры.

Одним из многочисленных показателей развития нашей страны в целом, показателем огромного роста духовной культуры в нашей стране, той величайшей тяги, которая пробудилась среди трудящихся к различным областям знания, в том числе и к наиболее возвышенным его сферам, может служить тот, на первый взгляд незначительный, факт, что у нас, например, книги даже по такой абстрактной науке, как философия, издаются огромным тиражом — в сотнях тысяч экземпляров. И этот массовый тираж расходуется в течение двух — трех месяцев.

В течение свыше двух тысяч лет философия считалась такой областью знания, которая доступна лишь верхушке господствующих классов — представителям так называемой «аристократии духа». Не даром носители философской науки нередко слыли среди масс людьми не от мира сего. А сегодня в Стране советов, где господствующей философией является диалектический материализм, философию изучают сотни тысяч, миллионы людей. Философская книжка, издающаяся во многих тысячах экземпляров, читается миллионами. Это говорит не только об огромном росте культуры в нашей стране, но и о характере этого роста. Наука, в том числе и философия, в эксплуататорских общественных формациях всегда была и остается наряду со средствами производства монополией господствующих классов и одним из важнейших орудий этого господства.

На долю масс всегда оставалась в качестве мировоззрения религия как опиум для народа, как род духовной сивухи, как средство, освящавшее строй эксплуатации и угнетения.

Даже в ту эпоху, когда буржуазия была революционной, а ее идеологи проповедывали в открытой или стыдливой форме материализм, крупнейшие представители буржуазии, например Вольтер, защищали необходимость религии как неотъемлемой, священной основы строя частной собственности и эксплуатации.

Только в нашей стране социализма наука и философия во все возрастающей мере становятся достоянием сотен, тысяч и миллионов.

Пропаганда единственной современной научной философии — диалектического материализма — достигла больших размеров в нашей стране. Нет ни одной страны, где бы произведения величайших мыслителей: Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина — получили такое распространение, как в СССР. Нет другой страны в мире, где бы популярная философская литература издавалась и расходилась в таких огромных количествах экземпляров.

Если бы наши издательства удвоили или утроили тиражи издаваемых философских книг, то и в этом случае нельзя было бы утолить в полной мере эту жажду, этот своеобразный, никогда не имевший места в истории голод, голод по популярной философской книге. Но это последнее обстоятельство налагает огромную ответственность как на авторов, пишущих книги для сотен тысяч и миллионов людей, так и на издательства, издающие эти книги.

Марксистская популярная философская книга должна в простой и доступной массовой форме дать изложение основ мировоззрения диалектического материализма. Эти популярность и доступность не должны вести к упрощению философских принципов марксизма-ленинизма. Это — первое требование, которое предъявляется к массовой научной книге, в том числе и философской.

Во-вторых, популярная философская книга должна быть написана живо, интересно, ярко, увлекательно, так, чтобы она была прочитана и дошла до сознания читателя, захватила его.

В-третьих, важнейший теоретико-познавательный принцип нашей философии — единство теории и практики — должен получить свое отражение в популярной философской книге не только как отдельная глава, что само собой разумеется, но и в форме изложения всех проблем диалектического и исторического материала. Именно: общие, абстрактные вопросы философии марксизма должны связываться с повседневной практикой масс. Надо, чтобы философская книга освещала теоретическим светом практику миллионов, давала им уверенность в успехе их дела, указывала им широкую историческую перспективу, чтобы каждый понимал связь той маленькой работы, которой он занят повседневно, с работой целого коллектива, миллионов,двигающих вперед всемирную историю, ускоряющих своими действиями ее великий бег. Книга должна помочь осознать передовику-рабочему себя в полной мере как частицу своего класса — пролетариата, как частицу великого коллектива трудящихся нашей социалистической родины, борцом за победу коммунизма во всем мире.

Рецензируемую книгу В. Сарабьянова мы взяли в руки не без некоторого волнения. В предисловии автор пишет: «Потребность читательских масс в кратком популярном изложении диалектического и исторического материализма очень велика. Моя книга задумана и выполнена именно для удовлетворения этой потребности». Это заявление очень ответственно и ко многому обязывает.

Дальше, автор пишет, что в этой книге «я разделался как с механицизмом, так и с идеалистическими ошибками (механистический материализм, отрицание объективной истины и т. д.)».

Эти заявления автора нельзя назвать слишком скромными, хотя их истинность подтверждается редакторами книги гг. Пичугиным и Эстриным.

Разделался или не разделался автор со своими прежними, немарксистскими взглядами, об этом должен сказать прежде всего читатель, а не сам бывший носитель этих ошибочных воззрений.

Несмотря на заявления о достоинствах книги, прочитав ее, надо прямо сказать, что она не оправдала тех надежд, которые связывались с ее появлением. В книге есть ряд очень существенных недостатков, снижающих ее ценность как популярной массовой книги. Правда, и сам автор вынужден в предисловии признать, что она получилась все же недостаточно популярной. Но это, к сожалению, не единственный ее порок. Если бы все недостатки сводились только к тому, что она недостаточно популярна и что в ней не все вопросы освещены, — это было бы полбеды. Но дело обстоит далеко не так. Основные недостатки книги можно свести к следующему:

1) Изложение вопросов дано так бегло, что это часто ведет к поверхностности. И дело тут не просто в краткости. Можно в краткой, сжатой форме дать более исчерпывающее изложение вопроса, чем дает автор.

2) Автор излагает вопросы, не учитывая уровня развития читателя, для которого он пишет. Автор имеет в виду, что для читателя та или иная проблема существует как сама собой разумеющаяся. Но ведь сам автор пишет, что книга «задумана и выполнена для читательских масс». Это значит, что ее будут читать люди, в первые вообще знакомящиеся с философией. А это значит, что многие вопросы существуют как проблемы для автора, но вовсе еще не существуют для массового читателя, впервые знакомящегося с философской наукой.

3) В-третьих, книга изложена небрежно, местами поверхностно, гранича с упрощением ряда существенных теоретических вопросов. Как результат этой небрежности в книге много неряшливых формулировок, которые ведут к искажению трактуемых вопросов.

4) Наконец, книга содержит не только ряд теоретических ошибок и извращений взглядов классиков марксизма, но и прямо политические ошибки. Это последнее является, конечно, обстоятельством более серьезным.

Чтобы не быть голословным, мы постараемся наши утверждения о недостатках рецензируемой книги документировать, иллюстрировать примерами. Начнем с самого существенного — с теоретических ошибок, имеющих политическое значение. Известно, что вопрос о движущих силах революции, о характере нашей Октябрьской революции всегда был для нас центральным политическим вопросом, по которому шла борьба с троцкизмом, зиновьевцами, с правыми оппортунистами. Известно также, что три знаменитых стратегических лозунга партии по крестьянскому вопросу, сменявших друг друга, связаны с развитием нашей революции, с переходом ее от одного этапа к другому. Этот вопрос тесно связан с пониманием характера, природы самой революции. Именно: поскольку пролетариат идет вместе со всем крестьянством против царя и помещиков при нейтрализации буржуазии, постольку революция была буржуазно-демократической. Этот период первого этапа революции, охватывающий 1905 год — февраль 1917 г.

Второй этап революции начался после февраля 1917 г. Для этого периода партия выставила в апреле второй стратегический лозунг: пролетариат идет вместе с беднейшим крестьянством при нейтрализации среднего крестьянства, против буржуазии — это лозунг пролетарской революции, лозунг борьбы за завоевание диктатуры пролетариата.

Третий стратегический лозунг: пролетариат, опирающийся на бедноту, в тесном союзе со средним крестьянством против буржуазии, в том числе и против сельской буржуазии — кулачества, — был выдвинут В. И. Лениным в ноябре 1918 года в статье против Питирима Сорокина и получил общепартийное провозглашение в программе нашей партии, принятой на VIII съезде (март 1919 г.). Этот

лозунг был выдвинут партией, когда упрочилась диктатура пролетариата, когда не только городская буржуазия, но и кулачество были основательно разбиты, — это был следующий этап развертывания пролетарской революции.

Все это известно и, казалось бы, стало всеобщим достоянием. Но, как мы увидим, тов. Сарабьянов на этот счет, очевидно, другого мнения.

На стр. 100—101 автор приводит известное место из VIII тома Собрания сочинений Ленина, характеризующего первый этап революции как буржуазно-демократический. Дальше сам автор книги пишет: «Так писал Ленин накануне буржуазно-демократической революции. Пролетариат вместе со всем крестьянством, руководя им в феврале 1917 г., уничтожил царский режим». И дальше продолжает:

«Второй этап буржуазно-демократической революции проводился под вторым лозунгом: вместе с беднейшим крестьянством против империалистической буржуазии при нейтрализации середняка». Тут все перевернуто, перепутано и извращено. Если революция направлена против империалистической буржуазии, то она не буржуазно-демократическая, а пролетарская, социалистическая. То же и о движущих силах. Если пролетариат идет вместе с беднейшим крестьянством при нейтрализации середняка, то это определяет и природу революции как пролетарской, социалистической, устанавливающей диктатуру пролетариата. Но Сарабьянов, очевидно, думает на этот счет иначе, у него своя точка зрения, иная чем у Ленина.

Еще в свое время в борьбе с Каутским, который рассматривал Октябрьскую революцию как буржуазную, Ленин писал:

«В союзе пролетариата с крестьянством вообще и обнаруживается буржуазный характер революции, ибо крестьянство вообще есть мелкие производители, стоящие на почве товарного производства. Далее, добавляли тогда же большевики, пролетариат присоединяет к себе весь полупролетариат (всех эксплуатируемых и трудящихся), нейтрализует среднее крестьянство и ниспровергает буржуазию; в этом состоит социалистическая революция, в отличие от буржуазно-демократической»¹⁾.

И дальше:

«Запутанный Каутским вопрос большевики уже в 1905 году раз'яснили полностью. Да, революция наша буржуазная, пока мы идем вместе с крестьянством, как целым. Это мы яснее ясного сознавали, сотни и тысячи раз с 1905 года говорили, никогда этой необходимой ступени исторического процесса ни перепрыгнуть, ни декретами отменить не пробовали. Потуги Каутского «изобличить» нас по этому пункту изобличают только путаницу его взглядов и боязнь его вспомнить то, что он писал в 1905 году, когда он не был еще ренегатом.

Но в 1917 году, с апреля месяца, задолго до Октябрьской революции, до взятия власти нами, мы говорили открыто и раз'ясняли народу: остановиться на этом революция теперь не сможет, ибо ушла вперед страна, шагнул вперед капитализм, дошло до невиданных размеров разорение, которое потребует (хочет ли этого кто-нибудь или нет), потребует шагов вперед к социализму. Ибо иначе идти вперед, иначе спасать страну, истерзанную войной, иначе облегчать муки трудящихся и эксплуатируемых нельзя.

Вышло именно так, как мы говорили. Ход революции подтвердил правильность нашего рассуждения. Сначала вместе со «всеми» крестьянством против монархии, против помещиков, против средневековья (и постольку революция остается буржуазной, буржуазно-демократической). Затем вместе с беднейшим крестьянством, вместе с полупролетариатом, вместе со всеми эксплуатируемыми против капитализма в том числе против деревенских богачей, кулаков, спекулянтов, и постольку революция становится социалистической. Пытаться поставить искусственную китайскую стену между той и другой, отделить их друг от друга чем-либо иным, кроме степени подготовки пролетариата и

¹⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXIII, стр. 387.

степени объединения его с деревенской беднотой, есть величайшее извращение марксизма, опошление его, замена либерализмом»¹).

Кажется, после этого ясно, что смена лозунга по крестьянскому вопросу была связана с переходом от буржуазно-демократической революции к революции социалистической, пролетарской, что второй лозунг по крестьянскому вопросу является стратегическим лозунгом пролетарской революции, сохранившим свою силу до начала 1919 г., когда лозунг нейтрализации среднего крестьянства был уже недостаточен и нужно было перейти к третьему стратегическому лозунгу партии по крестьянскому вопросу, знаменовавшему третий этап в развитии нашей революции.

Сарабьянов запутывает давно решенный вопрос, по которому писали и Ленин и Сталин (см. статьи Сталина: «Письмо о трех лозунгах по крестьянскому вопросу» и «Ленин и вопрос о союзе с середняком»). Эта ошибка у автора книги т. Сарабьянова, несомненно, носит троцкистский, зиновьевско-каменевский характер. Именно Троцкий, Зиновьев и Каменев — эти враги пролетарской революции — давали оценку Октябрьской революции как буржуазной. Известно, что Каменев и Зиновьев пытались удержать революцию в границах буржуазной революции. Пролетариат, возглавляемый нашей партией, вместе с беднейшим крестьянством при нейтрализации среднего крестьянства осуществил пролетарский социалистический переворот, не останавливаясь на границах буржуазной революции врагов и предателей коммунистической революции — Каменева и Зиновьева.

В общефилософской части делается экскурс в историю философии. Здесь часто даются неверные, неконкретно-исторические оценки мыслителей прошлого; нередко прямо извращаются взгляды классиков на ряд философских систем прошлого, например Гераклита, Спинозы, на французский материализм, на Фейербаха и т. д.

Известно, что философы древности — как материалисты, так и идеалисты — были идеологами рабовладельцев, только одни из них выражали взгляды землевладельческой, рабовладельческой аристократии, другие — торговой рабовладельческой знати. А по Сарабьянову, купцы в Греции выступают чуть ли не в качестве борцов против рабовладельцев (стр. 8).

В результате извращается наше отношение к стихийно-диалектической философии Гераклита, умаляется значение последнего в развитии философской мысли.

Дальше, объясняя наивно-материалистические взгляды философов Милетской школы, заключающиеся в том, что они клали в основу объяснения природы конкретный вид материи — воду или воздух, а не материю вообще, — автор пишет, что причина этого лежит в том, что там была, видите ли, «крайне убогая техника». Это, на наш взгляд, является протаскиванием старых, механистических взглядов на объяснение различных форм общественного сознания, сведения их непосредственно к технике, вместо того чтобы сказать, что это было первым научным мировоззрением на природу в противоположность религиозному мировоззрению, что несмотря на многие наивности, встречающиеся в их взглядах, все же они видели единство мира в его материальности, что это было первым проникновением в сущность явлений, объяснением материального мира из него самого.

Это было возможно, поскольку рабовладельческое, античное общество находилось еще на восходящей линии развития, поскольку внутренние противоречия рабовладельческого строя еще не развились и час его упадка еще не пробил.

Дальше, известно, что Энгельс и Ленин считали древнегреческую философию в противоположность философии нового времени стихийно-диалектической. Автор и здесь пересматривает установившийся взгляд классиков. Так, на стр. 11 он пишет, что мировоззрение древней Греции содержало в себе лишь некоторые существенные «элементы диалектики», а не в целом оно было стихийно-диалектическим.

¹) Ленин. Собр. соч. Т. XXIII, стр. 390—391.

В другом месте (стр. 12) он прямо приписывает древнегреческим мыслителям-материалистам то, что характерно для материализма XVII—XVIII столетий нашей эры, именно механицизм, метафизичность как типичные черты. А на стр. 19 он пишет: «Второй недостаток французского материализма — это его метафизичность, и здесь XVIII век непосредственно продолжал материализм античной Греции».

Эта оценка вкорме противоречит взглядам основоположников диалектического материализма на древнегреческую философию и в частности на древнегреческий материализм, извращает действительные, реальные ступени развития философии. Вот что писал Энгельс о древнегреческой философии:

«Когда мы мысленно рассматриваем природу, или человеческую историю, или нашу собственную духовную деятельность, то перед нами сперва возникает картина бесконечного сплетения соединений и взаимодействий, в которой ничто не остается неподвижным и неизменным, а все представляется движущимся, изменяющимся, возникающим и исчезающим. Таким образом, мы видим сперва общую картину, в которой частности еще более или менее ступшеваются, мы больше обращаем внимание на ход движения, на переходы и сцепления, чем на то, что именно движется, переходит, сцепляется. Этот первоначальный, наивный, но по существу правильный взгляд на мир был присущ древнегреческой философии и впервые ясно выражен Гераклитом: все существует и в то же время не существует, так как все течет, все постоянно изменяется, все находится в постоянном процессе возникновения и исчезновения»¹⁾.

А в старом предисловии к «Анти-Дюрингу» Энгельс, выясняя причины той путаницы и тех затруднений, которые испытывало современное естествознание, пишет, что выход из этого может быть только в возврате от метафизического метода к диалектическому. Этот переход к диалектическому способу мышления может быть облегчен знакомством с исторически существовавшими формами диалектической философии, и он наряду с диалектической философией Гегеля называется также и греческую:

«Но он может быть значительно сокращен, если теоретизирующие естествоиспытатели захотят познакомиться основательнее с диалектической философией в ее исторически данных формах. Среди этих форм особенно плодотворными для современного естествознания могут стать две»²⁾.

Как видим, диалектичность древнегреческой философии Энгельс видит в том, что она еще рассматривает мир как целое, устанавливает единство и внутреннюю связь всего сущего. Эта всеобщая связь явлений еще не доказывается в подробностях: она является «результатом непосредственного созерцания». Эти черты, характеризующие древнегреческую философию, прежде всего присущи материалистическому ее направлению. А тов. Сарабьянов, не отказывая древним грекам в некоторых «элементах диалектики», очевидно, меньше всего склонен эти «элементы» видеть у материалистов. Последних наподобие материалистов XVII и XVIII столетий он характеризует как метафизиков-механистов. Больше этого, французских материалистов в этом отношении он ставит выше древних материалистов (стр. 17—18).

Но метафизический, механический материализм был продуктом другой эпохи, других условий развития. Он возник под влиянием не только определенных общественных условий, но и характера естествознания того времени, переживавшего собирательный период, период классификации, связанный с расчленением природы как единого целого. Это был неизбежный, необходимый этап в развитии естествознания, и он создал привычку рассматривать мир не как процесс (т. е. то, что мы имеем у древних греков и чего не хочет видеть у них тов. Сарабьянов и что он неосновательно приписывает французским материалистам, см. стр. 18—20), а как мир готовых, застывших вещей. Этот метафизический

¹⁾ Энгельс «Анти-Дюринг», стр. 14. Партиздат. 1934.

²⁾ Там же, стр. 241.

способ мышления был перенесен Бэконом и Локком из естествознания в философию. Французские материалисты также все были по преимуществу метафизики.

Но дальнейшее развитие естествознания, физики с ее законом превращения энергии, химии с законом сохранения материи, биологии (учение о клетке и об изменении животных видов — дарвинизм), развитие борьбы классов — все это в совокупности создало предпосылки, при которых идеалистическая диалектика Гегеля могла быть «поставлена с головы на ноги» и мог быть развит и обоснован действительно научный диалектико-материалистический метод, или диалектический материализм.

Сарабьянов опять-таки и здесь все упрощает, считая, что разработанный диалектический метод возникает и развивается в эпоху высокого уровня производительных сил и очень сложных общественных отношений.

Примером небрежных формулировок, разбросанных по всей книге, могут служить следующие места.

Стр. 7: «Основы диалектического материализма развиты Марксом и Энгельсом».

Почему только «основы», а не цельное, стройное, самое последовательное мировоззрение, созданное заново (а не только «развитое») на основе критической переработки всех достижений предшествовавшей передовой философской мысли, на основе анализа всей всемирноисторической практики человечества, на основе всех достижений передовой научной мысли вообще?

Одним из примеров невнимательности может служить то, что Декарт из французца делается голландцем. Это, очевидно, на том основании, что Декарт эмигрировал в Голландию. Но это было участием не одного Декарта. Гораздо позже это должен был сделать Робинс. Ляметри тоже жил не у себя на родине. Но это не значит, что на этом основании они переставали быть французами. Только из французских условий начала XVII столетия может быть понята дуалистическая философия Декарта так же, как и боевая, атеистическая, материалистическая философия Ляметри может быть понята лишь из условий кануна Великой французской революции.

Переходя к характеристике философских воззрений Фейербаха, тов. Сарабьянов снова повторяет свои старые механистические ошибки.

Известно, что три ограниченности, свойственные домарксовскому материализму (метафизичность, механицизм, непоследовательность — идеализм в «верху» в объяснении явлений общественной жизни), свойственны в основном и Фейербаху. То новое, что внес Фейербах в материализм, казалось частностью, но не создавало новой формы материализма. Диалектика — вот что могло обогатить старый материализм — это, во-первых, и, во-вторых, распространение материализма на познание законов общественной жизни. Но ни того, ни другого Фейербах не сделал. Диалектику Гегеля, это величайшее приобретение немецкой классической философии, Фейербах попросту выбросил за борт; он не сумел преодолеть гегелевскую философию изнутри, как это сделали Маркс и Энгельс. Фейербах, провозглашая истину материализма, отверг Гегеля с порога. Это для своего времени было тоже великим деянием, но задача окончательного диалектического преодоления гегелевской философии выпала на долю Маркса и Энгельса. Это всем марксистам известно. Иного мнения на этот счет были меньшевистствующие идеалисты, в частности Деборин, который говорил, что время Фейербаха придет. Иначе чем марксисты-ленинцы думала механистка Аксельрод, отождествлявшая теорию познания Маркса и Фейербаха. Иначе думал об этом в свое время и автор рецензируемой книги, разделявший механистические взгляды Аксельрод.

По этому вопросу шла борьба. Сарабьянов признавал ошибочность своих воззрений, выступал с критикой их. А в рецензируемой книге он пишет: «Фейербах на голову выше своих предшественников». «Как мы видим (ничего не видно, автор этого не показывает! — Ф. К. и П. Ю.), и Фейербах развивает учение французских материалистов XVIII века, но (не знаю, причем тут это «но»! — Ф. К. и П. Ю.) не ограничивается повторением их, а поднимает материализм на новые

высоты; учение Фейербаха есть новая ступень в развитии материализма», — так пишет о Фейербахе Сарабьянов.

А вот что пишет по этому же вопросу вслед за Энгельсом Ленин: «Основным недостатком «старого», в том числе и Фейербаховского (а тем более «вульгарного», Бюхнера — Фогта — Молешотта) материализма Маркс и Энгельс считали (1) то, что этот материализм был «преимущественно механическим», не учитывая новейшего развития химии и биологии (а в наши дни следовало бы еще добавить: электрической теории материи); (2) то, что старый материализм был неисторичен, недиалектичен (метафизичен в смысле антидиалектики), не проводил последовательно и всесторонне точки зрения развития; (3) то, что они «сущность человека» понимали абстрактно, а не как «совокупность» (определенных конкретно-исторически) «всех общественных отношений» и потому только «объясняли» мир, тогда когда дело идет об «изменении» его, т. е. не понимали значения «революционной практической деятельности»¹⁾.

Как видим, это является прямо противоположным тому, что пишет Сарабьянов. По Ленину — Энгельсу, Фейербах не вышел в своих взглядах за пределы материализма XVIII в., его материализм страдал теми же ограниченностями и недостатками, а по Сарабьянову, он создал новую ступень, новую форму материализма. Сарабьянов и не пытается даже указать на механицизм и метафизичность философских воззрений Фейербаха.

Автор, пересматривая взгляды классиков марксизма по ряду вопросов истории философии и материализма, даже не пытается оправдать чем-либо этот пересмотр. Он не приводит ни тени доказательств. Но ведь нельзя же допустить, чтобы взгляды Энгельса — Ленина не были известны автору и редакторам по этому вопросу!

Не совсем верно Сарабьянов характеризует и идеалистическое существо диалектики Гегеля. Так, он пишет: «Но гегелевская диалектика идеалистична, она отбрасывает мысль от действительности» (стр. 37).

Это не полностью вскрывает существо дела. У Гегеля, как известно, мысль под видом абсолютной идеи изображается как основа действительности, как творец материального мира.

По вопросу о философской эволюции Маркса — Энгельса автор также не следует прямым указаниям классиков. Он стремится несколько приукрасить «домарксистский» период философских воззрений Маркса и Энгельса. Это касается как отношения Маркса — Энгельса к Гегелю, так и к Фейербаху, сторонниками и взглядами которых они в свое время были. Об этом пишут Маркс и Энгельс, и об этом надо сказать прямо. Конечно, Маркс и Энгельс никогда не были апологетами Гегеля в гегелевский период их философского развития, как они не были слепыми подражателями Фейербаха в последующий период их философского развития. Но факт остается фактом, и сам Энгельс об этом пишет, что он и Маркс были сначала левыми гегельянцами, а потом на время стали сторонниками Фейербаха. Диалектический материализм ими создан был не сразу, а в процессе борьбы и путем преодоления как философии Гегеля, так и философии Фейербаха.

Приукрашать «домарксистские» философские работы Маркса — Энгельса — это значит сослужить им медвежью услугу. Маркс и Энгельс были не просто гегельянцами, а сторонниками «левого» крыла этого направления, делавшими из философии Гегеля революционные выводы, в отличие от правых гегельянцев, ухватившихся за консервативную сторону философии Гегеля. Маркс и Энгельс под влиянием развивающейся классовой борьбы в предреволюционной Германии и под влиянием философии Фейербаха переходят от идеализма к материализму.

¹⁾ Ленин «Маркс — Энгельс — марксизм», ст. К. Маркса, стр. 16. Партиздат. 1932.

му, становясь на время сторонниками Фейербаха. В этот период они в отличие от Фейербаха не выбрасывают за борт диалектику Гегеля, хотя еще и не создали диалектического материализма. По словам Маркса и Энгельса, они сводят счеты со своей прежней философской совестью в «Немецкой идеологии».

* * *

Чтобы покончить с общеполитической частью, занимающей почти половину книги, мы не можем не остановиться на важнейшем вопросе, по которому шла борьба и с механицистами и с меньшевистствующими идеалистами, — это вопрос о ленинском этапе развития философии марксизма. Автор посвящает этой проблеме специальную главу, занимающую две страницы. Но дело не в количестве, а в существе. Из этой главы нельзя понять, что же, собственно, обусловило создание этого нового этапа. Какие конкретные открытия в области естествознания и в общественной науке привели к этому, и что конкретно внес Ленин в сокровищницу диалектического материализма?

Ленин, как известно, вслед за Энгельсом говорит, что материализм должен принимать новый вид с каждым новым великим открытием в области естествознания, а с тех пор, как возникла подлинная общественная наука, — и с каждым открытием в этой области. Ленин в противоположность Плеханову сам указывает на это новое в отношении естествознания. Это новое состояло в открытии радия, в разложении атома и создании электронной теории материи, в учении о превращении элементов, т. е. то, что не было известно не только материалистам XVIII в., но и Марксу. Эти открытия не только целиком подтвердили истину диалектического материализма, но и обусловили его новый вид в соответствии с новым видом естествознания.

Ленин был единственным марксистом, пишет товарищ Сталин, который сделал философские обобщения всех этих великих открытий в области естествознания за период после смерти Энгельса. В области общественной науки важнейшие открытия относятся к анализу того нового, что принесла эпоха империализма, эпоха империалистических войн и пролетарских революций.

В учебнике об этом нужно было говорить конкретно, иллюстрируя на конкретных примерах, в чем и как именно Ленин развивал материалистическую диалектику, показывая великие образцы этой диалектики из любой его книги, статьи или речи. Автор при оценке ленинского этапа в развитии философии марксизма совсем обходит «Философские тетради», фрагменты, наброски Ленина, непосредственно относящиеся к разработке материалистической диалектики как философской науки, как логики, теории познания.

Известно, что Ленин вслед за Марксом и Энгельсом рассматривал диалектику как теорию познания. «Диалектика и есть теория познания Гегеля и марксизма, — писал Ленин. — Этой стороны дела (это не сторона, а суть) не понял Плеханов, не говоря уже о других марксистах».

Этот вопрос — один из центральных вопросов, разработке которого Ленин уделяет много внимания, борясь с Плехановым. По этому вопросу шла борьба с деборинцами и с механистами. И те и другие вслед за Плехановым разрывали диалектику и теорию познания, извращая таким образом существо нашей теории познания, не понимая сути диалектики, подменяя последнюю теорией познания Фейербаха. Всем это известно. И, излагая проблему ленинского этапа, нельзя обходить эту сторону дела. Однако Сарабьянов обошел этот вопрос, а редактора потворствуют этой работе. Сарабьянов еще, может быть, не до конца понял всю глубину ошибочности своих старых взглядов и не все до конца додумал. Но редактора должны были помочь ему в этом. А вместо помощи они потворствуют извращению одного из кардинальных вопросов борьбы Ленина с извращениями нашей философии — вопроса, который не перестал быть предметом борьбы и сегодня.

Задача разработки вопроса о диалектике как логике и теорий познания еще стоит перед нами. Надо показать на историко-философском материале, как была разорвана логика и теория познания у буржуазных философов, в частности у Канта, к чему это приводило, как на идеалистической основе преодолел этот разрыв Гегель и как создавалась и развивалась материалистическая диалектика как логика и теория познания.

Руководствуясь соответствующими указаниями Ленина необходимо раскрыть это единство диалектики, логики и теории познания, показать как Маркс на примере конкретной науки — политической экономии, — исследуя возникновение, развитие и условия гибели капитализма, диалектику его противоречивого движения, дал образец единства исторического и логического, воспроизвел и отразил в категориях реальную историю капитализма.

Давая диалектику развития капитализма, Маркс одновременно критикует буржуазную политическую экономию и историю ее развития. Но это специальный вопрос, и здесь мы на нем останавливаться не будем.

* * *

В характеристике ленинского этапа в развитии материалистической диалектики автор, по сути дела, обходит роль товарища Сталина. Автор вместо показа того нового, что внес товарищ Сталин в философию марксизма-ленинизма, показав того, как товарищ Сталин, защищая от врагов — ревизионистов — принципы ленинизма вообще, боролся и борется за чистоту материалистической диалектики, развивая ее на богатейшем материале нашей революционной эпохи, — вместо этого ограничивается отпиской буквально в три строчки и ни слова не говорит по существу. Сжатость книги здесь не может служить оправданием. Миллионы трудящихся учатся и будут учиться многие десятилетия революционной диалектике по работам великого Сталина. Вот что писал товарищ Сталин в свое время о диалектике нашего развития: «Ведь наше развитие идет не в порядке плавного, огульного подъема вверх. Нет, товарищи, у нас есть классы, у нас есть противоречия внутри страны, у нас есть прошлое, у нас есть настоящее и будущее, у нас есть противоречия между ними, и мы не можем продвигаться вперед в порядке плавного покачивания на волнах жизни. Наше продвижение протекает в порядке борьбы, в порядке развития противоречий, в порядке преодоления этих противоречий, в порядке выявления и ликвидации этих противоречий. Никогда не будем мы в силах, пока есть классы, иметь такое состояние, когда можно будет сказать: ну, слава богу, теперь все хорошо. Никогда этого не будет у нас, товарищи. Всегда у нас что-либо отмирает в жизни. Но то, что отмирает, не хочет умирать просто, а борется за свое существование, отстаивает свое отжившее дело. Всегда у нас рождается что-либо новое в жизни. Но то, что рождается, рождается не просто, а пищит, кричит, отстаивая свое право на существование. Борьба между старым и новым, между отмирающим и нарождающимся, — вот основа нашего развития»¹⁾.

Разве это не блестящий пример применения и развития революционной диалектики?

Были в нашей партии люди, которые писали книги о диалектике. А когда дело доходило до столкновения с реальными противоречиями в жизни, они или пытались замазать, затушевать их или прятались в кусты, уходили от трудностей, сдавались на милость стихии.

Все эти примеры мы привели затем, чтобы показать, что массы учатся диалектике у самой жизни. А никогда еще жизнь не была так богата образцами диалектики, как в нашу эпоху. Диалектико-материалистический анализ противоре-

¹⁾ Сталин «Политический отчет ЦК XV съезду ВКП(б)», стр. 38—39. Партиздат. 1933.

чий нашей эпохи после Ленина, опираясь на Ленина, дают работы товарища Сталина. И вот когда пишут массовую книгу по диалектике и обходят образцы применения и развития материалистической диалектики на примерах нашей эпохи, на явлениях, которые всех интересуют и волнуют, — вот это является недопустимым.

Как Ленину после смерти Энгельса, так и товарищу Сталину после смерти Ленина пришлось выдержать борьбу и против различных видов ревизионизма и с открытыми врагами ленинизма не только по вопросам, касающимся судьбы нашей революции, теории построения социализма в отдельно взятой стране, существования пролетарской диктатуры и т. д., но и по вопросам, касающимся непосредственно философии. Известно, что и троцкисты, и зиновьевцы, и идеологи правого оппортунизма пытались истолковать дело таким образом, что Ленин якобы лишь восстановил метод Маркса, ничего нового не внося в развитие материалистической диалектики.

Товарищ Сталин показал и доказал, что Ленин развивал марксизм во всех его составных частях, в том числе и в области философии. Во всех трех составных частях развивает марксизм-ленинизм и товарищ Сталин.

Товарищ Сталин дал уничтожающую критику «цитатного марксизма», метафизики контрреволюционной зиновьевщины, критику идеализма и схоластики, эклектики контрреволюционного троцкизма, механистической теории равновесия Бухарина. Под руководством Сталина велась борьба против меньшевистствующих идеалистов. Товарищ Сталин дальше продолжил и развил ленинскую теорию пролетарской революции, теорию диктатуры пролетариата и закономерностей переходного периода.

Эти вопросы «забыты» автором книги.

Мы на этом заканчиваем рассмотрение общеполитической части книги. Как видим, здесь дело обстоит неважно.

Ну, а как обстоит дело в отделе «Исторический материализм»? На примере трех лозунгов по крестьянскому вопросу мы это уже показали. Но и по другим вопросам ошибок в книге немало. Вторая часть начинается с раздела «Общество — особая часть природы со своими специфическими закономерностями».

Автор не показывает, почему общество есть действительно часть природы, почему общественный человек может подчинять себе природу, лишь подчиняясь ей. Сарабьянов не показывает, в чем же специфика законов общественного развития по отношению к природе. Автор этого не только не показывает, но как будто забыл, что он обещал в заглавии. Впрочем, справедливость требует указать, что автор в разделе «Критика органической теории общественного развития» указывает на особый характер закономерностей общественного развития. Но здесь так же, как и в первой главе, не дается положительной характеристики вопроса о тождестве и различии между обществом и остальной природой.

Проблема специфики общественных закономерностей для нас имеет две стороны. Во-первых, отличие закона общественного развития по отношению ко всей остальной природе, специфической частью которой является человек. Здесь мы разграничиваем, противопоставляем свои взгляды различным натуралистическим школам, отождествляющим законы общества и природы. Вместе с тем в противоположность риккертianцам мы не вырываем общество из природы и не ставим его над ней как некое божественное творение, якобы подчиненное не каузальным, а телеологическим закономерностям, как пишут сторонники Риккерта. Это одна сторона дела. Во-вторых, мы противопоставляем свои взгляды тем сторонникам буржуазной социологии, которые говорят об обществе вообще, об общих, вечных законах, свойственных всем ступеням общественного развития. Каждая формация имеет свои специфические законы возникновения, развития и перехода в другую формацию. Этот вопрос автор разбирает, но в вопросе о соотношении общих и особых законов общественного развития тов. Сарабьянов допускает недоговоренность. Он говорит, что истмат изучает как общие, «так и осо-

бые законы развития, присущие той или иной формации» (стр. 52), не показывая, что общие законы не существуют вне особых законов развития формаций.

В главе о производстве как основе общественных отношений автор не рассматривает двух сторон процесса труда, процесса производства. Как известно, механисты всегда допускали ошибку обратного порядка, именно: сосредоточивая все внимание на отношении общества к природе, на проблеме техники, они игнорировали общественную сторону процесса производства и его главную силу — рабочего. Но ни то, ни другое не является правильным. Как известно, Маркс в V главе I тома «Капитала», прежде чем перейти к анализу капиталистического процесса производства как производства прибавочной стоимости, предпосылает этому анализ процесса труда в его общей форме, т. е. то, что характерно для всех ступеней развития производства, независимо от его особых общественных форм. Тов. Сарабьянов не дает характеристики этих двух сторон процесса труда, процесса производства. Но этим мы рискуем сбиться на рубинские идеалистические позиции.

Рассматривая первые главы второй части, следует отметить, что автор, говоря об исторической теории Гегеля, пишет «об идеалистических ошибках Гегеля» в этой области (стр. 51). Даже деборинцы не отважились бы открыто на такую «уступчивость» в отношении Гегеля.

В своих иллюстрациях, поясняющих точку зрения автора, Сарабьянов допускает упрощения, вульгаризацию вопроса. Так, на стр. 53, характеризуя зависимость живописи от способа производства, он пишет: «На картинах феодального класса изображаются князья, короли, рыцари, их господство, так как феодалы занимают в общественном производстве командное положение. В капиталистическом же обществе господствующая буржуазная живопись изображает буржуазный быт, осмеивает феодалов и выдает рабочих за какую-то грязную скотинку».

На самом деле, тут, конечно, все обстоит гораздо сложнее. И феодальные художники рисовали простой народ.

Возьмите русского художника Васнецова, Виктора, — он пишет не только «Богатырей», но и «Аленушку», не только церковную живопись, но и «Нищих», «Чаепитие в харчевне» и т. д. Так что дело не только в сюжете, но и в направлении, в стиле творчества. Художник типа Репина может рисовать и волжских бурлаков и Ивана Грозного, и от этого он не перестанет быть художником буржуазной эпохи.

Упрощением вопроса являются и следующие места книги: «Капиталистические производственные отношения (расхищение способностей и сил самих рабочих, частная собственность на землю, машины, железные дороги и пр. и пр.) на определенной ступени развития мешают развиваться новым производительным силам (электрификация, химификация и т. п.), и революционный класс (пролетариат) в конце концов насильственно, революционным путем уничтожает капиталистические производственные отношения и создает новые» (стр. 55). Автор забывает, что буржуазному обществу свойственна не просто «частная собственность», но монополярная частная собственность на все средства производства и отсутствие этих последних у непосредственных производителей. Отсюда особая форма соединения непосредственных производителей со средствами производства через продажу рабочей силы как товара, именно то, что характеризует капиталистический способ производства.

Противоречия капиталистического способа производства находят свое обнаружение в кризисах, безработице, войнах, ведущих к величайшему разрушению производительных сил как техники, так и рабочих — этой важнейшей производительной силы. Все это выпадает из поля зрения автора, хотя современная действительность прямо указывает на это. Впрочем, о кризисе автор вскользь упоминает на стр. 64, но вскользь, мимоходом, в другой связи.

Вряд ли следует считать правильным такую терминологию, что производительные силы и производственные отношения — это две стороны произ-

водства (стр. 55). Правильнее рассматривать вслед за Марксом производительные силы как содержание, а производственные отношения — как общественную форму производства. Незачем мудрить и вводить новую терминологию, сбивающую с толку.

После рассмотрения проблемы базиса и надстроек автор дает характеристику общественно-экономических формаций от первобытного коммунизма до коммунистической формации. Недостатком этой части книги является то, что автор не дает здесь характеристики движущих сил общественного развития в переходный период, в первый период социализма, в который мы вступили, а это заслуживает специального внимания.

После разбора формаций автор переходит к критике буржуазных общественных теорий, причем одну из модных современных теорий, на которую опираются фашисты, автор почему-то обходит и, наоборот, уделяет внимание таким направлениям, как органическая школа, которая сейчас широкого влияния даже в среде буржуазных социологов не имеет.

В заключение следует указать, что отдельные главы книги в общем написаны неплохо. Но отмеченные нами ошибки принципиального теоретического и политического порядка, неряшливость и небрежность изложения, упрощение ряда важнейших вопросов нашей теории — все это говорит о том, что ни т. Сарабьянов, ни его редакторы не справились с поставленными ими задачами и не оправдали векселей, выданных в предисловиях.

Ф. КОНСТАНТИНОВ и П. ЮДИН

М. Я. Выгодский—„Галилей и инквизиция“. Ч. I. Запрет пифагорейского учения. ГТТИ. 1934. 216 стр.

Борьба Галилея против церкви, за научное мировоззрение играет не последнюю роль в антирелигиозной пропаганде. Поэтому имя Галилея известно широким массам, особенно в СССР. В нашей литературе и передачах по радио (последнее время, например, в календаре знаменательных событий) можно читать и слышать, что Галилей прокладывал путь к той борьбе, которую развернул пролетариат против религии, что имя Галилея поэтому достойно уважения и памяти со стороны трудящихся.

Над всем этим буквально издевается автор приведенной выше книги. Книга начинается с воспроизведения картин Пилотти и Гаусмана. На одной из них изображен Галилей в темнице инквизиции, продолжающий заниматься своей враждебной религии наукой. На другой представлено публичное отречение Галилея, именно тот момент, когда Галилей, возмущенный совершаемым над ним насилием, пренебрегая опасностью, восклицает: «И все же земля движется!»

По поводу первой картины наш автор пишет: «Изобразить Галилея мучником — вот что хотел автор картины. Это благодарная тема для художника, но... это неверное изображение действительности» (стр. 3).

По поводу второй картины читаем: «Здесь перед нами Галилей — безрассудный герой, и героем делает его идея, которая оказывается ему дороже жизни. Это тоже мотив, достойный полотна, но... это тоже фантазия. Галилей не был ни героем, ни безумцем, и сцена, изображенная художником, — продукт легенды» (стр. 3).

Для Выгодского Галилей — «верный адепт папизма» (стр. 17), «ему чужда даже тень радикализма» (стр. 14) и т. п. Так начинается развенчивание Галилея Выгодским. Издеваясь над картинами Пилотти и Гаусмана, Выгодский помещает портрет папы Павла V, не находя в то же время ни слова возмущения против действительно имевших место преследований Галилея. И для всего этого находится бумага! Очевидно, у ГТТИ такой избыток бумаги, что это издательство не может найти лучшего применения ее чем для воспроизведения портретов римских пап, этих гнуснейших выродков эксплуататорских классов.

Но вот что еще более странно! На следующей же странице после насмешек над воспроизведенными картинами Выгодский пишет: «Галилей объективно подрывал авторитет церкви, в этом не может быть сомнения» (стр. 4). Более того, Выгодский сам неоднократно отмечает, что не только научные теории Галилея, но и его аргументация были направлены против ортодоксального папизма.

Наконец, Выгодский сам пишет о «трагедии» Галилея, о том, что он дважды привлекался инквизицией к ответственности, а ему было запрещено защищать

это учение. Второй же раз Галилей сам был осужден, подвергнут принудительному, гнусному покаянию и объявлен «узником инквизиции» и в качестве такового девять лет был изолирован от всего мира, хотя и находился под арестом не в тюрьме, а в домашней обстановке. Галилею в момент осуждения было 69 лет! И несмотря на все это Галилей не отказался до конца жизни от своих взглядов и в ряде трудов и полемических произведений защищал эти взгляды!

Спрашивается: неужели художественное изображение (пусть не соответствующее строго исторической действительности)¹⁾ Галилея как «узника инквизиции» заслуживает лишь насмешки и глумления?!

Неужели картина, изображающая — опять-таки в форме, недостаточно строгой в отношении исторических подробностей, — то, как Галилей несмотря на все преследования из сочинения в сочинение утверждает, что «земля все же вращается», неужели и эта картина заслуживает также только насмешки и глумления?!

И какова бы была, спрашивается, роль искусства, если бы оно изображало не «безрассудных героев», а героев приспособленчества, героев карьеры, к которым хочет отнести Выгодский Галилея и тип которых с достойной другого применения прилежностью смакует наш автор?

Выгодский напирает на фактическое несоответствие того, что изображается в картинах Пилотти и Гаусмана, с тем, что имело место в действительности. Однако ведь и при отсутствии фотографического соответствия художественное произведение может отразить правильно историческую тенденцию, в данном случае объективную роль Галилея.

Если бы Выгодский хотел исправить несоответствие охаиваемых и развенчиваемых им художественных и литературных произведений и привести форму художественного произведения в соответствие с его содержанием, то он бы вскрыл действительный антирелигиозный характер деятельности Галилея и дал бы произведение более высокое чем картины Пилотти и Гаусмана. Но в том-то и дело, что он, отмечая несоответствие формы художественного произведения исторической документации, пользуется этим лишь для того, чтобы вообще отвергнуть и то, что эти художественные произведения выражали правильно.

Пилотти и Гаусман, пусть в не соответствующей историческим подробностям форме, сумели изобразить то, что имело место в действительности, — объективное антирелигиозное значение борьбы Галилея, преследование Галилея со стороны церковников, и в той или иной степени мобилизовали массы. Выгодский же, стремясь якобы восстановить действительную картину исторических событий, не только не мобилизует, а именно демобилизует массы. В его книжке нет и грана того действительно объективного значения борьбы Галилея, которое сумели отразить картины Пилотти и Гаусмана и прочие «легенды» о Галилее.

Но Выгодский не только не мобилизует своей книгой массы на борьбу с религией, он огорчен тем, что «легендарные» картины и книги имеют это массовое значение. «Картины, стихи и трагедии о Галилее становятся достоянием миллионов, ученые же трактаты (вроде трактата Выгодского. — А. М.) имеют в лучшем случае тысячи читателей», — скорбит наш автор (стр. 4).

В чем же дело? Почему плохо обстоит дело с теми «трактатами», апологетом которых выступает Выгодский?

¹⁾ Выгодский не пытается даже рассматривать вопроса о том, был ли действительно Галилей заключен в тюрьму, хотя бы на краткий период. Для него все само собой ясно! Но вот что читаем в книге Лозинского «История папства» стр. 237 (Ганз. 1934): «Он (Галилей.— А. М.) был немедленно арестован по приказанию инквизиции и заключен в тюрьму».

Ответ прост. Такие книги как книга Выгодского только демобилизуют своих читателей — они в то же время пропагандируют метод, враждебный марксизму.

Действительно, основное содержание книги Выгодского посвящено разбору перипетий личной судьбы Галилея, раскрытию субъективных мотивов его действий. При этом объективная роль Галилея, анализ исторической обстановки остаются, по существу, вне поля внимания Выгодского.

Он в своей книге совершенно обошел вопрос об объективной роли Галилея, о том, какому отряду подымавшейся буржуазии служил Галилей. Выгодский совершенно не рассматривает борьбы философских партий времен Галилея и отношения последнего к ним.

Исторический анализ (если можно назвать анализом несколько наспех брошенных и необоснованных замечаний) Выгодского сводится к тому, что Галилей был идеологом буржуазии. Это положение вместе с весьма необоснованным и примитивным представлением Выгодского о том, чем была вообще буржуазия времен Галилея, и служат обоснованием утверждения, что Галилей — «верный папист».

По Выгодскому, Галилей потому не был даже сколько-нибудь радикален, что не была революционна буржуазия времен Галилея. «Все дело в том, — пишет он, — что буржуазные элементы в начале XVII века отнюдь не были настроены так революционно, как в конце XVIII века, и потому идеология Галилея вовсе не была такой, какой хотят ее представить идеологи буржуазии XIX века» (стр. 4). В другом месте Выгодский пишет еще более определенно: «Однако в эту эпоху (эпоху Галилея. — А. М.) буржуазия как класс не была еще и не могла быть революционно настроенной» (стр. 13). Отсюда и обоснование положения, что Галилей был и не мог не быть «верным адептом папизма».

Выгодский совершенно упускает из виду, что и на ранних этапах развития буржуазии отдельные ее отряды выступали революционно. Вот что писал Энгельс о том самом периоде, который рассматривает Выгодский: «Это — эпоха, начинающаяся со второй половины XV столетия. Королевская власть, опираясь на горожан, сломала мощь феодального дворянства и основала крупные, по существу национальные монархии, в которых получили свое развитие современные европейские нации и современное буржуазное общество; и в то время как буржуазия и дворянство еще ожесточенно боролись между собой, немецкая крестьянская война пророчески указала на грядущие классовые битвы, ибо в ней на арену выступили не только восставшие крестьяне, — в этом не было ничего нового, — но за ними показались начатки современного пролетариата с красным знаменем в руках и с требованием общности имущества на устах» (Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. XIV, стр. 475).

И дальше: «Это был величайший прогрессивный переворот, пережитый до того человечеством, эпоха, которая нуждалась в титанах и которая породила титанов по силе мысли, страстности и характеру, по многосторонности и учености» и т. д. (там же, стр. 476).

Как видим, здесь оценка эпохи дается совершенно другая, чем у Выгодского.

То же самое и в отношении естествознания. «И естествознание, — писал Энгельс, — развивалось тогда в обстановке всеобщей революции, будучи само насквозь революционно» (там же, стр. 477).

Но спрашивается: почему же считает «легендой» революционную роль Галилея наш автор? На это у него простой ответ: «Идеология Галилея вовсе не была такой, какой хотят ее представить идеологи буржуазии XIX века» (стр. 4). По Выгодскому, источник «легенд» — идеологи буржуазии XIX в. И это положение он тоже декларирует без каких-либо обоснований.

Большинство исследований, как отмечает Выгодский, посвященных Галилею, относится ко второй половине XIX в. Этот факт объясняется тем, «что либеральная буржуазия в XIX веке вышла победительницей в борьбе против феодализма, опиравшегося на католическую церковь, и всякую силу, подрывающую авторитет церкви в прошлом, эта буржуазия склонна идеализировать и окружать ореолом

жертвенности и мученичества» (стр. 4). Отсюда, по Выгодскому, и идеализация Галилея и изображение его «как борца с церковью, как жертвы этой борьбы» (стр. 4).

Итак, как видим, ларчик просто открывался! «Революционную» роль Галилея выдумали буржуазные идеологи в конце эпохи либерализма, когда всякая революционная роль буржуазии пришла к концу!

Высказав такие волюющие нелепости, Выгодский и не подумал их чем-либо подкрепить. Он просто декларирует эти положения и кладет их в основу своего «исследования».

Такова весьма немудрая философия истории, придуманная Выгодским. Естественно, что в соответствии с уровнем этой философии истории стоит и объяснение перипетий галилеевского процесса. Раз, по Выгодскому, «буржуазные элементы не могли рвать с религией» (стр. 13), то «нужно было по доброму согласию загладить противоречия» (стр. 14).

И вот Выгодский изображает Галилея как мастера по такому «заглаживанию» противоречий. При этом Выгодский так изображает Галилея, что он оказывается, собственно говоря, более папистом чем сами римские папы, с которыми он — хотел того или не хотел — боролся. По Выгодскому, Галилей — не просто сторонник церкви, а прозорливый сторонник церкви, указывающий ей тот путь, который для нее наиболее выгоден, наиболее исторически целесообразен.

Так, по поводу попыток Галилея истолковать священное писание в пользу учения Коперника Выгодский пишет: «В предложениях Галилея, если отвлечься от условий эпохи, не было ничего принципиально неприемлемого для церкви. В другое время она ухватила бы за эти предложения и использовала бы те незаурядные способности, которые Галилей мог бы проявить на славном поприще истолкователя библии» (стр. 103).

И история, по мнению Выгодского, вопреки разыгравшейся «трагедии» Галилея подтвердила правоту последнего как «верного адепта папизма». Галилей «убежден, — пишет Выгодский, — что его рецепт дает наилучшее лекарство для предотвращения тех опасностей, которые грозят близким его сердцу интересам церкви. История показала, что это лекарство оказалось единственным, хотя и паллиативным средством, к которому церковь должна была прибегнуть впоследствии. Но мудрым советам католического астронома предпочли букву тридентских постановлений, ибо борьба за сохранение этой буквы в данный момент диктовалась необходимостью спасти колеблющееся положение католицизма» (стр. 134). (Хороша буква!). Отсюда, по выражению Выгодского, «трагедия» Галилея.

История оправдала, по Выгодскому, Галилея именно как паписта. Его «рецепт» был принят папизмом в 1822 г., когда папизм снял запрещение с учения Коперника и истолковал священное писание якобы в галилеевском духе.

Такова философия истории в книжке Выгодского. И нетрудно убедиться, что вся эта философия насквозь обывательская и антимарксистская, лишь прикрывающаяся флагом научности, флагом учености.

Действительно, если либералам 70—80 годов нужно было, по Выгодскому, идеализировать Галилея (неизвестно, для какой, правда, цели), то ведь этим же либералам, очевидно, нужно приписать «идеализацию» Джордано Бруно и многих других идеологов буржуазии начала нового времени. Но ведь если можно задним числом идеализировать, то нельзя задним числом сжечь, спустя несколько столетий. А ведь не только Бруно был сожжен на костре. А сколько погибло другими способами! Спрашивается, ради чего все это, если буржуазия, по Выгодскому, была способна лишь на соглашения, уступки, примирения противоречий?

Все эти нелепости у Выгодского происходят потому, что он рассматривает буржуазию абстрактно, не видя различных ее отрядов, как он не рассматривает и различных отрядов среди сторонников церкви. В действительности же никакого однородного класса буржуазии не было, как не было однородного класса феодалов.

Исходя из такого ошибочного, абстрактного представления о классах и классовой борьбе, Выгодский совершенно не рассматривает вопроса, кому служил Галилей. Галилей, как известно, был не только теоретиком, но и крупнейшим инженером, практиком, что и для той эпохи играло очень большую роль. Выгодский ни слова не говорит о том, с какими военными и политическими группировками господствующих классов связан был Галилей. А Галилея ценили высоко именно как практика.

Ничего Выгодский не говорит и о расчленении в лагере приверженцев церкви. А это напрашивается даже на основании того, что излагает в своей книге Выгодский. Особенно яркими врагами Галилея были доминиканцы. Посол тосканского герцога в Риме Гвиччиардини в 1615 г., т. е. еще до первого процесса Галилея, писал во Флоренцию своему поводителю: «Некоторые братья доминиканского ордена, которые имеют большое влияние в святой инквизиции, весьма к нему не расположены» (стр. 53).

Те же доминиканцы пишут на него доносы, они же по преимуществу сидят в органах, рассматривающих эти доносы, и т. д. Немалую роль играют иезуиты. Наконец, не последнюю роль, даже по изложению Выгодского, играют в истории борьбы отдельные кармелиты. Но Выгодский совершенно без рассмотрения оставляет отношение этих организаций в политической и философской борьбе.

Единственно, что отмечает Выгодский в книге, это то, что галилеисты объединяются в настоящую организацию, в римскую *Academia dei Lincei*. Противники галилеистов также, по его мнению, организованы в особую лигу. Но никакого анализа платформ деятельности этих организаций Выгодский не дает и просто утверждает, что обе эти организации — лишь фракции церковного лагеря, расхопившиеся между собой лишь по вопросам целесообразной тактики в отношении к коперниканству и к науке вообще (стр. 74).

И опять-таки это утверждение, ничем не обоснованное, вызывает удивление, если не сказать больше, когда тот же самый Выгодский пишет: «Объективно, конечно, галилеизм не мог вписаться в рамки католического и вообще церковно-догматического правоверия» (стр. 88).

Таким образом, объявляя объединение галилеистов объединением «верных адептов папизма», Выгодский пишет одновременно, что это объединение не вписалось в рамки католицизма и вообще церковно-догматического учения. Получаются два совершенно несовместимых утверждения: одно, которое Выгодский навязывает читателю, и другое, которое невольно принужден высказать Выгодский на основе даже своего предвзятого анализа фактического материала.

Так же, как не анализирует Выгодский того, кому политически служил Галилей, он не анализирует вопроса и о философской ориентации его. А ведь для решения того, был ли Галилей «верным адептом папизма» или, наоборот, был весьма «неверным» папистом, разбор борьбы философских партий играет чрезвычайно большую роль. Единственно, что мы находим в этом отношении у Выгодского, — это одно мимолетное замечание о том, что Галилей в своих возражениях противникам коперниканского учения утверждал об отношении теории и практики то же, что по смыслу содержится в положении Маркса: критерием истины является практика (стр. 135).

Но это случайно вырвавшееся и неправильно сопоставляющее Маркса с Галилеем замечание остается в противоречии с утверждением, что Галилей был «верным адептом папизма». Наоборот, в полном соответствии с последним утверждением находится некритическое перепевание Выгодским папистского декрета и различных авторов о том, что галилеизм и коперниканское учение — это лишь повторение древнего пифагорейства. Для Выгодского это так несомненно, что он даже в заголовке книги запрет коперниканского учения называет запретом пифагорейского учения. Так же он трактует это учение и в книге, особенно подчеркивая, что «идея гелиоцентрического строения вселенной была не нова ни во времена Коперника, ни тем более в эпоху Галилея. Мало того, эти идеи имели распространение не только среди светских, но и духовных лиц, среди которых мно-

гие высшие служители церкви относились к этой теории вполне лояльно и отнюдь не были склонны к безусловному ее осуждению» (стр. 10).

Как видим, здесь не только вариация утверждения Выгодского, что церковники могли мирно договориться с галилеистами, но и полное игнорирование различия эпох и исторических условий борьбы пифагореизма и коперниканства, а также полное игнорирование их философских основ. Повторяя папистский декрет, Выгодский без размышлений называет коперниканское учение пифагорейским и тем самым путает совершенно различные эпохи и различные философские течения.

И опять-таки, как и в отмеченном выше случае, фактическое содержание книги Выгодского находится в противоречии с его утверждением, что коперниканству и папизму, по существу, не о чем было спорить и они могли мирно договориться. Принципиальная непримиримость материалистического учения Коперника о строении вселенной и идеалистического учения поповщины о сотворении ее богом проявляется с достаточной отчетливостью во всей деятельности и во всех трудах и письмах Галилея. При этом Галилей совсем не оказывается таким мирным соглашателем и верным папистом, каким его изо всех сил старается изобразить Выгодский.

Действительно, уже у самого Выгодского мы читаем, что Галилей яро и неутомимо защищал и пропагандировал свои взгляды в своих сочинениях, письмах, многочисленных горячих устных выступлениях. Вокруг сочинений Галилея разворачивается бурная полемика, появляются направленные против него памфлеты и книги. Эта борьба находит отклик почти во всех культурных странах, и сочинения Галилея тогда же начинают переводиться на различные языки.

Все это было бы непонятно, если бы деятельность Галилея была деятельностью «верного адепта папизма». И совсем было бы непонятно, зачем переводили сочинения Галилея протестантские страны («Диалог о двух главных системах мира», рассуждения Галилея об отношении библии и естествознания и т. д.).

Но Выгодский ухитрился написать книгу, которую построил на необоснованных и весьма безответственных утверждениях о папизме Галилея, и обойти рассмотрение борьбы философских школ, философских партий. Но ведь эта-то сторона дела и имеет для нас такое важное значение, ибо она вскрывает объективное значение взглядов того или иного ученого. Галилей мог быть непоследовательным и мирно настроенным человеком и в то же время мог служить материализму и борьбе не только против папизма, но и против религии вообще.

Ведь для марксиста эта сторона дела — первейшая. Ленин, например, рассматривая взгляды и борьбу Геккеля, писал: «Лично Геккель не желает рвать с филистерами, но то, что он излагает с таким непоколебимым убеждением, абсолютно не мирится ни с какими оттенками господствующего философского идеализма» (Собр. соч. Т. XIII, стр. 286).

Но если это справедливо относительно Геккеля, жившего во второй половине XIX в., то это еще более справедливо в применении к Галилею, так как в начале XVII в. даже революционные движения шли под религиозным флагом.

Но ничего, абсолютно ничего не усвоил Выгодский из богатой сокровищницы марксизма-ленинизма. Наоборот, он, претендующий быть марксистом, подменил марксизм-ленинизм таким подходом к историческим событиям эпохи Галилея, который ничего общего с марксизмом-ленинизмом не имеет и враждебен последнему. Так обстоит дело у Выгодского с обоснованием им его утверждения, что Галилей был «верным адептом папизма». Мы видим, что это утверждение есть не что иное, как необоснованное стремление протащить такие взгляды в нашу литературу, которым место за пределами СССР, но не в стране, где марксизм — ведущая теория, где диалектический материализм — господствующее мировоззрение.

Но, может быть, спросят: на достаточной ли высоте стоит анализ у Выгодского естественнонаучной стороны галилеевских и коперниканских воззрений? Но

и здесь книга Выгодского обнаруживает то же легкомыслие, претенциозность и ошибочность его утверждений, как и в части исторического обоснования папизма Галилея.

Так, на стр. 42 мы читаем у Выгодского относительно воззрений Тихо Браге на строение вселенной следующее: «...При том материале наблюдений, которым располагала наука в течение трех веков после Коперника, система Браге могла бы с успехом заменить систему Коперника». И это утверждает человек, которому должно быть известно, что уже и Кеплер и Галилей отвергали эту систему и что эта система никогда не играла роли серьезной научной теории, так как не соответствовала действительности.

Столь же ошибочным является и утверждение Выгодского, что нелепым является вопрос одного из корреспондентов и единомышленников Галилея — Чези — о том, допускает ли «Коперник эпициклические и эксцентрические движения» (стр. 72). В действительности здесь затрагивается слабый пункт коперниковских представлений, сохранившихся в известной форме эпициклы Птолемея.

Наконец, показателем «учености» Выгодского является и то, что он, по существу, кроме так называемого «национального издания» сочинений Галилея и таких трудов, как у Вольвилля, ничего не использовал. Очевидно, потому, что все остальное — «легенды» и нелегенды — лишь документы папского архива, которые — это признает и сам Выгодский, — возможно, подделаны и во всяком случае доступны в том виде, который наиболее благоприятен для папской курии.

Таковы основные черты «трактата» Выгодского. Этот «трактат» служит враждебному марксизму-ленинизму лагерю и является вредной книгой.

Выгодский не только не противопоставил коперниканское учение и вообще естествознание нового времени религии и католицизму, но изобразил дело так, что у защитника коперниканского учения — Галилея — не было и не могло быть принципиальных разногочий с церковью. Галилей и церковь, по Выгодскому, были представителями одного лагеря, и конфликт Галилея с церковью «трагедия» его личной судьбы.

Отсюда получается, что вся история преследования Галилея папизмом есть эпизод внутренней жизни папизма. Папизм не за что обвинять, кроме как за то, что он не внял «разумным» советам «верного адепта папизма». Вместо борьбы с папизмом получается, таким образом, оправдание папизма в деле Галилея и обвинение тех, кто видел в борьбе Галилея нечто большее, чем эпизод внутренней жизни папистского лагеря.

Таково об'ективное значение книги Выгодского. Он выступает против буржуазных авторов не с позиций коммунизма, а с позиций содействующих папизму. Книгу с такого рода установкой может напечатать любое буржуазное, в том числе и папистское издательство. Отсюда вывод: книга Выгодского — вредная книга.

Таков наш вывод о книге. Но нельзя при этом умолчать и об авторе ее. Автор, как оказывается, претендует быть марксистом. Следовательно, он претендует на то, чтобы быть членом того коллектива, который уже почти целое столетие, если считать от первых организаций, основанных Марксом и Энгельсом, неустанно борется со всеми и всяческими проявлениями буржуазной идеологии и организует массы на борьбу с эксплуататорскими классами. От человека, претендующего на участие в таком движении, можно и должно требовать, чтобы он относился с должным уважением к ее теоретическому знамени и не грязнил его своими заимствованиями из арсенала врага. Более того, выражаясь словами Выгодского, от члена такой организации можно требовать, чтобы он был «героем, которому идея оказывается дороже жизни». Но, как мы видели выше, Выгодский — не такой герой. Он, очевидно, намерен не только Галилея примирить с папизмом, но и саму марксистско-ленинскую теорию — с апологетикой папизма. Но этого ему никто не позволит делать!

Полшага вперед и топтанье на месте

1. Г. ГУРЕВ. Вселенная. Начатки астрономии безбожника. Гаиз. 1932. 271 стр.

2. Г. ГУРЕВ. Наука о вселенной и религии. космологические очерки. Гаиз. 1934. 330 стр.

Задача первой книги — «ознакомить массового читателя с самыми необходимыми, элементарными сведениями об астрономических основах воинствующего атеизма». Вторая книга менее популярна, рассчитана на квалифицированного антирелигиозника.

Автор в недавнем прошлом принадлежал к лагерю механистов и позже многих своих единомышленников пытается стать на путь признания своих ошибок. Обе эти книги свидетельствуют о некотором сдвиге в его мировоззрении. Но эти сдвиги пока еще очень незначительны. В них в ряде мест ярко проявляются механистические установки автора, которые проводятся им по следующим 4 направлениям: 1) созерцательность и отрыв теории от практики, 2) вытекающие отсюда ошибки в вопросе о партийности теории, 3) агностицизм и 4) уступки поповщине и применение антиматериалистической фразеологии.

1. Созерцательность. Книгу «Вселенная» Гурев начинает следующими словами: «Уйдемте в тихий, безоблачный летний вечер куда-нибудь за город, подальше от искусственного света и дыма фабричных труб...» (стр. 5), и там, вдали от города и от фабричного дыма, Гурев призывает читателя предаться созерцанию звездного неба. Под влиянием этого созерцания, пишет Гурев, у нас невольно зародятся вопросы: «Где мы, и что мы такое, откуда все это пришло и куда идет? Много тысячелетий прошло с тех пор, как человечество зададо себе эти необычайно интересные и глубоко волнующие вопросы» (стр. 6). У массового читателя после столь лирического вступления создается впечатление, что все эти «необычайно интересные вопросы» исторически возникали у людей именно под влиянием созерцания звездного неба.

На стр. 9 автор вопреки этому говорит, что «начало астрономии как и других наук положили не любознательность, не интерес к изучению природы, а необходимость, неотложные потребности повседневной жизни». Здесь интерес прямо противопоставлен потребностям, вместо того чтобы вывести его из этих же потребностей. Почувствовав, что такая трактовка вопроса нескладна, автор на стр. 11 делает «поправку». «Изучать окружающую природу, — пишет автор, — заставляет культурного человека не только ожидаемая выгода, которую он может получить от этого изучения, но также и «чистый интерес», «любознательность».

В чем же видит автор роль и значение этого «чистого интереса»? «Если бы люди думали, — пишет Гурев, — что имеют цену только те приобретения науки, которые можно немедленно применить к жизни, человечество до сих пор имело бы только отдельные факты, отдельные технические навыки, но не имело

бы ни науки, ни техники». Очевидно, по Гуреву, чистый интерес синтезирует факты и создает науку как систему, т. е. служит чем-то вроде теоретического разума Канта. «Когда физик Герц обнаружил на опыте электрические волны, — говорит автор упомянутой книги, — он только изучал природу и не помышлял ни о каких практических применениях. А между тем впоследствии из этого открытия выросла вся современная радиотехника!» (стр. 11). Отсюда Гурев делает вывод, что проблема практических применений не стоит в центре внимания ученого, когда он создает, творит свою науку, что практические применения новых изобретений ученого приходят самотеком, чисто случайно. Проблема практики для Гурева становится случайной проблемой. Эти свои положения Гурев пытается обосновать рядом примеров из астрономии (глава «Практическая польза науки о небе», стр. 10—11). Как и следовало ожидать, по Гуреву, практическая польза от астрономии получается лишь в виде отдельных неожиданных курьезов.

Гурев в своем решении этого вопроса подчинил практику теории и, рассматривая первую лишь как случайное применение теории, сделал в конечном счете уступку идеализму. Происходит это потому, что сам Гурев, во-первых, слишком непосредственно понимает пользу той или другой науки, ее практическую сторону. Во-вторых, Гурев не понимает совершенно проблемы так называемого «субъективного интереса» ученого. То, что Герц субъективно «не помышлял» о практической пользе своих открытий, вовсе еще не означает, что физика удовлетворяет лишь «чистые интересы» науки, вовсе не означает, что Герц не решал узловых практических вопросов своей эпохи.

История развития науки сплошь да рядом дает нам примеры, как действительно крупные ученые независимо от своей субъективной целеустремленности и своего субъективного интереса решают коренные вопросы науки, выдвинутые на данном этапе всем развитием производства; больше того, они подчас далеко опережают эпоху и решают вопросы, которые лишь впоследствии выдвигаются как очередные боевые вопросы в области дальнейшего развития человеческого общества. Этого своеобразия в историческом ходе развития не всегда учитывает Гурев.

2. Непонимание партийности теории. Вторая крупная ошибка Гурева заключается в непонимании партийности теории. Партийность теории в обеих книгах провозглашается совершенно абстрактно, догматически. Там же, где вопрос идет о необходимости конкретного выявления партийности теории, Гурев как раз этого не делает, останавливаясь на полпути, говоря о партийности лишь мимоходом, в сноске.

Так например при изложении классовой роли религии Гурев эту роль показывает в более прошлом чем в настоящем и только в условиях капиталистических стран, почти замалчивая о СССР. Описывая борьбу религиозных и научных тенденций в современном буржуазном естествознании, он совершенно обходит вопрос о фашизации буржуазии, об активизации идеализма и религии. «В настоящее время, — пишет он, — религия, чтобы существовать, вынуждена согласовывать свои воззрения с данными науки. Но это не спасает положения поповщины, а лишь говорит об ее сумерках, ее крушении» («Вселенная», стр. 94). Такая установка Гурева о крушении поповщины в капиталистических странах притупляет классовую бдительность трудящихся масс по отношению к поповщине и не мобилизует их на борьбу с религией, так как, по мнению Гурева, уже наступило крушение религии — ее сумерки, и, значит, можно сделать вывод, что скоро религия сама себя изживет. Таковы те выводы, которые невольно напрашиваются из установок Гурева.

Гурев не понимает, что на данном историческом этапе буржуазия, для того чтобы сохранить свое классовое господство, выдвинула такую новую форму порабощения, подавления и угнетения рабочего класса, как фашизм. Фашизм выпадает из поля зрения Гурева. Происходящий сейчас усиленный поворот буржуазии к религии он просто объясняет тем, что буржуазия — умирающий класс и ей

не остается ничего другого, как искать себе утешения и спасения в религиозной вере. Гурев прямо так и пишет: «Так это, конечно, и должно быть: буржуазия — умирающий класс, и, охваченному предсмертной тоской, этому классу ничего другого не остается, как искать «якорь спасения», «утешения» в религиозной вере в «тот свет» и в побасенках о брэнности всего материального» («Вселенная», стр. 22).

Совершенно ясно, что такие установки Гурева не мобилизуют рабочие массы на борьбу с религией, а, наоборот, демобилизуют и дезориентируют их.

Гурев иногда прибегает и к чисто психологическому объяснению религиозности современных ученых. «Они продолжают, — пишет Гурев, — верить по инерции, по привычке, не углубляясь в вопрос о взаимоотношении веры и знания» («Вселенная», стр. 263, «Наука о вселенной», стр. 78). Факты, приводимые самим же автором в «Науке о вселенной», встают против такого объяснения. Джинс, Эддингтон и многие другие в последние годы переходят все более на позиции воинствующего идеализма.

Третий способ объяснения и оправдания религии у ученых, по Гуреву, — это их невежество в ряде областей научного знания, особенно в общественных науках. Невежеством, например, оправдывается политическая реакционность Э. Геккеля в «Науке о вселенной». Ленин прямо говорит, что Геккель «не желает» рвать с господствующими предрассудками. Гурев не сумел узреть главного: за философской и политической безграмотностью Э. Геккеля он не смог увидеть нежелания Геккеля рвать с господствующими предрассудками, и это, конечно, потому, что Гурев оставил в стороне объективный интерес буржуазии как эксплуататорского класса. В «Науке о вселенной» автор пустился в пространные рассуждения о классовом характере философия и естествознания. Но дело и здесь не обошлось без крупных ошибок.

По-пехановски определяя философию как учение «о последних основаниях познания и бытия», задачи которого — «преодолеть разорванность, лоскутность научного знания, т. е. связать выводы отдельных наук, чтобы мир предстал перед нами как органическое единство, как нечто целое» (стр. 26). Гурев считает необходимым подчеркнуть, что диалектический материализм при этом «связывании» опирается «не на одну какую-нибудь науку, а на все науки в совокупности» (стр. 11), что его превосходство над метафизическим материализмом объясняется «прогрессом естественных наук в середине прошлого столетия» (стр. 43), и Гурев постоянно твердит о «высшей» научности диалектического материализма. Но он совершенно обходит ряд основных вопросов: 1) что Маркс и Энгельс «опирались на науки» критически, что они, владея громадным конкретным материалом науки, не рабски следовали за ним, а критически его перерабатывали, опираясь на единственно последовательно-научное, диалектико-материалистическое мировоззрение, и 2) он выпускает из виду, что свою задачу основоположники марксизма в философии вовсе не сводили к механическому объединению различных положений из отдельных наук, а создавали новое пролетарское мировоззрение на основе практики, открывая общие законы развития самой действительности и мышления, критически используя при этом все рациональное и ценное, что было создано научной мыслью до них. Если следовать дальше за Гуревым, то получается, что Маркс и Энгельс просто «связали» материализм Фейербаха с диалектикой Гегеля, что ленинский этап в развитии пролетарской философии «неразрывно связан» только с «прогрессом наук» в конце XIX и начале XX вв. и т. д.

Плохо у Гурева обстоит также дело с его рассуждениями о классовом характере естествознания. На стр. 60 той же книги читаем: «Мышление человека всегда стремится к единству, различные научные дисциплины влияют друг на друга, а потому и наши социальные понятия оказывают воздействие на все наше миропонимание. Таким образом противоположность между буржуазной и пролетарской наукой в конце концов сказывается и в естествознании — в области точных наук».

«Мышление человека всегда стремится к единству». Гуреву известно, что такая поверхностная аргументация всегда приводится богословами для доказательства того, что идея бога как объединяющего начала неизбежна для нашего ума. Далее, по Гуреву, выходит так, что проявление классовой идеологии в естествознании осуществляется лишь при посредстве «наших социальных понятий».

На стр. 67 несколько иное объяснение того же вопроса: «В науке имеются две стороны: во-первых, положения, правила, факты; во-вторых, идеи, выводы, обобщения. Поскольку наука касается первой стороны дела... постольку она как бы входит в систему орудий производства и, стало быть, не носит классового характера, как не носит классового характера и машина. Например квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов всегда и везде, т. е. это положение геометрии — вовсе не классовая истина, она с областью классовых интересов не соприкасается». По Гуреву, соприкасаются с областью классовых интересов только «подбор фактов» и «идеи, связывающие, объединяющие («освещающие») эти факты, т. е. научные обобщения, выводы, теории и т. д.» (стр. 67).

Здесь Гурев опять скатывается на точку зрения Плеханова, что партийный и классовый характер имеют только социальные науки.

Наряду с этой путаницей в книгах Гурева все же в ряде мест доказывается, что буржуазия на восходящей линии своего развития развивала естествознание именно для приложения его к потребностям производства, т. е. в своих классовых целях. Отсюда вытекает — чего как раз и не подметил автор, — что и «положения, правила, факты, формулировка законов» естествознания возникали и обнаруживались под влиянием классовых интересов, что отнюдь не исключает возможности критического использования этих открытых «фактов» и пролетарской наукой. Маркс по поводу машин говорил, что нужно отличать самые машины и способ их общественного использования. Гурев понял это так, что машины и наука как «общая производительная сила» (Маркс) не соприкасаются с областью классовых интересов. Нужно ли объяснять, что возможность использования пролетариатом научных достижений буржуазии основана вовсе не на этом, а на той доле объективной истины, которая в буржуазном естествознании имеется. На основе этих объективных истин созданы технические изобретения, машины и пр. Механически разрывая науку на две части, он факты считает объективными, а обобщения — субъективными. Дальше Гурев истолковывает разрыв теории и практики у буржуазных естествоиспытателей так, как будто практика для буржуазного естествоиспытателя вообще потеряла всякий классовый смысл.

3. Агностицизм. Третья группа ошибок Гурева идет по линии агностицизма. Все экскурсы Гурева в область теории отражения страдают уклоном к агностицизму. На стр. 112 в «Науке о вселенной» он пишет, что «в науке возможны лишь более или менее обоснованные предположения, т. е. более или менее приближительные, неполные, частичные знания».

Если принять во внимание и ряд других высказываний Гурева в разных местах этих двух его книг, то получается, что наука и наше познание подлинного, научного знания нам дать не могут, что перешагнуть через определенную границу наше познание не может. В этом и агностицизм Гурева. По Гуреву, «наши чувственные восприятия сами по себе не дают нам истинного познания: они нуждаются в переработке при помощи мышления» (стр. 113), т. е. наше мышление, получая не истинный, ложный материал восприятий, превращает его в истину независимо от практики.

В сноске на стр. 181 у Гурева имеется исключительная путаница. Он утверждает в этой сноске, что та сторона луны, которая всегда обращена в другую сторону от земли, т. е. не видима для нас, «недоступна человеческому познанию». И это еще не все. Автор дальше заявляет: «Правда, нам могут возразить, что нельзя путать между собой безусловно, абсолютно не познаваемое и не познан-

ное, или недоступное для познания вследствие каких-нибудь особенных условий» (вот именно! Ленин особенно возражал против того, что нельзя толковать непознанное как непознаваемое). «Но эта точка зрения,—заявляет Гурев (т. е., по существу, точка зрения Ленина.—Н. С.),—опровергается всей нашей практикой (прямо так и написано). Тов. Гурев не желает давать никаких дальнейших объяснений в этом вопросе и заканчивает приведенную фразу так: «...ибо в бесконечности и вечности космоса нет ничего мистического, сверхъестественного, вне-научного».

4. Уступки поповщине и применение антиматериалистической фразеологии. Четвертая группа ошибок Гурева идет по линии уступок поповщине путем применения позанимствованной у поповщины фразеологии. Так, по вопросу о материи Гурев пишет: «Где религия ставит сверхчувственного, непознаваемого бога... там наука ставит доступную нашим чувствам материю» (стр. 208).

В главе «Поиски начала всех начал» («Наука о вселенной») Гурев на страницах 206, 207, 208 пережевывает следующий аргумент против поисков причины причин: «Раз материализм под материей понимает все существующее, то совершенно бессмысленно искать какую бы то ни было причину всего этого «всего». Ведь если причина есть, то она должна быть присуща материи, в противном случае понятие материи было бы неполным, не охватило бы всего» («Наука о вселенной», стр. 206). Другими словами, из самого понятия материи следует, что материя беспричинна. Если же вы предположите причину, то «сделаете ваше понятие материи неполным», и оно не охватит «всего».

Самый вопрос о начале всех начал, говорит Гурев, есть совершенная бессмыслица; и возникает он вследствие метафизической привычки до всего доискиваться и продолжать спрашивать там, где уж надо прекратить всякие вопросы.

«Это присущее нашей мыслительной привычке стремление «бить дальше цели», — пишет Гурев, — продолжать что-то выводить, когда уже выводить нечего, т. е. ставить ошибочные вопросы и стараться найти на них ответ, Болцман сравнивает (Гурев ссылается тут на Болцмана и подчеркивает свое согласие с ним) с бесцельным сосанием ребенком пустой каучуковой соски вследствие развитой у ребенка привычки сосать или — что еще остроумнее — с приступом рвоты у человека, страдающего мигренью, когда ощущается позыв что-то вывести из желудка, в котором уже ничего не находится. С этим именно позывом можно сравнить позыв разрешить вопрос: имеется ли начало всех начал, первопричина?» («Наука о вселенной», стр. 216).

Гурев запутался и не ответил на вопрос о начале всех начал, о причине всех причин с точки зрения диалектического материализма. Все это получилось в основном потому, что Гурев оперирует «понятием материи», т. е. онтологическим аргументом, приспособляя его для защиты материализма. Для него это вполне естественно, так как материализм он считает перевернутой с головы на ноги, т. е. исправленной религией. Один и тот же аргумент он поворачивает в разные стороны и этим наполняет всю главу «Поиски начала всех начал». «Охватывая» своим «понятием» материи все бытие, он утверждает, что, следовательно, ничего потустороннего нет и быть не может, т. е. опять дословно повторяет прием Дюринга. Когда Гурев уверяет, что признание создателя предполагает второго создателя (который создал первого), а второй создатель требует третьего и т. д. до бесконечности и победоносно заканчивает: «Какой же он в таком случае бог!» (стр. 205), то богослов может возразить ему: «Если вы утверждаете, что материя не создана никем, то почему я не могу утверждать этого же о боге?»

Итак, вместо противопоставления материализма и религии у Гурева получилось их сближение, материализм оказался у него перевернутой религией. И это случилось потому, что материализм Гурева — это отвлеченный, абстрактный материализм. На возможность сближения абстрактного материализма с религией и со спиритуализмом указывал еще Маркс. «Абстрактный спиритуализм, — пишет

он, — есть абстрактный материализм; абстрактный материализм есть абстрактный спиритуализм материи» (Маркс и Энгельс. Соч. Т. I, стр. 610). Энгельс, критикуя Дюринга, также показал, что материализм сближается с религией, если он не выходит за рамки абстракций. Материализм Гурева, оставаясь абстрактным материализмом, не может, конечно, вести решительную и последовательную до конца борьбу с религией. Покамест Гурев единство мира усматривает в «охватывании понятием материи всего существующего», его материализм останется чисто абстрактным материализмом, и его борьба с религией — лишь абстрактной догматической борьбой. Гурев должен раз навсегда усвоить основную мысль Энгельса о том, что единство мира — в его материальности.

Гурев описывает много фактов, экспериментов, выводов и т. д., но не в таком плане и не с такой целеустремленностью, чтобы убедить читателя в материальном единстве мира, а только для того, чтобы выпятить мощь разума. «Успехи астрономии поражают самое смелое воображение», — читаем во «Вселенной», стр. 6. «Все, чему учит наука о небе, основано на кропотливых наблюдениях и строгих опытах при помощи очень остроумных инструментов, приборов» (там же, стр. 29). Но когда дело доходит до решающего антирелигиозного вывода из всех экспериментальных фактов и всего богатства опыта, Гурев такой вывод сделать не в состоянии. И это не удивительно, ибо переход от фактов к выводам, т. е. от единичного ко всеобщему, для механистов всегда оставался нерешенной проблемой, всегда был загадкой.

В силу этого Гурев ведь и объявляет все выводы естествознания только простыми предположениями (см. выше). Единственный решающий вывод, который делает Гурев, — это тот, что «наука нигде не находит бога. Она не нуждается в боге». Такая формулировка Гурева смягчает антагонизм науки и религии. Наука не только не нуждается в религии: она целиком ее опровергает, требует ее окончательного преодоления, ибо выводы науки, построенные даже на ограниченном фактическом материале, целиком противоречат религии и ее опровергают.

Мы вскрыли только основные линии, по которым идут ошибки в книгах Гурева. Указывать здесь полностью все ошибки нет никакой возможности: их множество. Вдобавок автор формулирует мысли весьма неряшливо, так что не всегда можно разобраться, где ошибка и где просто халтура.

Обе книги данного автора крайне запутывают читателя. В книге «Вселенная» буквально тонешь в ошибках, противоречиях и неясностях. Там автор проявляет исключительную способность запутать самый легкий вопрос и сбить читателя с толку. Мы не будем приводить здесь иллюстраций, так как эта книга уже подвергалась надлежащей критике в печати. Заметим лишь то, что несмотря на указания, которые делались Гуреву в печати, он аккуратно переписывал свои ошибки в вопросах физики и астрономии из одной книги в другую в течение многих лет (астрономических книг у Гурева много, и сама «Вселенная» в 1932 г. вышла уже третьим изданием). Это показывает, что «бдительность» антирелигиозных издательств в отношении автора-механиста, притом просто плохого знатока естествознания, стояла и стоит не на должной высоте.

Обе книги исключительно перегружены цитатами (которые в «Науке о вселенной» составляют около половины всего текста), повторениями самых абстрактных истин, которые автор не умеет ни иллюстрировать, ни конкретизировать. К стати и некстати приведено бесчисленное множество сносок. Наше последнее пожелание автору — обратить серьезное внимание не только на свои научные ошибки, но и на стиль изложения.

Н. СЕРЕБРОВСКИЙ

Павлов Б. А. — „Учебник органической химии,“ 2-е изд., значительно переработанное. М. и Л. ОНТИ. Госхимтехиздат. 1934. 356 стр. 68 рис. 4 р. 50 к., перепл. 1 руб. 10 000 экз.

Рецензируемую книгу смело можно назвать одним из лучших учебников органической химии, вышедших за последнее время.

Автор совершенно правильно при переработке курса обратил внимание на ведущую роль теории (см. предисловие). Правда, для данного учебника это звучит немного смело, но можно приветствовать уже самую постановку вопросов о теории в органической химии. Как известно, органическая химия, опираясь на колоссальный эмпирический материал, только за последнее время с помощью физической химии начала подходить к теоретическим выводам и обобщениям.

Большинство наших учебников по органической химии представляет собой набор фактов, эмпирических данных, собранных в той или иной последовательности (некоторым исключением является прекрасный по изложению и содержанию учебник проф. Чичибабина), плюс теоретические рассуждения, не связанные с изложением основного материала. Наиболее характерным примером такого «получе-эмпирического» учебника является учебник проф. Шорыгина.

Учебник Павлова является в этом отношении шагом вперед. Автор не решает теоретических вопросов химии, поскольку теоретические основы этой науки еще недостаточно ясны, но делает попытку теоретически осмыслить изложенный фактический материал.

Содержание всего учебника можно характеризовать следующими словами самого автора: «Вначале излагаются предельные углеводороды и их одноатомные и многоатомные производные, затем рассматриваются непредельные соединения со смешанными функциями и азотосодержащие органические вещества. Непредельные соединения описываются после производных предельных углеводородов, так как только при таком расположении материала можно избежать догматического описания непредельных углеводородов. Что же касается азотосодержащих органических веществ, то выделение их в особую главу вполне оправдывается как характером этих соединений, так и педагогическими соображениями» (стр. 7).

Такая характеристика курса, данная самим автором, а также мотивы построения его в общем вполне правильны. Непонятно только его последнее замечание: почему же все-таки выделение азотосодержащих органических веществ в отдельную главу оправдывается педагогическими соображениями? Дело здесь, очевидно, не в «педагогических» соображениях, а в том, что при данной системе изложения азотосодержащие органические вещества не нашли себе соответствующего места.

Не останавливаясь на спорном вопросе, что правильнее положить в основу изложения: углеродную цепь (предельные, непредельные углеводороды и их про-

изводные, циклические и гетероциклические соединения) или функциональные группы (спирты, альдегиды, кетоны, щелочи и т. п.),—необходимо отметить, что учебник Павлова и по объему и по последовательности излагаемого материала отвечает задачам курса химии для техникумов.

Ясность, простота и образность изложения делают легко доступным излагаемый материал. Тщательность обработки материала сказывается не только на отделке языка, но и на методическом построении книги и на научной проработке материала.

В научном отношении, за исключением отдельных мест, на которых мы остановимся ниже, учебник в пределах курса вполне соответствует современному уровню науки. В частности, автор излагает современные воззрения на природу валентности (теория Льюиса) и с этой точки зрения подходит к пониманию природы образования комплексных ионов.

Много места уделяет автор теории строения углеродных соединений, исходя из углеродной модели Вант-Гоффа. Необходимо отдать справедливость автору, что он не только в общем справился с теоретическим материалом, но сделал, как мы уже отмечали, удачную попытку его приложения к объяснению химических процессов в органической химии.

Со стороны методической учебник еще несвободен от всех «грехов» прошлого и в первую очередь от элементов так называемой «рабочей книги». Автор приводит многочисленные описания лабораторных работ. Большинство из них серьезно продумано и оригинально. Все «опыты» (лабораторные работы) выделены особым шрифтом. Было бы лучше для большей стройности изложения опыты поместить отдельно в конце книги или выпустить их просто отдельным оттиском (конечно, соответственно переработав). Большинство же опытов необходимо было внести с соответствующей переработкой (по форме) в самый текст, что значительно обогатило бы его содержание.

К сожалению, со стороны методической и по существу в учебнике имеется еще один крупный недостаток: автор, прекрасно справившись с первой частью учебника (жирный ряд), сравнительно мало уделил внимания разработке второй части (ароматический ряд). Здесь меньше опытов, менее отделан язык, изложение очень сжатое. Это портит общее, очень хорошее впечатление, которое оставляет учебник.

Бесспорным достоинством является введение описания технологических процессов, а также описание развития химической промышленности социалистического хозяйства. Но и здесь имеются недостатки. При описании технологических процессов автор в ряде случаев заявляет: «Даем упрощенную схему». Почему нужно давать не описание действительного современного процесса, с которым учащийся будет иметь дело, а упрощенную схему? Вряд ли здесь могут помочь ссылки на методические соображения.

Давая динамику развития социалистической промышленности, автор почти всюду ограничивается данными до 1932 г. Каждому ясно, что не дать представления о гигантском развитии нашей промышленности за последние два года—это значит не дать во всем объеме полного представления о ее мощности и перспективах дальнейшего развития.

Наряду с указанными недостатками имеется и ряд недочетов более частного характера, которые необходимо устранить в следующем издании.

На стр. 32 автор пишет: «Натрий, отдавая один электрон, обнажает электронную оболочку неона, а хлор, принимая один электрон, образует электронную оболочку аргона». Никакой оболочки аргона и неона здесь нет. Речь идет о том, что данное количество электронов и их расположение становятся такими же, как у атома неона или аргона, и кроме того лучше говорить при разборе электронной структуры о слое, а не об оболочке.

На стр. 33 автор, ссылаясь на модель Бора, пишет: «Правда, такая модель молекулы водорода, предложенная Бором, при проверке не оправдалась, но она показывает, как можно представить себе принадлежность электронов двум атомам». Если она не оправдалась, то, естественно, ничего показывать не может.

Автор прав, когда он говорит, что боровская модель помогает усвоению понятия ковалентных связей, ибо эта модель хотя и несовершенна, но дает приближенное представление о строении атома. Вот почему при элементарном знакомстве со структурой атома очень часто прибегают к помощи этой модели.

На стр. 35 автор неудачно формулирует свою мысль: «Для вещества состава C_4H_{10} можно предложить две формулы строения». Дело не в предложении, а в том, что на основании наших теоретических рассуждений и опытных данных о строениях органических соединений это вещество (бутан) отвечает двум формулам строения.

Стр. 63. «Согласно теории Вант-Гоффа, — пишет автор, — единицы валентности углеродного атома направлены к вершинам правильного тетраэдра, в центре которого расположен данный углеродный атом». Вряд ли можно говорить, что «единицы валентности направлены».

На стр. 90 автор утверждает, что «муравьиный альдегид является первым продуктом ассимиляции углерода зелеными частями растений» и «путем полимеризации CH_2O далее превращается в сахаристые вещества...» Это только гипотеза, выдвинутая Байером и поддерживаемая известным физиологом Вильштеттером, но утверждать, что процесс идет именно так, нет достаточных оснований, тем более, что существует ряд других гипотез (Бели, Тунберг и Вейгерт).

Стр. 113. Излагая модель Вант-Гоффа о тетраэдрическом строении углеродного атома, автор восклицает: «Так полно отображает стереохимическая теория объективную реальность». В действительности, модель остается моделью, и здесь может лишь идти речь о той или иной степени полного отображения объективной реальности моделью. Модель углеродного атома Вант-Гоффа, получившая экспериментальное подтверждение (рентгеноскопические снимки), еще не является полным слепком строения углеродного атома, а есть лишь только приблизительно верное отражение.

Такого рода выражения у автора не случайны. Для него модельное представление, повидимому, совпадает с действительностью. Например на стр. 112 автор сообщает: «Молекулы же различных слоев соприкасаются по плоскости спайности метилами, и эта связь непрочна. Этим и объясняется скользкость кристаллов жирных кислот и жиров». «А скользкость щелочей тоже этим объясняется?» — вот вопрос, который задает учащийся после такого объяснения.

На стр. 190, говоря о тростниковом сахаре, молочном и мальтозе, автор указывает, что состав этих сахаров выражается одной и той же формулой: $C_6H_{12}O_6$ (вместо $C_{12}H_{22}O_{11}$). Здесь, повидимому, грубая опечатка, не замеченная ни автором, ни редактором. Таких грубых опечаток имеется несколько. Так например формула бензола пишется не C_6H_6 , а C_6H_5 , или (стр. 126) автор пишет: «Что получится при действии на ангидрид масляной кислоты едкого кали? Написать уравнение». Здесь, видимо, тоже какая-то опечатка. Небрежность подобного же рода находим и на стр. 274. В таблице 11-й, в графе под заглавием «Растворимость в граммах на 100 г воды при 20°», автор сообщает о ряде веществ не при температуре 20°, а при температуре 25°, 35°, 40°. На стр. 293 автор приводит почему-то уравнение при получении хлорпикрина в отделе циклических соединений, так же как и его химическую характеристику (обычно хлорпикрин получается действием белильной извести на пикриновую кислоту, хотя есть и другие методы его получения). На стр. 219 читаем, что «атом азота имеет 3 внешних электрона». Какие же это внешние электроны? Если речь идет о валентных электронах, т. е. электронах валентной орбиты, то их не 3, а 5, а всего электронов у азота, как известно, 7. Откуда появляются «3 внешних электрона», известно одному автору.

Можно сделать ряд замечаний и по поводу языка, хотя нужно отдать справедливость автору, что с этой стороны учебник почти безупречен. Например на стр. 140 находим очень странную фразу: «Таким образом, получают вторичные спирты из пропилена и /бутилена коксовальных газов. Во Франции, небогатой нефтью, таким путем из этилена получают этиловый спирт». При чем тут Франция, небогатая нефтью, и этиловый спирт, остается неясным.

Каждый раздел учебника снабжен большим количеством вопросов и задач. Как правило, вопросы все составлены тщательно и продуманно. Однако и здесь необходимо сделать ряд замечаний: во-первых, вопросы слишком многочисленны (до 30—40 вопросов), во-вторых, есть ряд вопросов, неудачных и малопонятных. Так например на стр. 66 спрашивается: «В чем состоит закон остатков?»

Учебник Павлова хорошо оформлен начиная с переплета и кончая шрифтом. Текст снабжен большим количеством рисунков, схем, чертежей и графиков. Для полноты картины недостает фотографий известных химиков и отдельных, наиболее видных предприятий химической промышленности.

Переиздание учебника Б. А. Павлова, безусловно, необходимо приветствовать. Несмотря на ряд отдельных замечаний и методических промахов, особенно во второй части книги, учебник является как по изложению, так и по содержанию и оформлению одним из лучших учебников для техникумов. Кроме того учебник может быть полезен для небольших вузовских курсов (для педвузов нехимических отделений) и для общего ознакомления с основами органической химии.

В следующем издании (оно крайне желательно) необходимы еще более тщательная обработка материала, расширение и углубление его во второй части, а также полное освобождение учебника от элементов «рабочей книги».

С. БАЛЕЗИН

СООБЩЕНИЯ --- --- и ЗАМЕТКИ

От Института красной профессуры философии

ИКПФ в текущем учебном году провел перестройку всей системы подготовки организационно-методической и научно-общественной работы.

Введены систематические курсы лекций по истории древней, средневековой, новой и современной философии, по истории культуры, науки и литературы. Пересмотрена и уточнена тематика семинарской работы. Новый учебный план построен таким образом, чтобы дать слушателям всестороннее образование и высокую специальную подготовку.

По годам обучения учебный план строится следующим образом.

На первом курсе проходится история древней, средневековой и новой философии до XVIII в. включительно, история науки (математики, механики, физики и др.) по тем же эпохам, история культуры по эпоху Возрождения включительно и история литературы по XVIII в. включительно.

Кроме лекционного курса по древней и средневековой философии введен просеминар по досократикам, Сократу и Платону, по Аристотелю, по римской и средневековой философии.

По новой философии, кроме лекционного курса в семинарах изучаются Бэкон, Декарт, Спиноза, Лейбниц, Юм, французские материалисты. Гоббс, Локк, Беркли изучаются в просеминарии.

На втором курсе проходится новая философия: Кант, Гегель, Фейербах, Маркс—Энгельс (лекционный курс и в семинарах), буржуазная философия второй половины XIX в. (только лекционным путем), диалектический материализм—лекционный курс и 4 темы в семинаре: 1) Закон единства противоположностей, 2) Причинность, 3) Возможность и действительность, 4) Критика формальной логики; лекционные курсы по истории науки и истории литературы XIX в.

На третьем курсе проходится современная буржуазная философия (лекционный курс и одна тема в семинаре—фашистская философия), исторический материализм (лекционный курс и 5 семинарских тем), лекционные курсы по истории социологических учений и истории русской философии. Кроме того проводится курс лекций по проблемам современной математики, физики, химии, биологии.

Тематика второго курса (диалектический материализм) и особенно третьего курса (исторический материализм) строится на проблемах современности.

Все программы, вся лекционная и семинарская тематика построены таким образом, чтобы каждый слушатель получил глубокую историческую подготовку и чтобы вся его работа базировалась на изучении работ Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, на изучении первоисточников и конкретных материалов современной действительности. Особое внимание обращено на изучение иностранных языков, причем применяются активные методы их изучения. Уже со второго курса вводится обязательное изучение иностранных источников при проработке соответствующих тем в семинарах. На третьем курсе слушатели пользуются иностранными источниками наряду с другим основным материалом.

Некоторые изменения внесены и в военную подготовку слушателей. Методическая работа в ИКПФ также перестроена. Соответственно годам обучения разработаны систематические требования к работе слушателей и к развитию навыков в научно-исследовательской работе.

На первом курсе устные и письменные доклады отменены. Слушатели делают выступления на конференции по предварительно разработанным тезисам.

На втором и третьем курсах пишутся доклады и тезисы к выступлениям. Значительно повышена активная роль руководителей в работе семинаров. К работе привлечены квалифицированные силы: проф. Митин, Луппол, Досев, Гессен, Кольман, преподаватели: Ситковский, Адамян, акад. Деборин, проф. Асмус, Никольский, Дживелегов и др.

В связи с усложнением работы и значительным повышением требований к слушателям проводится систематическое изучение самостоятельной работы, учет и изучение общей нагрузки слушателей, которые ведут большую педагогическую, пропагандистскую и другую работу вне Института.

Итоги первого полугодия целиком оправдывают проведенную перестройку системы и программно-методической работы в ИКПФ.

Вполне удовлетворительные результаты испытаний по истории древней и средневековой философии на первом курсе, по истории новой философии на втором курсе и по иностранным языкам на всех курсах свидетельствуют также о большой работе, проведенной профессорско-преподавательским составом и слушателями ИКПФ.

В настоящее время начата подготовка к новому набору в ИКПФ. Проведение набора слушателей в прошлом году на основе значительно повышенных требований к ним целиком себя оправдало, поэтому и в этом году поступающие в ИКПФ должны также, кроме установленного партстажа, руководящей работы и других данных, удовлетворять требованиям высшего образования: обладать знаниями гражданской истории, истории новой философии, диалектического и исторического материализма, политической экономии, истории ВКП(б). Поступающие должны знать все основные работы классиков марксизма: Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Подробный список литературы будет опубликован. Повышенные требования будут предъявлены к поступающим в отношении знания иностранных языков и в отношении вступительных работ.

Для всех желающих поступить в ИКПФ при Институте организуется консультация по вопросам об условиях приема, вступительных работах и подготовке к приемным испытаниям, поэтому им необходимо заранее связаться с Институтом по адресу: Москва, Кропоткинская ул., д. 10.

**ИНСТИТУТ КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ
ФИЛОСОФИИ**

От Центрального Архива Красной Армии

По инициативе народного комиссара обороны СССР тов. Ворошилова Центральный архив Красной армии приступил к собиранию и выявлению архивных материалов о погибших героях гражданской войны и Красной армии.

Эти материалы будут использованы для издания ряда художественно-исторических сборников о погибших героях.

В первую очередь будут изданы сборники, посвященные памяти героев, погибших во время следующих боевых операций:

«Перекоп» (ноябрь 1920 г.).

«Оборона Царицына» (июнь 1918 г., июль 1919 г.).

«Москва в Октябре» (октябрь 1917 г.).

«Оборона Петрограда» (март—ноябрь 1919 г.).

«Погибшие герои 1-й конной армии и Восточного фронта».

Значительное количество документов, необходимых для этой цели, еще не поступило в указанный архив и находится у участников гражданской войны и других лиц.

Прошу все воинские и военно-морские части и соединения РККА, воинские землячества, общества красногвардейцев и красных партизан, старых большевиков и политкаторжан, всех участников гражданской войны, членов профсоюза, членов Осоавиахима, членов Домов Красной армии и флота, краеведов, туристов и всех трудящихся СССР выслать в Центральный архив Красной армии (по адресу: Москва, 33, Б. Андроньевская ул., д. № 22) имеющиеся в их распоряжении все материалы (как например дневники, биографии, автобиографии, подлинные письма, приказы, фотоснимки, газеты, брошюры, книги, воззвания, донесения и т. п.), могущие помочь освещению подвигов, жизни, гражданской и военной деятельности героев, павших на полях сражений, умерших от ран и болезней во время гражданской войны и в особенности награжденных орденами Красного знамени, почетным революционным оружием и другими наградами за боевые отличия, а также героев гражданской войны, погибших и умерших после гражданской войны.

Если имеются другие документы, относящиеся к истории гражданской войны, Красной гвардии, РККА, к красным партизанам или белым армиям, просьба выслать и их в тот же Архив.

Почтовые расходы по пересылке документов будут возмещены Архивом.

Прошу всех председателей Бюро землячеств заверять все материалы о героях, отправленные в ЦАКА.

Директор ЦАКА З. ШИРИНСКИЙ
Руководитель группы выявл. ГГВ
Научный сотрудник АНАГЬЕВ

В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА»

Уважаемые товарищи!

В статье «Философское развитие Маркса и Фейербаха», опубликованной в № 3 журнала за 1934 год, по вине автора на стр. 51 (15-я строка) выпали слова: «казалось бы». Поэтому приведенную там фразу нужно правильно читать так: «Эта некоторая переоценка Фейербаха заключается, казалось бы, например и в том, что Маркс принимает в качестве отправного пункта в политической борьбе «человека» Фейербаха».

В. СВЕТЛОВ

Редакционная коллегия
журнала „ПЗМ“

{ В. В. Адоратский, М. Б. Митин, Э. Кольман, П. Ф. Юдин, А. А. Максимов, А. М. Деборин, А. К. Тимирязев.

**В НАЧАЛЕ МАЯ
ВЫЙДЕТ № 2 ЖУРНАЛА
„ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА“**

со следующим содержанием:

Передовая — Развитие колхозного строя и новый устав с.-х. артелей.

Дворкин И. — Изменения в советской конституции и II интернационал.

Каммари М. — «Философия права» Гегеля.

Светлов В. — Проблема классов у Адама Смита и Рикардо.

Розенблюм О. — О логике «Капитала».

Луппол И. — К вопросу о политических взглядах Робинз.

Ситковский Е. — Кондильяк и его «Трактат об ощущениях».

Максимов М. — «Философия природы» Гегеля.

Лепешинская О. — Фило- и онтогенез клетки.

С НАУЧНОГО ФРОНТА

Саркисов — Работа Института мозга при Ученом комитете ЦИК СССР.

Вендровский В. — Работа Института экспериментальной биологии.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Константинов Ф. — О книге Луппола «Дидро».

Реуэль А. — Рецензия на XV том М. и Э.

Златов М. — Проф. Мейстер. Критический очерк основных понятий генетики.

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

ПРОДОЛЖАЕТСЯ **1935** ГОД
ПОДПИСКА НАНА ДВУХМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ И
ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ**ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА**

14-й ГОД ИЗДАНИЯ

Журнал выходит под редакцией: Адоратского В. В., Митина М. В., Кольмана Э., Юдина П., Максимова А. А., Деборина А. М., Тимирязова А. К.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА» — боевой орган марксизма-ленинизма — ведет решительную борьбу за генеральную линию партии, против всяких уклонов от нее, проводя последовательно во всей своей работе ленинский принцип партийности философии.

В области философии журнал «ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА» ведет неуклонную борьбу на два фронта с механистической ревизией марксизма, с меньшевистствующим идеализмом и со всякого рода вульгаризаторством и упрощенчеством в марксистской теории.

Важнейшей задачей «ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА» являются действительное выполнение намеченной для него Лениным программы, разработка ленинского этапа развития диалектического материализма, освещение материалистической диалектики в работах т. Сталина, беспощадная критика всех антимарксистских и, следовательно, антиленинских установок в философии, общественных и естественных науках, как бы они ни маскировались.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА» разрабатывает теорию материалистической диалектики, вопросы исторического материализма в тесной связи с практикой социалистического строительства и мировой революцией.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА» объединяет для выполнения этих задач воинствующих материалистов-диалектиков, систематически выращивая большевистски выдержанные философские кадры.

«ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА» имеет постоянные отделы: Ленин и ленинизм, материалистическая диалектика, исторический материализм, история материализма, история социализма, критика фашизма и социал-фашизма, отдел теоретической экономики, теории советского хозяйства, естествознания и техники, литературы и искусства, психологии; антирелигиозный отдел, дискуссионный отдел, отдел работы семинаров ИКП; критика и библиография; отдел переписки с читателями, сообщения и заметки.

«ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА» рассчитан на активных работников партии, научных работников общественно-экономических и естественных дисциплин, преподавателей и слушателей комвузов, вузов, рабфаков, марксистских кружков, товарищей, занимающихся самообразованием, и т. п.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА 1935 ГОД:

на 1 год — 18 руб., на ¼ года — 9 руб., на 2 мес. — 3 руб.

Цена отдельной книжки 3 руб.

Подписка принимается всеми почтовыми отделениями, конторами «Союзпечати», всеми письмоносцами, книжными магазинами Когиза и организаторами подписки на предприятиях и в учреждениях.